

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
Современные исследования

Редакционный совет:

Булдаков В.П.

доктор истор. наук

Вишневский А.Г.

доктор эконом. наук

Горшков М.К.

академик РАН,
председатель

Давыдов А.П.

доктор культурологии
зам. председателя

Иванов А.Е.

доктор истор. наук

Туманова А.С.

доктор истор. наук
доктор юр. наук

Федотова В.Г.

доктор филос. наук

Яковенко И.Г.

доктор филос. наук

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

Л.М. Дробижева

ЭТНИЧНОСТЬ
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Опыт 20 лет

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2013

УДК 323.1(470+571)

ББК 66.3(2Рос),5

Д75

Дробижева Л.М.

Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. / Л.М. Дробижева. – М.: Новый хронограф, 2013. – 336 с. – (Российское общество. Современные исследования). – ISBN 978-5-94881-211-3.

На основе результатов многолетних социологических исследований в республиках Российской Федерации и общероссийских опросов в книге показано как проявляла себя этничность в политических проектах и институциональных формах, в практических взаимодействиях людей и в их повседневных установках и ориентациях.

В книге рассмотрено как менялись теоретические подходы к пониманию идентичностей, места этничности в социальных и политических отношениях, насколько недавнее историческое прошлое, предшествовавшее переменам 1990-х годов, отражалось на проектах стратегии политики в сфере этничности и межэтнических отношений в новой России, какие интересы выражал федерализм в 1990-е и 2000-е годы, что из опыта 1990-х годов нельзя забывать и как он проявляет себя во втором десятилетии 2000-х годов. В книге показано формирование российской идентичности и насколько она является ресурсом для межэтнического согласия.

Агентство СІР РГБ

ISBN 978-5-94881-211-3

© Дробижева Л.М., 2013

© Институт социологии РАН, 2013

© Издательство «Новый хронограф», 2013

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПОИСКИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ	
Динамика в понимании концепций изучения этнически маркированного социального пространства	13
Проблемы идентификационных побуждений	19
УРОКИ, КОТОРЫМИ НЕЛЬЗЯ ПРЕНЕБРЕЧЬ	
Этничность в советском прошлом: опыт последних двух десятилетий	29
Образы национализма в вариантах демократизации республик Российской Федерации 1990-х годов	88
Завоевания демократии и этнонациональные проблемы в России	129
Национализмы остаются. Вопрос – какими они проявляют себя?	149
Социальный ресурс федерализма в России к середине первого десятилетия XXI века	161
ПОИСКИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ	
Социальные и политические условия формирования толерантности в российском обществе	170
Общее и особенное в формировании межэтнической толерантности в условиях регионального разнообразия России	194
Многомерный подход к изучению социальной дифференциации этнических групп	211
Проблемы неравенства в этносоциальном пространстве России	216
Интеграционные установки принимающего большинства как условие адаптации мигрантов	237

Мифы и реальность современного полиэтнического общества	249
Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе	260
ИНТЕРВЬЮ Л.М. ДРОБИЖЕВОЙ	
Интервью Г.С. Батыгину	
«Я всегда находилась в процессе самообучения...»	285
Интервью Г.К. Комаровой	
«Наука – это жизнь и призвание»	301
ПРИЛОЖЕНИЯ	314

Предисловие

Наиболее привычной формой подведения итогов социологических исследований бывают книги, обобщающие работу коллективов над проектами. Такие коллективные работы выпускались и мною вместе с моими коллегами из Москвы, республик и областей РФ¹. Но в какой-то момент есть потребность повторно осмыслить то, что тебя особенно волновало и волнует теперь и поделиться этим с научным сообществом.

Тексты этой книги возвращают нас к осмыслению оставшихся актуальными до сегодняшнего дня прошлых проблем. Не скрою, выделение этих проблем в значительной мере происходило под влиянием работы над «Стратегией национальной политики», которая готовилась в 2012 г. по Указу Президента РФ² и ее обсуждения в научной и общественной среде.

Тексты, включенные в книгу, имеют ту особенность, что они были написаны в условиях, когда в социологии и этнологии активно обсуждались новые подходы к пониманию этничности, национализма, этнической дискриминации, социальной и культурной дистанции, ксенофобии. Публикуемые результаты исследований отражали, как эти новые подходы реализуются в жизненной практике, воспринимаются обществом.

Одним из главных новых подходов был конструктивистский подход, который связывают с работами П. Бергера и Т. Лукмана. Реализация этого подхода в понимании этничности очевиднее всего связана с интерпретациями этнической идентичности.

Проверив его при реализации Проекта «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» в Северной Осетии (Алании), Татарстане, Туве и Саха (Якутии)

¹ Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. – М.: Институт социологии РАН, 1998 г. // Отв. ред. Л.М. Дробизева; Неравенство этнических групп. Представления и реальность. – М.: Academia, 2002 г.; Российская идентичность в Москве и регионах. – М.: Макс-Пресс, 2009 г.

² Указ Президента Российской Федерации «Об обеспечении межнационального согласия» от 07 мая 2012 г. № 602. П. 1 б.

мы пришли к выводу: конструктивистский подход работает, но он недоучитывает двух обстоятельств – значимости нравственных, эмоциональных, аффилиативных факторов³ и, лишенный исторических подходов, не объясняет, почему одни идеи «конструкторов» – «этнических предпринимателей» легко формируют представления людей, солидаризируют их, а другие остаются незамеченными.

На необходимость более реального понимания подхода Т. Лукман предупредил ученых в интервью Журналу социологии и социальной антропологии (2002 г., № 4)⁴, сказав: «Социальное конструирование реальности... не является конструктивизмом, особенно в том смысле, который ныне так распространен». И дальше он рассказывает, что концепция основывалась на идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии Вебера и социальной психологии Дж. Мида, феноменологии, разработанной Гуссерелем и Шютцем. Синтезированному подходу мы учились у В.А. Ядова.

Вот почему в книгу включены статьи первого раздела, в которых нашли отражение теоретические поиски в понимании основных для этносоциологии проблем. Исходя из сегодняшних дискуссий, это, прежде всего, проблемы формирования и динамики общероссийской и этнической идентичности.

Власть и общество озабочены укреплением общегражданской идентичности, скрепляющей наше страновое полиэтническое пространство. В то же время активные акторы из республик, из национально-культурных обществ обеспокоены сохранением своей этнической идентичности. Они обсуждают не является ли стремление укрепить российскую идентичность попыткой заменить ею этничность людей. В этих условиях представить общественности результаты конкретного изучения распространенности российской и этнической идентичности в стране в целом и в регионах нам казалось важным. Но также было интересно на чем базируются эти идентичности. Ведь именно ответ на этот вопрос давал основание делать вывод – заменяют эти идентичности друг друга или могут взаимодополнять. Поэтому в книгу мы включили тексты, отражающие результаты исследований, дающие ответы на эти вопросы.

³ Этот вывод мы изложили в книге: *Дробизева Л.М. Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Мысль, 1996 г. С учетом повторных исследований об этом писала С.В. Рыжова в книге «Этническая идентичность в контексте толерантности». – М.: Альфа-М, 2011 г. С. 56, 70.

⁴ Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал Социологии и Социальной антропологии 2002 г. Т. V. № 4. С. 7–8.

Обратим внимание, что в ходе исследований мы сделали выводы не только о несовпадающих основаниях общероссийской и этнической идентичности, но и о том, что первая ещё не может быть охарактеризована, как гражданская идентичность. Это идентификация с государством, в котором живут люди, лояльность ему. Но у какой-то части населения это также идентификация с общими для страны ценностями, чувство ответственности за дела в стране, представление о себе как о людях, ответственных за происходящее в стране, а не выполняющих лишь волю её власти. Поэтому нами было введено понятие государственно-гражданской идентичности, что более соответствует Лукмановскому подходу к пониманию такой идентичности.

Понять этническую (этнонациональную) идентичность, её пространственность, чувственную её сторону, взрывы её актуализации помогает обращение к истории межэтнических взаимодействий в советское время и период трансформаций. Поэтому в книге выделен раздел, в который включены тексты, написанные по истории 2-х десятилетий предшествовавших распаду Союза и первого десятилетия Новой России.

В них представлен тот опыт, которым нельзя пренебречь, который нельзя забыть. Это и национальные движения конца 80-ых – начала 90-ых годов, и опыт пережитых подъёмов национализма разного типа. Не просто тех явлений, в которых проявляется негативизм к людям другой национальности, непризнание равенства людей различающихся по культуре и цвету кожи (так у нас определялся национализм в советское время), а так, как его понимают в современной науке – как идеологию, представление о том, что интересы народа (этноса, этнонации) выше всех других интересов и стремление к «политической крыше» по Э. Геллнеру и, возможно, к большей самостоятельности. Национализмы на постсоветском пространстве были разными по идеологии, политике и отличались в социально-политической практике. И мне хотелось напомнить об этом, чтобы внести лепту в искоренение однотипного клеймления национализма в нашем публичном пространстве (в том числе и приравнивание его к нацизму). Этнический и гражданский национализмы не исчезли в Российском пространстве. Это стало совершенно очевидно в ходе избирательной кампании 2011–2012 гг., и напомнило о себе в ходе обсуждения «Стратегии национальной политики». Для этого достаточно взглянуть на отклики, в которых авторы убеждают разработчиков проекта, сказать о том, что Российский федерализм предусматривает сохранение *национальных* республик, что нации (в этнокультурном значении) нельзя отменить по воле конструкторов.

«Никакая власть и никакая политическая элита не вправе определять, какой народ имеет право на собственную национальную государственность, какой только на национально-культурную автономию, а кому из народов не полагается ничего. Решение по этому вопросу должен принимать сам народ исходя из собственных потребностей и реальных возможностей» – пишет специалист по федерализму М. Фарушкин⁵.

Национально-территориальный принцип позволяет реализовать нации (в этнокультурном понимании) свое право на самоопределение, напоминает он. Тактичный политик М. Шаймиев на конференции в связи с 20 летним юбилеем принятия Конституции Татарстана упрекнул «часть депутатов партии “Единой России”» и «отдельные федеральные структуры» в имперском мышлении, поскольку нарушаются права республик. Интернет взорвался откликами по поводу того, о чем многие думали, однако обычно молчали. Но другие комментаторы обращали внимание на положения действующей Конституции, в которой определения «национальные республики» *нет*, они названы просто республиками, как субъекты Федерации.

Острота дискуссии выросла после публикации предложений М. Прохорова об экономической целесообразности изменений административного деления страны и выступления ректора Дагестанского Института экономики и политики А. Дебирова в газете «Известия»⁶ о губернизации, в частности создания Приэльбрусья, как территориально-административного образования, в которое вошли бы Северо-Кавказские республики. В этой ситуации необходим политический диалог, в котором будет и этническая составляющая в аргументации. Пресса заговорила об окончании политического застоя в регионах⁷.

Очевидно, вести этот диалог целесообразно не только учитывая эмоции и аргументы из исторического прошлого, но и прибегая к помощи признанных в мировой практике референдумов, социологических опросов.

В текстах, включенных во второй раздел книги показано, как это уже происходило в Российских реалиях.

Репрезентативные опросы фиксируют довольно высокий уровень этнического самосознания в стране – в 2011–2012 гг. В целом по России чувствовали связь с людьми своей национальности **в значи-**

⁵ См. Фарушкин М. Стратегия и баланс интересов // Звезда Поволжья. 8 ноября 2012 г. URL: <http://www.zvezdapovolzhya.ru/politica/> и др.

⁶ Известия. 16 ноября 2012 г.

⁷ Новая газета. 7 ноября 2012 г. С. 5.

тельной мере 51% респондентов, в Башкортостане – 55% башкир и 49% русских, в Саха (Якутии) 72% саха (якутов) и 46% русских, в Татарстане 80% татар и 73% русских⁸. Естественно, в этих условиях актуальной была проблема общероссийской солидарности и межэтнического согласия. Изучению интеграционных процессов в стране, в том числе межэтнической толерантности было посвящено несколько исследований Отдела Этносоциологии Центра исследований межнациональных отношений ИС РАН. Они нашли отражение в опубликованных и готовящихся к изданию книгах⁹, где есть и мои авторские части, в том числе о проверяемых в Проектах идеях и гипотезах. Здесь же – в третьей части книги включены тексты на эти темы, которые прошли малым тиражом, вошли в книги по другим родственным социологии дисциплинам, или не были опубликованы у нас в стране, и не нашедшие отражение на сайтах.

И лишь последний текст о ресурсе межнационального согласия и порогах интолерантности, хоть и был опубликован недолго, включен по причине того, что эти проблемы представляются мне особенно важными и занимали меня на всем протяжении исследовательской практики.

Сюжеты, затронутые в нем о характере нашей российской идентичности, продолжают обсуждение вопросов поднятых в работах Л.Д. Гудкова, Ю.А. Левады, В.А. Тишкова, ещё в 90-ые годы. Сейчас как показывают опросы казалось бы многое изменилось в массовом общественном сознании, но интерпретации его остаются полем острых дискуссий. Обсуждение «Стратегий национальной политики» это ещё раз подтвердило. Не всеми реально осознается соотношение государственно-гражданской и этнической идентичности, возможность множественной, динамичной идентичности у людей, об отличающейся идентичности в разных этноконтактных средах – то что мы вместе с С.В. Рыжовой, Г.У. Солдатовой, А.О. Коростылевым начинали обсуждать, ещё работая над первыми проектами по этой теме в 90-ых годах.

⁸ Данные опросов по России из Проекта 20 лет реформ глазами Россиян (рук. М.К. Горшков). См.: 20 лет реформ глазами Россиян. – М., 2011. Отв. ред. М.К. Горшков, Р. Крумм, В.В. Петухов. С. 214. Данные по республикам из проекта «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции Российского общества», рук. Дробижева Л.М.

⁹ Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. редактор Дробижева Л.М. – М., 2009 г.; Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформаций. – Киев, 2007. Под ред. Л. Дробижевой и Е. Головахи.

Наконец, межэтническая толерантность/интолерантность, то что в нашей исследовательской практике мы называем межэтническими установками остается остро чувствительной проблемой, несмотря на все прогнозы специалистов по глобализации о нисходящей значимости этничности. Разработка этой темы одна из основных в этносоциологии. В ней есть и психологические, и культурные, и политические аспекты, но для социологов фокус всегда сосредотачивался на социальных позициях и интересах контактирующих групп.

Разработка социальной дифференциации этнических групп, начатая в отечественной науке Ю.В. Арутюняном в 70-е годы, в период трансформаций существенно осложнилась в связи с обновленными критериями стратификации. К сожалению, разработка проблем неравенства в социально-этническом пространстве России пока недостаточна. В надежде, что мы сумеем привлечь внимание к этой теме в книгу включены тексты, представляющие накопленный опыт в ее разработке.

Сам баланс согласия и нетерпимости в обществе меняется с переменами социально-экономического, культурного и политического контекста, но зависит он и от состояния гражданских, нравственных позиций в обществе, поэтому обсуждение его идет во всем мире и на «добытках знания» лежит особая ответственность.

Я благодарна всем моим коллегам, в сотрудничестве с которыми мы выполняли проекты с 90-х гг. до 2012 г., большинство из которых становились моими друзьями и друзьями команды – Отдела этнической социологии ИС РАН, моим коллегам из других подразделений Института социологии, которые обогащали нас своим опытом.

Я с благодарностью вспоминаю моих коллег из Института этнологии, где началась моя творческая работа и где пока меня не забывают.

Благодарности моим учителям и ученикам я выразила в интервью, включенных в текст книги.

Большой опыт использования результатов наших научных исследований я получила в ВУЗах, где мне доводилось читать курс «этносоциологии», прежде всего в НИУ, ВШЭ и РУДН, и курс «истории межнациональных отношений» в РГГУ.

Книга не могла быть выпущена, если бы руководство Института социологии РАН не создавало обстановку свободного творческого поиска и взаимопонимания с сотрудниками, за что я искренне благодарна.

Выражаю благодарность М.А. Перебоевой и Т.М. Виноградовой за помощь в подготовке рукописи книги.

Поиски концептуальных подходов

Динамика в понимании концепций изучения этнически маркированного социального пространства

Тема идентичностей – одна из наиболее реагирующих на политические перемены в стране и в мире в целом. Каждый раз с изменением политической ситуации, исходя из теории символического интеракционизма, теории ролей, социальной категоризации выбираются те концепты, которые интерпретаторам – политикам или политологам – кажутся наиболее приемлемыми для их проектов. Не является исключением и проблема взаимодействия и акцентации государственной, гражданской и этнической идентичности.

Этнические вызовы конца 1980-х – 1990-х годов ушедшего столетия стимулировали внимание к причинам роста этнической идентичности, ее содержанию и типам (норма, этноцентризм, этнодоминирование, этнофанатизм, этнонигилизм, амбивалентность). В тот период важно было показать, что рост этничности, самосознания у национальностей имеет объективные и субъективные причины, что позитивная идентичность не представляет опасности для общества, а угрозы исходят от гипертрофирования этнической идентичности, нацизма и надо искать их причины.

В 1970-е годы и начале 1980-х в научном мире обсуждались главным образом содержание понятия «национальное (в значении этнонациональное) самосознание» и его структура. В.И. Козлов в период дискуссии о понятии нации в журнале «Вопросы истории», отстаивающий идею о национальном самосознании как признаке нации, понимал под ним отождествление людей, принятие принадлежности к данному сообществу ((феномену)). Ю.В. Бромлей ввел узкое и широкое понимание обсуждаемого термина. В узком значении слова он считал возможным понимать под этническим или этнонациональным самосознанием отнесение человеком себя к тому или другому народу, а в широком значении понималось не только само-

отнесение к национальности, но и представление о ней (автостереотипы), ее языке, культуре, истории, территории и государственности, если она была¹.

Этносоциологи, изучая этническое самосознание, операционально выделяя его элементы, на основании широкого бромлеевского понимания включали в него, кроме того, и интересы, осознаваемые личностью, группой как этнические, национальные (в значении национальности). Посылком для такого понимания были выводы психологов, которые выделяли в самосознании три группы элементов – когнитивные, эмоциональные и регулятивные. Регулятивные элементы, приводящие к действиям в связи с самосознанием, как раз и не могут функционировать, если личность не осознает некоторых интересов, ассоциирующихся со своей личной идентичностью или идентичностью того народа, к которому она себя относит².

События конца 1980-х и начала 1990-х годов прошлого столетия на советском и впоследствии постсоветском пространстве существенно изменили концептуальные подходы к пониманию этничности и ракурс интереса. Этническое самосознание стало чаще называться идентичностью, как на Западе, хотя социальные психологи видят некоторое различие между этими понятиями (С.В. Рыжова, Г.У. Солдатова), акцентируя в идентичности культурно-психологические составляющие, а в самосознании – и социально-политические.

По другому исследователи стали оценивать роль самосознания в связи с распространением конструктивистских подходов к этничности. Представления о своей национальности при этом подходе, также как этническая солидарность, без чего невозможна общность, как раз и являются ее «соединительной тканью». Таким образом, в рассмотрении этничности роль самосознания, идентичности существенно возросла³. Она стала предметом рассмотрения как индикатор межэтнической напряженности. Внимание к ее содержательному наполнению, интенсивности выросло, так как связывалось с распространением идей национализма в значении приоритета интересов народа по отношению к интересам личности и стремления к максимально возможной самостоятельности (сепаратизм, сецессия).

¹ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М., 1972; Очерки теории этноса. – М., 1983.

² Дробижева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. № 5.

³ Дробижева Л.М. Ценности и символы в контексте новых концепций этничности // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. – М., 1994. С. 9–10.

В стремлении к снижению актуализации этничности ряд российских ученых, и, прежде всего, В.А. Тишков стали акцентировать идею дрейфа идентичности, в том числе, и даже, прежде всего, этнической идентичности и переключения внимания населения с этнической идентичности на осознание государственной – российской идентичности, подчеркивая значение этой общегосударственной идентичности и необходимость активных усилий по ее формированию.

В начале XXI в., когда актуальная опасность сецессии (выхода каких-то территорий из состава государства) миновала, а сепаратизм в целом по стране (не считая некоторых районов Северного Кавказа) не грозил, встали другие проблемы – борьбы с проявлениями терроризма, с ростом ксенофобий и экстремизма. В этих новых условиях востребована гражданская идентичность, гражданское сознание и поведение.

Здесь важно обратить внимание на разное значение одних и тех же терминов, понятий. Во Франции, Великобритании, США, Швейцарии рождение политической нации связано с идеями демократии, суверенитета самоуправляющегося народа. Американская исследовательница Лия Гринфельд в часто цитируемой ныне книге «Национализм: пять путей к современному обществу»⁴ характеризует суверенность нации как независимость, самоуправляемость общности, которая выводит свою свободу из свободы и достоинства личности (французские просветители требовали передачи суверенитета монархией народу). Достоинство и свобода воплощаются в политических институтах. Э. Паин, иллюстрируя этот подход, приводит определение Р. Эмерсона: «Нация (общество) стремится овладеть государством как политическим институтом, с помощью которого она может защитить и утвердить себя»⁵. По сути, это тип государств с либеральной демократией, где государство – для народа. Потому государственная идентичность практически совпадает с гражданской.

Иная традиция складывалась в России. Государство и в дореволюционной России и в Советском Союзе характеризовалось высоким уровнем централизации и иерархизации власти и населения (в сравнении с конституционными и впоследствии с демократическими государствами), не дававшими возможности самоорганизации обще-

⁴ Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. – Cambridge, MA, 1992.

⁵ Emerson R. From Empire to Nation. The Rise of Self Assertion of Asian and African Peoples. – Cambridge, 1960. P. 96. Цит. по: Паин Э.А. Этнополитический маятник. – М., 2004. С. 64–65.

ства, противопоставлявшем принцип гражданства принципу подданничества власти⁶.

В силу сложившегося исторического шлейфа восприятий и представлений в России принципиально важно различать государственное и гражданское самосознание. И в этом отличие российской ситуации от французской или ситуации в США, Швейцарии, где формирование политической нации-государства связано со становлением самоуправляющегося народа. Там государственная и гражданская идентичности сложились как эквивалентные равнозначные понятия, а у нас они не могут не различаться. Государственная – российская – идентичность, за которую давно активно ратует известный российский ученый В.А. Тишков, складывается значительно проще и поэтому быстрее, чем гражданское самосознание россиян. Первая формируется политической волей лидера, политической элитой, политическими антрепренерами, посылающими идеи, интерпретирующие государственность, державность. Имея в руках СМИ, возможность влиять на образовательную систему, изобретение и внедрение символов и знаков, сделать это возможно в исторически короткие сроки (особенно, если не пренебрегать этническими чувствами в полиэтнической стране, учитывать политические настроения при выборе флага, гимна, герба, формы войсковых соединений и т. п.). В 1992 г. при опросах москвичей – столичных жителей не более одной пятой идентифицировали себя как россияне⁷, а в начале XXI в. даже в ряде самых отдаленных районах 80% населения имели такую государственную идентичность, а в целом по России до 65% населения (2006 г.). Намного сложнее с формированием гражданского самосознания, которое связано с комплексом социально-психологических предпосылок в обществе, с заменой исторически сложившихся представлений у громадного большинства населения, переориентацией его с патерналистских настроений на деятельностьную самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. Различение государственного и гражданского сознания в России еще только начинает происходить⁸.

⁶ Историки, разрабатывающие на современном уровне проект «империя» обращают наше внимание на то, что империя отличается отнюдь не только захватом и удержанием территорий, но автократией, утверждением принципа подданничества.

⁷ Опросы проводились Отделом этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН, рук. исследования – Ю.В. Арутюнян.

⁸ Дробизева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость / Россия реформирующаяся. – М., 2002. С. 242. Данные на

Этнополитолог Э.А. Паин дискутирует с В.А. Тишковым по вопросу понимания нации в этой связи как «государственной общности»⁹. Он считает, что назвать «российское согражданство нацией и приучить людей к употреблению такого термина» не решит еще проблемы формирования политической нации как гражданского общества, «овладевающей государством как своим орудием» (по Р. Эмерсону)¹⁰. Это невозможно именно без гражданского (а не просто государственного) самосознания.

Специальные репрезентативные исследования, изучающие формирование гражданского самосознания пока не проводились. Мы располагаем лишь материалами глубинных интервью с представителями элитных групп, в которых затрагивались проблемы государственного и гражданского сознания. Но то, что такое разделение уже начинает осознаваться, мы можем фиксировать. Приведу выдержку из интервью Юрия Арабова – поэта, писателя, известного как соавтора режиссера А. Сокурова, единственного сценариста, получившего приз Каннского фестиваля за сценарий фильма «Молох». «Современный мир бросает вызов России – вызов заключается в следующем: сумеет ли нация (ясно, что имеется в виду нация в западноевропейском понимании как гражданское сообщество) самоорганизоваться ... Что такое гражданин? Человек, который умеет отвечать за себя и своих близких, а уже потом он начинает отвечать за дела государства»¹¹.

Представительные социологические опросы позволяют рассмотреть динамику множественных идентичностей, подвижность в их содержательном наполнении, а глубинные интервью помогают понять смысловое наполнение выборов, их значения. Поскольку в проведенных нами исследованиях в количественных измерениях фиксировалось государственное и этническое самосознание, мы остановимся, прежде всего, на их соотношении. При этом еще раз подчеркнем, что мы различаем государственное и гражданское самосознание, но также понимаем, что между ними нет пропасти, и даже в наших российских условиях они в чем-то перекрещиваются, особенно в условиях «демократического перехода»¹².

2006 г. по Российскому мониторингу экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ, RLMZ) Института социологии.

⁹ Паин Э.А. Указ. соч. С. 65.

¹⁰ Там же.

¹¹ Независимая газета. 2005 г., 3 июня. С. 14.

¹² Многотысячные демонстрации 1990-х годов в поддержку демократизации, электоральные голосования свидетельствовали о пробуждении ответственности за судьбу страны, народа.

Методологически можно выделить несколько подходов к исследованию идентичности, существующих в социологии и социальной психологии. Согласно когнитивистскому подходу в основе идентичности лежит процесс социальной категоризации, структурирующий внешнюю социальную реальность и распределяющий социальные объекты и людей по группам или социальным категориям (Г. Тэшфел). Социальная категоризация и социальное сравнение, а также эмоциональные последствия данного сравнения формируют собственно социальную идентичность личности.

Мотивационный подход к исследованию идентичности предполагает, что в основе формирования идентичности лежат потребности человека и группы – в безопасности, сохранении достоинства, принадлежности, в присоединенности, в авторитете и др. Этот подход разрабатывается в русле психоаналитических (Э. Эриксон, Г. Либкайнд), подходов и гуманистической психологии (например, А. Маслоу, Г. Кантрилл). Плодотворным для нас является подход В.А. Ядова, согласно которому социальную идентичность и идентификационные побуждения следует рассматривать в русле тех концепций и теорий, которые наиболее адекватны анализируемой ситуации. При анализе символов гражданской и этнической идентичности и солидарности, стратегий идентификаций по критериям государственной принадлежности и гражданства, наиболее плодотворными будут когнитивистский и деятельностный (Э. Гидденс, А. Леонтьев, П. Штомпка, В. Ядов) подходы к исследованию идентичности.

Для изучения социальной и культурной дистанции и уровня толерантности, помимо традиционно используемых работ (Г. Хофстед, Э. Богардус), мы адаптируем к российским условиям работы М. Хардинга 1981, Т. Петтигрю по проблемам идентичности и межкультурных отношений, исследования на основе концепции символического интеракционизма, теории ролей (Х. Беккер и др.), теории множественной идентичности (И. Гофман, Х. Абельс). Мы используем также концепцию демократического транзита Ф. Шмиттера и А. Мельвиля, концепцию интегральной демократии Т. Сиска.

В наших исследованиях делалась попытка в известной мере соединить социально-психологический и идеологический уровни изучения идентичности. Но в целом доминировал социологический ракурс.

Проблемы идентификационных побуждений

В 1990-е гг. под руководством В.А. Ядова были проведены исследования социальных идентификаций¹³, продолженные в 2000-е гг. Анализ уже первых данных, полученных еще в 1992 г. давал основания говорить об идентификационных побуждениях, связанных с формированием нового политического и социального пространства¹⁴, об их изменениях, которые имели контекстуальный характер.

Еще раз просматривая результаты выполненных исследований, работ, проведенных по их методике другими учеными или просто по той же тематике, наконец, свои собственные исследования, попытаюсь вернуться к обсуждению: какую идентичность мы изучаем, называя ее российской (или как граждан России), как она рождается или восстанавливается, кем и с какой целью она задается, формируется? И как нам, как гражданам, к этому относиться?

Методика фиксации групповых идентификаций («мы-идентификации») повторялась командой Ядова в 1992–1998, 2002 гг. Напомним, вопрос задавался в такой форме: «В жизни мы встречаем разных людей. С одними быстро находим общий язык, легко их понимаем, иные же, хоть и живут рядом, всегда остаются нам чужими. Если говорить о Вас, как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей, с теми, о ком Вы могли бы сказать “это мы”» – это вариант вопроса 1998 г. Впоследствии в 2002 г. он был немного модифицирован и звучал: «как часто Вы чувствуете, что они Вам близки, о каких Вы могли бы сказать “это мы” / часто; иногда; никогда; трудно сказать /».

Среди коллективных идентификаций называлась категория «гражданин России». В той же формулировке задавался вопрос и в ис-

¹³ Социальная идентификация личности / Отв. ред. В.А. Ядов. – М.: Институт социологии РАН, 1993; Социальная идентификация личности – 2 / Отв. ред. В.А. Ядов. – М.: Институт социологии РАН, 1994; Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994, № 1; Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995, № 3–4; Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социологические исследования. 1995, № 6; Она же. Изменения в социальных идентификациях населения России 1992–1998 // Социологический журнал. 2000, № 3–4; Она же. Через призму социальных идентификаций // Россия реформирующаяся. Ежегодник–2004 / Отв. ред. Дробизева Л.М. – М.: ИС РАН, 2004.

¹⁴ Ядов В.А. Указ соч. // Мир России. 1995, № 3.

следованиях М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Ими использовалась категория «россияне»¹⁵.

Проводя исследования в республиках Российской Федерации в 1998–1999, 2002 и 2007, 2011–2012 гг. мы тоже, вслед за Ядовской командой, задавали этот вопрос – в варианте категоризации «с гражданами России».

Какую же идентичность мы фиксируем, когда наши респонденты солидаризируются с категорией «граждане России», «россияне»? Этот вопрос встает в связи с тем, что идут дискуссии, есть ли у нас гражданское общество. Если мы сомневаемся в его существовании, то с кем же солидаризируются наши респонденты? Чья идентичность фиксируется опросами, которой сейчас придается общественно-политический смысл? Видимо, имеет смысл уточнить эту категоризацию. Если речь идет о гражданской общности, то такую общность представляет политическая нация, или гражданская нация. В Великобритании она именуется «британцы», во Франции – «французы». Но как мы знаем, в России, в обыденных представлениях, да и в научной литературе по сей день под «нацией» нередко имеется ввиду этнокультурная общность. У нас существует как минимум 3–4 взгляда на общество и государство:

- Россия – многонациональное государство, состоящее из многих наций.

- Россия – национальное государство русской нации с меньшинствами, представители которых могут становиться русскими или же признавать государствообразующий статус русских.

- Россия – национальное государство с многоэтничной российской нацией, основу которой составляют русская культура и язык, и в которую входят представители других российских национальностей, народов¹⁶.

Чтобы то или другое понятие в нациестроительстве утвердилось и было принято в обществе, многое зависит не только от используемых терминов, но и от их сочетания или расстановки. Первое представление – устаревающее, в доктринальных документах понятие нации используется в значении «российская нация». Второе ничего не говорит о народах, входящих в Россию. Третий конструкт мог бы быть принятым и русскими, и людьми других национальностей страны, был бы понятным населению, если бы выразить его так:

¹⁵ Российская идентичность в условиях трансформации / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М., 2004. С. 80–82.

¹⁶ Это мнение выражал В.А. Тишков (Нация и национальная идентичность в России // Вестник российской нации. 2008, № 1. С. 121).

Россия национальное государство российской нации – общность граждан всех социально-профессиональных групп и поколений, людей разных национальностей, политических взглядов и вероисповеданий.

Как и в других государствах со сложным этнокультурным, конфессиональным, расовым составом населения, культура и язык большинства почти всегда выступают интегратором сообщества. В британской нации это английский компонент, в испанской – кастильский, в России – русский. Но этот интегрирующий компонент становится прочно цементирующим, если создается общая консистенция из представлений о единой территории, историческом прошлом и некоем фундаменте единых ценностей и единых интересов.

Конкретное социологическое изучение ценностей, интересов у российских народов показывает, что таких общих ценностей много – семья, доступ к профессиональным занятиям, образованию, социальному продвижению, ориентация на деловую активность, социальную справедливость, значимость достатка, уважения людей. Их, как правило, больше, чем различий. Изучая «культурно-ценностной дифференциал» – типы ценностных ориентаций, в том числе, в диапазоне, по которому Г. Хофстедом, Б. Докторовым, Г. Триадисом были получены значимые культурные различия – индивидуализм – коллективизм, открытость к переменам – сопротивление переменам, по измерению «настроенность на взаимодействия – отказ от взаимодействия» были сделаны выводы о наличии основы межгруппового баланса в наиболее сложных регионах для межэтнического взаимодействия¹⁷.

Мера культурной отличительности и этнопсихологического восприятия групп, естественно, разнообразны по стране, но совершенно очевидно, что есть основа для баланса фрагментации¹⁸, и главное – многие общие интересы и лояльность государству составляют базу для российской идентичности.

Проблема состоит в том, что психологическая привязка к территории, когнитивные представления о прошлом, общем в культуре фиксируются в опросах, а гражданское общество большинство людей не чувствует и не осознает, вот почему для социолога стоит пробле-

¹⁷ Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма... – М., 1996. С. 324–329.

¹⁸ Российская идентичность в условиях трансформации. С. 82, 267; Дробизева Л.М. Государственная и этническая идентичность/Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. Отв. ред. Магун В.С. – М., 2006. С. 25–26.

ма интерпретации высказываний о солидаризационных установках с гражданами России, россиянами, и есть реальная опасность искажения типов солидарности.

Идентифицируют себя как граждан России по одним опросам свыше 80 % российских респондентов¹⁹, по другим, в выборку которых входили республики, в том числе северокавказские, с гражданами России идентифицировали себя 65 %²⁰. Вряд ли при тех или других данных все наши респонденты вкладывают при идентификации себя с гражданами России представления о гражданском сообществе. Даже и мы, исследователи, именовали эту идентификацию то как гражданскую, то как государственную, то как национально-гражданскую.

Как же в этом случае избежать искажения и дать более реальную интерпретацию фиксируемой идентичности? Проще всего, конечно, отказаться от того, в чем сомневаешься, и назвать эту идентичность просто государственной. Но спрашиваем-то мы об ощущении общности не с государством, а с гражданами России. Принадлежность к государству фиксируется, как известно, паспортом, проживанием на территории государства. А общность граждан России – это социальные отношения. Конечно, они оформляются институтами, государственными институтами, то есть государство имеет к этой идентификации отношение, но главное не в этом, а в том, что, фиксируя гражданскую общность, можно иметь ввиду существование гражданской нации в нашей стране. Одни исследователи, прежде всего В.А. Тишков, – один из инициаторов внесения в российскую науку этого термина применительно к россиянам, – считают, что она есть в нашей стране. Другие же, как Э.А. Паин, полагают, что пока ее у нас нет, ее надо формировать, отсюда и дискуссии о российской гражданской идентичности.

Подводя итоги исследованию Российской нации в конце 2008 на основе опроса 7344 респондентов в 14 городах Российской Федерации и работы с экспертами, В.А. Тишков делает вывод, что процесс формирования гражданской нации «достаточно давно и успешно идет в России, а в каком-то смысле или в какие-то событийные моменты следует говорить о российской нации как свершившемся факте общественного сознания»²¹.

¹⁹ Данилова Е.Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Там же. С. 85; Российская идентичность в социологическом измерении // Отв. ред. М.К. Горшков. – М., 2008.

²⁰ По данным RLMS, ESS.

²¹ Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 2008. С. 4.

Естественно, и В.А. Тишков, и Э.А. Паин, и многие другие специалисты, писавшие на эту тему, понимают, что политическая нация это не столько сложившийся феномен, сколько процесс. (Об этом писал применительно к странам мира Ю. Хабермас²²). Однако В.А. Тишков в концепции исследования делает акцент на обусловленности российской нации достигнутым уровнем «политической и организационно-правовой культуры государственного и местного управления». Он пишет, что недостатки этой культуры «формируют препятствия в развитии общероссийской идентичности»²³. Валерий Александрович последовательный конструктивист, для него «слова делают вещи». Но дело не только «в направлении общественного дискурса по ключевым историко-политическим вопросам»²⁴. Органы управления это тот государственный механизм, не только по словам, но и по действиям которого люди судят об отношении с государством.

В конце 2008 г. мы закончили исследование российской, региональной, этнической идентичности в Большом Сочи. Это здравница нации как говорят местные граждане, район олимпийского строительства, важного для страны, приграничный район, где в связи с событиями того года в Южной Осетии и Абхазии все впечатления у людей как «обнаженный нерв». Во время одной из «мозговых атак» с экспертами вот что сказал государственный служащий, думающий человек, небезразличный к судьбе живущих рядом людей, к судьбе страны, рассуждая о российской идентичности: «Что получаем мы от нашей великой родины, чтобы мы с ней ассоциировались как граждане? ... Кто защитил конкретного человека, живущего здесь в Сочи, на Кубани, да в любом месте, где-то там в Якутии? Большая проблема для нас россиян то, что государство не в полной мере относится к своим гражданам как к гражданам России. ... Нужно в огонь и в воду, мы не отказываемся. Но взять сегодняшнюю напасть – коррупционерство. Могут прийти органы и закрыть твоё дело. Ты десять лет прожил, построил домик – тебя могут снести бульдозером. Но может ли человек написать губернатору и знать, что защищен? – Нет. Ясно, что спустят вниз с резолюцией рассмотреть».

Мы часто слышим во время опросов и мозговых атак с экспертами «Мы слуги государевы», а государство не выполняет то одних, то других функций. Но намного реже приходится услышать: «мы сами

²² *Habermas J. L'espace public: archeologie de la publicite comme dimension constitutive de la societe moderne. 1986.*

²³ Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 2008. С. 5.

²⁴ Там же. С. 5.

собрались, построили храм» (армянская община), «мы собрались и поехали помогать нашим братьям в Южной Осетии» (абхазская община), «надо было защищаться от рэкета... не в милицию же обращаться, обратились к казакам». Вот хотя бы о такой солидарности, защищающей интересы личности, смены подданнических ориентаций на гражданские, об ответственности государственных институтов перед людьми, об отсутствии элиты, стремящейся стать лидером нации, пишет Э.А. Паин. «Не сложился у нас гражданский национализм (имеется в виду формулировка Г. Кона, Л. Гринфельд, Р. Суни) как комплекс идеологических представлений и политических практик, в которых центральное место занимает стремление к установлению народного (т. е. общественного суверенитета)» как во Франции²⁵.

Вслед за Б. Андерсоном, Л. Гринфельд Э.А. Паин связывает гражданский национализм с функционированием гражданской, политической нации, идентификация с которой и могла бы быть названа гражданской идентичностью.

После выхода нашей книги «Демократизация и образцы национализма в российской Федерации 90-х гг.»²⁶ было немало дискуссий. В Москве либерально мыслящие политики, социологи спрашивали: «Зачем Вы связываете понятия демократизация и национализм?» В республиках политики и ученые говорили: «Зачем Вы пишете о нашей идеологии и политике как о национализме, ведь у нас большинство даже образованных людей не знают, что национализм может быть не этноцентричным, признающим права людей других национальностей?»

Вице-президент Академии наук В.Н. Кудрявцев, который очень много сделал для развития гуманитарных, социальных наук и нашего Института в том числе, поставил мой доклад на методологическом семинаре в Президиуме РАН (он сам вел такие семинары). Конечно, я очень волновалась, поскольку мне пришлось говорить об идеях национализма, которые были известны в мировой науке после выхода работ Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона, но практически совсем не знакомы нашим ученым, да еще и интерпретировать их приходилось на примере национальных движений, совсем недавно развертывавшихся на территории советских республик. Главное же было донести, что национализм может быть разным. Выделялись

²⁵ Паин Э.А. Распутица. Политические размышления о предопределенности пути России. – М., 2009. С. 108.

²⁶ Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образцы национализма в российской Федерации 90-х гг. – М.: Мысль, 1996.

на нашем постсоветском пространстве пять типов, в том числе говорилось и о гражданском, и об этническом. Высказывалась мысль, что и гражданский национализм, его чаще характеризовали как либеральный, способен перерастать в отнюдь не либеральные формы, а этнический может быть и защитным, а в каких-то ситуациях модернизационным, приобретать либеральные формы – короче, он разный. В.А. Тишков тогда поддержал меня, В.Н. Кудрявцев сказал, что это близко к реальности и важно для управления, надо подумать и понять корни. Потом встал Владимир Александрович Ядов и произнес: «Конечно, он разный и молодец, что Вы об этом говорите, но все-таки он всякий – плохой!».

Спустя два года мы с Ядовым оказались вместе в командировке от Академии наук в Венгрии. Один день был почти весь свободный от заседаний, и мы ездили по Будапешту, обсуждали, как хорошо и со смыслом поддерживаемы исторические памятники в старушке-Европе и катались в парке по старинному обычаю на лошадях. Как всегда он шутил, а потом вдруг посерьезнел и сказал: «Леокадия, а ведь это исторические подпорки того национализма, но как умело они это делают!»

И вот теперь в 2000-е гг. наша властная и привластная политическая элита тоже ищет «исторические подпорки» для политической нации, формируя сверху российскую идентичность. Судя по выступлениям президента В.В. Путина с идеями «тысячелетнего исторического пути России», недопустимости отклонений от «выстраданного Россией исторического пути», от того, чему «наши предшественники научили нас»²⁷, общество хотят сориентировать, по какому пути идти. Об этом же свидетельствуют и телевизионные диспуты «Имя России», и военно-исторические фильмы Первого канала ТВ. Кому это надо – понятно. Государство, политическая элита всегда заинтересованы в управляемом обществе.

Не все было понятно с реакцией населения и то, как ученым с гражданскими позициями реагировать на задаваемый идеологический конструкт нациестроительства.

Пусть телевизионные передачи подобные «Имени России» были управляемыми, но и результаты опроса Левада-Центра тоже фиксировали «жажду» населения в сильном государе, героических личностях (другое дело, какие это герои). Судя по опросам 66% согласи-

²⁷ Путин В.В. Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 16 мая 2003 г., Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 26 мая 2004 г., Выступление на празднике, посвященному Дню России 12 июня 2003 г. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2003/06/12/1419_type63374_47092.shtml

лись с тем, что «Русский человек не может обойтись без властных лидеров, «сильной руки», которая бы направляла его действия»²⁸.

Видимо, эти представления относятся к тем, что солидаризируют общество, так же как мнения о том, что «Россия всегда была страной великой духовной культуры» (82% согласны полностью или скорее согласны с этим). 80% людей даже считают, что наша страна в этом «превосходит другие страны»²⁹.

Эти итоги опросов в чем-то очевидно поясняют высокие показатели идентификации нашими респондентами себя как граждан России, которые мы приводили в начале текста. Судя по результатам исследования по проекту «Будущее России. Социальная сфера»³⁰ люди, идентифицирующие себя как граждане России (76% среди опрошенных), считали, что россияне должны быть патриотами (более 80%), и что еще важно, они «должны быть ответственными за судьбу страны» (тоже более 80%).

Вот эти последние представления, на наш взгляд, уже говорят не просто об эмоциональных оценках, патриотических настроениях, но и об **элементах именно гражданских представлений**. Насколько они осознаны и готовы превратиться в установки с регулятивным компонентом, в действия – это другой вопрос. Но ведь и идентификация себя как граждан России тоже содержит представления, когниции и эмоции, а не только регулятивный компонент.

Конечно, и представления о гражданине страны в сознании людей четко не сформировано, хотя многие с детства запоминают слова «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Итак, если гражданская общность, «политическая нация», нация граждан еще не завершила своего формирования, но «гражданином россиянин быть обязан», и в должности президента В.В. Путин говорил, что мы привыкли смотреть на Россию как на систему органов власти или как на хозяйственный организм, но «Россия – это, прежде всего, люди, которые считают ее своим домом»³¹, то с кем и чем все же идентифицируют себя наши респонденты, отвечая нам, что они граждане России, однозначно ответить пока нельзя. Для очень многих она очевидно государственная идентичность, но для немало-

²⁸ Общественное мнение 2008. Ежегодник. – М.: Левада-Центр, 2008. С. 142.

²⁹ Там же. С. 139.

³⁰ Исследование осуществлено МИОнами при поддержке ИНО-Центра в 2006 г. Ресурсная группа Института социологии РАН Дробизева Л.М., Черныш М.Ф., Чирикова А.Е.

³¹ Путин В.В. Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г.

числа это уже не просто принадлежность к государству, но и определенная консолидация с людьми, живущими в этом государстве. Об этом ведь говорят зафиксированные представления об «ответственности за судьбу страны». Ведь не о государственной же машине пекутся люди. Государство в лице структур, чиновников наши люди чаще критикуют. Значит, просматривается для немалого числа людей и гражданская консолидация. А для какой-то части наших респондентов это, видимо, осознанное отношение к своим гражданским обязанностям. Вот почему более адекватным, на наш взгляд, является интерпретация выборов респондентами ответов «мы – граждане России» как государственно-гражданская идентичность. Называние этой идентичности и как государственно-гражданской, и как российской, безусловно, важно. Собственно с этим согласен и Э.А. Паин, возражающий против выводов, что у нас уже сложилась политическая, гражданская нация. Возможна и ее интерпретация как многонародной нации. В конце концов даже если сохраняются у людей представления о нации как этнокультурной общности – этнонации, можно считать, что они являются частью государственно-гражданской российской нации.

В мире существуют и такие примеры: каталонская, баскская нации – части испанской нации, также как шотландская, уэльская – части британской нации. Очень симптоматично, что В.А. Тишков – один из первых инициаторов внедрения термина российская гражданская нация – согласился с таким толкованием³². Важно это потому, что сама гражданская нация будет укрепляться и как осознаваемая общность, и как деятельностный, объединяющий стимул, если будет глубже понимаема и принимаема всеми народами страны, людьми разной этнической принадлежности, если они будут чувствовать меньше исключений.

Парламентские слушания 19 февраля 2009 г., посвященные обсуждению федерального государственного образовательного стандарта, особенно отчетливо это показали. Выступавшие на нем Председатель Государственного совета Республики Татарстан Ф.Х. Мухаметшин и заместитель премьер-министра Республики Башкортостан, представители Северной Осетии – Алании убедительно говорили, что все себя чувствуют россиянами, но исключение национального компонента из образовательного стандарта без согласования с республиками нарушает их полномочия, которые они имеют по Конституции РФ.

³² Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 2008. С. 13.

Слова «Россия многонациональная, многоконфессиональная страна и ее культурное многообразие является нашим достоянием», сказанные в 2003 г. Президентом В.В. Путиным, будут оставаться успокаивающими заявлениями, если люди не будут чувствовать их реальность в повседневной практике.

Что мы как исследователи и граждане можем делать в этих условиях? Не уходить от сложных вопросов, изучать состояние массового сознания и реальную социальную практику, делать результаты этого изучения предметом известным обществу.

Уроки, которыми нельзя пренебречь

Этничность в советском прошлом: опыт последних двух десятилетий

1970–1980-е годы были последними десятилетиями существования СССР. В эти годы со всей очевидностью проявились противоречия, с которыми не справилась советская система. Знакомство с процессами и событиями, происходившими в этот период, поможет понять драму СССР. Именно с этой точки зрения период привлекал внимание исследователей. Есть несколько подходов, объясняющих распад СССР.

Одни исследователи объясняют разрушительные процессы перестройкой¹, другие связывают их с тоталитарной системой в стране², с внешними влияниями³. Немало аналитиков видят причину распада в национальных движениях, начавшихся в республиках⁴. Естественно, наиболее адекватен к реальности комплексный подход к анализу коллапса Союза⁵.

¹ *Miller John*. Mikhail Gorbachev and The end of Soviet power. – New York, 1991; *Dunlop John B.* The rise of Russia and the fall of the Soviet empire. – New York, 1993; *Чешко С.В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. – М.: ИЭА РАН, 1996.

² *Carrere d'Encausse H.* Le grand frère : l'Union soviétique et l'Europe soviétisée. – Paris: Flammarion, 1983.

³ *Швейцер П.* Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря / Пер. с польского Л. Филимоновой. – Мн: Авест, 1995.

⁴ *From union to commonwealth: nationalism and separatism in the Soviet Republics.* Ed by Gail W. Lapidus and Victor Zaslavsky with Phillip Goldman. – New York, 1992; *Suny Ronald Grigor.* The zevenge of the past: nationalism, revolution and collapse of the Soviet Union. – Stanford, 1993; *Brzezinsky Z.* Post-Communist Nationalism // Foreign Affairs. Winter 1989–1990. Vol. 68. № 5.

⁵ *Хоскинг Дж.* История Советского Союза 1917–1991 гг. – М.: Вагриус, 1994; *Боффа Дж.* От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964–1994 гг. – М.: Международные отношения, 1996; *Верм Н.* История Советского государства 1900–1991 гг. – М.: Прогресс, 1992; Отечественная история новейшего времени 1985–2008 гг. / Отв. ред. Безбородов А.Б. – М.: РГГУ, 2009.

Постараемся рассмотреть объективные и субъективные факторы исторического процесса с точки зрения присутствия в нем этнической оставляющей. Начнем с государственного устройства страны.

*Федеративное устройство страны – ресурс
и противоречия*

В 70-е гг. завершила работу Конституционная комиссия, созданная еще в 1965 г. На обсуждение вынесена и затем в 1977 г. принята новая Конституция СССР (до этого действовала Конституция 1936 г.). В ходе подготовки Конституции СССР республики выдвигали предложения, отражавшие их этнополитические претензии.

Модель федеративного устройства СССР учитывала территориальный и этнонациональный принцип, некоторые исследователи считают его «ахиллесовой пятой». Такие оценки появились в период распада Союза. Какова же была реальность?

Союз Советских Социалистических Республик представлял федеративное государство, состоящее из субъектов, обладающих различающейся политической и юридической самостоятельностью. В него по Конституции на добровольных началах входили пятнадцать союзных республик. Добровольность подтверждалась тем, что союзные республики имели право выхода из Союза. Союзные республики включали в себя автономные республики. Их было двадцать: шестнадцать входили в состав РСФСР, две в Грузию – Абхазия и Аджария, в Узбекистан – Каракалпакия и в Азербайджан – Нахичеванская. Кроме того, были автономные области и округа. В РСФСР входило пять автономных областей – Адыгейская, Горно-Алтайская, Еврейская, Карачаево-Черкесская и Хакасская и десять автономных округов – Агинский, Бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Усть-Ордынский, Ханты-Мансийский, Чукотский, Эвенкийский. В Азербайджанскую ССР входила Нагорно-Карабахская автономная область, в Грузинскую ССР – Юго-Осетинская автономная область, в Таджикскую ССР – Горно-Бадахшанская автономная область.

В каждой союзной и автономной республике был Верховный совет республики. Кроме того, было восемь советов автономных областей и десять советов автономных округов, также как шесть краевых и сто двадцать один областных советов. Как видим, автономные республики, автономные области и округа входили в состав союзных республик. Позже в постсоветское время этот федерализм стали называть матрешечным.

Во всех союзных республиках национальности, дающие название республикам, составляли большинство населения. Это было одним из аргументов, почему вместе с историческими обоснованиями они имели статус союзных республик. Все они имели внешнюю границу, и считалось, что в этих республиках достаточно высокая доля индустриального рабочего класса. Этнический состав только одной союзной республики – Казахстана – отличался: казахи составляли в 1970 г. 32,6%, в 1979 г. – 36%. Но когда решался вопрос обоснования республиканского статуса при принятии Конституции 1936 г. казахи составляли большинство – 57,1%⁶.

В большинстве автономных республик национальности, давшие им название, не составляли доминирующего населения. Так было лишь в Туве, Чувашии и северокавказских республиках – Дагестане, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии. В некоторых республиках титульные национальности составляли почти половину населения. Например, в Татарстане более 40% в 70–80-е гг., в других же – 11–12%. Но в силу исторических или геополитических причин народы, дающие им название, получили автономный статус. Таким образом, тип федеративного устройства Советского Союза, зафиксированный в Конституции 1977 г., закреплял иерархию народов. В Конституциях, в партийных документах говорилось о равенстве народов, на практике даже в правовом поле кто-то был «равнее» других. Тем не менее, федеративное устройство страны было важно для национальностей, прежде всего имевших статус союзных и автономных республик.

Одним из фундаментальных элементов федерализма является сотрудничество и согласованность между разными правительственными образованиями. «Партнерство – ключевой аспект федерализма», – писал известный политолог Д. Элазар⁷. В мировой практике считается, что федерализм предусматривает распределение власти между несколькими федеральными центрами и субъектами федерации. Они должны вырабатывать механизмы взаимодействия для достижения общих целей, т. е. децентрализацию власти, принимающей решения, но при верховенстве федеральных законов и участии федеративных единиц в установлении ответственности членов федерации перед центральным правительством.

Члены федерации имеют свои исполнительные органы власти (правительства), которые политически ответственны в пределах кон-

⁶ Социально-культурный облик советских наций. – М.: Наука, 1986. С. 34.

⁷ Elazar D. American Federalism: A View from the States. Third Edition. – New York: Harper and Row, 1984. P. 2.

ституционного устройства. Федеративная единица располагает средствами (административными и бюджетными) для выполнения своих полномочий.

Члены федерации имеют свою судебную систему. Но высшим арбитражным органом является Конституционный суд федерации. Как видим, для этнического большинства федеративное устройство государства обеспечивает официально признанное **участие** в принятии важнейших государственных решений, возможность самостоятельно распоряжаться ресурсами (властными и природными) в пределах полномочий субъектов федерации, использовать свои административные полномочия для реализации государственных законов. Так называемый принцип субсидиарности давал **психологическое чувство достоинства**. Эти моменты имели большое значение, поскольку важной функциональной спецификой федерализма является **противостояние дезинтеграционным процессам** в государствах, которые могут терять контроль над своими территориями. А наша федерация исторически в 1918–1922 гг. выполняла именно такую функцию. Федерация позволяла сохранить основы государственности, управления государственной системой с регулируемой реализацией потребностей этнонациональных сообществ. В стратегической перспективе федерация должна была быть выгодной не только обществу в целом, но и субъектам федерации, в рамках которых реализованы интересы (в т. ч. экономические) национальностей.

Исследователи федерализма обратили внимание на одно важное отличие федерализма так называемого **традиционного**, того, что был до первой половины XX века, когда потребности сохранения территориальной целостности в мировой практике не были определяющими – от **обновленного** федерализма. Отличие видели в том, что при прежнем федерализме элиты территорий связывали перспективы и свои интересы с интегрированностью с элитой центра и «самореализацией в ее составе». В федерациях же, учитывающих этнонациональные элементы, «элитам не менее важна презентация в национальных рамках. Их отношение к центральной власти, как правило, более отстраненное, чем в федерациях старого типа»⁸. Для периода правления Л.И. Брежнева это не имело большого значения. Кадровая политика и бюджетные отношения, направления развития в регионах – все стратегически определялось партией. Съезды КПСС собирались регулярно раз в пять лет, пленумы два раза в год. Новые

⁸ Галкин А.А. Федерализм вчера и сегодня // Проблемы федерализма: российский и мировой опыт. – М.: ИСП РАН. 2003. С. 32.

направления развития экономики, пятилетние планы развития народного хозяйства – все принималось партией и только потом проходило утверждение на Верховных советах. Время от времени расширялся состав ЦК КПСС, в него дозировано вводились представители и союзных республик. Это дало основание исследователям говорить об «институциональном плюрализме». При нем высшие партийные органы представляли институты власти и даже «интересы некоторых отдельных республик» (Джо Хак)⁹. Н. Верт пишет, что первые секретари ЦК компартий республик были не пассивными исполнителями, а «посредниками между высшим эшелоном власти и массами». Партийные аппараты были местом, где конфликты могли найти начало своего решения¹⁰.

Принципиальный вопрос, как федерализм связан с демократией? Истории известны не федеративные, унитарные, но демократические государства (например, Великобритания, хотя и с широкими правами регионов). Но известны и федеративные государства, которых к демократическим отнести проблематично (Камерун, Объединенные Арабские Эмираты, Малайзия). В государствах с хорошей демократической системой тоже есть сложности. В них нормально взаимодействуют политическая система и гражданское общество. Но в федерациях государство взаимодействует с гражданским обществом не только на федеральном уровне власти, но и на уровне власти субъектов федерации. Это может увеличивать результативность давления гражданского общества на власть. Но бывает, что власть субъектов федерации может нерационально недоучитывать интересы гражданского общества так же, как и общегосударственные интересы. Таким образом, федерализм открывает возможности для расширения демократии, но не снижает потребность в усилиях по демократизации общества.

Партии – часть гражданского общества. В СССР была одна главенствующая партия – КПСС, демократия – дозированной и направляемой, федерализм – больше декларативным. В 1989 г. М.С. Горбачев признал: «До сих пор наше государство было централизованным и унитарным, и никто из нас не имеет опыта существования в федерации»¹¹.

⁹ Цит. по: *Верт Н.* История советского государства.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Горбачев М.С.* «Проект национальной политики партии в современных условиях», принятый Пленумом ЦК КПСС 20 сентября 1989 г., цитируется в: *Росс К.* Федерализм и демократизация в России // Политико-правовые ресурсы федерализма в России. – Казань: Казанский институт федерализма, 2006. С. 131.

В советском федерализме были **политико-экономические несоответствия**, которые порождали противоречия, нерешенные ко времени перестройки и латентно провоцирующие конфликтные ситуации внутри федерации. Экономический потенциал Татарской АССР был выше любой из Прибалтийских республик, но они были союзными, а Татарстан автономной. Доля промышленных рабочих в Хакассии была не меньше, чем в Белоруссии, но Белоруссия была союзной республикой, а Хакассия – автономной областью.

Государственное устройство сохраняло конституционную асимметрию, когда одни субъекты имеют больше прав, чем другие. Такая асимметрия была и есть не только в нашей стране, но и в других государствах. Возможность асимметрии – важный принцип, который используется для урегулирования сложных, порой конфликтных отношений с регионами. Но, тем не менее, у непривилегированных субъектов федерации он вызывает протестные настроения. Так только некоторые союзные республики (Закавказья) имели свои государственные языки.

В Советской федерации, в том числе и в 70–80-е гг., играл роль субъективный фактор. Личные качества главы региона, его отношения с руководством Центра влияли на отношение к республике. Это проявлялось и в том, кому предоставляли право первым выступить на съезде партии, кому выделялись дополнительные ассигнования или прощали неуплату налогов с оборота (конечно, каждый раз это обосновывалось какими-то причинами).

Наконец, было еще одно немаловажное противоречие – федерация в СССР была в реальности договорно-принудительной. СССР в 1922 г. образовывался юридически на договорной основе. Накануне Великой Отечественной войны в федерацию включены три республики Прибалтики, Бессарабия в Молдавию. После распада Союза и при формировании новой Российской Федерации тип федерации – договорный или так называемый конституционный – стал предметом дискуссий при принятии Федеративного договора 1992 г. и Конституции Российской Федерации 1993 г. И все же при всех противоречиях советский федерализм оставался ресурсом как один из подходов к разрешению конфликтных ситуаций, возникающих при подъеме национализма, позволял исключать насильственные формы регулирования конфликтов.

Политологами признается, что не всегда федеративные государства являются демократическими, но все же потенциально федерализм содержит позитивные возможности. Р. Даниелс обращает внимание на децентрализацию ответственности и обеспечение механизма ре-

гуляции потенциальных местных конфликтов, способность снижать вероятность жесткого единоличного правления в центре и регионах, наконец, на то, что федерализм приближает правительство к народу¹². В том же направлении трактуют федерализм отечественные исследователи, опираясь на Д. Элазара. Он видел в нем «средство вмешательства с целью предотвращения *олигархизации* и излишней централизации социума, ... ослабления действия «железного закона олигархии»»¹³. Конечно, полностью возможности федерализм реализует в государствах с реальной демократией. Но в государствах других типов он все же содержит потенциал таких отношений, которые способствуют взаимодействию между людьми и регионами не по модели подчинения, а по **модели согласования**, на основе переговоров. В отличие от унитарных государств автономия регионов в них закреплена в Конституциях.

*Этнонациональный компонент
в Конституции СССР 1977 года*

Конституция, принятая 7 октября 1977 г. на внеочередной сессии Верховного совета СССР, готовилась пятнадцать лет. За основу ее взята Конституция 1936 г. (именовавшаяся сталинской), но за это время многое изменилось. КПСС отказалась от «скорого перехода к коммунизму». Во введение к Конституции введена характеристика общества «развитого социализма». В тексте основного закона отказались от идеи отмирания государства, введено понятие «общенародного государства». Это означало замену им «диктатуры пролетариата», что было вполне понятно, т. к. социальный состав населения изменился. «Общенародное государство» трактовалось как государство рабочих, крестьян-колхозников и интеллигенции. Интеллигенцию в социологической трактовке толковали как людей, занятых умственным трудом и работающих на должностях, требующих высшего или среднего специального образования. С введением определения «общенародного государства» идеологический и политический акцент сделан на роль Советов. (В 1980 г. в советы всех уровней избрано более 2 млн депутатов). Поощрялось участие в общественных орга-

¹² Daniels R.V. Democracy and Federalism in the former Soviet Union and the Russian Federation // The Emergence of Regionalism in Post-Soviet Russia. – Baltimore, USA: John Hopkins University Press, 1977. P. 233.

¹³ Мухаметшин Ф.Х. Федеративные отношения как фактор социально-политического развития республики – субъекта Российской Федерации. – Казань: Идел-Пресс, 2001. С. 36.

низациях, говорилось, что трудовые коллективы участвуют в решении государственных дел, стимулировался «народный контроль» граждан на предприятиях. Создана сеть из 250 тыс. комитетов народного контроля. Все это происходило под контролем партийных организаций, ведущая роль КПСС как руководящей и направляющей силы оставалась. В 1976 г. состоялся XXV съезд партии, который принял очередной пятилетний план 1976–1980 гг. В нем ставились задачи укрепления обороны, развития энергетики, сельского хозяйства, освоения ресурсов Сибири. Осуществлялась в значительных масштабах закупка иностранной техники. Это были усилия по техническому перевооружению, но структурной перестройки экономики не было. За период с 1970-е гг. по 1985-е гг. производительность труда упала с 8,4 (в 1965 г.) до 3,5% (в 1985 г.). Со второй половины 70-х гг. экономика исчерпала ресурс рабочей силы, особенно необходимой квалификации. (Прирост трудоспособного населения упал с 2% до 0,25% в год).

Исследователям предстоит еще выяснить, была ли попытка опереться на общественную активность проявлением реального искусства управления в ответ на складывающуюся кризисную ситуацию или «уловкой» режима. Ведь реально большинство общественных структур было заорганизованным.

Для нас важно отметить – расширение сети и возрастание роли общественных организаций, а среди них были не только производственные, но и культурные, спортивные, молодежные организации – все «эти структуры, как писал Н. Верт, стимулировали добровольное участие граждан в жизни общества»¹⁴, и с началом перестройки, опираясь на них, появлялись нормальные организации.

Атмосфера идеологической активности партийного аппарата, готовящего Конституцию 1977 г., сказалась и на положениях, касающихся непосредственно этнонациональных вопросов.

Естественно, об иерархии народов – тенденции, появившейся после Отечественной войны, когда на праздновании победы Сталин специально и несколько раз выделили русский народ, его силу, мужество, вклад в победу – ничего не говорилось. Так же, как не вспоминали и о народах, которые обвинялись в сотрудничестве с фашистами, а также о ретроградном историческом прошлом народов. «Развитому социалистическому обществу», декларированному в основном законе, соответствовала другая концепция – «юридического

¹⁴ Верт Н. История советского государства 1900–1991 гг. – М., 2003. С. 287–288.

и фактического равенства всех наций и народностей», «развития и сближения нации». В Конституции СССР 1977 г. говорилось, что «на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность – советский народ». Положения Конституции 1977 г., которая оценивалась как самая демократическая (во всяком случае, в сравнении с предшественниками), звучали привлекательно, но далеко не всегда соответствовали действительности, с которой сталкивались люди в повседневной жизни. У председателя Президиума Верховного Совета СССР было пятнадцать заместителей. Они представляли союзные республики. В состав союзного правительства по должности входили председатели Советов министров правительств союзных республик, в состав Госплана СССР – председатели их госпланов, в состав Верховного суда – председатели их Верховных судов. От автономных республик и автономных областей и округов участие не предусматривалось. Союзные республики в Совете национальностей Верховного Совета СССР представляло по 32 депутата, от автономных республик – 11, от автономных областей – 5, автономных округов – 1. Все народы по Конституции были равны, но реально кто-то равнее других.

По Конституции 1924 г. Совет национальностей СССР формировался из представителей республик коренной национальности. Конституция 1977 г. предусматривала включение в его состав и русских депутатов от республик, автономных областей и округов. Таким образом, русские входили и в состав Совета Союза, и в состав Совета национальностей.

Можно ли было признать фактическое равенство народов, когда уровень урбанизации национальностей различался в два-три раза: среди русских, армян, эстонцев было 60–74% горожан, а среди киргизов, таджиков, молдаван – 17–28%¹⁵. Уровень жизни, комфортности в городах был выше, работа в индустриальных отраслях оплачивалась лучше, чем в сельскохозяйственном производстве.

Равенство наций и народностей фиксировалось как юридическое и фактическое. Но нации имели союзные или автономные республики, Верховные советы, Конституции, а народности их не имели.

Еще до перестройки среди ученых стали дискутироваться основания деления национальностей на нации и народности. В отечест-

¹⁵ Социально-культурный облик советских наций. Автор проекта Ю.В. Арутюнян. – М.: Наука, 1996. С. 38.

венной марксистской трактовке формационного подхода капиталистической формации соответствовали нации, которые складываются в этот период, а феодальной – народности. Но если утверждается, что общество живет в условиях «развитого социализма», то в этих условиях должны жить и «социалистические нации и народности» и тогда критерии их разделения не работают. На научных обсуждениях, в частности на Научном совете по национальным проблемам при Президиуме АН в Институте этнографии АН СССР, уже в 80-е гг. ставился вопрос об объективной необходимости каким-то образом снять такое деление. Но в стране работала разветвленная система партийной пропаганды – кружки по марксизму-ленинизму, истории КПСС, международному коммунистическому движению. Они работали на предприятиях, в учреждениях, направлялись и курировались отделениями ЦК КПСС, обкомами, крайкомами, районными парткомами. Соответствующая система была в молодежных организациях. В ВУЗах и средних специальных учреждениях преподавалась история КПСС, научный коммунизм, преподавание философии, истории, политэкономии тоже было идеологически ориентировано и везде давались те идеи и положения, которые содержались в Программе КПСС (1961 г.), постановлениях партийных съездов, решениях Верховного совета Союза ССР и, конечно, Конституции. Поэтому формулировки, принятые тогда, живучи до сих пор. «Нацию» от «народности» часто произносящие их не могут ни научно различить, ни определить.

После того, как исследователи отказались от жесткого формационного подхода к истории в постсоветское время такое деление в научном дискурсе не используется так же, как в доктринальном пространстве. Но тогда в 70–80-е гг. элиты национальностей, которые не удостоились статуса нации, например, карачаевцы, черкесы, хакасы, мечтали о нем. Ведь они жили в автономных областях, а могли получить иной статус, и в 90-е гг. они его получили – стали республиками.

В Конституции гарантировались равные права гражданам СССР различных рас и национальностей (Ст. 36). Но возможности для реализации этих прав национальностей «титulyные», дающие название республикам, и нетитulyные, большинство и меньшинство имели реально разные.

В Конституции 1977 г. было сказано, что в развитом социалистическом обществе сложилась новая историческая общность людей – советский народ. В тексте говорилось о формировании ее на основе «сближения всех классов и социальных слоев», равенства и братско-

го сотрудничества всех наций и народностей. Советский народ надо было толковать как социальную и межнациональную общность. Но в политической лексике часто звучал термин «многонациональный советский народ», «интернациональная общность советский народ». Это давало основание в республиках трактовать введение и использование термина как попытку элиминировать, «стирать» национальные особенности. В 1981 г. на XXVI съезде партии, реагируя на эти тенденции, в докладе Л.И. Брежнева говорилось: «Мы против тенденций, направленных на искусственное стирание национальных особенностей. Но в такой же мере мы считаем недопустимым искусственное их раздувание»¹⁶.

Введением термина «советский народ» делалась попытка действительно противостоять возрастающему этнонациональному сознанию людей и создать политическую общность, наподобие народов Франции, Великобритании. В Конституции так и говорилось: «СССР олицетворяет государственное единство советского народа» (Ст. 70). Понятие «мы – советский народ» вошло в политическую лексику, использовалось в печати, публичных выступлениях, учебных курсах. Но в повседневной жизни чаще использовалось понятие «советский человек» как личностная характеристика, она осталась более устойчивой, чем принадлежность к политической социально-межнациональной общности.

В специальном разделе «Национально-государственное устройство» Конституции 1977 г. говорилось: «Единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик» (Ст. 70). «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» (Ст. 72).

Союзная республика по Конституции 1977 г. была **суверенным** советским социалистическим **государством**. Граждане союзных республик имели республиканское гражданство (Ст. 33), являясь одновременно гражданами СССР. Автономные республики такого статуса не имели. Но они имели свои Конституции, которые должны были быть согласованы с федеральной и республиканской конституциями (Ст. 82), территория ее не могла быть изменена без ее согласия (Ст. 84).

¹⁶ Брежнев Л.И. Отчетный доклад Центрально комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внешней и внутренней политики, 23 февраля 1981 г. – М.: Политиздат, 1981. С. 77.

Признание союзных республик суверенными государствами означало, что по Конституции признавался так называемый разделенный суверенитет. В мировой практике это признанный принцип, в отечественной же литературе нередко его называют **квазисуверенитетом**, поскольку полный суверенитет остается за федерацией¹⁷. В реальной практике советского государства термин подтверждался тем, что стратегические вопросы политики, экономики, культуры решались КПСС, хотя в Конституции говорилось, что в ведении союзной республики находится руководство народным хозяйством союзно-республиканского подчинения и в пределах их полномочий, культурой, спортом. Реально ведущими отраслями экономики, военно-промышленным комплексом, вооруженными силами, внешней политикой и торговлей непосредственно управлял союзный центр. Им же осуществлялось перераспределение финансовых и материально-технических ресурсов по республикам. Стратегические решения, определения приоритетных отраслей экономики, социальная, кадровая политика определяло ЦК КПСС.

Суверенитет республики, за который боролись союзные республики на стадии образования Союза ССР, имел для них в 70–80-е гг. уже больше символическое значение. Но, демонстрируя социалистическую демократию, в Конституции 1977 г. фиксировалось: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» (Ст. 72). В условиях советской власти при закреплённой Конституцией руководящей и направляющей роли партии никто не думал о предоставлении такой возможности. Для этого были реальные сдерживающие противовесы. В Конституции закреплялось верховенство законов СССР на территории всех республик и говорилось, что **суверенитет СССР** распространяется на всю его территорию. Впоследствии после начала перестройки, когда начались национальные движения, элита ряда республик положение Конституции 1977 г. «о праве свободного выхода» давало возможность использовать этот аргумент для борьбы сначала за большую независимость, а впоследствии за отделение – сепессию. Так что скорее не государственное устройство с учетом этнонационального признака было «ахиллесовой пятой» советского наследия для новой России, а именно 72 статья Конституции о праве республики на выход.

Было еще одно положение Конституции 1977 г. достаточно сложное для правоприменительной практики впоследствии. В Ст. 78 говорилось, что «Территория союзной республики не может быть

¹⁷ Галкин А.А. Указ. соч. С. 32.

изменена без ее согласия». Если союзные республики признавались государственными образованиями, то это выглядело вполне логично. Но поскольку республики создавались не только с учетом этнического состава, но и других принципов, в том числе геополитических, политических, народно-хозяйственных, исторических, то, естественно, какие-то части основного этнического ареала оказывались оторванными и находились за пределами республик. Часть таджиков и культурные памятники Самарканда оказались на территории Узбекистана, часть узбеков жили в Киргизии. В самих республиках и на территории соседних республик это способствовало ирредентизму – стремлению к этническому воссоединению. Такие явления могут быть и на межгосударственном уровне, не обязательно в федерациях. Известно стремление итальянцев из Австро-Венгрии войти в состав Италии. То же самое наблюдалось на Балканах при распаде Югославии. В СССР во второй половине 80-х гг. столкнулись с ирредентизмом в Нагорном Карабахе, где жили армяне, территориально автономная область входила в состав Азербайджана.

И, наконец, нельзя не остановиться еще на одном важном положении Конституции 1977 г. В ней сказано: «...единое союзное многонациональное государство, образованное ... в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик» (Гл. 8, ст. 70). Об относительной добровольности вхождения в СССР некоторых республик уже говорилось в предыдущем разделе. Самоопределение – это очень важное в сознании элит и немалой части населения положение. Использование его достаточно остро воспринимаемое право и этнонациональным большинством, и меньшинствами. Для людей тех национальностей, которые не относятся к большинству, право на самоопределение – это и возможность сохранить свою этническую идентичность или принять другую национальность, и способ поддержать национальное достоинство: мой народ (в этнонациональном значении) входит в состав СССР по собственному выбору. Понятие «народ» тогда, как впрочем, и сейчас, использовалось многозначно и в значении социально-политической общности – «советский народ», и в значении этнокультурной общности – народы Советского Союза – русские, украинцы, белорусы, армяне, татары, башкиры и т. д. Свободное самоопределение народа воспринималось как ценность и проявление социалистической демократии. Положения ленинской статьи «О праве наций на самоопределение», где говорилось, что «если не играть в юридические дефиниции», то «под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чужена-

циональных коллективов, разумеется образование самостоятельного государства», к тому времени уже ушли из публичного пространства¹⁸. Обращалось внимание на то, что поддержки требует не всякое самоопределение. Все зависит от интересов пролетариата: «Ведь у нас одна партия, один центральный орган, который, в конечном счете, определяет для всех республик ... все решительно ...»¹⁹, – говорилось уже в 1923 г.

Самоопределение в 70-е гг. означало, что выбор формы его – союзная или автономная республика, автономная область или округ – и есть свободный выбор. На деле, конечно, такого выбора не было, а «формы самоопределения» осуществлялись через сложные переговоры центральных и региональных элит и решения руководства партийных органов.

Положение о «самоопределении наций» использовалось в марксизме-ленинизме как привлекательный лозунг для стимулирования объединения населения тех территорий, где были политические силы, партии, поддерживающие большевиков, впоследствии КПСС. Поддерживался этот принцип и для идеологического обоснования национальных, антиколониальных движений. После перестройки, идеологи сохранения целостности государства будут обосновывать тезис о самоопределении как положение, принятое международным сообществом для периода антиколониальных движений²⁰. В противовес приводятся решения Хельсинкских соглашений 1975 г. о принципе неделимости границ и территориальной целостности государств.

В момент подготовки и принятия Конституции 1977 г. претензии на изменение статуса республики на основе использования права на самоопределение все же были. Об изменении статуса автономной республики на союзную выступила элита Татарской АССР. Об этом не раз вспоминали участники переговоров с Президентами СССР М.С. Горбачевым в период подготовки нового Союзного договора в Огареве в 1991 г. Из интервью И. Тагирова – участника делегации от Татарстана: «Татарская АССР и раньше ставила вопрос о преобразовании республики в союзную. Мы подготовили еще во время принятия Конституции 1977 г. документы, показывающие экономический

¹⁸ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. – М., 1956. С. 5.

¹⁹ Из выступления Председателя ЦИК ЗСФСР Ф. Махарадзе на XII съезде РКП(б) // Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии. (большевиков). Стенографический отчет 17–25 апреля 1923 г. – М.: Красная новь. С. 472.

²⁰ Тишков В.А. Этнология и политика. – М.: Наука, 2005. С. 57.

потенциал республики, не уступающий союзным республикам, а в каком-то отношении и превосходящий ряд союзных республик. Обращали внимание на интеллектуальный потенциал – долю специалистов с высшим образованием, наконец, историю – место татар в образовании еще Российской Федерации. Да, у нас не было внешней границы, но потенциал для выполнения тех полномочий, которые имели союзные республики, был»²¹. Этот исторический факт подтверждает, что многое в советских Конституциях (а это положение о самоопределении перешло в Конституцию 1977 г. из прежних 1924, 1936 гг.) было декларативным.

Но были случаи, когда какие-то положения удавалось в той или иной форме отстоять. Как известно В.И. Ленин считал, что государство «должно признать полную свободу родных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из них»²². На X и XII съездах партии (1921, 1923 гг.) языки народов советских республик назывались государственными языками этих республик. Но в 30-е гг. эти положения не подтверждались партией. Однако в ходе принятия Конституции 1936 г. азербайджанцам, армянам и грузинам разрешено в их Конституциях сохранить положение о государственных языках республик.

В Программе ЦК КПСС (1961 г.) было записано: русский язык – «общий язык межнационального общения всех народов СССР». При принятии Конституции СССР 1977 г. ею гарантировалась возможность пользоваться родным языком и языками других народов СССР (Ст. 36). Используя это положение, интеллигенция закавказских республик при принятии Конституций республик в 1978 г. ставила вопрос о сохранении в них статуса языков как государственных. Центр выступал против. Тогда в Грузии начались демонстрации. На центральной улице Шота Руставели в Тбилиси перед зданием правительства собрался массовый митинг. По улице пронесли гроб, в котором символически хоронили родной язык. Люди не уходили с митинга, пока Э.А. Шеварднадзе не доложил Л.И. Брежневу о ситуации, и Москва не приняла решение оставить положение о грузинском языке как государственном в республике. Буквально через несколько часов состоялись заседания Верховных советов Армении,

²¹ Запись интервью д.и.н., зав. кафедрой Казанского государственного университета И. Тагирова выполнен Дробижевой Л.М. в 1999 г. См.: Архив Института социологии РАН. Проект «Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России».

²² Ленин В.И. ПСС. Т. 25. С. 71–72.

затем Азербайджана, на которых приняты решения о внесении соответствующих положений в Конституции республик 1978 г.

Была одна автономная республика – Абхазия, в которой 1967, в 1977–78 гг. в результате массовых выступлений, требований интеллигенции абхазский язык по решению властей стал третьим государственным языком. Естественно все эти решения санкционировались Политбюро ЦК КПСС.

Последняя советская Конституция 1977 г. была в одной своей части противоречивой, но в другой открывала возможности, опираясь на ее положения развивать демократические процессы, если бы в ней не было положения о ведущей роли партии (статья 6), которая и определяла, будут ли права граждан реальными или только декларированными. Но исторический процесс зависит не только от воли лидеров и партий, но и от объективных изменений в обществе. Поэтому остановимся на социальных и демографических переменах, которые заставляли считаться с собой и власть, и общество.

Этнодемографические и социальные изменения в жизни национальностей в 70–80-е гг.

Демографические характеристики национальностей – их численность на разных территориях, в конкретных республиках, в городах разного типа и сельских районах, динамика и направления перемещения, мобильность – отражают их социальный потенциал и одновременно изменения в межнациональных отношениях.

Если в предвоенный период с 1926 по 1939 гг. наблюдалась во всех республиках увеличение доли русских при сокращении удельного веса, так называемого, тогда коренного населения и в целом увеличение этнической мозаичности²³ (за исключением РСФСР и БССР), то к 60-х гг. и совершенно очевидно в 70-е гг. наблюдалось снижение доли русских.

При этом в республиках выделялись две тенденции. В республиках Закавказья, Средней Азии и Казахстане *росла доля коренного населения, снижалась доля русских* (в основном в городах) и увеличивалась этническая однородность населения. В Армении доля русских в 1970 г. была 2,7%, в 1989 г. – 1,6%, в Азербайджане в 1970 г. –

²³ Индекс этнической мозаичности рассчитывается по формуле, предложенной Б.М. Эккелем. См.: *Эккель Б.М.* Определение индекса мозаичности национальностей республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.

10%, в 1989 г. – 7,9%, в Грузии соответственно с 8,5% до 7,4%. При этом в Грузии и Азербайджане *сокращалась доля армян*, а Армении – *азербайджанцев* (с 1970 по 1979 гг. с 10 до 7,9%).

В Среднеазиатских республиках и Казахстане *возросла доля коренного населения* и за счет высокой рождаемости, и за счет *сокращения доли русских*. С 1970 по 1989 гг. доля русских сократилась в Узбекистане с 12,5 до 8,4%, в Казахстане – с 42,4 до 37,8%, в Туркмении – с 14,5 до 9,5%, в Таджикистане – с 11,9 до 7,6%, в Киргизии – с 29,2 до 21,5%²⁴. Этническая мозаичность в этих республиках снижалась.

В другой группе республик – Белоруссия, Украина, Латвия, Эстония, Молдавия – уже с 50-х гг. прогнозировалось уменьшение доли коренного населения и рост доли русских, а в Латвии и Эстонии и других национальностей. С 1970 по 1989 гг. в Латвии росла доля русских с 29,8 до 34%, а в Эстонии с 24,7 до 30%. В Литве изменения были не такими заметными – 95,3% литовцев жили в республике, и русские составляли в 70–80-е гг. 8,6–9,4%.

Особенно важны были пропорции коренного населения республик и русских так же, как и других национальностей в городах, поскольку здесь взаимодействие национальностей более тесное, непосредственное, в большинстве случаев практически повседневное. Среди городского населения туркмены, казахи, таджики, киргизы в республике составляли 33–18% (на 1979 г.). Но это были союзные республики, где доля городского населения вообще была наиболее низкой, и доля горожан среди коренного населения потому невысокой. Это объясняло состав городского населения и конфликтности не вызывало. Русские, составляя в городах большинство, не просто задавали модель поведения, они были создателями индустриальных благ, более высокого социального статуса – учителя, врачи, преподаватели ВУЗов. Короче они были теми, в ком нуждалось местное население.

Иная ситуация была в Латвии, Эстонии, где горожан в 1989 г. было 71%, а коренные национальности были представлены в Латвии – 44%, в Эстонии – 54% населения, и здесь это вызывало неприятие. Понятно, тут было собственное урбанизированное население со своим стилем жизни (еще было живо поколение, жившее в республиках, когда они были самостоятельными государствами). Люди проводили свободное время в кафе за чашкой кофе встречаясь с друзьями, хо-

²⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. – М.: Статистика, 1973. Т. IV; Союз. 1990. № 32.

дили в театр в вечерних костюмах, массовыми были праздники песни, сохранялись традиции городской жизни. Но не прекращался приток русских на промышленные предприятия. Многие из них были горожанами первого поколения. Кроме того, здесь оставались жить демобилизованные военные, оставшиеся после войны. Они были горожанами, но другими по стилю жизни и не всегда имели намерение адаптироваться к местным традициям.

В Грузию, Азербайджан, Армению приток русских прекратился, а в Грузии и Азербайджане уже происходило сокращение доли русского населения. В Латвию и Эстонию наоборот приток инонационального населения, по большинству русского, не прекращался.

В столицах всех союзных республик доля русских сократилась, особенно в Алма-Ате, Ашхабаде, Душанбе, а в Риге и Таллине она оставалась высокой. Это неблагоприятно встречалось частью местного населения. Частично такие настроения связаны с языковой компетенцией: в 1970 г. среди эстонцев даже в молодежном возрасте 16–19 лет свободно владело русским языком 40,5%, а в целом у эстонцев – 29%. Среди русских же владели эстонским в 1970 г. – 12,5%, в 1989 г. – 13,7%²⁵.

Латышей, хорошо знающих русский язык, было 45%. С 1970 по 1979 гг. доля эстонцев, свободно владеющих русским языком, даже уменьшилась до 24,2%. Они были единственной национальностью среди союзно-республиканских, у которых доля знающих русский, уменьшилась²⁶ или точнее было бы сказать – указавших на свободное знание русского.

Демографические изменения выявили новые тенденции в этническом составе страны. Прирост численности русских оказался ниже среднего по стране. Признание себя русскими частью украинцев и белорусов, живущих в РСФСР, не компенсировало заметное снижение рождаемости в среде русских. Доля русских с переписи 1970 г. снижалась – с 53,4% в 1970 г., 52,4% в 1979 г. до 50,8% в 1989 г. Снижалась рождаемость и соответственно имела место тенденция сокращения доли европейских национальностей. Одновременно более высокая рождаемость в среднеазиатских республиках, в Азербайджане, у национальностей Российской Федерации с мусульманской культурой приводило к общему увеличению доли национальностей

²⁵ Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологических исследований / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. С. 295.

²⁶ Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М.: Политиздат, 1980. С. 23–26.

с мусульманской культурой. Конечно, такое определение условно. Естественно, и среди узбеков, туркменов, киргизов так же, как среди азербайджанцев были люди, особенно состоявшие в КПСС, называвшие себя атеистами, а порой и действительно считавшие себя таковыми, но сохранявшие традиции в повседневной жизни. Достаточно вспомнить, как до Москвы дошла весть о том, что секретарь компартии Узбекистана Рашидов похоронен после официальных церемоний по мусульманскому обычаю. В материалах моих глубинных интервью с творческой интеллигенцией 1979–1980 гг. есть запись интервью с народной артисткой, всесоюзно известной балериной Р. Каримовой. В нем она рассказывала: «Сейчас я к Вам пришла с репетиции, а вечером у меня партия Кармен. В ней у меня только переодетый семь, а эмоциональное напряжение! Но вечером, когда я вернусь домой, я должна подать ужин отцу и мужу обязательно... а сама я потом отдельно покушаю. Таков у нас обычай ... Овации, цветы, но дома я жена и дочь!».

Наверное, было бы преувеличением считать, что «естественный прирост населения ... у азиатов, особенно у мусульман, драматически нарастал», как писал А. Каппелер. К 1989 г. доля их составила 20%, если в подсчетах опираться на численность населения республик с традиционно мусульманской культурой, хотя считалось, что культура у всех советская²⁷.

Принципиальное значение и для демографических и социальных изменений имели два процесса – урбанизация и продолжающаяся индустриализация страны.

Социальная структура народов СССР в 70-е гг. считалась однотипной, поскольку у всех она представлена рабочими, колхозным крестьянством категорией служащих. И хотя в официальных статистических сборниках присутствовали именно эти социальные деления, в научной литературе с конца 60-х гг. стали использоваться и другие понятия, отражающие распределение по характеру и качеству труда: умственный – физический труд, квалифицированный – неквалифицированный. Такая необходимость в терминологии связана, прежде всего, с тем, что в самих классовых делениях сохранялась неоднородность труда. Например, среди рабочих были работники, занятые в промышленности и занятые сельским производством – те, кто работал в совхозах. Важность разделения по видам труда очевидно выступала, например, при рассмотрении социального состава

²⁷ *Каппелер А.* Россия многонациональная империя: Возникновение. История. Распад: монография / А. Каппелер; пер. с нем. С. Червонная. – М.: Традиция, 2000. С. 307.

населения в Казахстане. Здесь среди казахов по переписи 1959 г. рабочих было 43%, но в промышленности их было занято 6%. У русских же, латышей, эстонцев в промышленности было занято 19–23% всех рабочих (всего рабочих было 54%, 51%, 46% соответственно). В служащие попадали и люди чисто исполнительского труда и работники преимущественно умственного труда – интеллигенция. Задачей ставилось как сближение рабочих, колхозников, служащих по характеру труда, так и преодоление социального неравенства между народами, т. е. «социальное выравнивание этносов», как тогда говорили. Естественно, эти процессы лимитировались географическими условиями жизни в регионах, экономическим разделением труда, определявшим целесообразность развития тех или иных отраслей хозяйства, исходившую из общесоюзных интересов и только затем региональных, республиканских. Кроме того, безусловно, имело значение и историческое прошлое развития территорий, и исторический опыт людей разных национальностей. К 70-м гг. рабочие преобладали у русских (63%), армян (60%), эстонцев (57%), латышей (54%), литовцев (52%). По числу промышленных рабочих выделялись также украинцы. У казахов, белорусов рабочие тоже составляли более половины населения, но среди них была высокая доля рабочих совхозов, т. е. занятые сельскохозяйственным трудом. У всех других коренных национальностей республик преобладало колхозное крестьянство.

Самые заметные и существенно значимые изменения произошли среди занятых умственным трудом. Доля занятых умственным трудом росла в целом по стране. В 1959 г. она составляла в СССР 21%, в 1970 г. – 27%, в 1979 г. – 29%²⁸. При этом в составе людей преимущественно умственного труда выросла доля интеллигенции. В 1959 г. интеллигенции было 2/3, служащих 1/3, в 1970 и 1979 гг. интеллигенция уже составляла 3/4, а служащих – кассиров, счетоводов, регистраторов – стало не хватать. Тенденции были общие у народов, но этническая специфика, обусловленная историческим прошлым, влияла на степень урбанизации и индустриализации. На протяжении и предшествующего времени и в 70-е гг. корреляция между долей занятых умственным трудом у народов и долей горожан сохранялась. Чем больше горожан, тем больше у национальностей занятых умственным трудом. У русских, армян, эстонцев, латышей горожане составляли 63–77% населения и у них самые высокие показатели доли работников умственного труда – 31–34%.

²⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. – М., 1962. С. 130; Численность и состав населения в СССР. – М., 1984. С. 181.

У титульных национальностей республик Средней Азии меньше всего горожан – 21–31% и была меньше доля людей умственного труда – 16–20%.

Но новым было то, что в 1979 г. уже в 6 из 15 национальностей, дающих название союзным республикам, доля людей умственного труда была такой же, как у русских (33–34% у эстонцев, грузин, армян, латышей, 31% у казахов, к ним приближались литовцы, украинцы, белорусы – 25–28%). По переписи 1959 г. только четыре народа имели такую долю умственного труда как русские. Это были принципиальные изменения в положении народов²⁹. Учитывая, что эти народы еще имели и презентационный статус народов, дающих название союзной республике и соответствующее представительство во властных структурах, претензии их элит, естественно, получали дополнительные аргументы.

К тому же статус национальностей менялся и с изменением структуры самой интеллигенции. По численности самыми большими группами интеллигенции были административно-управленческая и так называемая массовая – учителя, врачи, и производственная. По доле административно-управленческой и массовой интеллигенции народы мало различались. Эти «отряды» интеллигенции формировались советской властью. Прежде всего, без них нельзя было осуществлять власть на местах и внедрять необходимую идеологию. Доля же производственной интеллигенции у народов сильно различалась. У более урбанизированных народов она даже несколько преобладала, а у азербайджанцев, казахов, молдаван и народов среднеазиатских республик была меньшей, чем административная.

70-е гг. были временем существенных изменений в пропорциях интеллигенции: производственная интеллигенция стала самой многочисленной группой по сравнению с другими у большинства народов союзных республик. Теперь интеллигенция, занятая производственным и интеллектуальным трудом (наукой, художественно-творческой деятельностью) составляла большинство в сравнении с административно-управленческими работниками и служащими.

Группа производственной и научной интеллигенции отражала включенность народа в научно-технический прогресс, как тогда говорили, или в модернизационный, как говорят в XXI в.

²⁹ В мировой социологии статусное положение этнических групп так и измеряется (по Веберу) через уровень образования, долю квалифицированного труда и, прежде всего, высококвалифицированных специалистов, тех категорий работников, которые у нас именовались интеллигенцией.

Научная интеллигенция неоднородна. Часть ее, занятая рациональным научным производством – техническими, естественными науками – продвигает прогресс, та, что занята гуманитарными знаниями, – формирует мышление, апеллирует к рассудку людей, а художественная интеллигенция эмоциями подкрепляет духовную жизнь народа.

Научно-техническая и производственная интеллигенция в своей деятельности изначально была открыта и больше, чем другие профессии, заинтересована в интеграции. Она и росла быстрее в современном обществе, ибо была потребность в ее продукции. В век реактивных самолетов человек не может одновременно «потреблять» дилижансы, писал, анализируя социальную структуру общества, Ю.В. Арутюнян³⁰. Художественная интеллигенция была не столь быстро растущей. В художественной культуре, созданное в прошлом, в немалой части востребовано всегда. Читая Ч. Айтматова, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулину, образованная публика не забывает М. Лермонтова и Ф. Достоевского, слушая А. Хачатуряна, ходит на концерты С. Рахманинова и В.-А. Моцарта. Художественная интеллигенция всегда была у каждого народа, и хотя доля ее была небольшой, она являлась своеобразной визитной карточкой, создавала престиж народа. В то же время вместе с гуманитарной интеллигенцией художественная интеллигенция формировала мораль и нравственность народа, она опиралась на традиции и, естественно, более других групп интеллигенции была заинтересована в сохранении языка и культуры.

Самые заметные количественные изменения происходили в группе научной и производственной интеллигенции, поскольку в них по республикам были наибольшие диспропорции в прошлом. Теперь и в республиках Средней Азии, Казахстане, Молдавии были и научные работники, и производственная интеллигенция.

Новым с 70-х гг. стало приближение азербайджанцев, казахов к среднесоюзным показателям по производственной и научной интеллигенции. Но по-прежнему больше, чем в среднем по Союзу, производственной интеллигенции было у русских, украинцев, научной – у армян, русских, грузин, а художественно-творческой – у армян, грузин, литовцев, латышей³¹.

³⁰ Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологических исследований / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. С. 62.

³¹ Арутюнян Ю.В. Социальная структура наций: сфера труда // Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологических исследований / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. С. 67.

Исследования изменений внутривидового характера (т. е. в составе рабочего класса, интеллигенции) применительно к национальностям начались только в 70–80 гг. с развитием этносоциологии как научного направления. Они и позволили выявить те социальные процессы, которые должны бы были быть учтены в регулировании межнациональных отношений.

Даже визуально общественность замечала, что меняется этнический состав профессионалов и в республиках, и в центре. Комплексный анализ социальных показателей давал основания этносоциологам объяснять такие этносоциальные различия не только субъективными выборами. «На данном этапе ... до сих пор на развитии народов весьма повелительно сказывается их прошлое. Различия объективных внешних условий – степень урбанизации, образования, вовлечения в промышленность, государственное регулирование и т. п. – определяют профессиональные выборы ... Процесс преодоления социально-профессиональных различий не быстротечен и не однозначен»³².

Даже при увеличении сходства в доле образованных людей, занятых умственным трудом, этнокультурные различия в одинаковых социально-профессиональных группах оставались, и очевиднее они проявлялись в своей этнической среде. Наблюдения, сделанные во время исследований в Узбекистане в начале 80-х гг. показали: в крупном проектно-учреждении Ташкента на выполнении чертежных работ, в том числе высококвалифицированных, которые осуществлялись в режиме конвейера, трудились в доминирующем большинстве русские, а в конструкторском бюро преимущественно узбеки. Из содержания глубинных интервью и в том, и в другом подразделении можно было выяснить различия. Объяснения и чертежников, и проектировщиков сводились к одному: при конвейерном типе работы отлучка каждого человека останавливает всю работу. Те же, кто работает в конструкторском бюро, могут договориться и отлучиться на традиционно многодневные свадьбы или похороны. Естественно, подобные этнокультурные оттенки плановым или волевым методом не преодолеешь. Специалисты в одной отрасли хозяйства требовали одинакового уровня образования и квалификации, и по этим показателям они были почти одинаковыми в Эстонии, Латвии, Узбекистане и Киргизии. Но детность в семьях этих специалистов была разной. Среди работников умственного труда у эстонцев имели четверо и более детей всего 1%, а среди узбеков – 16%. В многодет-

³² Там же.

ных семьях больше расходов на одежду, питание, бытовые нужды, меньше возможностей на реализацию культурных интересов. Театралов среди узбеков, занятых квалифицированным трудом, было в два раза меньше, чем у эстонцев не только в силу европейской культуры, но и материальных возможностей, не только влияния традиционной исламской культуры. Театралы в Ташкенте – это была элита, а в Таллине – большинство горожан. Но, естественно, потребности людей, в том числе культурные, социальные, формируются средой, и разность их, очевидно проявлявшаяся в 70-е – начале 80-х гг., с еще большим разнообразием заявила о себе в конце 80-х.

Чем больше накапливался социальный потенциал у национальностей – шире становились круги интеллигенции, разнообразнее ее профессиональный состав, тем более высокими социальные и политические запросы. Известный в социологии закон возвышающихся социальных потребностей (чем больше мы имеем, тем больше мы хотим) касался как всего мирового сообщества, так и советского общества.

Росло число студенчества. Коэффициент вариации – отклонение по республикам доли студентов среди населения республик – был уже не таким большим, как в прошлые годы – в 40-е гг. он составлял 59%, в 1970–71 гг. и в 1980–81 гг. – 15%. Но национальный состав менялся. В 1979 г. в девяти республиках – Грузии, Казахстане, Азербайджане, Армении, Литве, Эстонии, РСФСР, Киргизии, Туркмении – доля молодежи коренных национальностей превышала или была равна доле коренной национальности в данной республике³³. Соответственно уменьшался удельный вес русских и других национальностей среди студентов ВУЗов, сокращалось участие в воспроизводстве республиканской интеллигенции. С воспроизводством интеллигенции из среды коренных национальностей в республиках укреплялось чувство самодостаточности. У грузин, узбеков численность обучающихся в университетах в 70–80-е гг. увеличилась в три и более раза. Межпоколенная мобильность от «отцов» к детям у национальностей союзных республик была выше, чем у русских. К концу 80-х гг. в большинстве республик интеллигенция коренных национальностей в разной мере, но возросла. У русских рост интеллигенции в республиках замедлен.

У русских в формировании интеллигенции принимала участие главным образом уже сама эта социальная группа. А у узбеков, мол-

³³ Расчеты Л.В. Остапенко // Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологических исследований / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. С. 81.

даван 2/3 среди занятых умственным трудом, были выходцы из семей рабочих и колхозников. И у более урбанизированных эстонцев была такая же картина. Даже среди молодого поколения интеллигенции в 70-е – начале 80-х гг. 2/3 были выходцами из среды работников физического труда и служащих, т. е. большинство повысили свой статус по сравнению с отцами. С одной стороны, это не могло не вызывать чувства удовлетворенности карьерным ростом, с другой, стимулировать сознание – «мы можем всё сделать сами».

Конечно, у интеллигенции первого поколения был меньший запас знаний, они зависели от школы, в которой проходили обучение (городские и особенно с иностранным языком обучения давали больший потенциал), информации, которую получали в родительском доме, но диплом был, и это давало возможность претендовать на престижные роли.

У русских темпы мобильности в 70–80-е гг. были не такими высокими. По доле интеллигенции русское городское население РСФСР занимало девятое место среди национальностей союзных республик. За 80-е гг. эта доля не изменилась (и в 1979 г. 27,6%, и в 1989 г. 27,1%). Социологи связывали это со сложностями трудоустройства, неэффективностью механизма управления подготовки и переподготовки кадров, стимулирования вознаграждений. В течение десятилетий низкооплачиваемыми в советском государстве были работники просвещения, здравоохранения, учреждений культуры³⁴.

В отличие от прошлых десятилетий в конце 80-х гг. русские в городах республик уже не выделялись преимущественным более высоким статусом, особенно в республиках со значительной долей собственной интеллигенции. Сказывалось недостаточное владение ими языком коренной национальности. Двуязычие давало преимущество работникам умственного труда из среды национальностей республик. Обострилась конкуренция за престижные должности, дающие и более высокую заработную плату.

Данные исследований, проводившихся в середине 80-х гг. этносоциологами Института этнографии АН СССР, показывали, что особенно сложно было устроиться на работу интеллигенции и, прежде всего, русской в республиках, где было больше специалистов коренной национальности. В Тбилиси, отвечая на вопрос «Легко ли устроиться на такую работу, как у вас?», более 58% русских специалистов высшей квалификации ответили – «устроиться трудно». В Ташкенте же трудности испытывали 27%.

³⁴ Экономика и жизнь. 1991. Апрель. С. 14.

У русских специалистов оставалось преобладание в промышленных отраслях производства. В них оставалась нужда во всех республиках. Но, к сожалению, в перспективе это создавало для русских не преимущество, а потери, поскольку в условиях перехода к рыночной экономике, когда промышленные предприятия должны были переустраиваться, не все они выдерживали условия новой жизни и закрывались, а работники этих отраслей не все находили себе применения.

Будучи занятыми на крупных государственных промышленных предприятиях русские жили в лучших домах, предприятия имели возможность строить новые здания для своих работников. В Эстонии, например, судя по ответам респондентов (опросы середины 80-х гг. в городах республики этносоциологами Института этнографии АН СССР), 81% русских были удовлетворены жилищными условиями, а среди эстонцев, которые работали на мелких и средних предприятиях, удовлетворенных было чуть более 30%.

Работавшие на крупных госпредприятиях пользовались путевками в летние лагеря для отдыха детей и сами чаще отдыхали в домах отдыха, санаториях. Все это у «коренного» населения республик вызывало представления о преимуществах русских.

В то же время в партийно-государственном аппарате участие русских снижалось, особенно в республиках Закавказья и Прибалтики. В конце 80-х гг. в Грузии, например, на 1000 человек у грузин представительство в руководящих органах республики было в 2,5 раза больше, чем у русских. И хотя, конечно, «руководящая и направляющая» роль оставалась за ЦК КПСС, все же очевидно, что русским было все труднее сохранять влияние в республиканских элитах.

Среди идеологически важной группы интеллигенции (литераторы, художники, музыканты и работники науки), русские оказывались тоже не в лучшем положении. В конце 80-х гг. на 10 000 занятого городского русского населения в России приходилось 63 работника литературы и искусства, а у армян – 145, евреев – 291, а в большинстве республик это соотношение тоже было уже в пользу титульных национальностей. Подобные тенденции имели место и в ряде автономных республик – Якутии, Татарстане, Бурятии³⁵. В Якутской ССР доля специалистов с высшим образованием среди русских была уже ниже, чем у якутов.

Неблагоприятными симптомами уже середины 80-х гг. были меньшая удовлетворенность условиями для роста и продвижения

³⁵ Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Мысль, 1996.

у русских в Прибалтике, Закавказье. Русские этими условиями были удовлетворены в два раза меньше, чем грузины, в 1,5 раза меньше, чем эстонцы в республиках. 30–40% среди русских в этих республиках связывали изменение к лучшему в своей трудовой деятельности уже с переездом из республик.

Общество в советском государстве становилось все более образованным в целом и в республиках. Особенно показательно была ситуация в столицах, где обычно и формируются идеология и настроения. В середине 70-х гг. даже в столицах республик, которые тогда относили к «отставшим в прошлом народам», людей с начальным образованием и малограмотных в Кишиневе и Ташкенте, например, было 16–22%, к середине 80-х гг. эти группы среди трудоспособного населения столиц просто исчезли. Имеющие полное среднее и высшее образование стали большинством населения столиц. Их было 70–80% среди жителей как Таллина, так и Кишинева и Ташкента. В начале 70-х гг. даже в столицах постоянные читатели художественной литературы не составляли большинства работающего населения. В 80-е гг. постоянные читатели стали преобладающей частью жителей³⁶.

В таком обществе не хлебом единым жив человек. Потребности людей росли, возможности же их удовлетворения оставались ограниченными, что связано было и с принципами управления в стране. Попытки экономических реформ и изменений в системе управления выходят за пределы нашей темы, но очевидно, что неудачи в них отражались и на сфере межнациональных отношений и на институциональном (межреспубликанские отношения, центр-регионы), и на межгрупповом и личностном уровнях.

Центральные органы КПСС и республик пытались решать эти проблемы через идеологический прессинг и методы партийного руководства. Но насколько это удавалось?

Мифы и реальность многонациональной семьи народов

Многонациональный Советский Союз с его федеративной системой отношений зарубежные ученые называли «многонациональной империей», но в СССР в публичном пространстве он именовался «многонациональной семьей народов». Однако семья эта была уже такой,

³⁶ Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологических исследований / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. С. 427.

где дети, как мы видели, выросли. Поддерживать взаимозаинтересованные добрые отношения в ней было сложнее.

В социально-экономической сфере КПСС декларировала линию на «всестороннее развитие наций». Развитие, конечно, было, без образованных и профессионально подготовленных людей невозможен прогресс ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве, ни в науке. В развитие народного хозяйства республик вкладывались большие средства, и оно менялось от десятилетия к десятилетию. Не будем перегружать читателя цифрами. Доказательством могут служить уже приведенные ранее данные о росте квалифицированных работников в республиках. Ведь если бы экономика не развивалась, эти работники не были бы нужны или не находили бы применения.

Однако схема разделения труда при всех изменениях оставалась еще унаследованной от дореволюционного прошлого. Наиболее развитыми промышленными районами оставались регионы Северо-Запада – республики Прибалтики, особенно Латвия, Эстония, центр – РСФСР и Украина, приближалась к ним Белоруссия, а республики Средней Азии, значительная часть Казахстана оставались преимущественно аграрными.

Тенденция к сближению показателей уровня экономического развития по сопоставимым отраслям экономики тоже имела место с конца 60-х гг. – в 70-е гг., но в середине 80-х гг. этот процесс приостановился и далее имел тенденцию к нарастанию различий³⁷. Ведь даже экономические инвестиции в республики исходили, прежде всего, из интересов, которые определялись ЦК КПСС, т. е. Центром.

Обнаружились несоответствия в уровне жизни не только между республиками, но и населением центральных областей России. «Если взять в качестве масштаба уровень жизни, то у русских, прежде всего в провинции, он был все еще значительно ниже, чем у многих нерусских на периферии страны», – писал о ситуации в Союзе в 70–80-х гг. западноевропейский историк А. Каппелер³⁸.

Но советские историки об этом тогда не писали. Однако аналитики знали ситуацию. В 80-е гг. уже можно было об этом писать. Но как? После серии исследований в 1972–1982 гг. от отдела этносоциологии Института этносоциологии (впоследствии Института этнологии и антропологии) РАН в ЦК КПСС передана докладная записка. В ней фиксировалось, что в сфере образования у всех народов, в том числе

³⁷ Накануне кризиса. – М., 1990.

³⁸ Каппелер А. Россия многонациональная империя: Возникновение. История. Распад: монография / А. Каппелер; пер. с нем. С. Червонная. – М.: Традиция, 2000. С. 307.

в Закавказье, в Средней Азии достигнуты несомненные успехи. Но льготы, которыми пользовались национальности в период «коренизации» аппарата, теперь используют в основном горожане и часто дети элитных групп, а недообразованностью страдают сельские жители и горожане малых городов. Предлагалось изменить политику и льготы при поступлении в ВУЗы, предоставлять их не по национальному признаку, а сельским жителям³⁹.

Национальная политика не оставалась неизменной. Еще в конце Отечественной войны, когда предстояла пора тяжелого восстановления народного хозяйства, в сталинское время была задана ориентация опоры на русский народ. Не случайно Сталин на праздновании победы поднимал тост за мужество русского народа, который обладает терпением. В тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» говорилось о большой роли русского рабочего класса, русского народа, которую признают все народы Советского Союза⁴⁰. И в последующем с 60-х гг. пресекались попытки отступления от интернационализма, которые видели порой в сохранении национальной школы, использовании национальных языков, а не русского в публичных выступлениях. Национальные языки еще с ленинских времен рассматривались как важные, главным образом, для проведения советской политики. Но в 70-ые годы выступления на форумах ученых или политологов с Украины на украинском языке могли рассматриваться как проявления националистических настроений. Республиканские партийные организации критиковались за искажение исторической правды, писатели, драматурги – если отказывались от представления прошлого как ретроградного. Поддерживалась ориентация на русскую культуру, которая была идеологически отфильтрована и от непригодного с точки зрения партии прошлого и от зарубежной эмиграции (На историческом факультете МГУ попытки студентов взять курсовые работы о творчестве Шалапина, Рахманинова пресекались). Впоследствии после перестройки новые идеологи (Г. Попов, тогда мэр Москвы) признают, что обескультурен, лишен традиций был, прежде всего, русский народ. Но тогда на русскую культуру и язык возлагались особые функции – носителей советской идеологии, советской культуры. Отступления от этой линии оценивались как проявление национализма.

³⁹ Докладная была подписана зав. отделом Ю.В. Арутюняном.

⁴⁰ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1967. С. 16.

Попытки более самостоятельной политики республик, чем дозволено Центром, пресекались. Так известно, что при отстранении Первого секретаря ЦК КП Украины П. Шелеста в 1972 г. его национализм видели в обращении к Брежневу с предложением расширить полномочия Украины во внешнеполитической деятельности. В кулуарах же вспоминали, что при нем запорожцы стали любимой темой в художественной культуре, а в вышедшем фильме «Пропавшая грамота» по повести Гоголя в финале звучал марш, который был не музыкой гетманской эпохи, а Запорожской дивизии армии Петлюры. «Неблагонадежность» в национальном вопросе всегда могла быть использована при отстранении недостаточно надежных руководителей. Если в республиках лидеры заявляли о предоставлении больших прав или в чем-то особой политики, их меняли. Так было с руководством Азербайджана, Латвии, Молдавии, республик Средней Азии. В 1972 г. дело дошло до Украины.

С начала 70-х гг. последовал ряд постановлений ЦК КПСС, требующих усилить идеологическую и организационную работу в республиках: «О политической работе среди населения Львовской области» (7 октября 1971 г.), «Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома Компартии Грузии...» (февраль 1972 г.), «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в... Белоруссии» (август 1974 г.), «О ходе выполнения партийной организацией Грузии постановления ЦК КПСС об организаторской работе Тбилисского горкома партии» (июнь 1976 г.).

В. Щербицкий, сменивший П. Шелеста на Украине, по указанию ЦК КПСС провел Пленум ЦК КП Украины, на котором он критиковал областные организации Львовской, Тернопольской, Черниговской, Закарпатской, Одесской, Крымской области за недостатки в патриотическом и интернациональном воспитании⁴¹. Украинская партийная организация – самая большая, она всегда вызывала особое внимание Политбюро ЦК КПСС.

В докладе ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза (1981 г.) выделен специальный раздел, посвященный межнациональным отношениям. Новым аспектом в нем было обращение к республиканским организациям о необходимости учета культурно-бытовых интересов лиц некоренных национальностей (читай – русских, прежде всего) и их представительности в органах власти⁴² (подчеркнуто нами).

⁴¹ Правда Украины. 1974. 17 мая.

⁴² XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. – М., Политиздат, 1981.

Если рассмотреть череду специальных партийных решений и указаний, очевидно, что не все было так благополучно и становится понятным, почему партийное руководство Центра лавировало, то опираясь на русское большинство, то идя навстречу запросам окрепшей элите республик, признавая, что само «развитие наций» рождает новые проблемы, требующие решений. Ответом на осознаваемые сложности новой ситуации можно считать появление пропагандируемой идеологии новой исторической общности людей – «советский народ», дополнивший подтверждаемую политику «развития и сближения наций». Политика развития была не только декларируемой. Если у 2/3 интеллигентов коренной национальности в Молдавии, Казахстане, республиках Средней Азии их отцы были работниками физического труда, если доля горожан только между переписями 1959 и 1979 года увеличилась среди белорусов почти в 2 раза, молдаван в 2 раза, литовцев в 1,7 раза, в республиках Средней Азии среди коренных национальностей уже 25–33% стали горожанами (в период с 1970 по 1979 год городами миллионниками стали Баку, Ереван, Минск, Тбилиси) то трудно отрицать реальность политики развития национальностей. Сложнее с политикой сближения. Интерпретация ее была разной. В массовой партийно-пропагандистской сети она либо не раскрывалась с расчетом, что многое, декларируемое партией воспринималось просто на веру, либо эта политика интерпретировалась как обеспечение большего сродства, взаимопонимания и хороших отношений между народами (термин того времени).

Воспринималась эта политика по-разному. На партийных съездах в выступлениях первых секретарей ЦК Компартий республик можно было услышать, а потом и прочитать о наборе общих черт и сходных устремлениях. «У советских людей всех национальностей одна родина... одна судьба, одни интересы, общее дело и единая цель – строительство коммунизма, одна идеология – марксизм-ленинизм, один рулевой, общий вождь – партия великого Ленина...», – говорил Ш. Рашидов из Узбекистана⁴³. А. Снечкус из Литвы, И. Бодюл из Молдавии, М. Гапуров из Туркменистана говорили о складывании общей экономики, культурном обмене и взаимообогащении культур, единстве интересов, интернационализации образа жизни⁴⁴. Именно

⁴³ XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. – М.: Политиздат, 1966. С. 351.

⁴⁴ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. – М.: Политиздат, 1971. С. 341–342, 370, 472–473.

при М. Гапурове завоевание Туркменистана Россией в 1880–1881 гг. переименовано в «добровольное вхождение в Россию».

На XXV съезде КПСС Л. Брежнев закрепил эти представления – единый в своих характерных чертах для всех народов страны, советский образ жизни назван одним из завоеваний советского народа за шестидесятилетний путь, а дружба народов охарактеризована как одна из «ярких граней советского образа жизни»⁴⁵.

Надо сказать, что большинство советских людей воспринимали эти заявления потому, что в них были не только идеологические мифы, но и отражение реальности, которую они наблюдали повседневно. Родина была малая у каждого своя, но и действительно общая – СССР. От 60% до 80% населения в разных республиках называли родиной Советский Союз. «Мой адрес не дом и не улица – мой адрес Советский Союз» пелось в популярной тогда песне. Были и общие интересы – развитие экономики, обеспечение людей товарами, необходимыми для жизни (в направлении развития народного хозяйства во времена Косыгина постоянно ставился об этом вопрос), развитие самолетостроения, обеспечивающего связь всех территорий и многое другое из сферы материальной жизни. В духовной жизни благодаря телевидению (70% смотрели регулярно телепередачи в разных концах страны по данным социологов в 80-е гг.), книгоиздательскому делу: на русском и языках народов выдающиеся произведения писателей разных народов становились общим богатством. Книги Ч. Айтматова и В. Астафьева, Р. Гамзатова, Е. Евтушенко и Г. Леонидзе становились известными и почитаемыми.

«И, умея в жизнь взглядеться,
вижу: счастье оттого,
что живем мы сердцем к сердцу –

дети дома одного»⁴⁶ – искренне писал Расул Гамзатов. Это про него по Москве ходили рассказы, что он всем друзьям раздает ключи от своего дома в Дагестане, а его супруга только просила: Вы позвоните заранее, потому что Расул раздал столько ключей, что мы никогда не знаем, хватит ли нам самим места. Все это было, так же как в сухой статистике отражалось сходство в доле образованных, квалифицированных людей у советских национальностей.

Только «сближение» нельзя было однозначно оценивать как потерю этнокультурных особенностей, связанных, прежде всего, с историческим прошлым. Организация труда на одинаковых предпри-

⁴⁵ Материалы XXV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1976. С. 87.

⁴⁶ Гамзатов Р. Собрание сочинений. – М.: Худож. литература, 1968. Т. 1. С. 81.

ятиях в Эстонии, Латвии была лучше, чем на Украине, в России. Дисциплина труда на предприятиях легкой промышленности в Иваново была выше, чем в Ташкенте, но помидоры выращивать там не могли как в Узбекистане, не только из-за различия в климатических условиях. Этническая специфика сохранялась в повседневном бытовом укладе жизни, называемом советским, если традиции не мешали выполнять планы партии и правительства.

Проводившие в 1972–1982 гг. репрезентативные этносоциологические исследования в РСФСР, в республиках Прибалтики (Эстония), Закавказья (Грузия), Средней Азии (Узбекистан), Молдавии Института этнографии АНССР, под руководством Ю.В. Арутюняна, уточняли: **«формирование новой исторической общности – советского народа – ни в какой мере не означает нивелирования национальных особенностей**, в той или иной степени практически дающих о себе знать в разных сферах социальной жизни...». Специфика варьировала по национальностям и находила неодинаковые выражения в разных сферах социальной жизни⁴⁷. Яркие проводники партийной политики пытались под идеологему «сближения наций» вспоминать ленинские дореволюционные высказывания о слиянии наций, что вызывало опасения и неприятие в республиках. Можно предполагать иную тенденцию. Имея собственную интеллигенцию, образованный народ, средства распространения информации, социальные потребности и политические претензии в республиках будут возрастать. В исследовании, которое нами выше упоминалось, сделан важный вывод: «сходство между народами... отнюдь не исключает национальной консолидации и не снижает интенсивности национальных чувств, причем в зависимости от этапа культурного развития действуют различные механизмы, способствующие сохранению и упрочению национальной консолидации»⁴⁸. Как известно уже в 80-е гг. советское общество столкнулось с проявлениями такой консолидации в разных формах.

Как же это произошло, если повсюду тогда говорили о дружбе народов, да и теперь в XXI веке старшее и среднее поколение вспоминает об этом, как о реальности. Была ли она мифом или реальностью?

Не только сейчас, но и тогда автор считала, что реально говорить о дружбе народов нельзя. Это метафора, выражаясь современным научным языком – политический дискурс.

⁴⁷ Социально-культурный облик советских наций. – М.: Наука, 1986. С. 433.

⁴⁸ Там же. С. 7.

Характер отношений **между людьми** разных национальностей обычно в мировой и в отечественной этносоциологии оценивают в континууме от доброжелательных к нейтральным и негативным. В социологии и социальной психологии для выяснения характера отношений используется шкала Богардуса, которая адаптируется к конкретно-историческим условиям. Например, по шкале Богардуса у человека выясняют, как он относится к тому, чтобы принимать людей другой национальности как граждан страны, как члена производственного коллектива (начальника в том числе), соседа по дому, близкого друга, члена семьи – жены (мужа), жены сына (мужа дочери). В американской социологии, когда вводилась эта шкала, считалось, что если люди принимают человека иной культуры, цвета кожи как члена семьи, то тем более они примут его как делового партнера или гражданина страны. В Советском Союзе шкалу приходилось адаптировать хотя бы потому, что проблема принятия лиц другой национальности, расы не стояло. Соседей не выбирали, так как квартиры распределялись городской властью, и эта проблема могла быть только, скажем, в Ташкенте или Душанбе, где люди жили в махалля или сельских поселениях Татарии, Башкирии, республиках Северного Кавказа.

В 70-х и 80-х гг. этносоциологами, как уже упоминалось, проводились исследования межличностных отношений людей разной национальности и потому мы можем представить, какое значение придавали тогда советские люди в разных республиках национальности человека в разных сферах жизни. Конечно, надо было учитывать, что идеологический, нормативный прессинг мог влиять на ответы людей, но он влияет и в других странах. Поэтому человеку задают такие вопросы, на которые он может ответить, вводят контрольные вопросы, используют другие данные (например, статистику этнически смешанных браков, миграцию национальностей и др.).

В городах, где чаще всего контактировали русские, люди коренных национальностей республик, украинцы, евреи в Молдавии 82% молдаван и столько же русских, 81% евреев, 77% украинцев считали, что национальный состав производственных коллективов для них не имеет значения. В Узбекистане такого мнения придерживалось 70% узбеков в городах. Практически 80% грузин, армян, азербайджанцев в городах Грузии во время опросов отвечали, что они не придают значения национальности в производственном общении.

Приведем данные по столицам республик, где отношения всегда сложнее, ибо конкурентность и в духовной, и в культурной сфере реальнее ощущалась. Положительные установки на работу в много-

национальных коллективах в начале 70-х гг. у коренных национальностей в Кишиневе были у 87%, в Ташкенте у 84%, Тбилиси у 75%, Таллине – 56%. В начале 80-х такие установки практически не изменились. Тем не менее, в 1983 г. в связи с 200-летним юбилеем Георгиевского трактата (договора) подготовлена инсценировка на тему русско-грузинской дружбы народов, на которую протестной акцией среагировала грузинская интеллигенция, в том числе Гия Чантурия, Тамара Чхеидзе, Ираклий Церетели.

В городах Эстонии были случаи столкновений между эстонской и русской молодежью. В 1980 г., когда власти не разрешили концерт группы панков, до тысячи молодых людей собрались в центре Таллина с лозунгами, среди которых были «русские домой». Но тогда регулировали ситуацию сами республиканские власти. К концу 80-х гг. эстонцы занимали 82,2% административно-управленческих постов, в других сферах – 61,5% руководящих позиций. Эстонские исследователи признавали, что «большинство эстонцев не участвовали в сопротивлении» тогда. По оценкам социологов М. Лаурестин и Т. Вихалемм в той или иной форме поддерживали идеи сопротивления около 10%. Но 40% предпочитали держаться в стороне от общественной жизни. Еще 40% участвовали в общественной деятельности вне советской системы – как члены хоровых объединений, книжных клубов, кружков культуры, около церкви⁴⁹.

Примерно такая же ситуация была в Грузии, где интеллигенция была, можно сказать, выразительной в республике на общественной арене. Математическая, психологическая научная школа, кинематография, театральная, оперная и драматическая школа как бы придавали дополнительный вес грузинам и во властных структурах Москвы, а тем более в республике. Грузины доминировали в партии (79% членов в республиканской организации). В 1989 г. их доля в руководящих кадрах была 89,3%. Они практически определяли ситуацию в этнонациональной сфере. Мы уже упоминали, какую роль сыграла общественность в сохранении позиций грузинского языка в Конституции республики. В результате в 1985 г. 91% всего объема книжных и 81% периодических изданий Грузии выходило на грузинском языке⁵⁰.

⁴⁹ *Лаур М.* Национальное возрождение в Эстонии – прошлое и настоящее // *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе* – М.: РОССПЭН, 2010. С. 194.

⁵⁰ *Gerber J.* Georgian: Nationale Opposition und kommunistische Herrschaft seit 1956. – Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1997. S. 160–170.

Во время нашей экспедиционной работы в Грузии в 70-е-80-е гг., в ходе интервью с представителями элиты и разговоров с населением мы замечали: грузины могли критиковать Центр за недоучет интересов республики, подчеркнуто вспоминать о великом историческом прошлом. Но в повседневном межэтническом общении «как всегда, был большой гостеприимный дух грузинства». Армяне, русские не хотели уезжать из Грузии, но лучшие рабочие места доставались не им и поэтому потенциальные, а потом и реальные мигранты стали очевидностью.

В 80-е гг. на смешанные браки несколько изменились установки к худшему и у узбеков, и у грузин. Любопытно, что они не менялись у эстонцев: 76–77% допускали смешанные браки, в то время как к производственному общению у них было хуже отношение, особенно у интеллигенции. Здесь сказывались европейские нормы отношений в семье, но самих таких браков было не более 5%.

В целом отношение к межнациональному общению зависело у людей от удовлетворенности трудом, уровня конкурентности, особенно среди интеллигенции. Среди малоквалифицированных работников физическим трудом они также определялись уровнем образования, культуры и традициями.

Мы привели данные по Эстонии и Грузии не только потому, что здесь проходили наши исследования, но и потому, что именно в них была более сложная для советской власти ситуация в 80-х гг.

Взглянув на приведенные данные опросов можно понять, что у старшего и среднего поколения граждан бывшего Советского Союза есть основания вспоминать о хороших отношениях между людьми разных национальностей в советское время. Для **большинства** они были реальными. Но если внимательнее присмотреться к итогам опросов в 80-х гг. четверть грузин в Тбилиси, почти половина эстонцев в Таллине тяготились присутствием русских и других национальностей (в Тбилиси конкурентной группой были армяне, которые начали мигрировать в Армению и Россию).

Негативные межнациональные установки называли тогда пережитком прошлого. Но исследователи понимали, что у интеллигенции они – явление, связанное с новой ситуацией в трудовых и политических отношениях в идеологической сфере. Уже из ранее приведенных данных очевидно – в проблемных республиках речь шла о переизбытке специалистов и борьбе за престижные места: «младшие братья» подросли и претендовали на преимущества при распределении ролей.

В политической сфере обращение Шелеста (Первый секретарь ЦК КПСС Украины) о новых полномочиях республики, события с принятием Конституции в Грузии, Армении, Азербайджане, требования Сухуми признать абхазский язык государственным, обращение Татарского Обкома КПСС об изменении статуса республики обозначили направление требований – расширить права не только союзных, но и автономных республик.

Была еще одна сфера, где накапливались противоречия – это сфера языка. Официально русский считался языком межнационального общения (это фиксировано в программе КПСС). Идеология обязательного двуязычия, которая преподносилась, конечно, через показ преимущества тех людей коренных национальностей республик, которые свободно владеют русским языком, приводила к неоднозначным последствиям. С одной стороны, несомненно, двуязычие давало преимущество людям. Дело было только в том, что национальности республик действительно пользовались этим преимуществом при назначении на привилегированные места и для расширения интеллектуального кругозора. Но, с другой стороны, русские в республиках слабо владели языком коренной национальности и это не очень хорошо там воспринималось. Относительно высокой была доля русских, знающих литовский – в 1989 г. 33,4%. В республике русские составляли всего 9% населения и жить без знания языка большинства людей, живущих рядом, конечно, было трудно. По этой же причине в Латвии в 1989 г. было уже 21% русских, владеющих латышским, в Эстонии эстонским – 13,7%. Видимо имел значение и, условно говоря, статус коренной национальности в глазах русских и знание русского языка местным населением, желание говорить на нем.

В Грузии, Азербайджане доля русских, знающих грузинский, азербайджанский выросла за 70–80-е гг. вдвое. В 1989 г. в республиках 22,5% русских владело грузинским и 14% – азербайджанским, что тоже, кстати, было сигналом повышения социальной конкурентоспособности коренных национальностей. Но в Казахстане, республиках Средней Азии языками титульных национальностей республик владело от 0,85% до 3,5% русских.

И если русский язык пропагандировался как «второй родной язык народов», то об овладении другими языками советских народов говорилось уже с конца 60-х гг. мало. Особенно задевало интеллигенцию в республиках, естественно, прежде всего, ту ее часть, творчество которой связано с языками, акцент на признание русского родным языком. В 1989 г. русский считали родным языком среди латышей, эстонцев, грузин чуть более 1%, а в республиках Средней

Азии и того меньше. При этом протестные настроения росли. Известно письмо деятелей культуры Белоруссии, которое в 1986 г. подписали Василь Быков, Янка Брыль, Вячеслав Адамчик и др. Они сожалели по поводу закрытия школьной сети с белорусским языком обучения, отсутствия кинематографа на белорусском, он вытеснен из делопроизводства и почти не употреблялся в партийных и государственных органах. Людей, которые пользуются родным языком, иногда называли националистами. Писатели считали необходимым сохранить белорусский язык как рабочий в государственных учреждениях, в органах культуры, высшего и среднего образования, на телевидении и в радиовещании. В городах республики уже не было школ с белорусским языком обучения.

Такие же требования выдвигались на Украине. И тогда Центр уже при М.С. Горбачеве проявил гибкость – ЦК Компартии Украины принял специальное постановление «Об улучшении изучения украинского, русского и других языков народов Украины». Но все же акцент все время делался на двуязычии и знании русского языка⁵¹.

Другой большой вопрос был по-прежнему – трактовка исторического прошлого, попытки представить все варианты присоединения территорий в Российском государстве как добровольное присоединение. Известно письмо директора Института истории СССР С. Хромова с рекомендациями по этому поводу в республики, которое довольно широко обсуждалось общественностью.

В письмах в газету «Правда» и журнал «Коммунист», с которыми мы знакомились, упоминались случаи неуважительного отношения к прошлому народов, случаи использования уничижительных терминов применительно к людям нерусской национальности. Известной реакцией на такие проявления были стихи Е. Евтушенко в поэме «Просека»:

Мне псевдорусского зазнайства,
дороже сдержанность нанайца,
но я горжусь
России сын
с наследным правом невозбранным
Кремлем,
как Матенадараном
гордится каждый армянин...

⁵¹ Постановление февральского пленума ЦК КПСС // Правда. 1989. 20 февраля.

Когда я говорю «Россия»,
то не позволит мне душа,
задеть хоть чем-нибудь грузина,
еврея или латыша...⁵²

Реагируя на ситуацию в республиках ЦК КПСС стал возлагать ответственность на местные кадры за недостатки в идеологической работе, препятствия в привлечении «... к руководству представителей всех национальностей... межрегиональному обмену кадрами, обмену опытными работниками между республиками и центром»⁵³. Метод перемещения кадров из одних регионов в другие использовался и раньше, но тогда не было профессионалов в республиках. Правда, как замечали нам в Грузии: «почему-то к нам присылают русских руководителей, но не видно, чтоб кого-то из республик на ответственную работу в Центр послали руководить». К чему привела эта политика, стало ясно, когда началась политика «гласности» и перестройки.

Многонациональное советское общество, хотя условно, метафорически, и называлось семьей, но было семьей сложной, в которой не во всем и не у всех было согласие. Равноправия в ней не было, чувство общности все время подвергалось испытаниям, ибо советская ментальность не исключала стремления к сохранению самобытности и этнических интересов элит, а новый образовательный ресурс даже стимулировал этническое самосознание. Стремление соединить господствующую идеологию с приоритетами более высокой культуры, исходящей из Центра, стереть из памяти воспоминания о своей истории, не соответствующей представлениям партийного руководства, по мере роста собственного культурного потенциала вызывало у интеллигенции национальностей республик недовольство. Это было проявлением общей закономерности в мире – «чем чаще люди исходят из одних и тех же цивилизационных предпосылок, тем больше они пекутся о своей специфической идентичности»⁵⁴. Управленческая элита республик все чаще заявляла собственные претензии на распоряжение ресурсами. Появление этнической оппозиции становилось одним из проявлений кризиса советской идеологии и институтов власти.

⁵² *Евтушенко Е.* В полный рост. – М., 1977. С. 138, 139.

⁵³ Выступление Лигачева на XXVII съезде КПСС // Правда. 28 февраля 1986.

⁵⁴ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе – М.: РГГУ, 2000. С. 217–218.

*Этничность в контексте политического
транзита конца 80-х гг.*

В 80-е гг. проявилась историческая закономерность чуткой реакции этнической сферы на изменения в общественной системе. Ставший генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачев (март 1985 г.) ввел в публичное пространство слова «перестройка», «гласность». Для совершенствования политической системы допускалась оппозиция. На встрече с представителями СМИ Горбачев заявил, что ею может быть пресса. В газетах и журналах стали появляться статьи с критикой социализма, сталинской эпохи и критические статьи в адрес критиков. В партии произошел раскол на реформаторское крыло и ортодоксальное. Наблюдался небывалый подъем общественной и духовной жизни, связанный с ожиданием перемен открытостью и плюрализмом мнений. В этих условиях этнические чувства стали мощным резервуаром общественной мобилизации. Использовали этот ресурс, прежде всего, конечно, интеллектуалы.

На пленуме Союза Советских писателей в апреле 1987 г. представители разных республик ставили вопрос о поддержке национальных языков, приводя примеры оттеснения родных языков. Борис Олейник с Украины рассказывал, что в некоторых областных центрах количество украинских школ «приближается к нулевой отметке». Белорусский писатель Нил Гилевич поведал «Ни в столице Белоруссии Минске, ни в одном из областных центров... нет ни одной белорусской школы. Есть английские, французские, испанские — а белорусских нет... Без языка нет и литературы»⁵⁵. Их поддерживали русские писатели — Юрий Суровцев, Сергей Залыгин, Юрий Бондарев, Виктор Розов, Станислав Куняев. Кстати, часть из них была участниками русских общественных объединений. Председатель Союза писателей РСФСР Сергей Михалков говорил: «Если мы хотим сохранить национальные литературы, мы должны срочно принять самые решительные меры по изучению в школах двух языков русского и родного. Первым языком должен быть свой, родной... В Башкирской, Марийской АССР растет поколение, не знающее своего родного языка...»⁵⁶. Ст. Куняев привел на съезде пример как за слова о том, что надо гордиться родным языком, заботиться о его чистоте и способствовать его развитию, казахского поэта в центральной печати называли национальным эгоистом⁵⁷.

⁵⁵ Литературная газета. 8 мая 1987.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

Трибуну использовали люди разных взглядов. Так на пленуме съезда выступал известный писатель Ю. Бондарев с критикой реформаторов за «охаивание социализма». Ю. Бондарев, В. Распутин, Ф. Абрамов, В. Астафьев представляли писателей-деревенщиков, отстаивающих судьбу жителей русских деревень, с их ценностями, образом жизни, стремлением к сохранению природной среды. Некоторые исследователи (например, Франц Прайслер) относят их к «консервативным русским националистам». Литераторы становились активной силой.

В Москве в мае 1986 г. на учредительном съезде Союза театральных деятелей секретарем был избран Михаил Шатров – сторонник реформ. На съезде Союза кинематографистов первым секретарем избрали Элема Климова, который был сторонником снятия ограничений и запретов. В 1987 г. разрешен к показу фильм Т. Абуладзе «Покаяние», получивший широкий общественный резонанс. Союз кинематографов предпринял эксперимент, создав систему управления по модели реальной федерации кинематографов союзных республик (Научный Совет по национальным проблемам при Президенте АН СССР сотрудничал с ними, обсуждая впоследствии эту модель применительно к СССР). Все это говорило о смене общего климата в общественной жизни страны.

В Грузии осенью 1987 г. проходило с большим резонансом празднование 150-летнего юбилея Ильи Чавчавадзе, считавшегося лидером национального возрождения XIX века. Тогда же было образовано неформальное общество Ильи Чавчавадзе, в котором доминирующие позиции заняли люди радикальных взглядов с требованием «Грузия должна оставаться страной грузин». Впоследствии оно стало радикальным крылом грузинского национального движения.

Общественная активность росла, гласностью стали пользоваться и в Центре, и в регионах. Но теперь на историческом отдалении видно, что в 1986–1987 годы были временем, когда идеи реформ больше все же обсуждались в Центре, а в республиках гласность использовалась, прежде всего, для выражения защитной экономической, этнокультурной идеологии. А если выдвигались реформаторские идеи как в республиках Прибалтики, то все же через этническую мобилизацию.

В 1986 г. ситуация в межнациональных отношениях стала выражаться в открытых формах столкновений и протестов. Весной 1986 г. произошел конфликт между якутской и русской молодежью, в котором взрослые, особенно интеллигенция ВУЗов была не безучастной. В то время в Якутской АССР еще не оформились организа-

ции с национальной идеологией, но интерес к историческим корням для обоснования самостоятельности, государственности в составе России уже проявлялся.

В декабре 1986 г. в массовые действия превратились протесты казахской молодежи против назначения первым секретарем ЦК Компартии Казахстана русского – Г.В. Колбина, сменившего казаха Д.Д. Кунаева. Молодежные демонстрации проходили не без участия интеллигенции. В Казахстане использовались уже силовые приемы со стороны власти.

В 1986 г. начались национально окрашенные экологические движения в Армении. Ученые, деятели литературы, искусства, учителя и студенты протестовали против строительства АЭС в Мецаморе. Беспокойство обосновывалось тем, что в долине Арарата живет 2/3 населения республики, здесь основные посевные площади, вероятность землетрясений очень велика, потому строительство атомной электростанции будет преступлением против армянского народа⁵⁸.

Однако экологические требования отошли на второй план по мере развития событий в Нагорном Карабахе, армянское население которого использовало критику сталинских решений, стало требовать присоединения к Армении. Обращение к М. Горбачеву степанакертцев (столица автономной области Нагорного Карабаха) последствий не имело. Азербайджан, к которому относилась автономия, категорически отказалось от передачи территории, ссылаясь на Хельсинские соглашения. В Армении было создано Армянское общенациональное движение (АОД) за демократию и справедливость. В нем усиливалась национальная оппозиция. В Ереване начались демонстрации солидарности, в которых участвовало от 100 000 до 1,5 млн человек с лозунгами «Карабах наш», «Мы не экстремисты, а народ». Предприятия объявляли забастовки. Это было ответом на реакцию ЦК КПСС, который назвал требования армян безответственными, активистов – экстремистами, нарушавшими общественный порядок. Позже, в июле 1988 г., в постановлении Президиума Верховного совета СССР признавалось, что в автономной области не решены многие вопросы, затрагивающие интересы армянского населения, «нарушены конституционные права автономной области»⁵⁹. Но Президиум Верховного совета СССР признал неприемлемость территориальных

⁵⁸ Впоследствии национал-демократы войдя в парламент, приняли решение о частичном вводе электростанции. Блокада Азербайджаном в дальнейшем привела к энергетическому кризису и экологические требования перестали быть популярными.

⁵⁹ Правда. 1988. 20 июля.

изменений⁶⁰, а в газете «Правда» (24 марта 1988 г.) карабахские активисты обвинялись в том, что ставят националистические интересы выше государственных и следуют «прямым указаниям американских советологов». В Ереван было приказано ввести танки. Все это радикализировало обстановку в республике. Представители интеллигенции, в том числе Сильвия Капутикян, Зорий Болаян, которые ездили на переговоры с М. Горбачевым потеряли популярность и к лидерству пришли молодые активисты, образовавшие «Комитет Карабахского движения Армении». В Азербайджане в промышленном городе Сумгаит, где жили армяне, произошел погром с применением жестоких насильственных методов к армянским жителям. В Армении на это ответили прессингом азербайджанцев, которые стали беженцами и до конца 1989 г. почти все вынуждены покинуть Армению. Это радикализировало ситуацию в Азербайджане, в котором тоже уже были оппозиционные силы, включавшие в себя на начальном этапе активистов с открытой антиармянской позицией.

После того как Верховный Совет Армении дал согласие на присоединение Нагорного Карабаха к Армении (15 июня 1988 г.) и о неправомочности этого решения заявил Верховный совет Азербайджана, межреспубликанский конфликт получил юридическое оформление.

В конце 1988 г. насильственный армяно-азербайджанский конфликт был в острой фазе. В январе 1989 г. Центр создал Комитет особого управления НКО, которому вменялось осуществлять прямое союзное управление областью. В НКО и части Армении вводилось чрезвычайное положение, члены Комитета Карабаха арестованы. Однако эти меры были неэффективными и в ноябре 1989 г. отменены. Между тем в Нагорном Карабахе были созданы военные формирования, и конфликт вошел в стадию масштабных военных действий.

Конфликт в Нагорном Карабахе носил типичный ирредентистский характер. Но в самой Армении национализм имел всеобъемлющий характер. Он проявлялся в требованиях большей самостоятельности, экономической либерализации, признании геноцида армянского народа 1915 г. Армяне пользовались поддержкой зарубежной диаспоры.

Не менее сложная обстановка складывалась в Грузии. Республика включала три автономных образования – Абхазию, которая уже с 60-х гг. претендовала на большую самостоятельность от Грузии, выступала против грузинского доминирования, а в 1978 г. потребовала включения в РСФСР или придания статуса союзной республики,

⁶⁰ Постановление было опубликовано в журнале «Коммунист» 24 марта 1988 г.

Аджарскую автономию, особенность которой была в том, что аджарцы были мусульманами, и Южную Осетию, в ней осетины имели соплеменников в Северной Осетии, входившей в РСФСР.

Первые требования грузинской общественности тоже были связаны с защитой окружающей среды. Протесты против строительства Транскавказской железной дороги через высокогорье и против военного полигона рядом с древнейшим монастырским комплексом «Давид-Гареджа» стали способом этнической солидаризации.

Так же как на Украине, в Москве и Эстонии диссидентские группы с ориентацией на независимость с началом перестройки попытались сплотить вокруг себя недовольные круги населения. В Грузии это было общество Ильи Чавчавадзе, Хельсинская группа. Но, как и в других случаях, в начале «национального пробуждения» не они, а интеллигенция с экологическими и языково-культурными требованиями сплачивали в основном вокруг себя активистов. На начальном этапе национального движения в республике популярной была умеренная организация – Общество Руставели, которое выступило не за независимость, а за большую самостоятельность, демократизацию, реформы и правовое государство. Недовольство подогревалось неослабевающим стремлением Центра поддержать русский язык. Последними мерами, которые вызвали недовольство в Грузии также как в Эстонии, Литве были требования обязательно предоставлять и защищать диссертации на русском языке. Языковые требования уже с 1978 г. были актуальными среди грузин. Но такая направленность имела для Грузин свои последствия. В августе 1988 г. КП Грузии приняло Постановление о государственной программе грузинского языка, в котором он получал статус единственного государственного языка. Оно касалось и автономий, а в них была иная языковая ориентация – на свой и русский язык. Отношение к меньшинствам в Грузии было «ахиллесовой пятой» грузинского движения, оно разъединяло перестроечные силы на территории республики, придавало грузинскому национализму этническую доминанту. Слабость позиции была в требовании прав для себя при отрицании необходимости их для других. Она критиковалась и в самой Грузии. Среди ученых, опасавшихся такой перспективы, был корифей философской науки, мужественный человек – Мераб Мамардашвили.

Но в Грузии были разные партийные объединения, и каждое боролось за доминирование. Изменение административно-государственного устройства, ликвидация статуса республик (Абхазия, Аджария), автономий (Южная Осетия) стало одним из радикальных лозунгов, сопровождавших требования изменить политический строй, демонстрацией неповиновения.

Умеренные силы в обществе Руставели не смогли сдержать радикализацию настроений. После письма представителей абхазской интеллигенции президиуму XIX Всесоюзной конференции КПСС (1988 г.) о желании отделиться от Грузии, и информации о предлагаемых центром поправок к Конституции, упразднявших право союзных республик на отделение, **радикалы** завоевали ведущие позиции в протестном движении. В апреле 1989 г. начались новые выступления, демонстрации. 9 апреля 1989 г. с ведома партийного руководства Грузии демонстрантов перед парламентом с помощью сил армии стали разгонять дубинками и саперными лопатками. Свыше 30 человек погибли. Ни партийное руководство Грузии, ни генерал Н. Родионов – начальник Закавказского военного округа к ответственности привлечены не были. Впоследствии Съездом народных депутатов СССР создана специальная комиссия, которую возглавил А. Собчак.

В связи с событиями 9 апреля на сессии Верховного Совета Грузинской ССР (ноябрь 1989 г.) приняты решения о незаконности всех постановлений об установлении Советской власти в республике и её решениях. Националистическое антикоммунистическое движение привело к власти на выборах 1990 г. партию Звиада Гамсахурдия.

В Азербайджане критика состояния национальной культуры, языка, выступления против беспорядков в социально-экономической сфере начались с началом гласности, но массовые движения возникли в связи с событиями в Нагорном Карабахе. Они стимулировались решениями руководства автономной области о присоединении к Армении, несогласованным с Азербайджаном введением там чрезвычайного положения, практически означавшего выведение АО из-под управления Азербайджана. Постановление Совета Министров СССР в марте 1988 г. об ускорении социально-экономического развития Нагорного Карабаха, рассчитанное на умиротворение сторон, не принесло ожидаемого результата. Правительство Азербайджана ещё держалось союзной ориентации. Но число беженцев из Карабаха и Армении все возрастало, в 1988 г. их насчитывалось до 100 тыс., а к 1989 г. уже 160 тысяч⁶¹. В Азербайджане стали возникать общественные объединения в поддержку беженцам, в том числе Комитет народной помощи, который опирался на активную независимую прессу. Используя опыт прибалтийских республик в 1989 г. в республике создан Народный Фронт Азербайджана (АФХ). В программе его была демократизация общества; гарантия прав человека, мест-

⁶¹ Altstadt A.L. The Azerbaijani Turks. Power and Identity under Russian Rule. – Stanford, 1992. P. 203.

ный контроль над выборами; политический, экономический и культурный суверенитет Азербайджана в составе СССР – прекращение нерациональной для республики эксплуатации природных ресурсов, «уравновешенный торговый баланс с другими союзными республиками; свобода хозяйствования крестьянам». Между прочим, в программе АСХ содержалось положение о равноправии национальностей и защите культурных свобод⁶². Этнические требования не были первостепенными, но сохранение Карабаха воспринимались как поддержание народного единства. Народный фронт стал влиятельной силой, в Верховном Совете Республики под его влиянием приняты решения о праве контроля республики над природными ресурсами, о принятии законов Федерации после их ратификации АзССР; о праве выхода из СССР. Практически это были тезисы, аналогичные тем, которые ранее предложили прибалтийские республики как поправки к Конституции СССР. Но, поскольку, в основном азербайджанцам в вопросе о Карабахе⁶³ каких-то успехов добиться не удавалось, настроения радикализировались. Лидером (АСХ) стал Эльчибей (Абульфаз Алиев) с ориентацией на полный суверенитет. Ещё в начале 90-х республика участвовала в подготовке нового Союзного договора и 93% населения республики в 1991 г. голосовало в поддержку Союза ССР.

Так что этнополитическая ситуация в республиках Кавказа до конца 80-ых годов различалась. При сходстве в лозунгах и ряде требований (использование ресурсов, положение языка, большая самостоятельность) уровень этнической мобилизации, степень радикализации их, отношения оппозиции с местной властью и власти республиканской с Центром – различались.

В республиках Прибалтики, которые «задавали тон» в идеологии национальных движений, сходства было значительно больше. В республиках была, условно говоря, некоторая «увертюра» перед началом массовых движений. Когда в 1978 г. стали повсеместно вводить преподавание русского языка с первого класса, а детским садам дана директива обязательно вести общение на русском не менее половины дня, в высших и средних учебных заведениях расширить употребление русского языка, не только у интеллигенции, но и в более широких кругах населения, появились протестные настроения. Они углу-

⁶² Мотика Р. Национализм Азербайджана и тюрко-азербайджанский национализм // Национализм в позднее и посткоммунистической Европе. Т. 2. Руководитель проекта Эгберт Ян. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 332.

⁶³ Этот вопрос по рассказам азербайджанцев стал таким же важным как признание геноцида 1915 г. у армян.

бились после требования введения защиты диссертаций на русском языке.

В 1979 г. диссиденты из трех прибалтийских республик подписали воззвание с требованием отменить действие пакта Риббентропа–Молотова. Отмена этого пакта ставила под вопрос законность последующих действий по присоединению этих республик к Союзу.

После начала гласности первыми вопросами, которые поставлены интеллигенцией в центр внимания общественности, были вопросы защиты экологической среды и иная трактовка истории, связанная с пактом Риббентропа–Молотова.

В декабре 1986 г. на заседании Союза писателей Эстонии обсуждался вопрос об экологическом ущербе, наносимом добычей фосфоритов. А когда из Москвы получили сообщение в феврале 1987 г. о расширении добычи фосфоритов, началось массовое движение протеста. Сначала собирали подписи протеста, а 1-го мая 1987 г. студенты Тартуского университета вышли на демонстрацию. Власти вынуждены изменить решение. За протестами стояли не только защитная экологическая мотивация. Расширение добычи фосфатов означало приток инонациональных мигрантов, поскольку эстонских рабочих рук не хватало. В то же время защита экологии показала, во-первых, что протестное движение может объединить эстонцев и русских и, второе, что оно *легально* может демонстрировать протестное настроение и способствовать мобилизации.

В Латвии таким движением защиты экологической среды были протестные акции против строительства Игналинской электростанции черновильского типа, гидроэлектростанции в Даугавпилсе и строительство метро в Риге.

В Латвии, Литве, Эстонии в августе 1987 г. проходили митинги по поводу подписания пакта Риббентропа–Молотова. Партийные органы не запрещали многотысячные митинги.

Дело в том, что критика сталинского периода считалась проявлением заявленной гласности. И поскольку в Москве, Ленинграде перестройка в самой партии приветствовалась не всеми, распространение её идей в республиках на этом этапе не противоречила интересам инициаторов изменений в обществе.

Особенностью национального движения в республиках Прибалтики было как раз то, что на начальном их этапе в 1986–1987 гг. они возникли как движение за реформы, ставили вопросы прав человека, совершенствования, а не замены системы. Эстонские газеты, тексты движения Саюдиса из Литвы читались интеллигенцией Москвы, распространялись среди либерально настроенных депутатов Первого

съезда народных депутатов СССР. Реформаторская часть ЦК КПСС рассчитывала на поддержку новых сил в компартиях этих республик.

В Талине в ЦК КПЭ был избран реформаторски настроенный Вайно Вяяс. В Литве не без поддержки Москвы первым секретарем ЦК КПЛ был избран тоже реформаторски настроенный А. Бразаускас. В Латвии компартия раскололась, и в противовес крылу А. Рубикса выделилось реформаторское крыло возглавлявшееся председателем Верховного Совета Латвии – А. Горбуновым. Новые силы в КП республик уже вели иную тактику по отношению к национальным движениям.

На этапе до осени 1988 г. ещё оставались шансы удержать этнополитические устремления в рамках общего перестроечного мышления. В Латвии, Эстонии созданы народные фронты. В Литве – Саюдис. Основной движущей силой в них была творческая интеллигенция. В том числе реформаторски настроенные члены компартии республик.

Этнонациональные требования – государственный язык, возрождение культуры (имелось ввиду выдвижений имен деятелей культуры, исключенных в советское время по идеологическим соображениям, свобода вероисповедания, внимание к историческим памятникам и традиционным элементам культуры) совмещались с требованиями расширить суверенитет в рамках СССР.

В это время уже заявили в республиках о себе и радикальные идеологи, связывающие этнокультурные требования только с обретением полной независимости. В Эстонии это были сторонники «парка Хирве» (место, где в июне 1987 г. проведен митинг 48-ой годовщины пакта Риббентропа–Молотова), «партия национальной независимости» и комитет граждан, но до осени 1988 г. не они «правили балом». Интеллигенты-реформаторы подготовили и в сентябре 1987 г. опубликовали концепцию «республиканского хозяйственного расчета республики» получившей название ИМЕ. Она широко обсуждалась не только в республике, но и в центре. В Москве одни ученые и хозяйственные функционеры поддерживали её, скорее идеи расширения самостоятельности в управлении предприятиями в ней. Другие считали развитие идеи ИМЕ невозможными в рамках единой хозяйственной системы СССР. В республике новые силы в компартии считали, что, получив широкую самостоятельность, они смогут получить поддержку и сдержать радикалов. Доступ их в печать был ограничен. Применялась тактика умолчания по поводу их действий.

В Латвии Народный фронт нашел компромисс в рамках концепции «свободная Латвия в свободной России». Но здесь тоже были независимцы («Движение за национальную независимость Латвии»,

«Комитеты граждан Латвийской республики», «Партия возрождения Латвии»).

В Литве Саюдис образован как «Литовское движение в поддержку перестройки» и до ноября 1988 г. сотрудничество с реформаторами в Москве не прекращалось.

Этничность в национальных движениях сыграла двойную роль. Она безусловно выполняла функцию мобилизации. На каком-то небольшом этапе уже мобилизацию всех жителей республик. Этнические чувства любви к своей культуре, языку, переплетающиеся с социальными интересами людей обеспечивали мощную поддержку идеям большей самостоятельности в СССР, а затем и сецессии. Эмоции, связанные с восстановлением прежней символики в прошлом независимых государств, с художественной окраской митингового пространства создавали мощную психологическую поддержку и реформаторам и независимцам. Праздники, песни, фестивали объединяли людей разных политических взглядов. «Поющей весной», «поющей революцией» назовут в истории весенние, летние месяцы 1988 года. «Балтийский путь», «балтийская цепь» в 1989 году была цепочкой людей от Вильнюса до Талина с национальными цветами и символами.

Но в консолидации на этнической основе своя ограничительная сторона, в ней «другой» то же выступает этнически окрашенным и снимает возможность солидарных действий.

В 1988 г. уже конкретно обсуждались идеи введения государственного языка в республиках. Для Латвии, Эстонии, в которых русские составляли более трети населения, это означало неминуемые оппозиции. Введение государственного – эстонского, латвийского означало реальные ограничения на профессии и затрагивало очень широкий круг людей – учителей, врачей, аптекарей, работников торговли, а не только руководителей учреждений, в том числе предприятий союзного и не только подчинения. Обострение этих вопросов привело к организации нетитульного населения.

В Эстонии создан Объединенный Совет Трудовых Коллективов (ОСТК ЭССР), основной состав его были работники предприятий союзного подчинения. ОСТК выступал против придания эстонскому языку статуса государственного. Другое объединение – интернациональное движение (Интерфронт) было ещё более политизировано и ставило главной задачей – не допустить выхода Эстонии из состава СССР.

В Латвии тоже образовался Интерфронт. В этой республике с 40% русскоязычного населения только пятая часть владела латышским

языком на необходимом уровне. И по этому принципу могла стать гражданами Латвии. Этничность становилась не просто культурным, но социальным и политическим фактором. Русские тоже выступали на своих собраниях, часто на производстве, проводили митинги. Но чем чаще проводились такие акции, тем более массовыми становились представления о русских, как проводниках идей Москвы, союзного правительства. «Многие латыши пришли к ложному упрощенному выводу, что между советским господством в Латвии и русскоязычной группой населения можно поставить знак равенства» – писала С. Нис – сотрудник французского института международных отношений⁶⁴. Этничность стала основой конфронтации внутри республик.

Сложный период наступил, когда в середине и конце 1988 г. М.С. Горбачев предложил внести изменения в Конституцию СССР, стремясь сохранить Союз. Со стороны прибалтийских республик в июне 1988 г. были сделаны предложения на XIX Всесоюзной партийной конференции о рассмотрении конституционных гарантий суверенитета республик, о самостоятельности в хозрасчете, в вопросах образования, культурной политике. В сентябре 1989 г. состоялся пленум ЦК КПСС по национальной политике. На нем приняты решения об отказе в предоставлении республикам суверенитета в том масштабе, на который они претендовали. Принято решение о подготовке нового союзного договора по формуле «сильный центр – сильные республики».

В республиках готовились законы о государственном языке. В Эстонии законопроект уже был принят. В Конституцию СССР верховные советы республик предложили внести поправки, которые означали приоритетное право республик на использование природных ресурсов, право на принятие федеральных законов, после их одобрения в республиканских парламентах (т. е. возможность права вето) и сохранения суверенитета с правом выхода. Последнее более всего было неприемлемым для союзного центра. Принятие поправок означало, что СССР из Федерации превращается в Конфедерацию.

Президиум Верховного Совета отклонил поправки. Но отклонены они были Президиумом, а не Верховным Советом СССР. Это было нарушением Конституции СССР и дало возможность заявить об этом лидерам республик, т. е. не признавать решения. Разразился консти-

⁶⁴ Нис С. Латвия между национализмом и прагматизмом. Латышское национальное движение и латышский национализм. 1986–1996 годы // Национализм в поздней посткоммунистической Европе. Автор проекта Э. Ян. – М., 2010. С. 218.

туционный кризис. Представители прибалтийских республик вернулись в накаленную атмосферу.

К тому же событие в апреле 1989 г. в Тбилиси вызвало возмущение в республиках, так же как и среди общественности Москвы. Это было умело использовано радикальной частью оппозиции в Балтийском регионе.

В мае 1989 г. в Таллине состоялась Балтийская ассамблея, которая начала координировать сотрудничество народных фронтов Латвии, Литвы и Эстонии. На ассамблее были приняты резолюции об экономической самостоятельности республик, осуждении сталинизма, декларация прав балтийских наций. С этими предложениями депутаты от Латвии, Литвы, Эстонии вышли на II Съезд народных депутатов в декабре 1989 г. Но законы о языке, о гражданстве, разделении компетенции Союза и республик в экономике и о праве выхода из состава СССР на съезде поддержаны не были. В республиках последовали в 90-е гг. ответные акции, но этнокультурные требования в них уже не были главными в идеологии и практике национализма.

В Молдавии этническая мобилизация началась на основе языковых требований, но вопрос о языке быстро превратился в политическую проблему. В советские времена считалось, что румын и молдаван разделяет как раз язык. В перестроечные времена этот тезис подвергнут пересмотру, а в августе 1989 г. в Молдавии, в первой из союзных республик, язык титульной нации официально провозглашен государственным.

Здесь тоже было движение за независимость с целью соединения с Румынией. Но в 80-ом оно не стало доминантным, критика сталинщины, репрессий здесь тоже имели место, но коммунисты держались прочнее и в 80-е гг. удерживали позиции. Этнический ренессанс в Молдавии произошел и у национальностей Молдавии. Русские боролись за свои языковые права и против солидаризации с Румынией, что впоследствии наиболее остро проявилось в Приднестровье, гагаузы же на волне перестройки получили автономию.

Массовых национальных движений в республиках Средней Азии и Казахстане не было. Здесь имело место оживление интереса к религии и традиционной культуре. В феврале 1989 г. состоялся курултай Средней Азии и Казахстана, что можно было интерпретировать как некоторую консолидацию по религиозному принципу. После демонстраций в 1986 г. в Алма-Ате компартия республик и власть действовали осторожно, открыв некоторые клапаны демократии – разрешение на культурные и перестроечные объединения. Например, были «Бирлик» в Узбекистане и ЭРК (культурное объединение).

Госорганы держали их под неослабным контролем. Тем не менее, кровавые события в результате столкновений на этнонациональной почве в Фергане в мае–июне 1989 года были связаны с политическими событиями в республике. Во всяком случае, в запутанной череде событий по вытеснению турок-месхетинцев из Узбекистана как объяснительная версия желание показать не узбекам – «кто в доме хозяин» присутствует.

В Киргизии было больше свободы и несколько десятков общественных объединений. События здесь развивались медленнее. На референдуме за сохранение Союза в 1991 г. высказалось 95% населения.

На Украине, в Белоруссии на начальном этапе перестроечных процессов этнонациональные вызовы не были, поначалу, радикальными. Идея независимости в публичном пространстве появились к осени 1989 года, когда было создано народное движение за перестройку (РУХ). РУХ пытался объединить этнические меньшинства. На первом же съезде создан специальный орган содействия этнокультурным обществам, принято решение в поддержку крымско-татарского народа, отдельные обращения к русскому народу. Была сделана попытка призвать не переносить на русский народ вину «за преступления империи»⁶⁵. Позиции РУХа по этнополитическим вопросам менялись: от идеи возможной реальной Федерации к Конфедерации, а затем и полной независимости. В Минске народный фронт «Возрождение» проделал такой же путь. В идеологии его присутствовала и защита экологии и осуждение сталинизма и поддержка многочисленных художественных обществ.

Основные события, связанные с борьбой за этнонациональное доминирование, развернулись на Украине и в Белоруссии позже, но требования льгот для распространения национальных языков, пересмотр версии истории появились уже в конце 80-ых годов. Тем не менее, было очевидно, что идеи национализма на Украине были, и сдерживал их этнический состав населения республики. В 1990 г., когда делегация ученых из СССР принимали в Сенате США, один из сенаторов спросил: «Что будет в СССР, если о выходе заявит Украина?» член делегации В.А. Тишков ответил: «Тогда СССР не будет»⁶⁶.

В самой большой республике РСФСР народный фронт образован в октябре 1989 г. В него вошло около полутора десятка региональных организаций. Но роль запевалы в демократических переустрой-

⁶⁵ *Гарань О.* Убити дракона. – Киев, 1993. С. 58.

⁶⁶ Передаю события, как один из членов делегации по источнику, который теперь мы можем называть из «устной истории».

ствах отведена организации – «Демократический выбор» оформившийся в декабре 1989 г. в Свердловске, в поддержку Б. Ельцина, «Демократический выбор» не был национально (русско) ориентированной организацией. Но в программе можно было увидеть позиции, которые могли быть интерпретированы как элементы государственного национализма: коммунистам России предлагалось организовать самостоятельную партию, выдвигалась идея избрания Российского президента, реформа национального государственного устройства. В целом в отличие от других союзных республик реформаторы в РСФСР мобилизацию осуществляли не под этническими знаменами.

Но в России было несколько течений, которые выражали идеи национализма. Симптомы использования русских патриотических настроений в политической жизни появились во время выборов народных депутатов СССР в конце зимы 1988 – весной 1989 г. На предвыборных митингах в Москве, Ленинграде, Свердловске и Нижнем Новгороде звучали призывы «Голосуйте за (называлось конкретное лицо), он – русский человек!». К тому времени уже было ясно: путь без политизации этничности в условиях гласности и для русских станет непроеденной дорогой.

В появившихся союзах, клубах, фронтах в поддержку перестройки в Москве, Ярославле, Ленинграде, Свердловске, Омске, Самаре, Челябинске и других городах доминировали разнообразные политические цели, но национально-патриотические идеи их не сплачивали в отличие от Прибалтики, Грузии, Армении.

Национально-патриотическое движение развивалось как бы параллельно. Почти одновременно с Конфедерацией народных фронтов в РСФСР и «Демвыбором» с марта 1989 г. начала действовать национально-патриотическая федерация «Союз духовного возрождения отечества». Она включала в себя объединения этого направления Москвы, Ленинграда, Поволжья, Урала, Сибири, Белоруссии, Украины, Казахстана, представителей Русской Православной церкви. Федерация имела в основном культурно-защитное направление. Перестройка поддерживалась на социалистических началах.

Это объединение в известной мере наследовало идеологическое направление 70-х гг., в центре интересов были язык, русская культура. На фоне хищнического отношения к эксплуатации народных богатств, морального упадка русских, который они связывали с системой, идеологи этого направления не призывали к смене руководства, а чаще обращались к нему в целях совершенствования положения русских. Типичным было обращение А. Солженицына в начале 70-х гг. к лидерам Советского государства. Писатели деревенщики – В. Рас-

путин, В. Астафьев обращались к аудитории с призывами обратить внимание на исчезающий уклад жизни русских людей, ценности семьи, общинной жизни. Их идеи противопоставлялись либерально-демократическим программам.

В конце 80-х гг. обсуждение разворачивалось в журналах «Наш современник» (тираж его в 1987 г. вырос вдвое, в редколлегию входили В.П. Астафьев, В.И. Белов, Ю.Н. Бондарев, А.И. Козинцев, А.Г. Кузьмин, В.Г. Распутин, Н.Е. Шундик и др., авторы, создававшие произведения с русской тематикой), «Молодая гвардия», в газетах «Литературная Россия», «Советская Россия» и дискутировавших с ними авторов «Нового мира», «Огонька».

Принципиальными выступлениями того времени были статьи И. Клямкина («Новый мир» 1987 г., № 11) «Какая улица ведет к Храму» и А. Кузьмина «К нашему храму мы ищем дорогу» («Наш современник» 1988 г., № 3). Авторы использовали образ улицы и Храма в связи с обсуждавшимся тогда фильмом «Покаяние». Клямкин анализировал возможность альтернативного пути, пройденного за 70 лет. Кузьмин соединял проблемы русских с отношением к прошлому и западному пути развития. «Почему Храм обязательно должен воздвигаться из заморских материалов и иноземными строителями?» – вопрошал Кузьмин, призывая «услышать душу самого народа»⁶⁷.

Идеи «Нашего современника» могли импонировать немалой части русских. Но важно кем и для чего они использовались?

К этому времени на фоне общественной активности появилось немало объединений этнокультурной и патриотической направленности – «Товарищество русских художников» (Бондарчук, Песков и др.), «Слово о полку Игореве», «Россия молодая», «Русские рыцари», «Россы», «Невская битва». Среди таких организаций была и «Память». Часть «Памяти» с Д. Васильевым концентрировала внимание на ущербе русских, обвиняя жидомасонский заговор, противопоставляя русских другим национальностям. В 1989–1990 гг. насчитывалось пять, а затем восемь течений «Памяти». В некоторых просматривались элементы фашистской идеологии.

Отношение общественности к «Памяти» не было однозначным. Выступая на V съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (1987 г.) В. Распутин говорил: «Есть люди, которым очень не нравится опамятованная Россия», «я не ищу в них

⁶⁷ Наш современник. 1988, № 3. С. 164.

врагов, но жить в расформированной от патриотического сознания им было бы легче». Он выступал против проникновения массовой культуры⁶⁸.

Другую точку зрения представляли акторы демократической ориентации. Они обращали внимание на то, что русский народ руководством назывался «старшим братом», но рассматривался административно-командной системой как орудие для реализации собственных интересов. Отказ от ценностей русской культуры понадобился для того, чтобы освободить русских от своей памяти и сделать их более пригодными для осуществления командных форм управления. «На русский народ легла главная тяжесть административной системы, и его прошлое больше всего пострадало»⁶⁹ – писал Г.Х. Попов.

Необходимость осознать себя в условиях новой системы была у всех народов страны и у русских не меньше, чем у других. Но в общественном сознании русских перестроечные идеи тогда не соединялись с национальным возрождением так тесно как у других народов. Ведь русские были большинством и более важным для них было снять с себя ответственность за деятельность органов власти в республиках, сохранить единое культурное пространство с русскими в республиках. Борьба за суверенитет выражалась в требовании поначалу своей Компартии, а также за свою академию и даже столицу.

В развитие этих идей появлялись и такие предложения как «ограничить пространство русских» территорией, исключаящей часть Казахстана, республики Средней Азии. Только белорусы и украинцы не приняли идеи таких инициаторов (Проханов и др.). «Цель России – Россия!» – писал Проханов в «Нашем современнике». «Пора сбросить с себя кусающих неблагодарных соседей, вырваться из их урчащего клубка и остаться одним»⁷⁰. Конечно, это было эмоциональное выражение чувств идеологов с имперским мышлением, проявлением обиды на лозунги национальных движений в Грузии, республиках Прибалтики. Но дело в том, что эти идеи четко улавливались и в самой Российской Федерации. С конца 80-х гг. среди интеллигенции республик Поволжья, Среднего Кавказа, Якутии и Тувы внимание к идеологемам и способам действий в прибалтийских республиках уже было привлечено. Вопросы о защите родного языка, культуры, экологии, а в дальнейшем и расширения суверенитета ставились и в

⁶⁸ Распутин В. Жертвовать собой для правды // Наш современник. 1988, № 1. С. 171.

⁶⁹ Попов Г.Х. Память и «Память» // Знамя. 1988, № 1. С. 192–193.

⁷⁰ Проханов А. Заметки консерваторов // Наш современник. 1990, № 1. С. 168.

автономиях, прежде всего в Татарии, Якутии, Чеченской республике. У репрессированных в прошлом народов поднимались вопросы превращения символической реабилитации в реальную. В Татарской АССР появился ВТОЦ (1988), в Якутии «Саха-Омук», «Саха Кескеле».

Национализм русских тоже был далеко не однородным. Культурно-защитный (Товарищество русских художников и т. п.) – это был лишь один тип. Как только эти объединения вошли в Объединенный совет России (ОСР), в котором были российские патриотические, культурно-просветительские организации, клубы, общества, фронты, в том числе интердвижения Прибалтийских республик, Молдовы, объединения обрели этнополитический характер с идеологией защиты суверенитета, державности.

Некоторые исследователи выделяют это направление в русском национализме как имперский национализм, интерпретировавший Советский Союз как продолжение имперской истории России. Интернационализм они считали необходимым для сохранения многонационального государства. Считают, что представители этого направления встречались в центральных институтах власти, среди партийной бюрократии, работников культуры, в кругах оборонной промышленности⁷¹.

Реформаторы в Центре понимали опасность распространения идей и действий националистов. Но главное для них было восприятие обществом прошлого и перспектив на будущее. Этому посвящена XIX Всесоюзная партийная конференция (июль 1988 г.). Идеологически реформаторы ее выиграли. Но вопросов государственного устройства, распределения функций Центра и республик она не решила.

1 декабря 1988 г. принят Закон «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР». Предложения, внесенные республиками Прибалтики, приняты не были. Конституционных прав на выход республики не получили. Суверенитет республик не получил новой интерпретации и на I Съезде народных депутатов СССР. На специальном пленуме ЦК, посвященном национальным проблемам, М. Горбачев много говорил о необходимости реального федерализма, возвращении к ленинским традициям чуткого отношения к национальным чувствам. Но решение главных вопросов было отнесено на будущее.

⁷¹ Прайслер Ф. Усиление функций русского этнонационализма. 1990 годы. // Национализм в позднее- и посткоммунистической Европе. С. 41–42

К 90-м годам миллионы граждан СССР осознали, что могут выражать свое собственное мнение и даже несогласие с властью. Гласность и политический процесс продемонстрировал плюрализм мнений, и вынесли на поверхность радикалов. Одним из направлений радикализма стал этнополитический радикализм. В республиках Прибалтики, Закавказья, Молдавии и на Украине, в Белоруссии сформировались антиимперские настроения, они уже открыто проявили себя в партийных организациях республик, получили реализацию в высших законодательных органах власти. Народно-демократические фронты поставили вопрос об отмене 6 статьи Конституции СССР и демонтаже Союза.

Внутри союзных республик с открытым массовым национальным движением произошел раскол по этническому и этнополитическому принципу. Большинство русских были за сохранение Союза, а значит и советской власти. Титульные национальности прибалтийских республик, Грузии, Армении в большинстве своем уже требовали переустройства Федерации или независимости.

Кардинально поменялась роль конфессий. Контроль над церковью и культовыми храмами других религий был ослаблен. Слово «Бог» начали писать с большой буквы. Принят закон о культах (январь 1986). Общины получили право собственности на свои здания. Посещение церквей, мечетей стало открытым. Серия праздничных мероприятий прошла в связи с 1000-летием Крещения Руси (1988 г.). Люди начали крестить детей, венчаться в церкви, открыто соблюдать религиозные обряды.

Какое место заняли национальные движения и национализм в демонтаже СССР, стало окончательно ясно уже в 90-е гг. Но многое было очевидным и в 70-е гг. и в особенности в 80-е гг. — предперестроечный и перестроечный период.

Опыт рассматриваемого периода показал, что переход к демократии, либерализации общества не снимает этнополитических и этнокультурных противоречий в полиэтнических обществах. Новая политическая атмосфера дает возможность высказать потребность в возможности общаться на родном языке, придерживаться традиций и верований, соблюдать обычаи предков, а если такие потребности не удовлетворяются, то спланироваться в требованиях самоопределения. Преимущества демократии состоит в том, что чем ее больше, тем масштабнее становятся возможности решать противоречия

законным путем, используя правовые формы. Право на самоопределение не может не вызвать ответную реакцию государства – метрополии, защиту им территориальной целостности и для этого оно может использовать Хельсинские соглашения.

Чем больше используются правовые формы защиты суверенитета, тем больше возможностей избежать перерастания этнополитических противоречий в насильственный конфликт.

Использование правовых форм чаще встречается в тех национальных движениях, где к руководству приходят профессионалы, знающие и готовые соблюдать законы. Сравнение развития национализмов в республиках Прибалтики и Грузии, Армении продемонстрировало контрасты поведения элиты общества. Все умели критиковать, но не все умели управлять.

Национальные устремления проявляются у всех народов, но этнические вызовы чаще проявляются там и тогда, когда в социальном составе контактирующих народов появляется больше сходных черт. «Чем чаще люди исходят из одних и тех же цивилизационных предпосылок, тем больше они пекутся о своей специфической идентичности и обращаются к этническим языковым и религиозным традициям» – пишет Урс Альтерматт, анализируя ситуацию в Европе⁷² и в этом отношении в СССР проявились общие закономерности. Чем цивилизованнее общности, их лидеры, тем доходчивее были их лозунги по стилю и языку.

В идеологемах национализма практически на всем советском пространстве ключевыми словами были экология, язык, завоевание права на собственную историю, культура, самохозяйствование и только потом по мере этнической мобилизации масс – суверенитет, самоопределение, независимость. Такие идеологемы были не только в республиках, но и в русском национализме.

При многих общих чертах национализм в 80-е гг. был разным. В республиках Прибалтики от культурно-защитного он быстро перерос в классический. К такому национализму мы относим такие представления: существуют такие общности, как этнонация, признание интересов ее как доминирующих над всеми другими интересами обязательно, стремление к большей самостоятельности, собственной «политической крыши» важнейший принцип.

Типичный этнический национализм был в Грузии, требуя самоопределения для себя, грузины отрицали предоставления его другим национальностям республики.

⁷² *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. – М.: РГГУ – 2000. С. 217.

В Карабахе был типичный ирредентистский национализм, а в Азербайджане — территориальный и этнокультурный национализм. На Украине, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, Киргизии в 80-е гг. только появились защитные идеологии. Вопрос о суверенитете на Украине, в Белоруссии поставлен позже, а в иных республиках он не стоял до 90-х годов.

Причины национализма часто видят в ущемленности народов. Проблема «коллективной ущемленности» обсуждалась в работах Т. Гурра. «Степень коллективной ущемленности группы по сравнению с другими является главным источником недовольства и причиной осознания общей заинтересованности в коллективном действии». Коллективная «ущемленность» означает «неравенство по уровню образования, благосостояния или по политическому влиянию (подчеркнуто нами)... острота недовольства, в свою очередь, влияет на способность группы к политической мобилизации»⁷³.

Анализируя национальные движения на советском пространстве, мы можем в чем-то согласиться, а в чем-то поставить под вопрос выводы классика конфликтологии. Мы видели, что по уровню образования — эстонцы, латыши, грузины никак не могли чувствовать ущемленности, он у них был таким же, как у русских и выше, чем у других советских народов. По уровню благосостояния русские в одинаковой (городской, сельской) среде тоже не выделялись в лучшую сторону. Значит, доминантным на тот период могло быть ощущение политической ущемленности, психологическая потребность в удовлетворении чувства собственного достоинства. И в значимости этих чувств мы согласимся с другим американским конфликтологом Д. Горовитцем⁷⁴.

На советском пространстве в 80-е гг. проявилась и другая закономерность. Эскалация требований, массовость движений зависит от комплекса факторов и складывающихся ситуаций, в том числе от состояния государства. Если государство дискредитировано и нелегитимно, оно не может обеспечить интересов групп, именно тогда чаще проявляются этнополитические конфликты.

В чем проявились непривлекательные стороны национализмов? Этнические вызовы переключали внимание общественности с реформаторских изменений. Это переключение было антипродуктивным не только для союзного государства, но и для республик. Не-

⁷³ Гурр Т.Р. Почему меньшинства восстают? // Этнос и политика. Хрестоматия — М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 244–245.

⁷⁴ Горовиц Д. Теория межэтнического конфликта // Этнос и политика. Хрестоматия. С. 233.

редко элиты оправдывали свое правление языком этнических устремлений.

Этнизация политики приводит к неполноценной демократии, так называемой демократии большинства (Эстония, Латвия). Добиваясь свободны для себя, государства, построенные на этнической идеологии, не представляют гарантий меньшинствам.

«Золотое прошлое» может мифологизироваться и давать некоторую дополнительную уверенность. Однако вместе с тем оно переключает с будущего. Любование им опасно с точки зрения организации сотрудничества с другими, как в самих республиках, так и с государством, от которого искали независимости.

Наконец, если национализм приводит к разделу государства, сепарации возможна цепная реакция или выдвижение требований расширения автономии.

Этнополитические движения становятся массовыми, только если вместе с интеллигенцией участвуют средние слои населения, но выигрывает от них, прежде всего этническая номенклатура, используя национализм как средство конкуренции с другими этническими группами.

Образы национализма в вариантах демократизации республик Российской Федерации 1990-х годов

Демократическое государство России предстояло строить на территории с громадным разнообразием культур населяющих ее народов. И если в целом посттоталитарное Российское общество представляет вариант демократизации, то одним из существенных проявлений этой вариантности является способ ответить на этнический вызов, взрыв национальных, этнических чувств народов, надеявшихся в новых условиях получить возможность для удовлетворения их интересов. Эти интересы осознавались по-разному конкретными народами, их элитами и в массовом общественном мнении. Но все жили надеждами.

Отказ от тоталитарной системы и переход к демократии не только в СССР, России, но и в других полиэтнических государствах сопровождался национальными движениями. Политологи утверждают,

что национализм стал «самой мощной идейной силой современного мира»⁷⁵.

Мы понимаем национализм не в более привычном для российского читателя смысле как превосходство одного народа над другим. Под национализмом понимается доктрина, согласно которой люди для достижения свободы и самореализации самоидентифицируются с этнической общностью, а раскрытие потенциала народа возможно лишь в собственном национальном государстве. Приверженность интересам такого государства признается доминирующей лояльностью. Верность идеям национального, этнического возрождения становится мобилизирующей силой общественных движений, направленных на достижение собственной государственности⁷⁶. Эрнест Геллнер писал, что в английском языке «этот термин (национализм. – *Авт.*) употребляется в нейтральном смысле и не содержит оттенка как одобрения, так и неодобрения. Он употребляется для обозначения принципа, требующего, чтобы политические и этнические единицы совпадали»⁷⁷.

Мы не могли не считаться с тем, что в мировой науке среди ученых и общественных деятелей и поныне существует два подхода к совместимости национализма и демократии. Одни считают национализм устаревшим и опасным пережитком прошедших времен, а борьбу националистов за свою государственность реакционной и опасной. Сторонники теории «эффекта домино» акцентируют внимание на том, что любое государственное отделение вызывает реакцию подражания и рассматривают национализм как явление антидемократическое⁷⁸.

Другие считают, что и при сепаратистских движениях национальное строительство в уже существующем полиэтничном государстве возможно на основе компромисса, и само государство «может приобрести демократическую легитимность»⁷⁹.

Проблема национализма стала одной из центральных в постсоветском обществе не только в силу полиэтничности страны, в кото-

⁷⁵ Линд М. В защиту либерального национализма // *Foreign Affairs*. May–June, 1994. Т. 73. № 3. С. 88.

⁷⁶ Smith A. Theories of Nationalism. – London, 1971; *Idem*. Nationalism in the Twentieth Century. – London, 1979

⁷⁷ Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1992. С. 5, 24

⁷⁸ Линд М. Указ соч.; Нодия Гияю. Демократия и национализм // XX век и мир.

⁷⁹ Линц Х. Государственное строительство и национальное строительство // Политика, общество и демократия: сравнительные исследования / Ред. Альфред Степан. – Боулдер, Вествью, 1995. Гл. 5.

ром нерусские составляли почти половину населения. Нестабильность, потеря прежних политических и социальных ориентиров способствовали этнической солидарности людей. Привычные социальные и статусные деления теряли значение. Большинство людей были в поисках своей ниши, где тебя признают, дают поддержку, задают способы рационального поведения. Но все эти «ниши» меняются, не воспринимаются устойчивыми, надежными. По данным ВЦИОМ (ныне Левада-Центр) в начале 1990-х годов не менее половины населения испытывали ежедневно чувство тревоги, психологического напряжения. Этническая общность в такой ситуации воспринималась стабильной нишей, в которой человек чаще всего мог рассчитывать на понимание и поддержку.

Этнической солидарности способствовало и другое обстоятельство. В силу тоталитарных традиций в нашей стране с начала трансформации не возникло крупных партий, они не объединяли более менее значительные слои населения. Зато национальные идеи существенно влияли на формирование политического спектра как в республиках, так и в стране в целом.

Понимание национализма в нашей научной и политической литературе в 80-е – 90-е годы менялось. В марксистской традиции под национализмом понимали систему идей о превосходстве своей нации, ее исключительности, т. е. непризнание равенства народов, нетерпимость, стремление не смешиваться с другими этническими общностями (эксклюзивизм). Это понятие воспринимали в оценочном значении. Только после начала перестройки национализм в среде научной общественности стали понимать так, как его трактовали писатели в мировой литературе.

Здесь мы остановимся:

1. На соотношении демократии и национализма в представлениях политической элиты и ученых Центра и республик Российской Федерации;

2. Постараемся ответить на вопрос – было ли стремление к государственному суверенитету желанием элиты или надеждой масс;

3. Проанализировать, как соотносятся ценности гражданского общества и национализма в представлениях этнических групп.

Одной из интереснейших черт общественной жизни постсоветского общества было изменение отношения к национализму среди российских демократов в Центре и расхождение между ними и этническими лидерами в республиках в оценке роли и места национализма в процессе демократизации на территории бывшего Советского Союза.

*Взгляд на соотношение демократии и национализма
из Центра и из республик*

В начале перестройки у демократически ориентированной интеллигенции Центра довольно широко утвердилось мнение о праве народа выбрать свой путь. Лозунг «За Вашу и нашу свободу» был мерилом глубины либеральных убеждений.

Идея свободы народов легко овладела умами российской, в том числе русской интеллигенции, не только в силу возможности сказать то, о чем раньше только думали или «говорили на кухне», но и в силу представлений, сложившихся в марксистской традиции. Программные документы коммунистов провозглашали право народов на самоопределение. Тогда еще мало кто обращал внимание на то, что свобода для одного народа может обернуться второсортностью для других.

Многим профессионалам стали известны взгляды на национализм в западной науке. Особенно заметное влияние оказала книга Э. Геллнера «Нации и национализм», которая была переведена на русский язык и стала широко известна среди специалистов и общественных деятелей.

Однако последствия распада Союза, опасность сецессии в самой России, жесткость проектов законов о гражданстве, иммигрантах в Эстонии, Латвии, общественное положение меньшинств в республиках Средней Азии быстро изменили отношение к национализму. И в демократической среде его снова стали чаще трактовать в оценочном негативном значении.

Особенно заметно это ощутили на себе преданные идеям национализма интеллектуалы в республиках России.

Дело в том, что сторонники «неделимой России», обретшие поддержку в знаменитом трактате А. Солженицына «Как нам обустроить Россию» по сути сомкнулись с теми идеологами из среды тех демократов, которые считали национализм, выражавшийся в стремлении к самостоятельной государственности, препятствием для развития демократии и стояли на позициях культурной автономии как принципа решения этнических проблем.

Правда, надо сказать, что и среди демократов Москвы тоже были разные взгляды. Известно, что А.Д. Сахаров, являясь членом Межрегиональной группы Съезда народных депутатов СССР, обнародовал проект «Конституции Соединенных Штатов Европы и Азии», в котором предложил создать союз равноправных государств, которыми должны были стать 15 союзных, республик, 20 автономных

республик (16 из них были тогда в составе РСФСР), 8 автономных областей (5 из них в РСФСР) и 10 национальных округов.

Академик Э. Палм, тоже член Межрегиональной группы, выступил с предложением остаться на позициях предоставления реального суверенитета тем национально-государственным образованиям, которые имели его по Конституции. Ими были 15 союзных республик.

Иных позиций придерживалась часть демократов, точку зрения которых выражал Г.Х. Попов. Его высказывание уже после распада Союза: «Для того, чтобы Россия смогла осуществить свои преобразования, ей надо по максимуму освободиться от тормозящих факторов в виде автономных республик...» – было перепечатано в «Русском курьере» и довольно широко обсуждалось, например, в Татарстане в 1992 г.

Впоследствии уже после принятия новой Конституции Российской Федерации и в период поиска путей консенсуса с Татарстаном Г.Х. Попов изменил свою точку зрения. Зимой 1994 г. в телевизионной передаче «Диалог» мы услышали, что он сторонник разнообразия в подходе к принципам построения отношений с республиками (но до этого признания еще было труднейшее время поисков компромиссов в 1993 – начале 1994 гг.).

Зимой и весной 1993 г. в канун Конституционного Соперования демократическая элита, стоящая у власти, вырабатывала тактику антинационализма. Выступая против суверенитета республик, она опиралась на уже известную точку зрения в западной политологии о том, что национализм – препятствие для демократического процесса. Тогда в период двоевластия, борьбы президента и Верховного Совета республики в немалой степени были той силой, от которой зависело чья сторона возьмет верх.

Зимой 1993 г. в «Независимой газете» Г.Х. Попов опубликовал статью, в которой предложил «решить все национальные проблемы» через национально-культурную автономию для «всех наций – и на уровне России и на уровне земель». В России, по его мысли, можно было образовать 15–20 федеральных земель. Никаких национально-государственных и национально-территориальных образований быть не должно, «кто с этим не согласен, может выйти из состава России»⁸⁰.

Недавний активный защитник права на независимость республик Прибалтики А. Бразаускас выступил со статьей, тоже в «Независимой газете». Он писал, что угроза распада России – это миф, абсо-

⁸⁰ Независимая газета. 1993. 26 янв.

лютное большинство в ней русские; акцент делался на незначительность части нерусского населения и возможностей его влияния⁸¹. Это выступление было использовано для идеологической подготовки наступления на суверенитет республик.

Именно тогда среди московской интеллектуальной элиты стали активно обсуждаться трактовки западных политологов о несовместимости демократии и национализма, об отношении к национализму как индикатору отсталости, тормозу демократических преобразований.

Как было известно тем, кто в той или иной форме работал в то время по подготовке Конституционного Совещания, Г. Бурбулис провел переговоры с Э. Росселем – тогда главой Администрации Свердловской области. В результате на Конституционном Совещании области открыто и сплоченно выступили заинтересованной стороной против особых прав республик.

Конфликт областей с республиками вызревал еще в бывшем Союзе. Уже тогда в областях высказывали недовольство перераспределением национального дохода в пользу «отстающих окраин». Об этом, как помнит автор этой работы, говорили на Научном совете по национальным проблемам при Отделении общественных наук президиума АН СССР еще в период подготовки Конституции 1977 г., и в ЦК КПСС были переданы соответствующие предложения. Конечно, многие понимали, что до самого населения республик, особенно российских льгот доходило немного. Политика централизованной системы управления исходила из того, что на территории бывших автономий сосредоточены необходимые для всей страны ресурсы (ведь они занимали 53% всей площади Российской Федерации). В одной только Якутии добывалось 99% всех алмазов, 24% золота и 33% олова, там сосредоточены и угольные, и нефтяные, и газовые месторождения. Города республик и добывающие районы были населены преимущественно русскими.

Республикам отпускались средства на образование, но образование осуществлялось главным образом на русском языке. Только в Татарской и Якутской АССР была сравнительно широко развернута сеть школ с образованием на национальном языке. И не используя сеть образования идеи Советской власти среди национальностей провести было нельзя. К тому же, если и попадали «дополнительные средства» по идейным соображениям «отсталым окраинам», то в большинстве случаев они чаще не доходили до людей из-за неэффективности хозяйственного механизма.

⁸¹ Там же. 1993 г. 17 апр.

Ведь не случайно показатели социально-культурной инфраструктуры в республиках были низкими и редко где отличались в лучшую сторону по сравнению с русскими районами.

Однако в 1990–1992 гг. области хотели использовать свой шанс в период суверенизации республик. В 1991 г. 150 российских областей, районов и городов обратились в Федеральные органы власти с заявками на создание «свободных экономических зон». Инициативы не были реализованы, но развитые области серьезно претендовали на полномочия, равные с республиками.

При подготовке новой Конституции в Верховном Совете РФ в 1992–1993 гг. обсуждался вариант «земельного устройства». В Конституционной комиссии ее председатель О. Румянцев, и один из ведущих идеологов В. Шейнис были за этот вариант. Выступая на Всемирном Конгрессе Советских и Восточноевропейских исследований в Хороейте в 1990 г. В. Шейнис обосновывал идею национально-культурной автономии как наиболее приемлемое средство против национализма в демократическом обществе.

Жизнь, и прежде всего те властные структуры, которые сталкивались с реальным процессом управления, корректировали интеллектуальные построения политической элиты. Накануне Конституционного Совещания 1993 г. автор была свидетелем того, как своими впечатлениями делился О. Румянцев после встречи с президентом. Как о трудной победе он рассказывал о том, что удалось договориться: области получают все права республики, но остаются субъектами. Таким образом Федерация будет и конституционная и договорная.

В комиссиях Конституционного совещания области выступили самостоятельной активной силой, поддержанной многими демократами, и были приняты решения о выравнивании прав всех субъектов Федерации, упразднении в отношении республик слова «суверенные», не включении в Конституцию права на самоопределение вплоть до выхода из состава Федерации, которое было у республик по советской Конституции 1936 г.

Республики – особенно активно Татарстан, Башкортостан, Карелия – выступили против. Б.Н. Ельцин колебался, готов был идти им на уступки, еще пытаясь найти поддержку у глав республик в борьбе с Верховным Советом. 26 мая 1993 г. на совещании глав республик и в июне 1993 г. на Конституционном совещании президент во имя принятия Конституции, минуя Верховный Совет, соглашался с формулировкой «республика – суверенное государство в составе Российской Федерации». Но республики не согласились, как известно,

на принятие Конституции через Конституционное Собрание. С этого момента президент перестал идти на уступки руководству республик. Он использовал решения Конституционного собрания для реализации их в новой Конституции, в которой нет упоминания о суверенитете республик и праве их выхода из РФ.

Влиятельная часть интеллектуальной элиты Центра по-прежнему считает национально-государственное устройство, доставшееся от большевиков, дававшее право народам-этносам на свою государственность, одним из препятствий в трансформации Российского общества. При этом, одни считали возможным использовать на переломных этапах жизни государства безответственные шаги социальной инженерии – типа первых предложений Г.Х. Попова, другие искали выход, исходя из исторической реальности России.

В. Тишков, одним из первых обративший внимание новых «конструкторов» национальной политики на преимущества государственного устройства без этнической «нагрузки» (его статья в журнале «Коммунист», № 1, 1989 г. широко обсуждалась среди элиты в республиках), после своего собственного опыта работы председателем Госкомнаца написал в 1993 г.: «Сама форма национальной государственности обрела огромную политическую и эмоциональную легитимность. Как свидетельствует мировой опыт, отчуждение или ограничение уже достигнутых статуса и привилегий сталкивается с упорным сопротивлением и вызывает ответное насилие». В.А. Тишков предложил свой вариант либерализации национализма при демократизации. «Негативные последствия... политического наследия, – считал он, – могут быть устранены не через демонтаж национальной государственности, а наоборот через расширение полномочий субъектов федерации (имеются в виду и республики, и края, и области. – *Авт.*) и утверждение в них полного гражданского равноправия». Федерализм не означает наделение этнических групп «своей государственностью». «Этническая принадлежность россиян есть их частное дело. Необходимо взять курс на постепенное разгосударствление и деполитизацию этничности», «...демократическое согражданство и культурный плюрализм должны составлять основу политической формулы новых государственных образований»⁸².

Понимание того, что влиятельные политические и интеллектуальные элиты титульных этносов вполне способны организовать любые формы сопротивления волевым решениям об упразднении

⁸² Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. – М., 1993. С. 36, 38.

республик заставляло «демократов у власти» искать компромиссные решения.

К сожалению, реализм в политике трудно пробивает себе дорогу, ибо политическая элита чаще руководствуется ситуативными интересами, а ученые, подпитывающие их, – сложившимися представлениями. Еще в конце 80-х гг. нам приходилось отстаивать точку зрения о возможности в нашей исторической реальности именно в новых условиях демократизации осуществить вариативный путь построения многонационального государства⁸³, при том что в правах люди всех национальностей везде должны быть равны. Унитаристки настроенные коллеги обвиняли нас в развале государства, а демократически ориентированные – апеллировали к «мировому опыту», который по их представлениям того времени не давал примеров построения федерации с субъектами, входящими в нее на разных основаниях. Однако автор могла привести в пример особый статус Луизианы в США и Пуэрто-Рико как их ассоциированного члена, провинции Онтарио в Канаде, которая пользуется особыми правами, Баварии и Саксонии в ФРГ, которые в своих конституциях называются не землями, а государствами.

Речь шла о возможных цивилизованных вариантах соединения либерального национализма с демократизацией в стране с такими традициями, которые имела Россия. Мы имеем в виду особый статус Польши и Финляндии, а также систему управления в Средней Азии еще во времена царской России, существование союзных и автономных республик в течение практически семи десятков лет в советское время.

К вариативному принципу национально-государственного устройства приходили и другие ученые. В 1990 г. на конкурсе проектов нового Союзного договора, организованного Межрегиональной группой Съезда Народных депутатов СССР, первое место получил проект Е.З. Майминаса, предполагавший создание Союза суверенных государств – Европейско-Азиатского Союза. Он поддержал предложение трехуровневого варианта Союза. При верховенстве республиканских законов в Союзных республиках часть суверенных прав по этому проекту они могли передавать Федерации. Предусматривалось как бы три варианта вхождения в Союз: 1-й вариант, при котором республики объединяются для координации между собой действий

⁸³ Дробизева Л.М. О новом мышлении в межнациональных отношениях // Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. – М., 1989. С. 89.

и законодательства; 2-й вариант – при котором они входят в Союз, передавая некоторую часть своих полномочий Федерации (разделенный суверенитет); и 3-й – когда они входят в Союз на основе более тесной интеграции, и при разделении полномочий передают Центру существенную часть прав или имеют их в виде совместной компетенции⁸⁴.

И, конечно, тогда еще никто не мог предвидеть, что «ассиметричная федерация» станет вариантом для сохранения целостности Российской Федерации, будет предусмотрена Конституцией 1993 г. и найдет выражение в Договорах между государственными органами Российской Федерации и государственными органами субъектов Федерации 1994–1995 гг.. Не предполагали тогда и таких видов интеграции, как СНГ или Российско-белорусское сообщество. Но сейчас, когда они появились, вспоминаются вышеназванные предложения.

На самых ранних этапах обсуждения в Центре проблем национальных движений в условиях начавшейся трансформации общества появились и идеи возвращения к централизованному унитарному государству. Еще когда готовился пленум ЦК КПСС, посвященный совершенствованию национальных отношений, в 1989 г. – на Научном совете по национальным проблемам при Секции общественных наук президиума АН СССР выступал В.И. Козлов, который высказался за возвращение к идеям ленинской национальной политике дореволюционного периода, когда Ленин был сторонником централизованного государства и не выдвигал положения «о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». В газете «Социалистическая индустрия» (11 сентября 1989 г.) была опубликована статья В.И. Козлова с обоснованием этой точки зрения, которая тогда обсуждалась в союзных и в автономных республиках.

Проблемы государственного устройства, принципов решения судеб народов, отношения к меньшинствам активно обсуждались и обсуждаются в связи с российским и русским национализмом. Под первым мы имеем в виду своего рода «гражданский национализм» – идеи и политику защиты национальных интересов государства, в нашем случае полиэтнического Российского государства, Российской Федерации. Под вторым – так называемый «этнический национализм», который в нашем российском варианте тоже не является чисто культурным, т. е. не связан только с защитой, поддержкой,

⁸⁴ Майминас Е.З. Быть или не быть Союзу // Общественные науки и современность. 1991, № 1.

восстановлением русской культуры, с обращением к истории, наследию, развитием русской идентичности, но в некоторых вариантах и с идеями государственности: либо с идеей создания русского государства в составе РФ, либо с интерпретацией Российской Федерации как государства русского, призванного обеспечивать в приоритетном порядке интересы русского народа и русской культуры. Поэтому мы называем его этническим, а не этнокультурным национализмом.

И тот, и другой вид национализма не изолированы. В риторике «государственников», мы встречаем культурно-защитные идеи, и наоборот, у поборников этнокультурного возрождения мысли «державников».

Тема российского и русского национализма сложная и очень ответственная, требующая специального изучения⁸⁵. Мы остановимся на тех аспектах русского национализма, которые в республиках ассоциируются с политикой Центра и так или иначе связаны с демократизацией и общей трансформацией общества. Таким образом, для нас, прежде всего, важно: 1. Выяснить, какие установки русский национализм намеревался осуществлять в отношении меньшинств; и 2. Насколько политика государства, проектируемая русскими националистами, может соответствовать нормам либерального общества.

Не только за рубежом, но и в нашей стране национализм русских чаще всего воспринимается как шовинизм – стремление доминирующего народа осуществить свои интересы за счет гегемонистских устремлений и дискриминации других этнических общностей. Собственно марксистские установки способствовали такому восприятию его внутри страны, а вне ее аргументировались исследователями опытом между двумя мировыми войнами и последующей политикой СССР. Свою лепту в такое восприятие русского национализма как агрессивного и нетерпимого внес очень известный на Западе автор – Александр Янов. Но именно ему, так же как и Уолтеру Лакеру и Френсису Фукуяме, принадлежит заслуга в стремлении дать мировому читателю в последние годы более широкую палитру течений в русском национализме⁸⁶. Нам приходилось уже писать и о

⁸⁵ Прибыловский В. «Память»: Опыт предварительного описания // Панорама. 1990, № 8, 9, 10, 14; Соловей В.Д. «Память»: история, идеология, политическая практика // Русское дело сегодня. Т. 1. – М., 1991; Факуяма Ф. Разновидности русского национализма // Moore J. Legacies of the collapse of marxism. – Georg Mason univ Press; Лакер У. Черная сотня. Истоки русского фашизма // Problem of Eastern Europa. 1994; Янов А. Русская идея и 2000-й год // Liberty Publishing Hause. – New York, 1988; Его же. После Ельцина. – М., 1995 и др.

⁸⁶ Янов А. Указ. соч.; Лакер У. Указ. соч. Факуяма Ф. Указ. соч.

политическом направлении в русском национализме и об этнокультурном применительно к 70-м – 80-м гг. и началу 90-х годов⁸⁷.

В 1993–1996 гг. в «гражданском» и в «этническом» национализме произошли изменения. Перестали рождаться как грибы многочисленные небольшие объединения типа «Преображенцы», «Слобода», «Московитяне», «Невская битва», «Русские рыцари» и ветви «Памяти», т. е. как объединения историко-культурной, так и политической направленности. Но при этом устойчиво проявляло себя идеологическое национально-патриотическое течение общественной мысли. Оно по-прежнему имело два направления, но лица их изменились. Для предыдущего этапа их определяли как либеральное и консервативное. Первое связывали с именем Д. Лихачева (в том числе и автор этих строк), в известной мере С. Залыгина, писателями-деревенщиками, а консервативное – сгруппировавшимися вокруг «Нашего современника» защитниками особого «русского пути», ярыми критиками Запада, насаждающего «бездуховный», «потребительский» образ жизни, борцами «с либерализацией» в экономике, интеллектуальными критиками М.С. Горбачева, а затем и Б.Н. Ельцина с его окружением⁸⁸. В политике крайне-радикальное направление национально-патриотического движения связывалось с деятельностью «Памяти», а затем Русского национального единства А. Баркашова, который стал более широко известен после событий осени 1993 г.

Период, о котором мы пишем, внес существенные коррективы в развитие общественной жизни и в политическую деятельность в связи с разочарованиями в реформаторском потенциале послеавгустовского режима и образа Запада как союзника новой России. Для взаимодействия Центр – республики, русские и другие народы России имело значение несколько достаточно очевидно выявившихся тенденций. Первая состояла в том, что либеральное направление национально-патриотического течения общественной мысли практически не выражало себя в рамках этого течения. Патриот своей страны и либерал Д. Лихачев, по предположению А. Янова, «был бы смертельно оскорблен, узнав, что его смеют называть русским националистом». Уже с конца 80-х годов писатели и общественные деятели,

⁸⁷ Дробизева Л.М. Этническое самосознание русских: идеология и практика // Советская этнография. № 1. 1991 г.; *Её же*. Штрихи самосознания русского народа // Русские. Этносоциологические очерки. – М., 1992; *Её же*. Perestroika and the ethnic consciousness of Russians // From Union To Common-Walath. Nationalism and Separatism in the Soviet republics. – Cambridge, 1992.

⁸⁸ Об этом периоде нам доводилось писать в «Русские. Этносоциологические очерки».

которых связывали с либеральным направлением в национально-патриотическом течении, перестали печататься в «Нашем современнике».

Но и сама правая национально-патриотического течения после осени 1993 г. и результатов выборов в государственную Думу 1993 года претерпела изменения. Ее лидеры оценили итоги выборов и данные всех социологических опросов, которые фиксировали поддержку «Фронта национального спасения», «Русского Собора», «Памяти» в максимальном варианте не более чем в 1–2% среди русских. При анализе всех материалов опросов ФНС Национально-республиканская партия, Русский Собор и др. в целом имели поддержку на уровне 3–5% населения, а с коммунистами поддерживающими национально-патриотические идеи – 8–12%. Если иметь в виду настроения сельских жителей и населения малых городов и старшего поколения, то в их среде эти идеи пользовались поддержкой до 20%⁸⁹.

Естественно лидеры национально-патриотических движений не были удовлетворены уровнем поддержки. «Самое печальное, – писал А. Казинцев в основном идеологическом журнале национал-патриотов «Наш современник», – у нас нет активной поддержки масс». «Все что есть у патриотов сегодня – Идея».

Центральная идея была определена как идея государственного инстинкта, ориентация была взята на то, что она нужна обществу, нужна президенту, правительству, всем. На этой волне умеренные идеологи русского национально-патриотического движения дистанцировались от крайне правой и крайне левой оппозиции в своих рядах, от экстремистов типа А. Баркашова. Похоже было, что они приняли тактику негласного партнерства. Меморандум о согласии, одобренный Государственной Думой, стали интерпретировать как «путь национального примирения», считали, что послание президента «Об укреплении Российского государства» (февраль 1994 г.) названо симптоматично⁹⁰. Со страниц «Нашего современника» стали раздаваться призывы к поиску компромисса «с наиболее здравомыслящей частью нынешней правящей верхушки» и эволюционного пути развития⁹¹. И надо сказать, что сохранив В. Черномырдина на посту премьера и силовых министров А. Грачева и В. Ерина в ноябре 1994 г., думские фракции, отражающие намерения национал-патрио-

⁸⁹ Янов А. После Ельцина. С. 284.

⁹⁰ Казинцев А. ГКЧП-3 // Наш современник. 1994. № 4. С. 189.

⁹¹ Наш современник. 1994. № 7. С. 131.

тической оппозиции по сути подтвердили эту тактику своими действиями.

Идеологические постулаты ими корректировались в следующих направлениях:

1. Идеологема государственности стала наполняться идеей межнационального согласия. В одной из самых примечательных статей, опубликованных в 1994 г. в «Нашем современнике» В. Зорькина, подчеркивалось, что согласие подлинное, сторонниками которого являются «здравомыслящие представители российской политической элиты», отличается от «гражданского мира» прагматиков, оно достигается не только «по горизонтали» между представителями живущего поколения, но и «с нашими предками»⁹².

2. Идеологема «особого пути» тоже была откорректирована. В правой и центристской национал-патриотической литературе уже практически не встречалось утверждений о наследовании советскими коммунистами как это было в 80-е годы. «Особый путь» уже не выглядел изоляционистским как прежде.

3. Началось насыщение доктрин либеральными, модернизационными установками. Для идеологии российского возрождения представлялось теперь возможным «гармоническое совмещение элементов капитализма и социализма, традиции и современности, демократии и авторитаризма, национальной самобытности и общенациональной ценности». «...Именно патриотизм и державность предполагают развитие настоящей самобытной демократии в России»⁹³.

4. Трансформированная идеология российского возрождения должна базироваться на просвещенном патриотизме, на «достижениях нашей отечественной культуры вкупе с лучшими образцами культуры общемировой».

Эту систему идей стали называть идеологией «либерального империализма» и считали «сверхзадачей момента»⁹⁴.

5. Исторически обосновывается, что российский империализм и патриотизм носил характер «преимущественно мирного собирания земель».

6. Сторонники либерального империализма⁹⁵ отказывались от идей силового восстановления СССР. Вместе с тем, желаемым им представляется новое объединение России, Украины, Белоруссии, Казах-

⁹² Зорькин В. Прощание с мифами // Наш современник. 1994. № 9. С. 147.

⁹³ Там же. С. 140, 149, 150.

⁹⁴ Душенков К. Основные тенденции общественно-политической жизни современной России // Наш современник. 1994. № 1. С. 134.

⁹⁵ Наш современник. 1994. № 9. С. 141.

стана на добровольной основе. Ставится вопрос о территориях компактного проживания русских и других образований, изъявивших добровольное желание войти в состав Российского государства.

Геостратегическая угроза теперь рассматривается не только со стороны США (например, муссируются предложения о покупке Сибири), но и Китая, Турции, Ирана. Внутренний враг рисуется прежними образами. К страхам, фобиям добавлена идея «русские – разделенный народ»⁹⁶.

Таким образом, деятельность правого национально-патриотического движения, привлекающего теперь идеи Вл. Соловьева, Струве, Ильина существенно расширились по диапазону привлекаемых идей.

7. Очевидно также, что они будут использовать идеи социальной справедливости – это очевидно, например, из уже цитированной статьи В. Зорькина.

Интеллектуальный потенциал русской правой несомненной возрос, она демонстрирует гибкость, абсорбирует либерально-демократические идеи. Возьмет ли он верх над более опасным ультранационализмом, экстремизмом с уверенностью сказать нельзя, ибо это зависит от обстоятельств, но шансы у них несомненно есть.

Похоже «идеологические зерна», заброшенные авторами «Нашего современника», дали ростки. Примечательно, что газета духовной оппозиции «Завтра» сентябрьский номер (№ 17 1993 г.) посвятила предвыборным документам патриотических движений. Кого же она представила? Компартию РФ (Г. Зюганов), Конгресс русских общин – КРО, «Держава» (А. Руцкой), ЛДПР (В. Жириновский). Наибольшее внимание было уделено КРО. Общественно-политические движения КРО и созданный им Союз народов России способны были, по мнению Ю. Скокова, согласовать интересы народов и регионов.

Россия представлялась ими как правовое, демократическое федеративное государство – «Союз народов, федерация регионов». Ориентация в экономике – опора на собственные силы, рыночная экономика с мощным государственным сектором. Лозунги – «Русские объединяйтесь, мы у опасной черты! Русские никогда не пытались решить свои проблемы за счет других народов, в противовес их интересам».

У А. Руцкого продуктивной, в том числе национальном, программы практически нет. У КП РФ, поддерживаемой национал-патриотами, в программе: расторжение Беловежских соглашений, поэтапное восстановление союзного государства на добровольной

⁹⁶ *Мяло К.* Конец столетия: русский вызов // Независимая газета. 1994. 12 апр. С. 5.

основе, расторжение международных соглашений, ущемляющих достоинство России. В. Жириновский в изложении избирательном платформы проблемы восстановления Союза обошел и исключил внешнеполитические завоевательные цели, но известно, что он за губернизацию России.

Судя по акцентации вступительной заметки Александра Проханова, скорее всего **национально**-патриотическая правая готова была сделать ставку на Ю. Скокова.

Выборы в Государственную Думу 1995 года показали, что **национально**-патриотические идеи в либерально-националистическом варианте, преподносившемся КРО, даже при поддержке генерала А. Лебеда с харизматическим образом значительным электорат собрать не могут. Коммунисты были лучше организованы и опытни в политической мобилизации масс. На президентских выборах правые национал-патриоты и сторонники либерального империализма выступили за поддержку КПРФ. Они уже трактовали Г. Зюганова не как руководителя КПРФ, а как общенационального лидера, «заинтересованного в развитии своего Отечества». А. Проханов писал: «Взяв Думу, возьмем и Кремль – выиграем президентские выборы. Если лидеры-патриоты... объединяться... уступят сильнейшему... позабыв о своих генеральских погонах, в общий солдатский строй». Победит тот, кто «соединит идею нации и идею империи...» Сам Г. Зюганов был открыт для альянса. «Для того, чтобы сформировать мощное государство, нужно иметь идеологию», – говорил он. «В основе всей русской идеологам было две идеи. Первая идея – социальная справедливость, опирающаяся на христианский социализм. Нет других идей»⁹⁷.

Как можно судить по публикациям, идеологи национально-патриотического направления новых идей во внутренней политике в сравнении с концом 80-х гг. и до 1992 г. не выдвигали, если не считать позиций по событиям в Чеченской республике (Ксения Мяло, критикуя «политическое безволие нынешней России» и Ковалева, Юшенкова вместе с Зюгановым, Анпиловым и Лебедем, «Правду» и «Советскую Россию» за мысли о том, что горцев «довели», в «Нашем современнике» призывала к «нормальным реакциям» на насилие⁹⁸).

Внимание идеологов обращалось на геополитические интересы России в контексте национальных идей. Симптоматичным в этой

⁹⁷ Завтра. 1996. № 81. С. 1.

⁹⁸ Наш современник. 1996. № 3.

связи было выступление А. Казинцева⁹⁹. Высказываясь против «национального мазохизма», сопровождавшего «идеологию реформ», он писал, что в перспективе «у нас... не меньше шансов преодолеть период самоуничтожения, чем у немцев, которые после войны (отчасти под давлением извне, отчасти из-за собственного страха) старались забыть, что они немцы... Русским надо прийти в себя... сосредоточиться как нации. Возродить национальные идеалы, общегосударственную идею», обрести слух, улавливающий слова о Родине, Святыне, долге и подвиге. А. Казинцев связывал реализацию этих идей с благоприятными внешнеполитическими условиями. В беседе с Ю. Квицинским – вице-президентом Внешнеполитической ассоциации внимание концентрировалось на: 1. опасностях в связи с победой в Турции в 1995 г. ультранационалистической Партии благоденствия, декларирующей «создание государства турок от Средней Азии до Боснии» и «проникновением ислама в Европу»; 2. усилении экспансионистских намерений в экономической и политической сфере Китая, Японии, Южной Кореи.

Эти геополитические тенденции обсуждались в связи с идеями «расчленения нашего отечества»: опасностями создания «мусульманского государства на Волге», провозглашением «Уральской республики», кооперации «не только экономической, но и политической» нашего Дальнего Востока с Южной Кореей, Японией, Китаем¹⁰⁰.

Об опасностях откола Дальнего Востока «до уровня конфедерализации» писал и С. Кургинян с единомышленниками. В заявлении Ассоциации взаимодействия Дальнего Востока и Забайкалья подчеркивается, что «Центр пренебрежительно относясь к региону, сам толкает его к созданию Дальневосточной республики». Он заявлял о потере политической роли Транссибирской магистрали и возрастании влияния Китая и других стран Востока. Опасности для России С. Кургинян и его коллеги видели в Трансазиатской железнодорожной магистрали, которая будет короче Транссиба, охватит страны Закавказья, Среднего Востока, Средней Азии и Восточной Европы с выходом в порты Китая и Кореи и возродит Великий Шелковый путь. Турция рассматривает этот транспортный путь, писал С. Кургинян, как «хребет исламской концепции» Великого Туркестана: от Казахстана до Марокко¹⁰¹.

⁹⁹ Казинцев А. // Наш современник. 1996. № 3.

¹⁰⁰ Там же. С. 156, 158, 161.

¹⁰¹ Кургинян С., Бардахчиев Ю., Дмитриев М. «Туманган» – символ поражения // Завтра. 1996. № 15. С. 4.

В оценке внутрироссийский проблем, конечно, был значим голос российских писателей. Драматизм российской ситуации 90-х годов был в том, что новая власть и многие талантливые и авторитетные русские писатели – В. Астафьев, В. Белов, В. Личугин, В. Распутин, В. Солоухин, В. Чивилихин и, в известной мере, С. Залыгин, А. Солженицын, оказались «по разные стороны баррикад». По сути тот национализм, о котором мы ведем речь в этой книге, в наиболее, условно говоря, «чистом виде» и представлялся именно ими. Это проявлялось в идеологии российской государственности, защите природной среды обитания, традиций культурного наследства, духовности, противостоянии «западной бездуховности», «массовой культуре». Писатель, поэтизирующий русский Север, Владимир Личутин писал: «И русский народ сможет выжить и сохранить жизнь другим народам, если поймет всю живительную глубину национализма». «Сейчас ни одна нация не живет без национализма... У нас же этот философский термин опошлили и унизили сознательно. Чтобы, упаси Господи, русский народ не поднял голову».

«Чем хорошо это время – мы стали говорить: “Мы русские”... Мы осознали, что мы русские. Это духовное сознание в будущем должно сделать благодатное дело... И в чем как раз суть русского национализма? Его задача – связать все народности в единое тело. Прежде цари умели хранить государство... Русский народ сохранится в пространстве, если он сохранит все до единого малые народы...». Задачу писатель видел в том, чтобы разбудить «душу интеллигенции»: «Интеллигент уснул. Он ожидал свободу, страдая, диссидентствовал. А когда пришла эта долгожданная свобода, то ударила его по темени и загнала в нору нищеты... Русского интеллигента использовали в своих целях и смыли его... Но уже появляются молодые интеллигенты, которые понимают, что спасение в русской идее...».

Структуры «захватившие власть», писал В. Личутин, надо сказать, выражая мысли части художественной интеллигенции, «пляшут на крови... Народ для них – быдло... Они не понимают, что нация хранится не капиталом, а духом, культурой»¹⁰².

Наши беседы с писателями, художниками, учеными в Москве показывают, что в той или другой форме эти идеи имели широкое хождение не только у людей с повышенным чувством национальности, но и в среде тех, кто жил прежде всего своими профессиональными интересами, но стремился осознать положение в стране. И как нам

¹⁰² Там же. С. 5.

представляется, эти идеи доходили до политиков и занятых в сфере управления.

При всех различиях в представлениях о способе действий, все национально ориентированные общественные силы жили в состоянии политической мобилизации. И деятели национально-патриотического направления, особенно после опыта 1993 г. и выборов 1995 г., готовились «избавлять народ» от демократии с помощью «бескровной перемены власти», как писал тогда даже Альберт Макашов¹⁰³.

Действительно, факты говорят, что на выборах экстремистскую часть русских националистов народ не поддерживает. Они, если проходят в правительственные органы, то через другие объединения. Опросы показывают низкую поддержку даже в целом течения, идущего под флагом национально-патриотического направления. А этноцентристы агрессивно настроенных респондентов – 1–2% (опора «Русского Собора», «Русской партии», «Памяти»)¹⁰⁴. Организаций крайней русской экстремистски настроенной оппозиции немного и состав их по оценкам специалистов невелик. Но в 1992 г. «Российские вести» привели данные, что только в Москве издается 30 газет и 6 журналов фашистской направленности и в других российских городах еще 18¹⁰⁵.

Западные специалисты обращают внимание на то, что русские националисты все разного направления, но в крайних, экстремистских условиях (октябрь 1993 г.) они опирались на отряды «Памяти», волонтеров Национально-республиканской партии¹⁰⁶.

А. Янов, которого, как он сам пишет, журили за «демонизацию» русского национализма, считает, что это «грозная политическая реальность», она влияла на решения российского правительства во время югославского кризиса, во время решения вопроса о спорных территориях с Японией. Крайние формы в виде фашизма обрели своих интеллектуалов и идеологов, они говорили в парламенте. Опасность их осознавалась правительством. Как заметил А. Янов в октябре 1993 г., Ельцин объявил о «разгроме фашистского мятежа», а 28 февраля 1995 г. последовал специальный указ о борьбе с фашизмом¹⁰⁷.

Наличие крайних форм русского национализма представлялось, как можно судить по печати, большей опасностью самим русским,

¹⁰³ Макашов А. Бить в колокола // Завтра. 1996. № 1. С. 4.

¹⁰⁴ Гудков Л.Д. Там же.

¹⁰⁵ Российские вести. 1992. 25 июля.

¹⁰⁶ Янов А. После Ельцина. С. 249–250.

¹⁰⁷ Там же. С. 15.

чем в республиках. Но вот идеи этноцентристского характера – «Россия для русских», мусульманская угроза, обвинения в сепаратизме Урала, Сибири, Дальнего Востока, Поволжских республик незамеченными в республиках не проходили. Однако в ситуации 1993–1996 гг. для республик, как и для мира в целом, имела значение политика и ориентации самой центральной государственной власти в России.

После голосования в Думу в декабре 1993 г. сторонники демократии и президента сделали вывод, что в борьбе с силами прошлого они «вольно или невольно отдали некоторые важнейшие ценности, чтимые народом и способные сплотить в борьбе за будущее страны, своим политическим противникам». В их числе «идеалы патриотизма, государственности...» «Непростительно, – писал политолог Андрей Кива, – что в свое время демократы отдали идею государственности и патриотизма на откуп тем, кто по большому счету и не патриот и не государственный»¹⁰⁸.

Егор Гайдар в статье «От национал-патриотов исходит самая большая опасность для России», направленной против Жириновского, писал: «...от него исходит самая большая угроза моей Родине, народу. Ответственные политики обязаны сделать все, чтобы этот мыльный пузырь лопнул как можно скорее»¹⁰⁹.

Политологи демократической ориентации парировали обвинения коммунистов и патриотов в непатриотизме, показывая ложность их собственных представлений о себе как патриотов. Коммунистические лидеры вырубili цвет русской нации, разорили русский уклад жизни, народные традиции, подавляли русскую культуру, душили русское национальное самосознание, желали поражение своей Родине и разлагали армию в Первой мировой войне, «коммунистические аппаратчики вели себя настолько не гибко, что буквально подтолкнули многие республики бывшего СССР бежать как можно дальше»¹¹⁰.

Президентская команда уже с 1992 г. стала активно защищать русских в образовавшихся соседних государствах. Уже в сентябре 1992 г. МИД России сделал заявление в ООН о нарушении прав русских в Прибалтийских государствах, 30 октября 1992 г. Б.Н. Ельцин отдал распоряжение о приостановке вывода войск вплоть до достижения договоренности о порядке вывода войск и защите военнотру-

¹⁰⁸ Кива А. Другая Россия // Российская газета. 1994. 5 янв.

¹⁰⁹ Известия. 1994 г. 17 мая. С. 5.

¹¹⁰ Кива А. Поговорим о патриотизме // Президент. 1994. 30 авг. – 5 сент.

жащих и членов их семей, временно остающихся в Балтии¹¹¹. Вывод войск продолжался, так что заявление было скорее обозначением политики. Переход от романтически-демократической к государственнической позиции в российском руководстве вполне очевиден был по примечательной статье С. Станкевича, тогда советника президента, в «Независимой газете». Он писал, что России не безразлична судьба этнических россиян, и так же как другие государства – Германия, Грузия, она вправе их защищать¹¹².

Впоследствии в связи с принятием законов об иностранцах в Эстонии, подготовкой закона о гражданстве в Латвии, ущемлявших гражданские права русских в этих государствах, российское правительство каждый раз апеллировало к мировому общественному мнению.

После выборов декабря 1993 г. государственно-патриотическая позиция президента, правительства и большинства демократов стала настолько очевидной, что национал-патриоты заявляли, что президентская команда говорит то, что мы говорили два года назад. «Даже Гайдар заговорил сегодня о национальных интересах, отважно предложив «Выбору России» стать «Партией русского национального достоинства», – писал К. Душенков в «Нашем современнике», и отметил «русофильские пассажи... Козырева»¹¹³. А о Чернобырдине явный оппозиционер Александр Проханов писал, что «изгнав из своего окружения чикагских толстячков, вдруг обнаружил свою национальную природность, уральскую, коренную русскость, прагматизм... мы имеем русский кабинет и под него будет провозглашен русский курс»¹¹⁴. И если в выводе А. Проханова есть элементы сарказма, то в словах А. Казинцева их не было: «Однако курс и впрямь становится более русским – разумеется, в жестких пределах концепции развития РФ, обозначенной Ельциным еще в 1991г....» – писал он¹¹⁵.

Конечно, президент, показывая свою государственно-патриотическую и русскую позицию, в отличие от русско-патриотической оппозиции открыто не создавал образа врага из других народов. Однако в политической практике не упускали возможности использовать проявления антисемитизма в борьбе с политическими противниками. Е. Гайдар писал о Жириновском: «Этот человек мне лично активно неприятен... Из-за ненормальных социальных условий, из-за государственного антисиметизма (каково признание!) пошедший

¹¹¹ Независимая газета. 1992. 1 ноября.

¹¹² Независимая газета. 1992. 6 ноября.

¹¹³ Наш современник. 1994. № 7. С. 129.

¹¹⁴ Завтра. 1994. № 7. С. 1.

¹¹⁵ Казинцев А. ГКЧП-3 // Наш современник. 1994. № 4. С. 182.

на такую мерзость, как отказ ради карьеры от родного отца,... пытающийся... скрыть свое происхождение... (не хочу называть его ни псевдонимом, который он себе присвоил, ни фамилией отца...)). И. Рыбкин в интервью с А. Карауловым в телевизионной передаче «Момент истины» 14 ноября 1994 г. говорил: «Не может быть Владимир Вольфович (произнесено с ударением. – *Авт.*) Президентом России».

Когда происходила идеологическая подготовка очередного нажима со стороны России на Дудаева, в средствах массовой информации активизировался негативный образ чеченцев. И, конечно, на основе дискриминационных в отношении русских проектов законодательных документов в Эстонии и Латвии создавался враждебный образ эстонцев, латышей, а иной раз и прибалтийских народов в целом.

На патриотические позиции официальной Москвы постоянно оказывали влияния последствия распада Советского Союза. Иногда казалось, что это метание, ибо действительно нет сердца у того, кто не жалел бы о распаде Союза, но также нет разума, кто думает, что его можно таким же восстановить. Но дело было не только в эмоциях или в необходимости реагировать на критику оппозиции. Надо сказать, что проблема потерянных территорий воспринималась и осознавалась российской, русской политической элитой в 1995 г. уже как проблема сохранения своего геополитического влияния и взаимоотношений с Западом. Симптоматичным было высказывание В. Кременюка в «Независимой газете», который писал о вновь вспыхнувшей глубоко спрятанной в русском сознании мысли о том, что Запад никогда не относился к России как дружественной и равноправной стране. «Это породило среди россиян с одной стороны, особое чувство уязвимости или утомленности в их отношениях к Западу, ожидании чего-то малоприятного, а с другой – твердое убеждение, что говорить с Западом надо твердым языком силы! Причем это убеждение разделяли как ярые русофилы, так и получившая западное образование часть российской элиты»¹¹⁶.

Иными словами осознание ущемления геополитического влияния дополнила идеологию потерь в сфере государственности, культуры, духовности.

Таким образом, русский национализм в его широком и не оценочном толковании со временем менялся и имел по меньшей мере четыре вида выражения: 1. Культурно-защитный периода 70-х – 80-х гг.; 2. Национально-политический экстремистского направления; 3. Национально-политический либеральный; и 4. Центристский.

¹¹⁶ Независимая газета. 1995. 1 дек.

Именно два последних направления оказывали серьезное влияние на демократов у власти. Иногда настолько сильное, что можно было говорить о либеральном национализме Б. Ельцина, который пресекал крайние его формы. И это по сути было пятым видом – государственным гражданским национализмом. Г. Зюганов, которого газета «Завтра» в феврале 1996 г. (№ 15)¹¹⁷ именovala национальным русским лидером, во время предвыборной поездки на Алтай говорил, что правительство Б. Ельцина переняло «многие наши политические лозунги. О сильном государстве, о социальной защите, о государственном регулировании,... о национализации».

Идеи единства российского пространства и крепкой государственной власти были связаны на институциональном уровне с реализацией по меньшей мере двух управленческих задач – принципов федеративного устройства государства и решения вопроса с Чеченской республикой.

В Конституции 1993 года как известно закреплено федеративное устройство государства, субъектом которого являются как республики, так и области, края, автономные округа и автономная область.

В русской национально-патриотической литературе время от времени появлялись предложения о губернизации. В 1994–1995 гг. с теми же идеями выступал и А. Солженицын. В Комитетах Государственной Думы еще созыва 1993 года такие предложения возникали при обсуждении подписанного президентом договора с государственными органами Татарстан в феврале 1994 г.

После выборов в Государственной Думе 1995 г. активизировалась подготовка закона «Об основах разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации». В проекте закона, представленного на парламентские слушания 8 апреля 1996 г., предполагалось «привести подписанные договоры и соглашения в соответствии с Федеральным Законом» (ст. 36). Председатель комиссии при президенте по разграничению полномочий Сергей Шахрай на слушаниях говорил, что конституция любого государства не дает исчерпывающего перечня полномочий Центра и субъектов Федерации. Договоры заключались не между субъектами РФ как частью Федерации и РФ в целом, а между органами государственной власти Федеральными и Региональными. В договорах определялись предметы ведения специфические для конкретного субъекта. Договор с Татарстаном не является мо-

¹¹⁷ Завтра. 1996. № 15. С. 5.

дельным. Он особый, вызван необходимостью предотвратить региональный конфликт. Татарстан как и Чеченская республика не подписали Федеративный договор и в этой ситуации требовался особый юридический подход¹¹⁸.

Политической и научной элитой, ориентированной на консенсусное решение конституционных конфликтов Центра с республиками, конституции которых не соответствовали, Федеральный договор оценивался как позитивный шаг. Те, кто выступал за политику неуступок критиковали этот шаг.

Особенно обострялась дискуссия в связи с событиями в Чеченской республике.

Чеченский кризис многими оценивался как проявление наследства национально-государственного устройства. «Сепаратистский вариант в этой части России был сформулирован от имени этнического меньшинства чеченцев – народа со сложной трагической судьбой и обладавшего по советской доктрине национальной государственности территориальной автономией. В постсоветском пространстве именно эти факторы вызывали наиболее сложные и открытые конфликты», – писал во вступительной статье в Бюллетене № 4 Международного проекта «Урегулирование этнических конфликтов в постсоветских государствах», посвященной Чеченскому кризису В.А. Тишков¹¹⁹.

В ежегодном Послании президента России «О действенности государственной власти в России», с которым выступил президент 16 февраля 1995 г., написанном, как признавала общественность, под влиянием помощников из «демократов у власти», есть два положения, вызвавшие явную реакцию у интеллектуалов в республиках. Первое – это требование изменений в Конституциях республик, не соответствующих Конституции России. Второе – это формулирование в части, посвященной национальной (этнической) политике, что «создание национально-культурных объединений обеспечит разнообразие форм самоуправления народов»¹²⁰. Эта модель представляется как способ реализации культурных, религиозных, деловых и «других интересов». Под другими можно подразумевать политические, и даже государственные.

Итак, интеллектуальная и политическая элита Центра в период перехода к демократии выдвинула четыре подхода к национализму

¹¹⁸ Известия. 1996. 6 апр.

¹¹⁹ Тишков В.А. Вступительная статья // Бюллетень № 4 Международного проекта «Урегулирование этнических конфликтов в постсоветских государствах». – М., 1995. С. 4.

¹²⁰ Российская газета. 1995. 17 февр. С. 6, 7.

как к принципу, согласно которому этнические единицы должны иметь свою «политическую крышу».

Первый – пусть будут все ее иметь, кто претендует на государственность (Сахаровские Соединенные Штаты Европы и Азии).

Второй – никто не должен ее иметь, демократизация не совместима с национализмом, самоопределение одного народа достигается за счет другого, «этнокультурный приоритет», так называемый «этнический национализм», может восприниматься людьми других национальностей как собственная «второсортность». Национализм территорий мешает демократизации государства в целом. Выход – в национально-культурной автономии, переходе на территориальное деление – земли. Эти предложения демократов, как это нередко бывает в рецептах, совпали с теми, которые стремятся реализовать многие русские национал-патриоты – унитарное государство с системой губерний.

Третий – считаться со сложившейся реальностью, постараться деэтнизировать национально-государственные образования, реализуя идею «нация – согражданство» (государство учреждает многонациональный народ каждой республики). Такой подход реализуется через идеологическую ориентацию и выравнивание в правах прежде всею экономических и социальных субъектов Федерации. Федерация – способ решения национальных проблем на этапе перехода к демократии.

И, наконец, четвертый: наследие тоталитарного прошлого неизбежно приводит к тому, что на первом этапе перехода к демократии постсоветского общество сталкивается с иррациональным (действующим больше под влиянием обид и ущемленности, чем разумных интересов) национализмом. От либерализации Центра будет зависеть либерализация национализма в республиках. Национализм так же управляем как любая другая идеология. Его нельзя отменить, запретить, но усилиями политической и интеллектуальной элиты можно перевести в либеральный национализм, дополнив индивидуальные права коллективными.

Надо учитывать, что каждая республика в разной мере готова к демократизации. Менее выраженный национализм не всегда означает большую демократизацию. Вариативный подход Центра на переходный период окажется более эффективным, чем кардинальная ломка государственного устройства.

В конце 1995 г. государственнические настроения в России в целом, в том числе среди тех, кто относил себя к демократам, усилились, особенно, как мы уже отмечали, в период подготовки к выбо-

рам в Государственную Думу. Правда, в предвыборную программу тезис о губернском устройстве из демократов включил только Борис Федоров («Вперед Россия!»).

В концепции Государственной национальной политики в Российской Федерации, которая готовилась по заданию правительства и президента Министерством по делам национальностей и региональной политики, сказано: «Государственное устройство нашей страны основано одновременно на территориальном и национальном принципе».

При обсуждении Проекта концепции организованном Администрацией президента 9 декабря 1995 г. с участием представителей из субъектов Федерации и ученых, министр по делам национальностей и региональной политики В.А. Михайлов в ответ на некоторые выступления сказал, что отступать от принципов федерализма, сложившегося государственного устройства страны правительство не будет. Такой подход сохранился и после обсуждения концепции национальной политики на заседании правительства в феврале 1996 г.

Надо сказать, что это мнение министра вполне согласовывалось с массовым общественным настроением. Летом 1995 г. по нашему проекту «НИК» был проведен опрос русских москвичей. 62% высказалось против изменения существующего принципа государственного устройства и 14% – за. Простые люди в Центре не хотели новых изменений, обострявших этническую ситуацию, особенно после войны в Чеченской республике».

Обратимся теперь к тому, как смотрели на национализм при демократизации в республиках.

Конфронтация Центра и республик, которая ослабла к весне 1994 г., под влиянием способа решения Чеченского кризиса, последовательной ориентации демократов Центра на деэтнизацию государственного устройства, с конца 1994 – начала 1995 г. обострилась.

Если либералы во всем мире отвергали национализм в значительной мере под влиянием впечатлений от национал-эстремизма, проявившего свое жуткое лицо в двух мировых войнах нашего столетия, и может быть от насильственных вариантов антиколониальных движений, то в России такие настроения укреплялись также в связи с этнодискриминационной политикой в ряде государств, образовавшихся на месте бывших союзных республик Союза.

И все же, как заметил Г. Нодия, когда народы приступают к строительству своих демократий, они «начинают с создания независимых национальных государств»¹²¹.

¹²¹ Нодия Г. Указ. соч. С. 97.

На первых этапах трансформации тоталитарного общества демократия вообще воспринималась общественностью больше в эмоционально чувственном дискурсе как свобода, равенство. При таком подходе сама демократизация поставила под сомнение легитимность полиэтнического государства, основанного на несвободном, недобровольном выборе: равноправие, самоопределение народов как право на свободу решать свою судьбу наоборот приобретало общественную поддержку.

Концепция «демократизирующего Центра» сразу была подвергнута критике из республик. Симптоматичным был «круглый стол» «Суверенитет республик и целостность Федерации», который в январе 1989 г., провели две секции Советской Социологической Ассоциации: этнической социологии (председатель Л. Дробижева) и социологии национально-политических отношений (председатели И. Крупник и Г. Старовойтова). На нем присутствовали представители союзных и ряда тогда автономных республик. Это было свободное, неформальное обсуждение. И уже в то время предложения о национально-культурной автономии как единственном и наиболее целесообразном, с точки зрения демократических норм, приоритета прав человека, этнической идентичности, как личного дела каждого никак не принимались учеными и политиками из республик: большевики начали с деклараций о равноправии и самоопределении, а кончили «тюрьмой народов»; теперь российские демократы начинают с принципа по сути «единой и неделимой» России, чем же они кончат?¹²²

Надо прямо сказать, что действительно серьезная контраргументация в защиту национализма как стремления к собственной государственности, в контексте демократизации по существу была развращена в одной из российских республик – Татарстане.

«Для народа, не имеющего национальных прав, демократия бессмысленна. Поэтому для любого народа демократия начинается с самоопределения». Оно не предполагает априорных форм государственного устройства. Об этом напишет позже один из влиятельных идеологов Татарстана, государственный советник Р. Хакимов¹²³.

На многочисленных обсуждениях, конференциях, при обсуждениях концепции национальной политики и в Госкомнаце и, впоследствии, на конференциях движения «За сотворчество народов» (Се-

¹²² Из архивных записей автора.

¹²³ Хаким Р. Сумерки империи. – Казань, 1993. С. 33.

нежский Форум) при обсуждении «Концепции возрождения народов России» не раз приходилось слышать: «Идеи о том, что демократия сама по себе может решить национальные проблемы – легенда». В аргументациях приводятся события в Северной Ирландии, в стране Басков, в Квебеке. В демократических странах позволяют людям разной национальности сохранить культуру и не преследуют по этническому признаку, но там господствует принцип воли большинства и он не позволяет меньшинствам реализовать «свободу народа».

В работе «Сумерки империи» Р. Хакимов обращался к опыту движений за самоопределение в Каталонии, Курдистане и Татарстане и с уверенностью утверждал, что если задать вопрос тем, кто борется за свободу, «существует ли ценность выше демократии?», то они предпочтут ценность свободы. «Националы» выступают за демократию в той мере, в какой она предоставляет народам свободу»¹²⁴.

В аргументировании иной исторической логики чем в странах старой демократии», обращали внимание, что демократия в Европе появилась после развала империй. А в России демократия не может обеспечить права народов, если у них не будет государств, защищающих их интересы.

Демократия предусматривает верховенство права. Но в мире есть три документа, которые закрепляют права человека – «Всеобщая декларация прав человека», «Пакт о гражданских и политических правах», «Пакт об экономических, социальных и культурных правах. Идеологи из общественного движения «Суверенитет» в Татарстане ссылались на статью 1-ю, где записано:

«1. Все народы имеют право на самоопределение...

2. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами... Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования.

3 Все участвующие в настоящем Пакте государства... должны в соответствии с положениями Устава организации Объединенных нации поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право».

На эти положения, нашедшие закрепление в Уставе ООН, практически ссылаются все сторонники суверенитета в республиках т. е. не только в Татарстане.

В.А. Тишков считает, что принцип национального самоопределения как доктрина этнического национализма устарела. Он ссылается

¹²⁴ Там же. С. 37.

на авторитет Д. Горовица, который пишет, что «национальное самоопределение – это проблема, а не решение, ибо самоопределение сепаратистов реализовалось за счет тамиллов, грузинское самоопределение может произойти за счет осетин... Есть много доводов против упора на национальное самоопределение и за принятие концепций взаимного компромисса»¹²⁵.

Но именно учитывая критику, связанную с тем, что самоопределяющиеся государства тоже полиэтничны и достижение идей этнического национализма всегда будет означать неравенство в отношении других этнических общин, идеологи республик демонстрируют демократизм осуществленных ими шагов на пути к суверенитету.

Первыми документами были декларации о суверенитете. В Татарстане в Декларации государственный суверенитет в 1990 г. был провозглашен на основании «неотъемлемого права татарской нации всего народа республики на самоопределение». В Конституции через два года Республика Татарстан названа суверенным демократическим государством, выражающем «волю и интересы всего многонационального народа республики». «Многонациональный народ Татарстана стал конструируемой в республике нацией-согражданством. В книге *Сумерки империи*» Р. Хакимов этой идеологеме уделил особое внимание. Он раскрывает это понятие как «граждане объединившиеся в государственную общность независимо от этнического происхождения» и считает, что государство формирует нацию на основе новой системы ценностей, но начинается формирование с того, что самоопределяющийся этнос «затягивает в свой водоворот всех, кто живет с ним на одной территории».

Д. Исхаков критик Р. Хакимова поддерживал его идею о роли этнической культуры в образовании нации, но считал, что для этого надо активно поддерживать этнокультуру татарского народа, чтобы она формировалась как «высокая культура», чего де правительство Татарстана достаточно не осуществляет¹²⁶. Но тогда-то сразу и встает вопрос о приоритетах, о сортности культур в республике.

Другой идеолог суверенитета И. Тагиров, наоборот, подчеркивал, что законодательными документами в Татарстане «созданы условия для демократического и справедливого развития межнациональных отношений». Он доказывал это тем, что именно Декларация о суверенитете «выдвинула задачу реализации русского и татарского язы-

¹²⁵ Тишков В.А. Указ. соч. С. 16.

¹²⁶ Исхаков Д. Модель Татарстана: «за» и «против» // Панорама-форум. 1995. № 1. С. 55–58.

ков как государственных», и это закреплено в Конституции. На этой базе принят и закон республики о языках народов Татарстана¹²⁷.

Конечно идеологи в республиках понимают опасность националистических идей исключительности, нетерпимости и шовинизма. Именно поэтому они делали акцент на том, что сам национализм – «категория полиморфная, включающая как авторитаризм и империализм, так и варианты демократии и социальной терпимости». Защита культуры этнических общностей, обучение на родном языке и «получение самоуправления вплоть до суверенитета, не противоречат принципу уважения прав человека»¹²⁸.

При том, что выражение национальных интересов взяли на себя властные структуры республики здесь есть: татарские национальные организации – Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), Комитет «Суверенитет Татарстана», «Ватан» (Родина), Просветительское общество им. Ш. Марджани, Союз офицеров Татарстана, фонд Султан-Галиева, «Иттифак», Магарифом и близкая им радикальная часть татарского духовенства; пророссийские организации «жесткой» оппозиции по отношению к суверенитету Татарстана – Народовластие, Гражданский союз, НПСР (Татарстан), Граждане России Федерации, коммунистическая организация Татарстана (ОКРТ) и пророссийские организации реформистской направленности – движение Согласие, отделения РПРФ, ДПР, РДДР ДемРоссия, Народный Фронт Татарстана.

В других республиках если и были такие партии разного направления, то они крайне малочисленные, а иногда чисто формально созданные и неэффективные. Например, так оценивают специалисты из республики политические объединения Северной Осетии – Ала-нии, хотя их насчитывалось более 20¹²⁹.

В Туве, хотя и было зарегистрировано шесть политических партий, более менее заметным влиянием пользовались Народная партия суверенной Тувы (НПСТ), на 100% состоящая из тувинцев в основном центристского направления, и коммунисты. Более радикальное тувинское движение «Хостуг Тыва», которое инициировало включение в Конституцию Тувы право народа на самоопределение вплоть до выхода путем референдума, уже в период предвыборной кампании 1993 г. потеряло влияние и не собрало необходимых подписей для регистрации. Не получили поддержки и кандидаты в депутаты,

¹²⁷ Тагиров Индус. «Модель Татарстана» началась с Декларации // Казанские ведомости. 1995. 30 авг. С. 4.

¹²⁸ Исхаков Д. Модель Татарстана... С. 53.

¹²⁹ Гостиева Л.К., Дзadzиев А.Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии // Развивающийся электорат России. – М., 1995. Т. 2. С. 219, 229.

поддерживаемые ими во время выборов в Государственную Думу в 1995 г. Таким образом, есть основания полагать, что здесь формируется двухпартийная система. На выборах в Верховный Хурал за список Народной партии суверенной Тувы голосовало 62,9% избирателей, за Тувинскую республиканскую партию коммунистов – 37,1 %.

И пожалуй, более близкая к татарстанской с точки зрения политической активности была ситуация в Саха (Якутии), где на этапе подъема общественных движений активность проявляли и движение Саха Кэскилэ» и «Саха омук», и Демократическая партия Якутии, и, наиболее многочисленная, Компартия Республики Саха – здесь проводились ассамблеи народов Якутии, съезды интеллигенции, съезд Русской общины. Но проблема та же – нет понимания между демократическими, центристскими силами русских и националов.

Пик подъема национальных движений, приходившийся на 1990–1993 гг., сейчас прошел. Это касается и Татарстана. Часть лидеров самого массового объединения ВТОЦ (Всетатарский татарский общественный центр) была кооптирована в правительственные структуры. Само наличие развернутого политического спектра – партий объединении, проведение ими массовых акций уже говорит о процессе демократизации в условиях «Татарстанской модели победившего, или, во всяком случае, достигшего немалых успехов либерального национализма. Но именно для того, чтобы этот процесс демократизации не останавливался нужна оппозиция соперничающие политики, претендующие на руководство¹³⁰.

Объединение таких политиков и затрудняется из-за нередко встречающегося взаимного непонимания этнических интересов или соперничества.

В одном из выступлений в период отстаивания суверенитета в 1993 г. президент республики Тува Ш.Д. Ооржак говорил: «Нам хочется жить в России демократической, признающей и поддерживающей право народов на самоопределение...». Иной подход оценивался как «возврат к старому», к диктатуре. Демократия – власть народа, аргументировал президент, значит должны быть выработаны механизмы для защиты национальных меньшинств (наш этнос – часть народа России), обеспечены условия для их развития¹³¹.

Любопытно, что «демократическая элита» в Центре создавала стереотип непослушных республик как заповедников стагнирующей партноменклатуры, и особенно «доставалось» Татарстану. А на прак-

¹³⁰ Веффорт Ф. Что такое «новая демократия» // Международный журнал социальных наук. 1993. С. 128.

¹³¹ Тувинская правда. 1993 г. 29 сент.

тике оказывалось, что в критикуемом Татарстане в 1995 г. на выборах в Государственную Думу РФ (в 1993 г. в Татарстане голосование не состоялось) на первом месте был «Наш дом Россия» (28,6%) и даже Выбороссы получили больше голосов, чем по стране в целом (4,8%). А в пророссийской, неконфронтирующей Северной Осетии (Алании) коммунисты вышли на первое место и получили 51,7% голосов, «Демвыбор России» – 0,9%.

Татарстан первым в России ввел частную собственность на землю. Сама оппозиция в этой республике критикует общество за «слабую демократизацию», считает, что для ее развития нужно обеспечить взаимодействие политических сил, которое базировалось бы на соглашении между властными структурами и политическими партиями, объединениями, профсоюзами¹³². Но именно об этом писали С. Липсетт, К. Сен и Д. Торрес как об одном из важных условий при переходе к демократическому обществу¹³³. Следовательно сама обстановка допускающая серьезную самокритику системы – симптом демократизации.

Анализ политического процесса, идеологических дискуссии в Татарстане дает **основания** считать, что **демократизация** в республике результат усилий татарских интеллектуалов. Москва дала первый толчок, надломив тоталитарный режим.

Остается вопрос: есть ли в республиках те варианты национализма, которые в реальной жизни соответствуют нормам демократизирующегося общества, или их нет; насколько сама общественность в республиках разделяет идеалы национализма, а если разделяет, то остается ли надежда в рамках его доктрин найти **варианты** демократии, соответствующие условиям формирующегося гражданского общества в России; каково содержание самого вызова национализма в Российских республиках на разных этапах истории, на который должен отвечать федеральный Центр и гражданское общество в республиках?

Было ли стремление к суверенизации республик интересом только лидеров или ориентацией масс?

Чем дольше мы живем в постсоветском обществе, тем больше наблюдаем разнообразия в проявлениях национализма, его прямой и обратной связи с демократическими процессами в стране. Мы начи-

¹³² Исхаков Д. Модель Татарстана... С. 55.

¹³³ Липсетт С.М., Сен К.-Р., Торрес Д.Ч. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. С. 10.

нали изучение этой проблемы в начале 1990-х, когда российское общество видело последствия национализма в бывших союзных республиках – этнические чистки, насильственные межэтнические конфликты и в политических и научных кругах росло негативное отношение к национализму. На конференции «Этничность, федерализм и переход к демократии в Российской Федерации» (ноябрь 1993 г. Стенфорд, США), Ф. Шмиттер говорил, что национализм это явление переходного периода, он показывал негативные проявления и последствия национализма и обратил наше внимание на то, что демократизм вообще ставит под вопрос и национальное самосознание и государственное деление по этническому признаку. Но, вместе с тем, он ссылаясь на выводы Джона Холла, о разных типах национализма.

Это отвечало нашим представлениям в реализованных проектах 1993–1994 гг. и конца 1990-х., мы ставили задачи:

1. Показать реальное лицо национализма, его разнообразие в тех типах и формах, которые проявляются в жизни Российской Федерации первой половины последнего десятилетия XX века.

2. Установить насколько широко распространены различные идеи национализма в массовом общественном мнении, т. е. конкретным материалом ответить: современный национализм в Российской Федерации это «доктрина этнических лидеров» или потребности масс? Какова его реальная социальная база.

3. Есть ли потенциал у сепаратистских настроений в вариантах сецессии в республиках РФ.

4. Выявить основные переменные, которые влияют на национализм.

5. Для какого круга людей национализм стал не только общественной, но и глубоко личностной ценностью, наконец – каковы альтернативы национализму на российской почве, могут ли стать ценности гражданского общества такой альтернативой. Как соотносятся ориентации на национализм с ценностями демократического общества и установками на модернизацию в республиках.

Во всех республиках этническая элита постоянно подчеркивала приверженность демократическому пути развития. Без этого не обходилось ни одно выступление лидеров или интеллектуалов, претендовавших на выражение общественного мнения.

Нас же интересовала реальная возможность соединения демократических ориентаций, ценностей гражданского общества с осознаваемыми этническими потребностями в массовом общественном сознании.

Когда мы стали анализировать жизненные ценности на личностном уровне оказалось, что национальным, этническим интересам люди не придают исключительно первостепенного значения. Лишь в Северной Осетии, где эти интересы связаны с обеспечением повседневного жизненного спокойствия, они стали первостепенными для 32% осетин. Это максимальные показатели. У татар, саха, тувинцев они колеблются в пределах 16–21%.

Можно было бы полагать, что относительно низкая актуализация этнических интересов на личностном уровне свидетельствует о процессе демократизации в обществе. Мы сразу же вспомнили выступление Ф. Шмиттера, в котором он говорил, что демократизация ставит под вопрос и этническое самосознание и этногосударственные деления.

Однако применительно к республикам России об этом говорить нельзя. Этнические интересы имеют низкие значения, но еще менее первостепенными личностными интересами осознаются ценности гражданского общества.

Отвечая на вопрос о Проблемах, требующих сейчас особого внимания, «обеспечение этнических интересов моего народа на уровне власти» называло в 1993–1994 гг. 17–22% саха, татар, тувинцев, 32% осетин, но обеспечение прав человека, свободы слова, печати – 8–11% лиц титульных национальностей», «терпимость к партиям, движениям – 14–17%. Лишь у русских ценности политического плюрализма и прав человека конкурировали с национальными этническими интересами. Но не забудем, что под лозунгом прав человека русские защищают и свои этнические права.

Одной из важных характеристик демократического общества считается ориентация на индивидуализм, в том числе на частную собственность.

Среди сторонников суверенитета внутри РФ и тех кто считал важным иметь «право на выход из РФ» положительно относились к частной собственности на землю в Татарстане, Саха (Якутии) Туве не меньше и даже немного больше, чем среди тех кто не разделяет идей суверенитета. В Татарстане и Саха (Якутии) доля ориентированных на частную собственность на землю в 1994 г была даже больше чем среди москвичей в 1992 г. (78–81% в республиках, 64% – в Москве).

Не отличается заметно отношение к частной собственности на промышленные предприятия. Сторонников ее среди «националистов» в Татарстане, Саха (Якутии) даже больше чем в среднем по массиву.

Среди тех, кто сохраняет уверенность в завтрашнем дне за счет собственной способности заработать тоже явно преобладают сторонники суверенитета (в Саха (Якутии) 46–63% против 9% у унитаристов).

Среди тех, кто связывает улучшение положения в стране с развитием рыночных отношений, «поддержкой частной собственности, развитием свобод, защитой прав человека сторонников суверенитета больше, чем среди непреданных идее национальной государственности (различия на 10% и более).

Считается, что национализм задает внутринациональную ориентацию и изоляционизм. В российских республиках в начале 1990-х не было выраженного изоляционизма. В Татарстане, Саха (Якутии) 75–80% лиц титульных национальностей, так же как русских считали, что России «нужно учитывать опыт других стран». Вместе с тем была настороженность к демократизации не только в силу провалов политики демократов у власти, но еще и потому, что она ассоциируется с Центром и русификацией.

Другим признаком демократического, гражданского общества считают верховенство идеи права, в соответствии которыми закон выше интересов людей и групп. К сожалению, индикаторы вводимые нами в этом отношении не сработали. Непризнание верховенства Федеральной Конституции довольно значительными группами не казалось нам точным показателем. Во-первых, потому что наша новая Конституция для всех россиян не очень легитимна, она создана под данного президента, во-вторых, в республиках она отрицала важные положения их конституций и потому многими не поддерживалась.

Но у нас был индикатор, который позволял рассмотреть отношение к регулированию государством общественной сферы. В соответствии с принципами гражданского общества вмешательство государства в эту сферу как известно встречает оппозицию.

Сторонники наведения порядка с помощью государственных силовых структур фиксировались той группой респондентов, которые отвечая на вопрос о мерах, способных улучшить положение в стране, выбирали позицию: «Восстановление порядка в стране, если надо с привлечением КГБ, МВД, прокуратуры». В целом эту позицию выбрало от 40 до 58% саха, тувинцев, татар (в городах). При этом среди сторонников суверенитета эта доля нигде не была больше средних показателей, в Татарстане – даже меньшей.

Что же касается достаточно высокой доли сторонников наведения порядка с помощью государственной машины, то она была вы-

сока в целом по России. Судя по сентябрьскому 1994 г. опросу ВЦИОМ по стране, ответы на вопрос «Что сейчас больше нужно России: порядок или демократия?» – 76% респондентов ответили «порядок», 8,7% – демократия, 14,7% затруднились в ответе.

Среди сторонников порядка, конечно же, немало было готовых (по нашей оценке не менее 30–40%) к наведению его жесткими способами. И среди националистов есть сторонники «железной руки», но главным образом они среди тех, кто готов к достижению суверенитета даже с помощью «войны за независимость», т. е. крайних националистов. Таких среди татар, тувинцев, осетин, якутов не более 1–4%.

Таким образом, материалы опросов не давали оснований для выводов о несовместимости ценностей демократии с ориентациями на элементы собственной государственности. Несовместимость начинается тогда, когда речь идет об участии во властных структурах внутри республик. Но это специальный сюжет.

Итак, результаты исследования со всей очевидностью говорят о важности дифференциации лица национализма. Мы выбрали для анализа национализма республики, которые зашли наиболее далеко в его реализации. И даже здесь мы видим, что для социально активной части населения приемлем мягкий «паритетный» либеральный национализм.

При нем нет массовой, полной готовности к реализации ценности демократического общества, но ровно в той мере, в какой нет этой готовности и во всем российском обществе. Различие, пожалуй, лишь в мере свободы печати, которой в республиках меньше.

Неготовность к демократизации, во-первых, не означает, что прорыв к ней не сделан. Сам факт возможности реализации каких-то реальных прав субъектами Федерации, а не только республиками, наличие свободной прессы и др. говорит об этом прорыве.

Резерв готовности к демократизации не равнозначен готовности к модернизации. По приведенным результатам нашего исследования (отношение к частной собственности, ориентации на собственные силы, профессионализм и т. п.) готовность к модернизации в республиках разная. В Татарстане, Саха (Якутии) она несколько больше, чем скажем в Туве, Северной Осетии (Алании). Но в целом она больше, чем готовность к демократизации, как, видимо и в целом в России (некоторые представления о ситуации в республиках дают материалы таблиц в Приложении № 1).

Ситуация с демократизацией в республиках зависит от происходящего в Центре. Если в Центре нет продвижения к реальному фе-

дерализму и нет понимания интересов республик, а есть враждебность по отношению к ним, то это рождает ответное недоверие и враждебность. Крайний национализм губит демократию в Центре, радикальный централизм погубит ростки демократии в республиках.

За что может быть ответственна интеллигенция

В развитии темпов и характера трансформационных процессов так же как в создании и регулировании конфликтных ситуаций роль у конкретных групп интеллигенции разная.

Идеологи (чаще всего это социологи, историки, философы, филологи и юристы) создают программы национальных движений, партий, или консультируют властные структуры, борющиеся за самоопределение, суверенитет и независимость. **Художественная** интеллигенция чаще обращается к этническим нравственным чувствам, дает эмоциональный фон распространяющимся идеям.

Журналисты, телевизионщики транслируют новые идеи на массовую аудиторию. Учителя воспитывали на них молодое поколение.

Именно на этапе этнической мобилизации, на наш взгляд, проявляются в наибольшей мере, во-первых, ответственность интеллектуалов за последующее развитие конфликтов, за возможность использовать их интеллектуальный потенциал, и во-вторых, моральная готовность активно действующих персонажей минимизировать возможные деструктивные последствия. Другой этаж высокой **ответственности** интеллектуалов – это период выдвижения идеи компромисса.

На политической арене бывшего Союза мы наблюдали разные варианты готовности интеллектуалов и выдвинуть идеи, и развить диалоговый режим разрешения конфликтов. На начальном этапе **этнополитических** конфликтов наиболее продуктивным был эстонский вариант. Главными творцами политических документов здесь были способные юристы (И. Грязев), экономисты (Э. Сависаар) историки, социологи (Е. Халлик, М. Титма). Ими сформулировались **основные** идеи Народного фронта, были написаны за 8 часов конституционные положения суверенности республики.

Отметим, что тогда в отношении инонационального населения ими предлагалась интегрирующая тактика в концепции культурного плюрализма, а не противопоставляющая. К сожалению, последующие события изменили ситуацию и тактику многих лидеров.

Там где в лидеры выходила художественная интеллигенция и филолога (поэт И. Ходырка в Молдавии, филолог З.Гамсахурдия

в Грузии, музыковед Ландсбергис в Литве), положительного опыта было мало. Они шли на деструктивные действия, сразу закладывая в идеологию движений больше конфронтационных идеи, нежели конструктивных.

Особая ситуация сложилась в большинстве республик России. Главными дирижерами национального возрождения на государственном уровне здесь были лица из бывшей номенклатуры, правда, последней горбачевской волны. Этому несколько объяснений. Наиболее очевидно то, что действительно массовых национальных движений здесь, как правило, не было. Исключение составлял Татарстан и в момент чеченского кризиса – Чечня, хотя это скорее не национальное движение, а национальное сопротивление. Интеллектуалы не были мощно представлены в оппозиции. Там, где такие лидеры были, их быстро подключали к правительственным структурам, например, в Татарстане (в том, что интеллектуалы ушли в представительные и исполнительные органы, татарская интеллигенция видела причины ослабления ВТОЦ).

Имело значение появление сильных лидеров в правящих структурах республик: М. Шаймиева (президент Татарстана), М. Николаева (президент Саха (Якутии), М. Рахимова (президент Башкортостана), В. Степанова (глава парламента Карелии), Ю. Кокова (президент Кабардино-Балкарии). Все они легитимные лидеры, применившие тактику действия «в пределах возможного». Данные нашего исследования показывают, что 40% и более татар, осетин, тувинцев, якутов больше доверяли властям своей республики (а общероссийской власти – 3,6%).

Ответы на вопрос: «Кто с Вашей точки зрения сейчас лучше выражает интересы Вашего народа?» показывают, что лидировали президенты республик.

Не стоит преувеличивать роль интеллектуальной элиты в развитии институциональных и межгрупповых конфликтов. На определенном этапе события выходят за пределы ее влияния и подчиняются логике коллективного поведения. Фрустрации, гиперпсихозы блокируют оптимальные решения. На этом этапе максимальная ответственность ложится на властную элиту и ее «скрытых советников», вплоть до специалистов силовых действий. Круг их, как правило, узок и они стоят вне общественного контроля.

К сожалению, лидеры, пришедшие к власти на волне демократизации – Дудаев, Гамсахурдия – оказались столь же неспособными к приостановке насилия, как и руководители, имевшие опыт прошлого руководства – Галазов в Северной Осетии, Шеварднадзе в Грузии.

Под впечатлением растущей аполитичности населения, успехов партии Жириновского на выборах в декабре 1993 г. в Российской Федерации, неспособности интеллектуалов противостоять этнической дискриминации многие стали говорить о кризисе интеллигенции. Другие считают, что процессы определяются атомизацией общества, которая способна снижать возможности влияния интеллектуалов на предотвращение или разрешение межэтнических напряжений и конфликтов.

Основания для таких оценок, конечно, есть. Об этом говорит отсутствие более-менее массовых партий, невысокий рейтинг лидеров. На вопрос: «Выражает ли сегодня интеллигенция интересы большинства народа?» в сентябре 1993 г. Всероссийский Центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) получил ответ значительного большинства опрошенных – «Нет, не выражает»¹³⁴.

Во время опросов по проекту «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и разрешение конфликтов в РФ», респондентов просили назвать «выдающихся людей прошлого или настоящего в республиках, к которым Вы чувствуете симпатии и уважение». Лидеры из современной интеллектуальной российской элиты встречались, прямо скажем, нечасто, хотя средства массовой информации прикладывают немало усилий в создании авторитета лидерам.

В общероссийском масштабе все выглядит так: глубокий кризис, «имеющий отношение к глубинным пластам нашего исторического и культурного существования», в котором интеллигенции отводилась роль просветителя и хранителя культурных образцов, создателя ориентиров общественного развития. Ориентиры изменений оказались требующими корректировки, а возможности влияния интеллектуальной элиты на такую корректировку – неизмеримо более скромными в сравнении с иллюзиями, которые питала интеллигенция в период «разумной» перестройки¹³⁵.

Однако было бы очередным мифом распространение этого общего представления на всю территорию России. Во-первых, потому, что модернизационный процесс с существенно различающейся степенью интенсивности охватывал республики и регионы страны. Во-вторых, потому, что инновационные импульсы метрополии приобретали здесь свои варианты, соответствующие культурным традициям народов. Разнообразие традиционализирующейся модернизации, модерниза-

¹³⁴ Левада Ю.А. Проблемы интеллигенции в современной России // Куда идет Россия? – М., 1994. С. 209.

¹³⁵ Там же. С. 208

ции, находящейся под существенным влиянием традиционных норм и ценностей – это явление не только российского, но и мирового масштаба. В одних культурах в легитимные лидеры попадали на какое-то время создатели идей, в других – традиционно почитаемые лица в родах, тейпах и т. д., с третьих – просто люди сильной воли или обладающие знаниями манипулирования в коридорах власти, выражающие давние чаяния народов.

Механизмы действия элит бывают скрытыми от «внешнего ока». В России не понимали, почему в Татарстане в декабре 1993 г. не голосовали за новую Конституцию Российской Федерации, но в марте 1994 г. большинство пришло голосовать за руководство республики при выборах в Совет Федерации, почему свободолюбивые чеченцы подчинялись тоталитарным методам руководства Дудаева.

Эти особенности объясняют по-разному. Но нельзя не заметить, что констатируемые кризисные явления в интеллектуальной элите Центра не повторяются или по иному проявляются в республиках. Это увеличивает значимость изучения местного разнообразия действий элитных групп.

Декларируемые интеллектуалами в республиках идеи национализма имели не только общие черты, но и существенные особенности.

Татарская идеологическая мысль демонстрирует пример наиболее далеко зашедших требований государственной независимости и ассоциированного членства в составе Российской Федерации. Здесь формируется идеология татарстанской модели с экономической стратегией, избегающей социальных конфликтов и напряжений, представлением о татарстанской нации, базирующейся на общности социальных и экономических интересов (которая оспаривается этнической оппозицией), политической линией гандизма по отношению к Центру (достижений цели ненасильственным методом) и *культурного* плюрализма внутри республики.

Требования осетинской интеллигенции сводились к реализации полномочий в рамках норм Российской Конституции. О расширении полномочий речь каждый раз шла тогда, когда Россия не выполняла обещаний по защите территориальной целостности республики (в момент войны с ингушами), или в отношении требований о воссоединении осетинского народа (присоединения Южной Осетии, входящей в состав Грузии). Таким образом, это была не борьба за суверенитет, а использование возможностей борьбы за него для сохранения территории. Интеллектуальный потенциал был направлен на идеологическое обоснование исконности и древности народа на основе аланского происхождения.

Усилия якутской интеллектуальной элиты были направлены на мобилизацию этнических чувств во имя завоевания экономического суверенитета не только через совершенствование отношений с Центром, но и путем подготовки самодостаточного потенциала специалистов. В конституировании национального достоинства использовалась идеология особой северной цивилизации.

Тувинская интеллигенция формировала государственническую идеологию, главным образом за счет обращения к историческому прошлому.

Различия наблюдаются в акцентации элитой идей национализма, силе и времени их выражения.

Судя по литературе, прессе, интервью с лидерами более менее интенсивные поиски соотнесения идей этнокультурного национализма и демократического плюралистического гражданского общества идут в Татарстане. В других республиках (более активно в Саха (Якутии) доминирует этнозащитная идеология титульного этноса, и демократия воспринимается главным образом как возможность этнического самовыражения.

На основе анализа идеологии и результатов их распространения (по материалам опросов) мы считаем возможным подтвердить характеристику татарского национализма как наиболее близкого к классическому типу, хотя после подписания Договора в 1994 г. акцент во взаимоотношениях с Центром смещался в сторону экономического суверенитета, североосетинского как «защитного», оборонительного, якутского как в основном экономического национализма, и тувинского, как идеологически слабо выраженного, политического национализма.

В ориентациях интеллигенции титульных этносов республик этнические ценности не просто конкурируют с модернизационными и гражданскими, но очевидно превалируют и явно выше, чем у других слоев общества. В условиях чеченского кризиса дистанцированность от Центра увеличивалась и тенденции сепаратизма со стороны радикал-националистов увеличились.

В тоже время интервьюирование лидеров публичной элиты дает основание для вывода о том, что ориентация на национализм жестко связывается ими с развитием демократии. «Без демократии народы не могут открыто говорить о своих интересах и тем более реализовать их».

Значительной частью русской интеллигенции национализм (этнический и русский) рассматривается как препятствие в становлении гражданского общества. Несовместимость ценностных ориентаций – одна из причин межэтнической напряженности в республиках.

Интеллектуальная элита при том, что в составе титульных этносов гуманитарная, художественно-творческая, научная интеллигенция представлена шире, чем у русских в республиках, немногочисленна, и небольшой слой ее, как и в России в целом, имеет освоенный культурный запас прошлого, и необходимый современный уровень знаний по проблемам национализма.

Многие из них заангажированы на защитной идеологии и только десятки оказываются способными перспективно мыслить, что собственно характерно и для всей российской интеллигенции.

Завоевания демократии и этнонациональные проблемы в России

Что может и чего не может дать демократизация

Распад СССР открыл перед Российской Федерацией разнообразные перспективы и в их числе как мы видели из предыдущих текстов возможное повторение пути союзного государства: этнический сепаратизм-конфликт-сецессия. Но хотя тогда эти опасности действительно были реальными и напряженность в национальных отношениях, стихая в одном месте, вновь нарастала в другом, распада России не произошло. Российское общество, выбрав путь демократизации и рыночных реформ, становилось качественно иным – более устойчивым, гибким, способным конструктивно решать возникающие проблемы.

Тем не менее адаптация России к общемировым стандартам в сфере межэтнического взаимодействия шло с большими сложностями. Прежде всего в данном контексте важно указать на такое типичное проявление периферийности российского социально-культурного пространства, как преувеличенная на современном этапе роль государства. Глобализация, как известно, предполагает ослабление национальных государств, этнокультурных традиций, идентичностей. Но Россия совсем недавно пережила резкую деформацию государственных структур, вследствие чего россияне почувствовали не только и не столько плюсы, сколько минусы непрочности их скреплений. Собственно говоря, именно поэтому решительные действия президента В. Путина по укреплению вертикали власти, несмотря на сопутствующие им ограничения демократических свобод, нашли поддержку в массовом общественном мнении. Этот феномен

я называю «воронкой противоречий»: Евросоюз выстраивает надгосударственные структуры и идентичности; россияне, встраиваясь в мировое и европейское пространство, укрепляют свое государство.

Подобное укрепление по идее должно опираться на формирование общенациональной идентичности, распространение приемлемых для всех систем ценностей и норм поведения, объединение вокруг общезначимых, относящихся к любым этносам целей, – словом, всего того, что составляет понятие «интеграция общества». Между тем ее уровень в российской среде пока недостаточно высок. Опросы Аналитического центра Юрия Левады показывали, что 66% населения так и не понимают, «куда идет наша страна, какие цели ставит руководство», а еще 13% убеждены, что дела в ней «пущены на самотек». Почти половина населения, все еще ориентированная на прежние советские нормы, если бы можно было выбирать, предпочла бы иметь «небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне» – 54% в 2003 г. (в 1999 г. – 60%). Другая часть граждан, настроенная на жизнь в стране с рыночной экономикой, напротив, готова «много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее»¹³⁶ – 29% в 2003 г. (в 1999 г. – 32%)¹³⁷.

На этапе, когда еще не сформировалось общепринятое понимание социального пространства, интеграция гражданского общества может усиливаться (или, напротив, ослабляться) за счет социального самочувствия людей разной этничности, живущих в государстве. Оптимальный вариант – межэтническое согласие и толерантность граждан, что крайне важно для России – страны с большим разнообразием этносоциальной фрагментации общества. Все народы имеют разный статус и интересы, реализация которых зависит от модели межэтнических отношений, вырабатываемой государством и обществом.

Естественно, не все жители страны, указывающие во время переписи на свою принадлежность к той или иной национальности, делают это на основе осознанной этнокультурной предпочтительности (или поиска социальных преимуществ). Некоторые просто не задумываются об этом. Есть также те, кто затрудняется определить ее в силу того, что живут в семьях со сложным этническим составом¹³⁸.

¹³⁶ Вариант: «иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск».

¹³⁷ Аргументы и факты. 2004. № 29. С. 6; Левада Ю. «Человек советский»: четвертая волна // Вестник общественного мнения. 2004. № 3(71). С. 11, 13.

¹³⁸ По подсчетам В. Степанова, четверть населения страны живет в семьях со сложным этническим составом, в которых у детей могла быть и двойная этническая идентичность [Степанов В.В. Сможет ли перепись подсчитать народы? // Живописная Россия. 2002. № 2].

Тем не менее повторяющиеся опросы по репрезентативным выборкам дают основания делать вывод не об угасании в начале XXI в. идентификации по этническому критерию, но, напротив, о ее актуализации. И, как может показаться странным, это в первую очередь касается русских.

По логике люди, относящиеся к самодостаточным, по сути доминирующим в государстве народам, не должны иметь актуализированную этническую идентичность. Однако, отвечая на вопрос, «чувствуете ли вы себя русским человеком», 77% опрошенных в 2003 г. выбрали позицию «постоянно» и еще 28% – «в отдельных случаях». И это больше, чем в 1994 г., когда первый ответ выбирали 63%. Интересно и то, что среди молодежи (16–24 года) в 1994 г. его давали 56%, а в 2003 г. – 78%. Причем в этой возрастной группе увеличение «постоянно» чувствующих себя русскими было наибольшим¹³⁹. По результатам последних опросов Института социологии РАН в 2011 г. (Проект «20 лет реформ глазами россиян», руководитель М.К. Горшков) – по этническому признаку идентифицировало себя 90% русских и половина из них ощущали сильную связь с людьми своей национальности.

За 1994–2000 гг. количество придерживающихся мнения – «я никогда не забываю, что я русский человек» – удвоилось (тогда как аналогичные показатели, например, среди татар и якутов увеличились на 10–15%). Доля же русских, считающих, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа», превысила 25%. Этот показатель стал практически таким, каким он был у титульных этносов республик в период «парада суверенитетов» и подъема национальных движений¹⁴⁰. Наконец, с 1998 по 2002 г. возросло с 46% до 55% число сторонников идеи «Россия для русских»¹⁴¹. Особая тема – рост антикавказских настроений. С середины 1990-х гг. по данным разных социологических центров, в том числе РОМИР, ВЦИОМ, Института социологии РАН, негативное отношение к азербайджанцам, таджикам и чеченцам выражали 50–60% наших граждан.

В данном контексте возникает ряд вопросов. Что же произошло с российским многонациональным обществом за истекшие после

¹³⁹ Левада Ю. «Человек советский»: четвертая волна // Вестник общественного мнения. 2004. № 3(71). С. 9

¹⁴⁰ Материалы проектов «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов (1993–1996 гг.)», «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России (1998–2000 гг.)», осуществленных под моим руководством.

¹⁴¹ Общественное мнение 2002 г. Ежегодник. – М., 2002. С. 128.

начала перестройки двадцать лет? Почему в условиях, когда реальная опасность сепаратизма и сецессии начала 1990-х гг. миновала, а этносоциальные вызовы недавнего времени стали историей, актуализация этнического самосознания у многих возросла до опасного уровня, а угроза ксенофобии и национального экстремизма не ослабела? Почему, изживая одни конфликты и вызовы в этнической сфере, страна перманентно сталкивается с новыми социальными болезнями? Попытаемся же еще раз взглянуть на эту область нашего недавнего прошлого и оценить как позитивные, так и негативные изменения, произошедшие в постсоветской России в национально-государственной сфере.

Достижения «демократического транзита»

Не только среди политиков, но и среди ученых в настоящее время стала весьма популярной гиперкритическая оценка российских реформ. Это необъективно хотя бы потому, что именно в данный период в науке появилась возможность анализа этнических вопросов исходя из разных концепций, понятий, категорий. В России, как и во всех развитых демократических странах, для интерпретации социальной реальности используются не только примордиализм (доминировавший в советской науке под именем марксизма), но и конструктивизм, инструментализм, полипарадигмальные подходы. Важно, что сама категория «этничность» стала интерпретироваться как изменяющееся, ситуативное явление, имеющее свою историю (возможность деконструкции), используемое в разных контекстах (этническая идентичность, этноцентризм и т. д.), соотносимое с российской гражданской идентичностью. Все это говорит о необходимости напомнить о неоспоримых позитивных результатах, достигнутых в сфере этнополитического переустройства в период «демократического транзита».

В первую очередь стоит подчеркнуть, что демократизация общественно-политической жизни на постсоветском пространстве **позволила избежать югославского варианта развития событий в процессе распада Союза**. Как известно, конфликтологи, изучавшие эскалацию межэтнической напряженности в мире, признают, что наиболее часто она происходит, включая насильственные формы, в переходных обществах: их старые институты перестают работать, а новые только формируются и не пользуются доверием. Согласования интересов центральных и региональных властей, этнических групп затруднены. Возможности для этнополитической мобилизации вы-

соки, ожидания модернизирующихся этнических групп, как правило, завышены, недовольство коллективным статусом, объемом используемых ресурсов, участием в решениях власти декларируется элитами, а государство ослаблено – институциональные механизмы «пробуксовывают», материальные ресурсы недостаточны¹⁴². Между тем выход из ста двадцати конфликтных ситуаций с этническим подтекстом на постсоветском пространстве, в которые была вовлечена Россия (конфликт с Грузией по поводу бывших ее автономий; ситуация вокруг Крыма и Приднестровья; межтаджикский конфликт и т. д.), благодаря демократизации в нашей стране происходил при всех издержках преимущественно посредством переговорных процессов.

Аналогичным образом в актив молодой российской демократии можно занести то, что во взрывоопасном Северо-кавказском регионе (за исключением военных действий в Чеченской республике и кратковременного вооруженного столкновения в Северной Осетии) были мирным путем урегулированы открытые формы конфронтации, начавшиеся в связи с попытками перекроить административно-территориальное деление, сложившееся в советское время. Достаточно в этой связи указать на столкновения между балкарским общественным движением и прокабардинскими властными структурами в Кабардино-Балкарии; между властями Дагестана и рядом тамошних национальных движений: «Садвалом», выступавшим за создание «Республики Лезгистан» в составе РФ¹⁴³; «Бирликом», ратовавшим за Ногайскую территориальную автономию¹⁴⁴; «Тенгликом», аккумулировавшим аналогичные притязания кумыков и др. Исключительно с помощью переговоров были приостановлены конфликты в Карачаево-Черкесии, возникшие в связи с провозглашением отдельных Карачаевской, Черкесской, Абазинской и Казачьей – Урупско-Зеленчукской и Батаипашинской республик.

Другой важный итог эпохи демократических преобразований – *закладывание в России основ реального федерализма*. Естественно, федеративное устройство государства – не единственный атрибут и гарант демократии, но очевидно и то, что демократические унитарные государства со сложным этническим составом населения все

¹⁴² Gurr T. Minorities as Risk: a Global View of Ethnopolitical Conflicts. – Washington (D.C.), 1995.

¹⁴³ В нее предполагалось включить не только часть территории южного Дагестана, но и ставшего независимым северного Азербайджана.

¹⁴⁴ В пределах этой автономии ногайцы претендовали на заселенные ими районы в Дагестане, Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии и в Чеченской республике.

чаще используют реальные элементы федерализма. Сошлюсь в этой связи на пример Великобритании, где ныне существует четыре формы взаимодействия Центра с регионами: без фиксации прав – с Англией; два типа деволюции – для Ольстера и Уэльса; практика договорных отношений – с Шотландией, расширивших полномочия тамошнего парламента.

Конечно, формирование правовых институтов в западных демократиях происходило в других историко-политических и экономических условиях, нежели в современной России. Но используемые ими процедуры и приемы предупреждения насильственных конфликтов, открывшие дополнительные возможности развития регионов, оказались для нашей страны полезными. Так что, говоря об истекшем двадцатилетнем периоде отечественной истории, нельзя не видеть накопленного позитивного опыта решения сложных вопросов отношений Центра и регионов с учетом не только политических, но и социально-психологических и этнических реалий.

Это существенно с учетом того обстоятельства, что в наследство от советского периода РФ досталась многоуровневая, иерархически выстроенная, во многом номинальная федеративная организация политического пространства, особенно, когда речь шла об автономных республиках. Начало процесса демократизации их элиты и политически активная часть населения восприняли не столько как шанс выстроить реальные федеративные отношения с Москвой, сколько как возможность избавиться от ее контроля. Для руководства российских автономий, особенно располагавших природными и социальными ресурсами, стало примером использование инструментов демократии в условиях слабой центральной власти бывшими союзными республиками. Парламенты автономных республик провозгласили Декларации о суверенитете, а затем некоторые из них приняли конституции, по ряду позиций расходившиеся с федеральной Конституцией. В этой ситуации приостановка этнически манифестируемых дезинтеграционных процессов была достигнута с помощью использования компромиссных по своей сути процедур реального федерализма.

Так, в 1992 г. был подписан Федеративный договор со всеми субъектами Федерации, кроме Татарстана и Чеченской республики. В адрес этого документа высказывалось много критики. Но в результате мы стали жить в другой, более демократической стране: федеративные отношения распространились не только на этнические территории, но и великорусские края, области. Таким образом во многом «гасилась» политизация этничности: ведь раньше участни-

ками федеративных отношений были исключительно национальные республики. Теперь же их называют таковыми лишь в силу традиций: в новом доктринальном пространстве они – субъекты Российской Федерации, поскольку Федеративный договор повышал статус **всех** территориальных образований. Для такой большой страны, как Россия с ее чрезмерным уровнем централизации в советское время и имперским прошлым, это было важно, поскольку способствовало демократизации и выступало некой психологической компенсацией стресса, который приходилось преодолевать российским гражданам после распада СССР. Страна стала меньше, но прочность объединения субъектов Федерации, основанная на добровольном подписании Федеративного договора, напротив, повысилась.

Вариант подобной политики – система двусторонних договоров «федеральный Центр-субъект Федерации». Она возникла в 1994 г., когда соответствующее соглашение было заключено между Правительством РФ и Правительством Татарстана¹⁴⁵. Правда, если в республиках в составе РФ такая асимметричная модель федерализма рассматривалась как проявление демократии при решении этнополитических проблем, то в Центре немало специалистов и политиков изначально видели в ней дополнительный источник сепаратизма¹⁴⁶. И не случайно данная практика критиковалась и критикуется как, якобы, нарушавшая положения Конституции РФ, а в конце первого президентского срока Путина часть договоров с субъектами Федерации (в основном великорусскими) была денонсирована.

Тут, однако, уместно вспомнить, что, во-первых, двусторонние договоры не только напрямую не противоречат Основному закону, но в известной мере вытекают из его положений. Во-вторых, соглашения между центральным правительством и правительствами республик, конституции которых содержали положения, не согласующиеся с Конституцией РФ, были результатом компромисса в определенных историко-политических условиях. В-третьих, в середине 1990-х гг. именно рассматриваемые меры дали возможность избежать повто-

¹⁴⁵ В период президентства Б. Ельцина договоры о разграничении полномочий с федеральным центром заключили 11 республик в составе России, 35 великорусских краев и областей – всего 45 из 89 субъектов Федерации. К августу 2002 г. 39 из них добровольно денонсировали договоры с Москвой, а 7 (Башкирия, Татария, Удмуртия, Якутия, Свердловская и Брянская области и город Москва) не стали отказываться от этой формы регламентирования отношений с Центром. – *Прим. ред.*

¹⁴⁶ *Аринин А.Н.* Проблемы развития российской государственности в конце XX в. // Федерализм власти и власть федерализма. – М., 1997.

рения чеченского варианта развития событий в других этнических образованиях. Ведь элементы сепаратизма и дезинтеграции в большей мере порождались непоследовательностью действий и борьбой политических сил в самом Центре, нежели акциями в субъектах Федерации. Вспомним период конфронтации президента Ельцина и Верховного Совета РФ: именно тогда, с конца 1991 по конец 1993 г. в наибольшей мере проявлялись сепаратистские тенденции не только в национальных республиках, но и в собственно русских краях и областях. А вот после 1994 г., за исключением Чечни, реальная опасность сепаратизма перестала существовать, хотя процессы дезинтеграции экономического и правового пространства продолжались.

В конечном же счете итоги дискуссий вокруг целесообразности асимметричной федерации и заключения двусторонних договоров подводятся социальной практикой. Даже рьяные сторонники деконструкции договорных отношений вынуждены были считаться с ситуацией в Чечне, и более чем трехлетние дебаты по этому поводу завершились в 2003 г. подписанием договора федерального Центра с Чеченской республикой. Таким образом, процедурные нормы, созданные в начале демократического транзита, оказались полезными и в период президентства Путина. Это показывает, что федерализм не может быть застывшей формой государственного устройства, напротив, он – динамичная система, которая дает способы и методы решения вопросов политической повестки дня.

В период демократических преобразований произошло законодательное отделение этничности от государственного строительства. В Конституции РФ 1993 г. отсутствуют термины «национально-государственное» и «национально-территориальное» образование. А в президентском послании Федеральному собранию 1994 г. в доктринальное пространство демократической России было введено понимание категории «нация» как согражданства¹⁴⁷. До этого времени данный термин использовался в этнокультурном значении, поэтому лидеры национальных движений в СССР и в России опирались на «право наций на самоопределение», закрепленное в Конституции СССР 1977 г. и трактуемое очень широко – вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. В мае 2004 г. президент Путин в ежегодном послании к Федеральному собранию подтвердил свою приверженность к современному подходу, подчеркнув, что есть «все основания говорить о российском народе как о единой нации». Использование упомянутой категории именно в значении со-

¹⁴⁷ Российская газета. 1994. 25 февраля.

гражданства исключительно важно. Это – серьезнейшее, если не сказать кардинальное изменение парадигмы национально-государственных отношений, ведущее к более полной реализации интересов всех этносов, проживающих в нашей стране¹⁴⁸.

Конечно, определенная историческая преемственность государственно-правовых традиций у нас сохранилась и по принятии Конституции РФ, что выражается не только и не столько в наименованиях субъектов Федерации, сколько в формировании их и по национально-территориальному (республики, автономные округа), и чисто территориальному (края, области, города федерального значения) принципам. А достаточно широкое распространение традиции сугубо этнокультурного понимания «нации» во многом обусловило «безбрежное» законотворчество этнотерриториальных субъектов Федерации 1990-х гг. (справедливости ради отмечу, что аналогичный процесс затронул и великорусские регионы). В данном контексте нынешнее укрепление вертикали власти можно рассматривать как способ возвращения частей страны в единое законодательное поле. Не все в этой сфере оптимально, но принципиальное значение подобного социального опыта для государства в целом состоит в том, что локальные правовые различия стали выстраиваться не по линии «республики-области», а по тому, какой позитивный опыт имеется у соответствующей территории.

К позитивным итогам демократического транзита следует отнести также **перенесение на уровень субъектов Федерации норм о гарантии основных прав и свобод человека**, соответствующих международному праву и обязательствам России¹⁴⁹. В конституции Республики Татарстан (ст. 6); Республики Саха (Якутия) (ст. 4); Республики Башкортостан (ст. 5); Республики Тыва (ст. 2) и т. д. вошли положения о запрете разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Эту базовую установку в Якутии дополнили положением, что «государство осуществляет свою деятельность на принципах демократии, социальной справедливости, на основе

¹⁴⁸ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в Российской Федерации. – М., 1997. С. 156–157; Зорин Ю.В. От национальной политики к этнокультурной // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. С. 134.

¹⁴⁹ Всеобщая декларация ООН о правах и свободах человека 1948 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.; Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений и др.

сочетания и гармонии общечеловеческих и национальных ценностей» (ст. 3)¹⁵⁰. А в Татарстане – пунктами о «взаимном уважении, добровольном и равноправном сотрудничестве... граждан всех национальностей» (ст. 3) и о долге каждого жителя республики «уважать честь и национальное достоинство других граждан» (ст. 53).

В некоторых республиканских конституциях четко зафиксирован и принцип культурного плюрализма. Например, в Татарстане всем гражданам гарантировано пользование родным языком (ст. 20) и обучение на нем в школе (ст. 48). И это – не просто декларация: на русском в республике учились более 90% русских детей. Были созданы чувашские и удмуртские школы. Об уровне преподавания в них свидетельствует тот факт, что учителя из Удмуртии приезжали в соседнюю республику изучать опыт коллег. В свою очередь в Якутии закреплено право русских и других старожилов на сохранение и развитие своей культуры, а также особо оговорены права малочисленных аборигенных народов «на владение и пользование родовыми сельскохозяйственными охотничье-рыболовецкими угодьями... на защиту от любой формы насильственной ассимиляции и этноцида... посягательства на этническую самобытность» (ст. 43).

Принципиальное значение для самочувствия людей разных национальностей в республиках имеет отказ от идеи приоритета титульного этноса в республиканских конституциях. Так, в цитированной конституции Саха-Якутии говорится: «Носителем суверенитета и источником государственной власти в республике является ее народ, состоящий из граждан республики всех национальностей» (ст. 1). Аналогичным образом в конституции Татарстана записано, что эта республика – «суверенное демократическое государство, выражающее волю и интересы всего многонационального народа республики» (ст. 1).

Правда, имеются и обратные примеры. В основных законах ряда республик в составе РФ был закреплён приоритет титульного этноса. В конституции Башкортостана записано, что «республика... образована в результате права башкирской нации на самоопределение» (ст. 69). В конституции Коми присутствует положение: «Коми народ – источник государственности Республики Коми. Политика государства направлена на поддержание и развитие языка, культуры и жизненного уклада коми народа» (ст. 3). В тувинской конституции говорится, что «порядок приобретения гражданства определяется с учетом де-

¹⁵⁰ В данном случае составители документа под термином «национальные» имели в виду ценности «национальностей», то есть этносов, проживающих на территории республики.

мографической ситуации в Республике Тыва и способствует обеспечению устойчивого преобладания коренной нации» (ст. 31). Есть, к сожалению, подобный пункт и в конституции Удмуртии.

Бесспорное достижение последнего десятилетия – **возможность «разгосударственного» национально- культурного самоопределения граждан из числа этнических меньшинств, не имеющих своих административных образований.** В результате принятия в 1996 г. законов «О национально-культурной автономии» (НКА), «О коренных малочисленных народах», а также «Концепции государственной национальной политики» в институциональное пространство включились не только титульные народы соответствующих территорий, как это было в советское время, но и этносы, не имевшие автономии, и диаспоры.

Осуществлялось это через сеть возникших этнокультурных общественных объединений и НКА. Они далеко не всегда, как показывают исследования, объединяют всех представителей той или иной национальности в конкретных локусах, но служат для удовлетворения соответствующих потребностей заинтересованных людей, тем самым расширяя пространство формирования гражданского общества. В целях координации деятельности НКА и для связи с органами государственного управления при Правительстве РФ функционирует Консультативный совет, состоящий из делегированных на определенный срок представителей федеральных НКА. Такие советы создаются и при органах исполнительной власти в субъектах РФ и даже при органах местного самоуправления.

Компетенция НКА и подобных им институтов не ограничивается сферой культуры: в конфликтных ситуациях они могут выступать инструментом межэтнического диалога. Так что данные структуры – форма реального самоуправления этнокультурных общностей, их добровольная организация в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования и т. п. К концу 1990-х гг. в стране существовало 1500 общественных национальных объединений. В 2002 г. было создано семь НКА федерального уровня (белорусская, корейская, лезгинская, немецкая, сербская, татарская, украинская), около 70 регионального и почти 180 НКА местного уровня¹⁵¹.

С 1994 г. в РФ существует Конгресс национальных объединений России (КНОР) – общественный союз всероссийских и межгосударственных организаций диаспор и национальных меньшинств, не имею-

¹⁵¹ Зорин Ю.В. От национальной политики к этнокультурной // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. С. 133.

щих территориальных образований. В настоящее время в него входят: Азербайджанская гражданская ассамблея, Общество ассирийской культуры, Общество армянской культуры и Международная армянская ассамблея, Объединение греческих общин России, Общество грузин России, Ассоциация еврейской культуры и Федерация еврейских организаций и общин, Ассамблея корейцев России, Ассамблея курдов СНГ, Общество молдавской культуры, Союз поляков России, Уйгурское культурно-просветительское общество, Объединение украинцев России. КНОР не ограничивался представительской деятельностью; например, он принял участие в подготовке проекта Закона «О национально-культурной автономии».

Наличие таких гражданских объединений особо важно в контексте известной структурной неопределенности государственных институтов национальной и этнокультурной политики. Так, если в 1990-е гг. в России существовало перманентно менявшее название Министерство по делам национальностей, то с 2000 г. и до начала административной реформы 2004 г. министр по делам национальностей В. Зорин работал в Правительстве РФ без министерства¹⁵². Аналогичным образом до 1993 г. в Совете Федерации существовала палата национальностей (когда ее упразднили, ее функции в консультативной форме перешли к общественным организациям – НКА и Ассамблее народов России, возглавляемой Р. Абдулатиповым). Правда, стабильно функционирует Комитет по делам национальностей Государственной думы РФ. Однако немало подготовленных им законопроектов, касающихся этнокультурных проблем, так и не было принято (например, «О национальных меньшинствах», «Об общих принципах местного самоуправления на территориях компактного проживания национальных меньшинств и коренных народов в Российской Федерации», подготовленных еще Думой созыва 1993–1995 гг.). Все это, как считают большинство политиков, ученых и представителей общественности, свидетельствует о том, что работа государственных органов, ответственных за национальную полити-

¹⁵² Впрочем, этот статус сам по себе не умалял значения его деятельности. В 2003 г. по инициативе Зорина было проведено совещание представителей общественных объединений, региональных государственных учреждений, отвечающих за координацию с этнокультурными общественными объединениями и руководством министерств РФ, реализующих политику государства в отношении национальностей. Это была крупная административно-общественная акция. Увы, она оказалась последней в период, пока существовали специальные органы государственной власти в Центре, осуществлявшие деятельность в сфере этнонациональной политики.

ку, как правило, была импровизационной и реактивной¹⁵³. Тем не менее я бы не стала недооценивать ее знаковую политико-психологическую роль. В условиях серьезных «этнических вызовов» государство все же отвечало: «мы о вас помним, мы вас слышим».

Результатом всего этого стало **появление у граждан России уже в 1990-е гг. ощущения большей этнокультурной защищенности**: была отменена обязательная фиксация национальности в паспортах¹⁵⁴; люди перестали скрывать или стыдиться своей этнической идентичности, начали свободно говорить между собой на родном языке. Результаты опросов ВЦИОМ, в частности, выявили относительно невысокие показатели антисемитизма (12–15%)¹⁵⁵. Репрезентативные исследования Института социологии РАН, проведенные в Якутии, Северной Осетии-Алании, Татарстане, Башкортостане в 1994–2000 гг., в свою очередь обнаружили позитивную динамику деятельностных установок у людей, принадлежащих к титульным народам (готовность получить новую специальность, повысить свою квалификацию, иметь дополнительную работу, открыть свое дело, поддержка свободы слова, печати). Данный показатель оказался выше, чем у тамошних русских, и можно предположить, что это было связано с суверенизацией республик, психологическим повышением статуса титульных этносов. Но и в соседних областях, например Оренбургской, сходной по своим ресурсам с Татарстаном и Башкортостаном, сложилась та же картина¹⁵⁶. Следовательно, сыграло роль усиление чувства достоинства не только на личностном, но и на групповом уровне.

Снижение чувства психологического неравенства по признаку этничности – значимый ресурс для адаптации людей к рыночной экономике и демократизации. Свобода самовыражения, социальный оптимизм – важный фактор не только психологического состояния, но и социальной деятельности. В этом контексте приходится сожалеть, что среди доминирующего русского этноса данные тенденции получили меньшее развитие. После распада Союза и изменения геополитического положения страны самосознание русских, их самочувствие пережило кризисное состояние. Не случайно, когда у русских

¹⁵³ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в Российской Федерации. – М., 1997. С. 144–149

¹⁵⁴ В республиках, где ставился вопрос о сохранении фиксации национальной принадлежности, было разрешено иметь вкладыш в паспорт.

¹⁵⁵ Левада Ю. «Человек советский»: четвертая волна // Вестник общественного мнения. 2004. № 3(71). С. 15.

¹⁵⁶ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М., 2002. С. 98–107.

в 2000–2002 гг. стало несколько улучшаться социальное самочувствие, поменялись в сторону активизации их деятельности установки. Систематические наблюдения «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» показывали, что среди повысивших свой статус на работе половина добилась этого, сменив профессию или место работы, росло число респондентов с вторичной занятостью и т. д. Впрочем, данный сюжет подводит нас к анализу противоречий в сфере национальных отношений, уже не относимых к «тяжкому» советскому наследию, но порожденных издержками новейшей нашей истории.

Пределы демократической реконструкции национальных отношений

Излишне, наверное, говорить, что в этнополитической, как и в других сферах жизни общества, демократизация не решает всех проблем. Прежде всего «встроенным» ограничителем выступает присущий ей основополагающий принцип: один человек – один голос. Восходящая к нему мажоритарная система представительства должным образом **не обеспечивает учета интересов меньшинств в органах государственной власти**. С целью преодоления этого противоречия современные демократии используют специальные приемы солидаризации полиэтнических обществ, наиболее распространенный из которых – система интегральной демократии, то есть символичные назначения на высокие посты, естественно, при наличии соответствующих способностей, лиц иной, чем большинство, расовой или этнической принадлежности. Примером такого подхода может служить деятельность К. Пауэла и К. Райс в кабинете Дж. Буша-мл., или М. Олбрайт в правительстве Б. Клинтона.

К сожалению, в РФ недостаточное представительство недоминирующих групп в федеральных структурах **компенсируется другим неравенством – доминированием во властных институтах республик представителей титульных этносов**. Так, в Якутии титульное население составляет 39%, а в парламенте (Ил Тумэн) его доля достигает 73%; в Татарстане это соотношение равно 51% к 75%, соответственно; в Башкортостане, где парламент двухпалатный, данные показатели выглядят как: 22% против 41,1% (палата представителей Госсобрания) и 55,2% (Законодательная палата)¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации 1995–1997. Электоральная статистика. – М., 1998. С. 129; *Габдрафиков И.М.* Республика Башкортостан. Модель этнопо-

Подобная двойственная ситуация с политическим представительством создает проблемное поле. В республиках в составе РФ она воспринимается тамошними русскими как дискриминация, тогда как представители других народов переносят такую оценку на федеральный уровень. Естественно, избрание в законодательные органы власти (равно как назначения в исполнительные структуры) должно происходить по критериям способностей претендентов. Но, исходя из приведенного выше этнического состава властных органов республик, трудно поверить, что упомянутые критерии неукоснительно соблюдаются.

Даже в сформировавшихся демократиях, где универсальные права человека (в том числе права меньшинств) – недискутируемый приоритет, существуют и **ксенофобия**, и **неформальная дискриминация**. Тем более эти явления сохраняются в российском переходном обществе. Внимание правозащитных организаций по традиции сосредоточено на институциональной, то есть в той или иной форме санкционированной, дискриминации, но ее неформальный (бытовой) аналог не менее страшен. Например, хорошо известно, что из республик, особенно северокавказских, идет отток русских. Это – реальный показатель состояния социального самочувствия людей. Причина – не только в социально-экономических условиях (русским легче найти работу в центральных районах и быть принятыми окружающим населением), но и в психологическом дискомфорте, а подчас и дискриминации, которая чаще всего связана с назначениями на должности¹⁵⁸.

Есть специалисты, которые призывают не употреблять в подобном контексте этническую терминологию и предлагают говорить только о дискриминации того или иного человека без использования характеристик «межэтнических отношений»¹⁵⁹. Это неправильно, поскольку фиксируются ситуации, когда формальной, а нередко и реальной дискриминации людей по этническим признакам нет, но межнациональные отношения оцениваются ими как неблагоприятные. Иначе говоря, речь идет не об ущемленности людей, а об ущербоности в групповых отношениях. В Саха-Якутии, например, ущемление больше ощущают якуты (до 12–19%), чем русские, зато

литического мониторинга. – М., 1998. С. 35–36; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М., 2002.

¹⁵⁸ Гучинова Э.Б. Республика Калмыкия. Модель этнополитического мониторинга. – М., 1997. С. 28; Анайбан З. Республика Тыва. Модель этнополитического мониторинга. – М., 1996. С. 32.

¹⁵⁹ Расизм в языке социальных наук. – СПб., 2002. С. 157.

последние чаще оценивают межэтническое взаимодействие как неблагоприятное¹⁶⁰.

Типологически сходная ситуация в столичном регионе. Институциональная среда для представителей разных этносов в Москве одинакова, однако, погромы на рынках, избиения людей по таким признакам, как внешний вид и цвет кожи, антисемитские плакаты и т. п. — составная часть столичной жизни. Формально армянин или цыган не подвергаются дискриминации, его дети учатся вместе с другими в школе и т. д. Однако ко мне как специалисту не раз обращались москвичи с вопросом, где учиться детям, чтобы их не называли в учебных заведениях «черными», «азерами», чтобы детям от смешанных браков не было необходимости менять фамилии на русские. Такого рода предрассудки, враждебные установки, негативные стереотипы и прочие атрибуты ксенофобии в «переходных обществах» имеют выраженные экономико-социальные корни. Даже в стабильных демократиях относительная депривация населения негативно влияет на межэтнические контакты¹⁶¹. Чего же ожидать в этой связи в России, где за период реформ поляризация общества достигла опасной черты? Хотя уровень бедности по сравнению с концом 1990-х гг. сократился в 2,6 раза, в настоящее время 42% населения живет в условиях, когда «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения», а у 18% — «денег не хватает даже на продукты». Одновременно 8% без особых проблем могут позволить себе практически любые траты¹⁶².

Неудовлетворенность своим положением подогревается сравнениями с другими (социальная зависть) или с прошлым, и в подобной ситуации виновников в расхождениях между ожиданиями и возможностями удовлетворения запросов относительно доходов, жилья, работы и т. п. люди в первую очередь ищут среди чужаков. В условиях глобализации и демократизации приток мигрантов разной этнической принадлежности в России усиливается, причем эта проблема обострена как завышенными ожиданиями прибывающих, так и малой готовностью принимающего населения. Трудности восприятия и адаптации мигрантов наложились на сознание русского большинства, травмированное распадом Союза, национальными движениями и последствиями чеченских событий. Мигранты же из нового

¹⁶⁰ Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М., 2003. С. 292.

¹⁶¹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. — М., 2002; Gurr T. Why Man Rebel? — Princeton (N.J.), 1971.

¹⁶² Вестник общественного мнения. 2004. № 3 (71). С. 108.

ближнего зарубежья нередко рассчитывали на благожелательный прием в силу прежнего общего согражданства. В результате взаимодействия этих негативных тенденций у жителей великорусских регионов, особенно в мегаполисах, в отношении представителей этнических диаспор формируется «образ врага». В него «вписались» прежде всего чеченцы, к которым в период 2000–2002 гг. испытывали страх и недоверие от 53% до 60% граждан; азербайджанцы – 39%; цыгане – до 36%; американцы – порядка 15%; евреи – порядка 12%¹⁶³. Нетрудно заметить, что особо неприязненное отношение испытывают к народам исламской традиции. В настоящее время оно стало особым видом этнофобии, подогреваемой реальными угрозами терроризма. Проблема усугубляется тем, что вокруг ислама, о котором судят по фундаменталистским направлениям, реально искажающим это вероучение, множатся негативные мифы, на которые «ложатся» и непрекращающиеся насильственные акции в Чеченской республике, и вооруженные провокации в Дагестане или Кабардино-Балкарии, и трагические события в Беслане. Таким образом, демократия, особенно формирующаяся, **не справляется с ростом этнофобии**. Более того, опыт Франции, Австрии и других европейских стран предупреждает: есть тенденции, позволяющие прогнозировать, что конфликтность на почве этнической неприязни, экстремизма и т. п. в состоянии оттеснить по значимости иные социальные проблемы.

Демократические преобразования **сами по себе не обеспечивают автоматически стабильного развития и процветания всех этнических культур**. Политико-экономические и социальные процессы, происходившие в субъектах Федерации в истекшем двадцатилетии, наоборот, показали, что свободы не везде и не во всем использовались продуктивно. К старым неравенствам этнических групп, определявшимся соотношением городского и сельского населения, добавились новые, связанные со степенью адаптации к рыночной экономике, которая восходит к политическим, социально-культурным и психологическим ресурсам этноса.

Именно это и обусловило живучесть обыденных представлений о преимуществах доминирующей этнической группы, которые по-прежнему существуют как у русских, так и титульных этносов республик в составе РФ. Так, по данным исследований, проведенных Институтом социологии РАН, граждане России пребывают в убеж-

¹⁶³ Общественное мнение 2002 г. Ежегодник. – М., 2002. С. 131; Общественное мнение 2003 г. – М., 2003. С. 65–66.

дении, что получить хорошо оплачиваемую работу, открыть свое дело, занять высокий пост в органах власти и т. п. – все это, как и ранее, напрямую связано с принадлежностью к доминирующему на данной территории этносу¹⁶⁴.

В полиэтничном регионе подобные вещи на обыденном уровне воспринимаются русскими достаточно болезненно. Реальность подменяется представлениями, отчасти оправданными, но чаще далекими от истины. Хотя статистика показывает, что русское население в республиках в подавляющем большинстве не потеряло в статусе, несмотря на снижение по сравнению с титульным населением темпов вертикальной социальной мобильности, его групповое самочувствие повсеместно оставляет желать лучшего. Самоощущение людей расходится с реальностью. В Татарстане, например, к началу 2000-х годов практически одинаковые доли русских и татар отметили улучшение (по 24–27%) или, напротив, ухудшение (23–26%) своего положения за последние пять лет. В Саха-Якутии эти же показатели выглядят так: у респондентов-якутов 39% – улучшение и 17% – ухудшение; у респондентов-русских – соответственно, по 27%. Примерно такая же картина в Башкортостане. Но, что интересно, в Оренбургской области доля русских, ощутивших позитивные изменения в своей жизни, была меньше, чем в перечисленных выше республиках, а количество считавших, что их положение ухудшилось, напротив, было практически вдвое больше. Тем не менее, в «своем» субъекте Федерации русское население чувствует себя комфортнее¹⁶⁵. Иначе говоря, первоисточником группового стресса высту-

¹⁶⁴ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М., 2002. С. 130–133. Такие представления лишь отчасти соответствуют действительности. В тех же национальных субъектах Федерации существуют три основных типа социальной динамики этнических групп. Первый – паритетное развитие (Татарстан, Адыгея, Горный Алтай, Хакасия, Карачаево-Черкесия, частично Башкортостан). У этносов в этих территориях социальная динамика сходная, что подтверждается, в частности, примерно равной долей специалистов с высшим образованием, занятых квалифицированным трудом, у русских и татар, хакасов, адыгов, алтайцев и т. д. Второй тип – опережающее развитие титульного этноса по упомянутому показателю (Саха-Якутия, Бурятия, частично Калмыкия). Третий тип – догоняющее развитие: титульный этнос имеет более высокие темпы роста указанного социального слоя при сохранении преобладания в нем русских (Дагестан, Кабардино-Балкария, Карелия, Мордовия, Тува, Удмуртия, Чувашия, а до 1990-х гг. и Чечено-Ингушетия) [Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М., 2002. С. 28–37].

¹⁶⁵ Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М., 2003. С. 37–38.

пают не столько реалии, сколько социальные сравнения, делаемые на основе этнически окрашенных представлений о некоем идеальном порядке вещей. Демократизация же общественной жизни в настоящее время лишь делает эти проблемы предметом обсуждений, порой далеких от объективности.

* * *

Итак, межэтнические противоречия, порой перерастающие в конфликты, остаются реальностью и в демократическом обществе, особенно, если оно «молодое», как в России. Однако демократическое устройство государства, как показывает наш собственный двадцатилетний опыт, способствует нахождению адекватных решений возникающих вызовов. В этой связи особую важность приобретает проблема оптимизации политики регулирования межэтнического взаимодействия, которая в наших конкретных условиях не может быть решена вне контекста отношений федерального Центра и субъектов Федерации.

И здесь особо следует остановиться на усилиях федеральных властей по созданию единого правового пространства, начатых на рубеже XXI в. Признавая безусловную необходимость этих начинаний, в равной мере актуальных для этнически чувствительных групп среди русского и нерусского населения, хочу подчеркнуть, что данное пространство не может быть однообразным. Культурно-психологическая и социально-экономическая фрагментированность России была и будет существенной. Это неизбежно порождает конституционные противоречия между общефедеральными и некоторыми региональными нормами, особенно затрагивающими этнические чувства людей. Возьмем, например, Закон «О языках народов РФ» (2002 г.), по которому графика государственных языков республик в ее составе должна строиться на основе кириллицы. Этот закон глубоко задел национальные чувства татар, перечеркнув «Закон о восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» (1999 г.), который был принят Госсоветом Татарстана строго в рамках его компетенции, определяемой Конституцией РФ. Безусловно, в самой республике не все поддерживают идею перехода к латинице. Но, судя по моим интервью со специалистами в Казани, многие люди в республике почувствовали себя ущемленными из-за способов решения данной коллизии: нарушения Государственной думой РФ конституционного принципа вертикального разграничения властных полномочий и политически ангажированного отказа Конституционного суда РФ по жалобе Верховного суда Татарстана, пытавшегося оспорить пункты федерального закона об обязательности кириллицы.

Сказанное означает, что поиски баланса интересов в рассматриваемой сфере должны вести к модели конструктивного сотрудничества органов государственной власти различных уровней. Для решения сложных проблем федеративных отношений, в том числе по кругу предметов совместного ведения, проблеме договоров, интерпретации положений Конституции РФ и т. п. наиболее эффективен ситуативный консенсусный подход. Тенденции унитаризма, так же как проявления сепаратизма или региональные автаркии, вредны для сохранения России как единого правового, экономического и культурного пространства.

При выстраивании долгосрочных стратегий развития субъектов Федерации обязательно должна учитываться вариабельность их экономического, социального и этнокультурного потенциала. Существует ведь рейтинг экономического развития регионов России. В настоящее время в первую десятку вошли две республики – Татарстан и Башкортостан, а в последнюю – ниже 70-й позиции – попала, например, Республика Марий Эл. Подход к их развитию не может быть одинаковым. То же касается областей и краев. И именно федерализм позволяет учесть такого рода нюансы, причем не только социально-экономические. Ст. 78 (части 2, 3) Конституции РФ предусматривает в этой связи возможность деволюции – соглашений о передаче органами власти Центра части своих полномочий субъектам Федерации. Само собой разумеется, что подход здесь должен быть глубоко дифференцированным.

То же касается применения в нынешних условиях практики договоров между властями-партнерами. Естественно, применять ее нужно очень осторожно, и, вероятно, она не всегда приемлема. Однако, к примеру, «...договор с Татарстаном может быть сохранен и модифицирован в лучшую сторону, потому что республика имеет колоссальный резерв развития. Однако такой же договор не может быть заключен с другим субъектом Федерации, который не в состоянии не только прокормить себя, но даже разработать и принять полноценный нормативный правовой акт...»¹⁶⁶.

Иначе говоря, начатый администрацией В.В. Путина процесс форсированной и ускоренной централизации в начале 2000-х годов (даже если рассматривать это как ответ на издержки ельцинского времени) не отвечает глобальным тенденциям развития федерализма: во всем мире функции центрального правительства сосредоточиваются на решении фундаментальных задач, а самостоятельность

¹⁶⁶ *Першин Е.* О некоторых вопросах совершенствования федерализма в России // Казанский федералист. 2003. № 1 (5). С. 19–20.

и полномочия регионов в соответствующей области возрастают. Федеральным властям нецелесообразно реализовывать свои цели только с позиции большинства или силы. В этом случае они теряют ресурс доверия со стороны региональных элит и массового общественного мнения, и это происходит очень быстро, когда дело касается этнических территорий. В какой-то мере в дальнейшем Центральная власть в России учитывала это, передавая полномочия на места. Правда, передавались они без соответствующей финансовой поддержки, что придавало российскому федерализму имитационные черты.

Конечно, как мы теперь знаем, и развитым, давним демократиям далеко не всегда удается безболезненно решать противоречия между Центром и регионами, особенно если регионы имеют какую-то этнокультурную доминанту, отличаясь по языку, религии и т. п. Но важно, что и федеративные (Швейцария, Канада, ФРГ и др.), и унитарные государства (Великобритания, Испания, в которой реально идет процесс федерализации) все более осознают значимость интеграции на основе механизмов согласования интересов всех этнических, конфессиональных и этнолингвистических групп населения. И несмотря на то, что федерализм, тем более его этническая модель, не является идеальным государственным устройством, все же можно утверждать следующее. За двадцатилетие демократических преобразований в нашей стране уже сложились определенные традиции, которые позволили решить ряд сложных проблем этнокультурного развития народов России и их взаимодействия, а также конституционная практика регулирования этнополитических трений. И даже абстрагируясь от чеченского конфликта и шире – от Северо-Кавказского региона, где нарушение баланса власти грозит малопредсказуемыми последствиями, можно констатировать: отказ от собственного, с таким трудом обретенного опыта может только осложнить этнополитическую ситуацию и процессы общенациональной, гражданской консолидации.

Национализмы остаются.

Вопрос – какими они проявляют себя?

О силе, влиянии и практических последствиях национализма споры не утихают целые десятилетия. «Нет в мире силы мощнее» – так начинал свою статью о национализме М. Линд¹⁶⁷ в 1990-е гг. «Нацио-

¹⁶⁷ Lind M. In Defense of liberal Nationalism // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73. № 3. May–June. P. 87.

нализм далек от смерти» – утверждает американский политический социолог М. Манн¹⁶⁸ в 2000-е гг. Об устойчивости этнического национализма рассуждает американский историк Д. Мюллер.

О расхождении деклараций национализма и практических действий писал еще в 1970-е гг. Э. Кедури. Они обсуждались в 1980–90-е гг. Э. Геллнером и Э. Хобсбаумом. Речь, конечно, идет, прежде всего, об этническом национализме.

В литературе и политической практике приятно различать **гражданский** или, как его именовал Г. Кон, западный национализм (по модели Франции и Великобритании), который называют рациональным, основанным на преданности государству, свободном самоопределении личности, и этнокультурный, или **этнический**, о котором говорят как об иррациональном, апеллирующем к «голосу крови», «совместной истории», основанном на преданности народу, имеющем культурную базу¹⁶⁹.

Национализм определяют как идеологию, согласно которой интересы и ценности нации обладают приоритетом перед другими интересами и ценностями, а нация должна быть как можно более независимой, иметь, как писал об этом Э. Геллнер, «политическую крышу». Это может быть достижение автономии или даже сецессия. Таким образом, национализм – политическое движение, стремящееся к завоеванию или удержанию политической власти¹⁷⁰.

Два обстоятельства побуждают обратиться к теме этнонационализма. Первое связано с нарастающим разрывом между популистскими, идеологизированными политическими взглядами и научными разработками проблем национализма. Второе – стремление еще раз обратить внимание на разнвариантность национализма, что определит отношение к нему общества. Явление это подобно айсбергу: лишь верхушка его находится на поверхности, а большая часть – в скрытом состоянии. В зависимости от социально-политического контекста «подводная» часть всплывает, обнажая свои округлые или острые края. Следовательно, задача общества – выработать к нему такое отношение, которое не позволит ему превратиться в состояние, способное разбить неустойчивый корабль полиэтнического об-

¹⁶⁸ Манн М. Темная сторона демократии: объяснение этнических чисток (UCLA), 2005.

¹⁶⁹ Kohn H. The Idea of Nationalism. – N.Y.: Collier-MacMillan, 1967. P. 329–331.

¹⁷⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991. С. 23; Breuilly J. Nationalism and the State. – Manchester, 1982. P. 3; Calhoun C. Nationalism and ethnicity // Annu. Rev. Sociol. 1993. Vol. 19; Smith A. National Identity. 1991. P. 74.

щества периода перехода к демократии, хрупкого баланса в мировом сообществе. И особенно очевидно это было в связи с событиями вокруг Косово, Южной Осетии и Абхазии.

Отношение к национализму в мире менялось циклически. После Первой Мировой войны образование новых государств на обломках великих многонациональных империй конца XIX в. проходило под знаком национального самоопределения. Но эта позитивная валентность национализма быстро исчерпала себя в течение первого же послевоенного десятилетия, еще до прихода фашизма с его экспансионистскими установками и всего, что из него следовало, – шовинизма, расизма, антисемитизма.

Новая эйфория национального самоопределения возникла после Второй мировой войны в связи с освобождением народов Европы от нацистской оккупации и последовавшим затем распадом «заморских колониальных империй». Но и на этом этапе либеральная традиция поддержки национального самоопределения была откорректирована в связи с проявлениями расизма и воинствующего этницизма в ходе реализации идей национализма. Недоверие к националистическим убеждениям в развитых демократиях укрепил союз национализма с левым антиколониализмом.

С опасениями и все же в ряде случаев с несомненной поддержкой западный мир отнесся к образованию государств на месте распавшегося Советского Союза. Но именно этнические конфликты на постсоветском пространстве и территории бывшей Югославии подтвердили амбивалентный и небезопасный характер национализма.

Если и теперь национализм «третьей волны» в конце XX – начале XXI в. в своих агрессивных проявлениях представляется очевидной угрозой, то важно проанализировать его разнообразные проявления, чтобы выделить именно те его виды и формы, которые могут быть совместимы с переходом к демократическому обществу.

Проблема совместимости демократических транзитов и национализма не нова и сложна. Известно, что признанные авторитеты в области демократических транзитов считали внутригосударственное единство, устойчивую идентичность граждан важнейшими условиями успешности процесса демократизации, а этнонациональные разногласия, ведущие к различным формам национализма и подъему национальных движений, оценивают как препятствие для достижения демократии в обществе. Признавая, что и в развитых демократических государствах сохраняются этнонациональные проблемы и националистические устремления (примеры – Баскония в Испании, Корсика во Франции, Квебек в Канаде, Северная Ирландия и Шот-

ландия в Великобритании, фламандцы и валлоны в Бельгии), специалисты обращают внимание на готовность в этих странах решать проблемы ненасильственным путем через демократические институты. Однако и в таких обстоятельствах «этнонационализм, особенно в его острых формах, порожаемый нерешенностью проблем национального и территориального единства и идентичности, несовместим с демократией». Такой вывод логичен с точки зрения демократизации. Но он остается дискуссионным с точки зрения национализма. Ведь именно с демократизацией обычно связывается возможность свободного волеизъявления, чем и пользуются этнические лидеры.

Не случайно те, кто стоял во главе национальных движений на территории Советского Союза – лидеры Народного Фронта Эстонии и Саюдиса в Литве требовали, прежде всего, развития процесса демократизации. Ученые, осуществившие кросснациональные исследования под руководством американского исследователя Т. Гурра, делали вывод о том, что в демократизирующихся обществах этнические группы получают значительные возможности для политической мобилизации¹⁷¹. Проблемы в том, что в условиях утверждающихся демократий нет еще ресурса – традиций длительных диалоговых переговоров, необходимой толерантности, эффективных институциональных механизмов для достижения межгруппового согласия, которые могут использовать государства, имеющие длительный опыт демократического развития.

В этих условиях принципиальное значение имеют по крайней мере три теоретико-методологических принципа, продемонстрировавшие свою эффективность. Первый – рассмотрение зарождения и развития национализма в исторической перспективе, понимание отличия национализмов XVIII в. от современных и осознание возможности трансформаций каждого конкретного национализма. Известный историк Г. Кон успешно продемонстрировал такой подход, исследовав европейский континент. Ему принадлежит вывод о том, что история национализма – это постоянное вырождение рационального начала в некое безумие, наиболее ярко выразившееся в национал-социализме с его войнами, насилиями, мессианским авторитаризмом. Г. Кон на европейском материале показал важность второго необходимого для анализа национализма методологического принципа – сравнительного, кросскультурного. Известно, что уже более двухсот лет существуют разные представления о нации: «французское», исходящее из

¹⁷¹ Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflict. – Wash., 1993.

идеи свободного сообщества граждан государства, основанного на политическом выборе, и «немецкое», российское базирующееся на культуре и общем происхождении.

Конечно, Кон своих представлениях был евроцентричен. Э. Смит считал, что нельзя резко противопоставлять «западный» (гражданский) национализм «восточному» (этнокультурному). Оба имеют как культурную, так и территориальную основу. О том, что этническая и гражданская модели национализма не только накладываются друг на друга, но и со временем могут даже менять свое значение, писал в 90-е годы Р. Брубейкер¹⁷².

Даже те исследователи, которые открыто стоят на конструктивистских позициях (если они не предвзятые специалисты), признают, как, например, Р. Суни, важность контекста. Национализм добивался большего успеха там, где этому предшествовало наличие некой территориальной, языковой или культурной общности, общей исторической памяти, которая используется как исходный материал для интеллектуального проекта национальности». И опыт шотландского, баскского, эстонского, литовского национализмов подтверждает этот вывод.

Именно социальный и экономический контекст определяет, на мой взгляд, процесс развития националистических дискурса, политики и практики. Известно, какое решающее значение придают исследователи и политики, стоящие на конструктивистских и инструменталистских позициях, деятельности элит в трактовке наций. Но насколько интеллектуально мощной бывает элита, выражающая и формирующая идеи национализма, и вместе с тем насколько готовы те или иные социальные группы и вся масса населения поддержать ее идеи, зависит от состояния общества: уровня экономического развития, политической структуры государства, социально-культурных факторов, в том числе норм и ценностей, доминирующих в обществе, доверия политическим институтам, чувства гражданства и взаимного доверия граждан, степени осознания единства государства и др.

Из понимания значимости общего исторического, политического, социального контекста появилось признание того, что национализм бывает разным (В. Коннор, Т. Наирн, Д. Холл, Д. Брейлли, Р. Брубейкер и др.) или, как нам приходилось писать, вариативным.

Чаще всего в мировой науке выделяют экономический и культурный национализм. Изучая национализмы на советском и постсоветском пространстве, мы выделили пять типов национализма.

¹⁷² *Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. – Cambridge, 1992. P. 9–11.*

Классический национализм, при котором все культурные обоснования (необходимость государственного языка, сохранение своей нормативной, художественной культуры), исторические, геополитические, экономические аргументы (Пакт Риббентропа–Молотова, контроль над использованием природных ресурсов, концепт самохозяйствования были подчинены цели расширения государственной самостоятельности, а затем и независимости (сецессии). Наиболее выраженным такой национализм был в балтийских республиках.

Другой была идеология элит и политика в республиках Российской Федерации. Ни в Татарстане, ни в Саха (Якутии), ни в Башкортостане, Туве, других республиках, за исключением Чеченской, доминирующими элитами не ставился вопрос о полной независимости, речь шла о «разделенном суверенитете», когда часть прав передается в федеральный центр. В одних случаях речь шла о больших правах и в финансовой, экономической, культурной и политической сферах, в других – в основном о правах распоряжения природными ресурсами и управления культурой.

В наиболее выраженной форме претензии на расширение прав имели место в 1990–93 гг. в Татарстане. Этот национализм можно было назвать **паритетным**, так как в центре и идеологом, и политической практики было именно разделение прав на основе свободной передачи части их федеральному центру, реализация политик равноправия контактирующих этнических групп (в Татарстане это главным образом, татары и русские), что выражалось и в законодательном признании двух государственных языков, и в дискурсе политического руководства республики, да и в доминирующей реальной социальной практике).

В таких республиках, как Саха (Якутия), Башкортостан фокус идеологических и политических устремлений концентрировался в хозяйственной и культурной сфере, но приоритетными были идеи, которые соответствовали **экономическому** национализму.

В Карелии, Коми, где титульные национальности были в демографическом меньшинстве, речь шла главным образом и поддержке культурной самобытности, языка, что соответствует идеям **культурного** национализма.

А в других республиках – в Северной Осетии, Ингушетии доминировали идеи защиты – защиты территории, влияния на пространстве, возвращение потерянного, как, например, среди немцев Поволжья, которые пытались восстановить свою автономию. Идеи **защитного** национализма присутствовали среди идеологов русского национализма (защита экологии Байкала, защита русской деревни

писателями-деревенщиками, крестьянства, потерявшего свою деятельностьную часть в лице раскулаченных и сосланных работников).

Были на постсоветском пространстве и идеи **модернизационного** национализма. В конце 1980 – нач. 1990-х гг., когда от Таллинна до Вильнюса выстраивалась Балтийская цепь, молдаване вспомнили о своем родстве с румынами, а Армения стала воевать за Карабах, молодые реформаторы в центре России с горечью заговорили о том, сколько средств уходило из российских регионов на периферию. Аргументом их стало: мы демократизируем и модернизируем Россию, а тогда разбегающиеся республики сами попросятся в нашу федерацию.

О модернизационных планах как аргументе самостоятельности говорили лидеры и Татарстана в момент, когда появилась опасность возвращения коммунистов к власти в Москве в 1993 г. Идеи частной собственности на землю, открытых инвестиций нельзя осуществить при реставрации прежнего режима. Модернизационный национализм обычно появляется на наиболее развитых территориях в политических государствах (баски, каталанцы в Испании).

Природа национализма связана с государством. Национализм нельзя понять вне связи с государством. Он является попыткой через легитимность, создаваемую идеологией национализма, захватить контроль над государством. Вместе с тем, сам национализм есть реакция на чрезмерное вмешательство государства, ощущаемое меньшинствами. Формирование чувства общности очень часто стимулируется деяниями бюрократического государства, насаждающего унификацию и ассимиляцию. Конечно, такие тенденции не нравятся гражданам, населяющим территории, где проживает и этническое большинство. Много раз на Северо-западе и Урале, в Южном Федеральном Округе нам приходилось слышать в разных субъектах федерации утверждения: «Центр нас не чувствует», «Центр не считается с нашими интересами, это мешает утверждению гражданской нации, единства в стране». Но в тех субъектах федерации, где живут другие национальности, такие настроения приобретают этническую окраску. Так происходит и в других странах, и в давно демократизовавшихся, в том числе, Бельгия, Швейцария, Канада не избежали таких тенденций, поддерживающих этнический национализм. Как показал в своих работах Дж. Брейли, национализм является продуктом и следствием государственного нациестроительства – проваливающиеся попытки государственного нациестроительства вызывают выраженную политику этнического национализма¹⁷³.

¹⁷³ Breuilly J. Nationalism and the State. – Manchester, 1982. P. 367.

Д. Конверси уточняет: «Избыток чересчур усердствующего централизма часто вызывал гомеостатическую реакцию, которая в свою очередь порождала мощное движение национализма на периферии»¹⁷⁴. О националистическом подъеме как ответе на действия со стороны государства пишет и в уже упоминавшемся исследовании Т. Гурр. Ответная этническая мобилизация была в процессе баскского, каталанского национализма, придававшего культурным маркерам этнической группы политическое звучание. Болезненно и мобилизующе воспринималась русским и украинским меньшинством дискриминационная политика молдавского государства в отношении их языков, протестные настроения среди части татарской интеллигенции вызвало решение Государственной Думы Российской Федерации о запрещении перевода татарского языка с кириллицы на латиницу. В национальных движениях на постсоветском пространстве политика вокруг статуса языков сыграла, несомненно, мобилизующую роль.

Язык, его статус становится социальным ресурсом, потому ему придается идеологами этнонационализма столь важное значение, как и борьбе за другие ресурсы – природные, политические. В борьбе за ресурсы идеологами выстраиваются этнические границы, маркерами которых избираются, чаще всего, какие-то культурные обозначения. Но, как показали наши этносоциологические исследования на постсоветском пространстве, такими разделителями могут стать и другие явления. Например, для русских в республиках РФ таким разделителем стал доступ к участию в региональной власти. Именно он стал механизмом социальной категоризации и сопоставления, а в каких-то случаях и противопоставления.

Психологи считают, что чем меньше различий существует между контактирующими этническими группами, тем с большей силой проявляются претензии на основании именно выделяемых различий. Возможно, поэтому индустриализация, урбанизация, глобализация, стирая этнические различия, не привела к их исчезновению, которое прогнозировалось как во времена М. Вебера и К. Маркса, так и современных теоретиков глобализации. На оригинальном материале новых «силиконовых долин» это убедительно показывает Т. Фридман в книге «Плоский мир».

Национализм, конечно, является проявлением категоризации себя и «другого», но из этого не следует, что различия предопределяют противопоставления и антагонизм. Чтобы этнические лидеры могли

¹⁷⁴ *Conversi D. Reassessing Current Theories of Nationalism: Nationalism as Boundary Maintenance and Creation // Nationalism and Ethnic Politics. Vol. 1. № 1. Spring 1995. P. 73–72.*

манипулировать массами, одного их желания не достаточно. Интеллектуалы должны затронуть ту струну в сердцах и умах людей, которая может отозваться. Говорят, что жизненный опыт мало учит человека, но опыт многих людей научить может. И тогда сами профессионалы, идеологи национализма ищут пути, как избежать насилия и антагонизма.

И уже из признания того, что национализм бывает разным, можно заключить, что какие-то виды, типы, формы проявлений национализма могут в большей или меньшей мере сочетаться с либерализмом и демократией.

Наиболее известной работой, в которой обсуждается проблема либерального национализма, является уже названная статья М. Линда. В ней он утверждает, что недоверие к национализму даже в его либеральной, демократической и конституционной форме – грубое заблуждение. Оно означает поддержку любых, в том числе деспотичных многонациональных государств. Представление о национализме как устаревшем явлении из архаического прошлого – это предубеждение, которое не соответствует политической практике. Не все случаи сепаратизма плохи, а политика поддержки целостности многонациональных государств – хороша. Справедливо и то, что отделение одной нации (а иногда и нескольких) не означает, что каждое многонациональное государство готово рухнуть, как картонный домик. М. Линд утверждает, что многонациональность государства не является непреодолимым барьером для его демократизации. Важно разработать механизм разделения власти между этническими группами. Он приводит пример Швейцарии, Бельгии, Канады. Не надо бояться и сверхмощных государств типа Советского Союза, если они создаются на добровольных началах. Не очень ясно из рассуждений М. Линда, какой же национализм можно считать либеральным. Очевидны лишь условия, выделенные им: возможность свободного выбора человеком своей национальности и обеспечение прав культурных меньшинств, притом что обеспечение прав культурных меньшинств (выделения, соединения этнических групп) осуществляется мирными средствами.

В последнее время вышли и другие работы, в которых обсуждается либеральный национализм. Особенно интересны материалы дискуссии, проведенной журналом «Нации и национализм» в связи с выходом книги Д. Миллера «О нации». Д. Миллер оспаривает положение, что национализм – идеология правых сил, поддерживающих авторитарные режимы, враждебные либерализму и демократии, и утверждает, что либеральный национализм предполагает комбина-

цию социальной демократии внутри страны с «исключительно либеральной доктриной формального равенства на международной арене» (при этом по Д. Миллеру идея социальной справедливости живет только внутри сообщества, «имеющего представление об общей судьбе»).

Б. О'Лири, участвовавший в дискуссии, обратил внимание на соблюдение либеральных требований в отношении меньшинств. Действительно, нередко добившиеся суверенитета народы в новых государствах не соблюдают прав меньшинств. Б. О'Лири считает, что либеральное общественное мнение должно добиваться введения процедур и мер предосторожности, гарантирующих коллективные права меньшинств и индивидуальные права человека. Но все это больше «советы просвещенному общественному мнению», между тем как отсутствуют институты и согласованные политические процедуры реализации предлагаемых мер.

Обсуждение проблем либерального национализма оживилось не случайно. Этнические чистки, агрессивный сепаратизм, декларирование самоопределения – все связанные с этими явлениями проблемы приходится и западному сообществу теперь решать не «за морями», а в своих или соседних государствах.

Видимо, о либеральном национализме можно говорить, если:

государственность декларируется от имени граждан, проживающих на территории республики, или народа в понимании сообщества людей, проживающего на данной территории (или народов, этнонаций, национальностей, живущих в республике);

устройство государства в республике можно отнести к либерально-демократическому типу, обеспечивающему верховенство законов, всеобщее избирательное право, представительный характер власти, выборность власти как формы реализации принципа представительства, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную;

обеспечивается политическое и правовое равенство граждан, в том числе право быть избранным на государственную должность;

допускаются плюрализм и свобода политической деятельности, свобода слова, право формулировать и отстаивать политические альтернативы, возможность внутренних разногласий при обсуждении ценностей, идеалов, в том числе национальных, этнокультурных, лингвистических, сути самой общности и ее границ в приемлемых для дискутирующих сторон формах, избегающих экстремизма и насилия;

наличествуют политические институты, обеспечивающие разнообразие культур, права меньшинств;

обеспечивается свободное право личности на выбор национальности.

Большинство перечисленных принципов характерно для развитых или, как говорят, консолидированных демократий. Это практически идеал. Но я согласна с А. Мельвилем в том, что пытаться на все времена и для всех народов сформулировать такой идеал «означало бы впасть в опасную иллюзию». Действительно, «демократия – это процесс, процесс развития, расширения и обновления идей и принципов, институтов и процедур». И потому Дж. Маркофф говорит о демократии как о постоянно ускользающей цели, к которой стремятся, но практически никогда в полной мере не достигают сменяющиеся поколения демократов.

Также и либеральный национализм способен обновляться в своих принципах, институтах, процедурах, оставаясь целью, к которой национально ориентированные общественные силы, лидеры, властные структуры проявляют готовность стремиться, хотя не всегда и не во всем ее достигают.

Сама демократия не гарантирует решения многих проблем: всеобщего благоденствия, мира, в том числе решения этнонациональных проблем. Не стоит ли сосредоточить внимание на обсуждении условий, при которых самоопределение народы предпочитают не в форме отделения, а в виде разных типов автономий, и национализм (в российском случае чаще этнонациональный сепаратизм) удастся перевести в либеральные формы. Такие условия, естественно, бывают объективными и субъективными. К объективным условиям, позволяющим готовность к либеральным формам, можно отнести:

1. Этнический состав территории. Чем меньше доля титульной национальности, тем больше она должна считаться с волей другой части населения, думать об обеспечении поддержки с ее стороны, либерализовать этническую политику, выдвигать цели и задачи, которые будут обеспечивать единство всего полиэтнического сообщества.

2. Территориальное положение. Если республика или самоопределяющаяся этническая общность не имеет внешних границ, ей трудно ставить целью сецессию, радикальный сепаратизм. Все ставшие самостоятельными бывшие союзные республики СССР, так же как и Абхазия, Южная Осетия, Карабах, Чечня, имели внешние границы. Отсутствие таких границ ставит ограничение на сепаратизм и стимулирует поиск мирных решений.

3. Ресурсы группы, заявляющей о своих притязаниях, уровень ее модернизации. Речь идет не только о материальных ресурсах, обес-

печивающих самодостаточность жизнедеятельности, но и об интеллектуальных. Чем сильнее слой интеллектуалов, чем больше среди них компетентных людей, знакомых с мировым опытом и международными подходами к решению этнонациональных проблем, тем больше шансов на возможность вести переговоры на уровне учета интересов сторон. Особенно важен состав политической элиты, уровень ее профессиональной подготовки. Эстонцам достигать более или менее либеральных путей решения национальных проблем было заметно легче, чем, например, молдаванам. У татар в этом отношении больше возможностей, чем, скажем, у чеченцев или тувинцев.

Возможность либерального национализма зависит также от внутренних и внешних субъективных факторов.

1. Чем выше легитимность и устойчивость центральной власти, ее сплоченность, организованность, тем меньше шансов у регионов играть на противоречиях, доходить до ультимативных форм взаимодействия, и в то же время им легче договариваться о разделении полномочий и предметов ведения.

2. Велико значение государства, развития в нем демократических структур, обеспечивающих участие во власти представителей народов, их голос в средствах массовой информации, наличие в государственной структуре устойчивых механизмов регулирования конфликтных ситуаций.

3. Нельзя ожидать либерализации этнонационализма, ослабления сепаратизма, если в государстве происходит эскалация национализма шовинистического толка, если в распределении общегосударственных ресурсов присутствует волюнтаристский момент, наличествуют клиентарные отношения.

4. Всегда приходится иметь в виду, что перепроизводство образованных людей создает препятствие для продвижения, карьеры и стимулирует недовольных к использованию культурных притязаний. Национализм становится потенциальным средством выражения фрустрации и интеллектуальной невостребованности, бунтом «маргиналов». Поэтому, кстати, стабилизируют эскалацию этнонационализма те руководители республик, которым удастся включить в правительственные структуры или использовать иными путями потенциальных неэкстремистских идеологов национализма. Примеры Татарстана и Якутии демонстрируют достаточно успешное использование такого способа «тушения» этнического экстремизма.

5. Все более значимым становится внешнее влияние. Надежда на поддержку или, наоборот, осуждение мировым сообществом несомненно корректирует поведение лидеров как на сепаратизирующих-

ся территориях, так и в Центре. Более четкое определение мировым сообществом позиций по вопросу о возможных формах самоопределения, об отношении к Хельсинкским принципам, об отношении к экстремизму, терроризму, обучение политиков, лидеров общественных движений, ученых решению этнических проблем, обеспечению мирного сожительства людей разной этнической принадлежности – это более надежный способ, чем демонстрация силы при регулировании конфликтов.

Естественно, далеко не всегда эти условия наличествуют, чтобы обеспечить либеральные формы национализма. И даже при их соблюдении не всегда достигаются желаемые цели. Тем не менее именно они создают или расширяют возможность либерального национализма и недопущения его насильственных форм.

Социальный ресурс федерализма в России к середине первого десятилетия XXI века

В конце 1990-х и в самом начале 2000 гг. я приводила результаты социологических опросов, которые свидетельствовали о том, что уровень поддержки элементов федерализма довольно высок в республиках РФ. Например, право на распоряжение природными ресурсами субъектом Федерации поддерживали до 60–70 % населения, причем представители не только титульной национальности, но и русские, и доля людей, придерживающихся такого мнения, росла.

Многие исследователи, политики задаются теперь вопросом, почему, когда стали приводить конституции и законы в соответствие с федеральными, и суверенитет республик был дезавуалирован, не было никаких протестных акций?

Пытаясь ответить на этот вопрос, важно понять общество, в котором мы живем. Общество это – переходное. Известно, что демократический транзит движется либо в сторону демократизации, либо, наоборот, уходит от этого процесса. Из результатов тех исследований, которые представляли в последнее время наши социологические центры, можно сделать вывод, что наше общество не просто переходное, его можно охарактеризовать как смешанное или промежуточное. Приведу несколько аргументов. Одним из индикаторов состояния общественных отношений является ответ людей на вопрос об отношении к реформам. По результатам опросов Центра Ле-

вады «за» продолжение реформ высказывалось 34–35 % опрошенных, «за» прекращение. 21–22 %. Остальные 43–44 %. промежуточные, ни за то, ни за другое. 32 % респондентов считают, что «дела в нашей стране идут в правильном направлении», 51 %. что они «движутся по неверному пути», а 17 % затрудняются ответить¹⁷⁵.

Последнее исследование по проблемам собственности, которое проводил Институт комплексных социальных исследований РАН в 2005 г., показало, что выделяется группа модернизированного направления, так называемые модернисты, и группа традиционалистов. Модернисты. это те, кто адаптировались к реформам, которые хотят продолжения реформ, они за собственность, это люди будущего, их. 20–25 %, «против» около 20 %. Все остальные. представители промежуточного общества. То же самое и с отношением к демократизации и федерализации. Считают, что при Путине лучше, чем было при Горбачеве и Ельцине, с точки зрения эффективности государственного управления. 36 %, но при этом 49–50 % респондентов затрудняется ответить на этот вопрос.

Обратим внимание на такое явление как возросшая тоска по СССР. Раньше, во время опросов 1990-х гг. было 20–30 % людей с таким настроением, сейчас 55–60 %. Очевидно, происходит процесс, который можно охарактеризовать как готовность к восприятию имитационных форм. Формы есть, но содержание в них совсем не то, которое ожидалось при переходе к демократизации.

Возьмем Государственную думу, она у нас есть, но совершенно очевидно, что она не отвечает ожиданиям людей. Опросы Центра Левады к середине 2005 г. показывают, что только 11 % доверяют Совету Федерации и Государственной думе. И я бы обратила внимание на то, что уровень доверия этим парламентским формам очень низкий не только у людей, которые еле сводят концы с концами, но и у тех, кто материально обеспечен и жизнью доволен. Тем не менее, только четверть из них выражает доверие этим конституционным формам. Значит, действенности этой формы люди не видят.

Уровень поддержки президента достаточно высокий, даже после Беслана, даже после монетизации, где-то 39–50 % по оценкам разных социологических центров. При этом значительно меньшее число респондентов считает, что президент решил задачи в экономике повышением уровня жизни. Лишь 10–15 % считают, что удастся решать чеченскую проблему. Тем не менее, авторитет у президента высокий. Значит, массы готовы принять символьную форму. Есть символ, президент, есть парламент, есть символы демократии.

¹⁷⁵ Вестник общественного мнения. 2005. № 2. С. 90; № 4. С. 5, 104.

Идет рутинизация жизни. В чем это проявляется? Против войны в Чечне в условиях, когда были военные неудачи, выступало до 60 % населения. Сейчас там перманентные подрывные действия, а метастазы конфликта проявляются в соседних республиках. Дагестане, Кабардино-Балкарии, в массовом общественном мнении идут постоянные колебания. то увеличивается доля сторонников переговорного процесса, то уменьшается, при этом протестных действий не наблюдается. Отношение к делу Ходорковского: в начале этого процесса, в 2003 г., 60 % считали этот процесс эфемерным. В 2005 г. так считает 20 %, то есть идет привыкание к тем деформациями, которые есть в правовой системе.

Мы не видим функционирования современного гражданского общества в широких масштабах. Это означает, что в ближайшее время мы будем жить в обществе, расстающемся с иллюзиями, в значительной мере чисто прагматическом, когда романтизм перестройки уже потерян. Идет приземление идеалов.

На протяжении 90-х гг. и в 2002–2005 гг. я брала интервью у представителей элитных групп в республиках и областях Российской Федерации. Глубинные интервью показывают, что среди людей без четких мнений чаще всего встречаются прагматики, живущие интересом «одного дня», ушедшие в бытовую рутину. Некоторые социологи оценивают уход людей в повседневные заботы как обычное явление нормального общества. Но для тех, про кого простые люди думают, что они «выражают их надежды и чаяния», влияют на положение в стране, такие настроения не должны быть характерными. Ведь им приходится принимать жизненно важные для многих решения, а это не может оцениваться как обыденная повседневность. Следовательно, в ближайшее время мы будем, видимо, очень сильно зависеть от тех процессов, которые будут происходить спонтанно. Вспомним о реакции на монетизацию, это была стихийная реакция, только потом подхваченная партийными структурами. Доля участия в протестных акциях была очень мала. 0,5 %. Важно, что было не только старшее поколение, но и молодые люди 25–40 лет. Это важно, поскольку они очень перспективная группа с точки зрения потенциала будущего. И эти люди – не из столиц, а из регионов. несмотря на то, что их было немного, остановили процесс бездумной монетизации, поскольку не было готовности к ее реализации. 41 % населения поддерживали протестующих, и еще 41% к их действиям относился с пониманием. Способы и формы проведения монетизации менялись «на ходу» под воздействием реакции людей. В обществе появилось представление, что коллективными усилиями можно что-то изменить.

Надо сказать, что и в сфере федеративных отношений усилия социально-активных групп не всегда оставались бесперспективными. Известно, что администрация президента РФ реализует постепенное укрупнение субъектов Федерации. На данном историческом отрезке времени за счет объединения областей, краев и автономных округов. Не все предложения об объединении встречают поддержку в регионах. Ведь в одних случаях это объединение бедных с более благополучными территориями (Коми-Пермяцкий округ с Пермской областью или Усть-Ордынский Бурятский округ с Иркутской областью), в других – более богатых округов с менее обеспеченными областями (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа с Тюменью), в результате чего будет выигрывать население областей, и проигранут жители округов. Здесь ситуация складывается конфликтная. Приходится учитывать и уже наличные связи, и какие компании работают на территории (лучше, если одни и те же, тогда им легче общаться с одной административно-территориальной структурой), и транспортные связи, и наличие общих или разных инвесторов.

В идеале объединение субъектов Федерации преследует цели более эффективной управляемости, роста экономики региона и уровня жизни людей, сокращение социального расслоения. Но бывает, что выгода одних несет невыгоду другим. Так, например, складывалась ситуация в отношении объединения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов с Тюменской областью. Округа не горели желанием объединяться. Население поддерживало руководство округов. И тогда пришлось находить приемлемые решения. Были приняты Программы сотрудничества на 2008–2010 гг. с выделением на них 70 млрд руб., в результате чего уровень жизни населения в Тюменской области поднимется, но и у округов не отнимут все для «перераспределения на всех».

Таким образом, самосохранительная солидаризация – очевидный ресурс федерализма.

В начале октября 2005 г. Госдума внесла поправки в процедуру объединения регионов. Губернаторы (а они назначаются президентом РФ) в случае своего несогласия с инициативами, смогут заблокировать их. А прежде чем начать референдум региональные власти должны будут консультироваться с Кремлем, и получать на это официальное согласие главы государства. Но предусматривается и возможность провала референдума, тогда он может быть повторен не ранее, чем через 1 год¹⁷⁶.

¹⁷⁶ Коммерсант. 2005. 8 ноября. С. 2

Одновременно проходили и другие события. перемена власти в Украине и Грузии вызвали очень неоднозначную реакцию. Многие не понимали, что там происходит. В России 60 % людей не поддерживали эти изменения. Тем не менее, и реакция на монетизацию, и события в Грузии и Украине стимулировали озабоченность во властных структурах.

Создается ситуация, которая может влиять на различные явления, в том числе и на отношение к федерализму, как к элементу демократического общества в нашей стране. Действительно, с исторической точки зрения федерализм не обязательно связан с демократией, но важно, как такая связь воспринимается в обществе. У нас федерализм воспринимался как элемент демократизации. Именно с демократическим транзитом изменился сам характер федерализма. Договор 1992 г. областям и краям, автономным округам декларировал права те же, что республикам. Республики в доктринальных документах перестали именоваться национальными, а конституции республик закрепили права всех граждан, а не только национальностей, дающих название республикам. Реализуя положение конституции, центральное правительство заключило, как известно, с субъектами федерации 42 договора, учитывая ресурсные, географические, исторические особенности. К середине первого десятилетия XXI в. большинство договоров перестало действовать, а отклонения конституций и законов в субъектах Федерации были исключены из правового пространства. Все субъекты Федерации поставлены в равные условия с точки зрения налоговых поступлений от них в центр (70 % отчисляется у всех республик, областей и краев).

Население республик, которые в 90-е гг. были на льготном положении, изменения не так сильно почувствовало, поскольку эти субъекты Федерации получили транши через целевые программы (например, на 1000-летие Казани, строительство метро в городе и др.). Граждане в республиках еще празднуют дни республики (раньше. дни суверенитета).

Наши интервью показывают, что многие люди не только в других местностях, но и в самих республиках не знают, что Конституционный суд принял решение, по которому республики не могут быть суверенными. А некоторые, зная, что в Конституции РФ республики именуются государствами в скобках (государства) и пока Конституцию не меняли, думают, что суверенитет сохраняется. Законодатели в Башкортостане, например, придумали своеобразный ход: они под нажимом Администрации президента и федерального округа сняли

слова «суверенная республика» в республиканской конституции, но записали там, что республика имеет свою государственность. А государственности без элементов суверенитета (разделенного) не может быть. Конечно, диалог по таким вопросам федеративных отношенийвозможен при хотя бы элементах демократии в обществе.

В социологии известна теорема Томаса Знанецкого, так называемая «Теорема Томаса», которая гласит: если люди воспринимают какое-то явление как реальное, то оно будет реально по своим последствиям. То есть ученые и политики могут знать, что демократии бывают и в государствах с унитарным устройством, но люди воспринимают федерализм как элемент демократии, и утеря его будет восприниматься негативно.

Данные говорят о том, что общество теряет надежду на демократию. Последние опросы показывают, что 43 % считает, что в России нет, и не было демократии. А если к ним прибавить тех, кто затрудняется ответить, получается больше 60 %.

Высокой мобилизационной готовности к защите идей и норм демократии пока в России не фиксируется. Люди привыкают жить в эклектичном обществе – в каких-то сферах сохраняются проявления демократии, в каких-то – ушли, а где-то – приобрели причудливые формы. В такой ситуации, видимо, будет сохраняться федерализм как символическое явление на теперешнем уровне развития законодательной практики. Будет имитационный или декларируемый, как в советское время, феномен. Естественно, совсем отказаться от него, как предлагает ЛДПР Жириновского, нельзя, ибо тогда надо менять Конституцию в одной из принципиальных сфер жизнедеятельности общества, чего президент России делать не хочет.

К сохранению части самостоятельности у субъектов Федерации Администрацию президента подталкивает опыт уже реализованной «вертикали власти». Если вся ответственность за развитие регионов, благополучие населения лежит на федеральный центр, а то, что оставлено на «плечах» местной власти, не обеспечено финансовыми ресурсами (всего 30 % средств остается от собираемых в субъектах Федерации), то и недовольство населения и региональных элит направляется на центральную власть.

Приведу мнение заместителя министра экономики одной из республик РФ: «Вот сейчас уже сентябрь (интервью взято в конце первого срока президентства В.В. Путина), а мы не знаем, какими средствами будет располагать республика, чтобы обеспечить хотя бы поддержание социальной инфраструктуры. Знаем, что надо переда-

вать часть функций на муниципальный уровень, а средств у них нет. А как планировать развитие экономики, если у Вас могут оставить и 5 % и 30 % от того, что собираем от налогов. Как мы можем смотреть в глаза нашим людям, если они трудятся, добывая ценнейшие природные ресурсы, а получать будут как в беднейших регионах? Разве они будут воспринимать это как справедливость? Вы, социологи, лучше нас знаете, какой низкий уровень доверия властям из-за этого». Таким образом, федерализм будет сохраняться, скорее всего, потому что есть пример спонтанного протеста в обществе, и потому что есть пример других стран, где федерализм стал ресурсом сохранения согласия в обществе.

Специалисты знают, что федерализм, в том числе тот, который называют этническим, помогает избежать открытых, в том числе насильственных конфликтов. Кстати, не совсем, на мой взгляд, правильно, именовать наш федерализм этническим. В Конституции РФ 1993 г. субъекты Федерации именуются не «национальные», а «республики Российской Федерации». Это по памяти от советского времени их называют «национальные республики». А в конституциях республик, как правило, зафиксировано, что они выражают «волю и интересы всего многонационального народа республики» (ст. 1 Конституции Татарстана) или источником государственной власти в республике является «народ, состоящий из граждан республики всех национальностей» (ст. 1 Конституции Саха (Якутия)).

Федерализм дает основание политической презентации гражданам, живущим на конкретной территории, дает выражение их чувству достоинства, в известной мере, ответственности и равенства. Не случайно социологические опросы фиксируют высокий уровень локальной идентичности в каких-то субъектах Федерации, соизмеримой с этнической. Очевидно также, что федерализм дает основание для культурной самореализации граждан. Об этом красноречиво говорит разнообразная символика (от Калашникова на бутылочных этикетках до чеченского хореографического коллектива или гербов и новых самоопределений «Санкт-Петербург – культурная столица» и т. д.).

Я бы обратила внимание и на то, что федерализм, особенно реальный федерализм, дает в современных российских условиях ресурс демократическому транзиту. он стимулирует принятие таких решений федеральными органами, которые могут быть восприняты населением регионов. В условиях, когда оппозиция слаба, а гражданское общество только формируется, солидаризация на уровне субъектов Федерации способна ограничивать безбрежную централизацию.

Конечно, несомненным социальным ресурсом сохранения федерализма будет оставаться значимая часть региональных элит. Прежде всего, властная элита и бизнес-элита. Под элитой имеются в виду не признанные интеллектуалы, как это нередко воспринимается в обществе, а группы, принимающие решения или влияющие на их принятие. В республиках, прежде всего ресурсных, также как в областях и краях-донорах роль их сохраняется даже при усилившейся централизации в стране, особенно там, где властная элита скоординирована с бизнес-элитой. Однако в глазах массы людей новая постсоветская элита действовала в последние 10–15 лет исходя из своих корпоративных интересов, доступ к распоряжению природными ресурсами использовала недостаточно эффективно и является ответственной за чрезвычайно высокое социальное расслоение в обществе. Того единства, которое имело место между этнорегиональными элитами и большинством населения в 90-е гг. прошедшего столетия, ожидать не приходится.

Интеллектуальная, научная и художественная элита является естественной хранильницей исторической памяти, выразительницей потребности в поддержании этнонационального и регионального достоинства. Центр и регионы всегда имеют не только общие, но и специфические интересы. Региональная творческая элита выражает эти интересы и транслирует местному населению. Не только в республиках, но и в других регионах – в Питере или Екатеринбурге, Краснодаре или Владивостоке – она делает это в силу не только профессиональных, но и патриотических интересов. Как показывают исследования, основанные на материалах глубоких интервью, «круглых столов», «мозговых атак», региональная и этническая элита после травм «перестройки» и «управляемой демократии» во многом депрессивна и разобщена, она уже не так авторитетна, как в 90-е гг., ее мобилизующий ресурс ослаблен.

Именно поэтому также возможны имитационные формы федерализма. Остаются, конечно, надежды на саморегуляцию во имя интересов и самой федеральной власти. Именно так, скорее всего, можно оценить заявление президента РФ о том, что надо укреплять власть губернаторов и расширять полномочия в субъектах Федерации. Часть полномочий, в основном по административно-хозяйственной сфере местного значения, им уже передано. Но средств на реализацию этих полномочий пока не добавлено, что дает основание для интерпретации таких мер как эфемерных. Не раз во время интервью региональные лидеры говорили нам, что на местах «теряется стимул

к инициативе», «мы не знаем результатов, куда идут полученные на наших территориях ресурсы», «нужна более открытая политика, широкое обсуждение социальных программ», «жесткая вертикаль власти сдерживает инновационные процессы, возможна стагнация». Есть опасения открыто говорить обо всем этом, поскольку лидерам сразу навешивают ярлык «сепаратизма», и этот образ и лидера, и региона, сразу транслируется на всю страну.

Приходится признать, что от отсутствия открытого обсуждения общей стратегии федеральных отношений страдают и субъекты, и вся федерация в целом.

Поиски межэтнического согласия

Социальные и политические условия формирования толерантности в российском обществе

В этом разделе обсуждаются политические и социально-экономические условия формирования толерантных установок и поведения людей, социальных групп в сфере межэтнических отношений. Основные социальные практики рассматриваются в терминах этнических полей и связаны с этносоциальным пространством, хотя предшествовавшими исследованиями практически доказано, что чаще всего толерантность в одной сфере взаимодействий коррелирует с толерантностью в других сферах.

Мы остановимся также на изменениях в ценностях и символах в обществе и этнических группах как факторах, влияющих на толерантность в этнических взаимодействиях.

Современные демократии считают устранение интолерантности одной из важных задач общественного развития. Признавая эти очевидные ориентиры, важно представить условия их реализации на каждом историческом отрезке времени.

Уже много писали о самом понятии толерантности¹. Мне остается напомнить, что толерантность – это готовность принять «других» такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе понимания и согласия. Важно обсудить ее возможность в современном российском обществе в различных сферах общественной практики.

¹ Толерантность и согласие. – М., 1997; Толерантность в общественном сознании россиян. – М., 1998; Tolerance. – Екатеринбург, 2000; *Уолцер М.* О терпимости. – М., 2000; Молодежь XXI в.: Толерантность как способ мировосприятия. – Нижний Новгород, 2000; Толерантность. – Екатеринбург, 2001. Т. 1, 2. Век толерантности. 2001. № 1, 2; *Ризрдон Б.Э.* Толерантность – дорога к миру. – М., 2001 и др.

Условия функционирования толерантности

Проблемы этничности обсуждаются во многих теориях: теории социальных изменений, межгрупповых отношений, дискриминации, этнической идентичности, ассимиляции. Различные концепции можно свести к трем подходам в понимании этнического феномена – примордиалистскому, конструктивистскому, инструменталистскому.

В варианте идеологического, мировоззренческого и ценностного содержания толерантности главными условиями ее существования на макро- и мезоуровне являются политический и социально-экономический контекст. Именно он будет в центре нашего внимания.

В августе 2001 г. российское правительство приняло Федеральную программу «Формирование толерантных установок общественного сознания и предупреждения экстремизма». Это очень ответственный и нравственный шаг Президента В.В. Путина и правительства.

Но для того, чтобы эффективно реализовать программу, надо четко представить, при каких условиях это станет возможным.

Мировоззрение и ценности ныне живущих граждан в России сформировались под влиянием противоречивого исторического наследия.

С одной стороны, идеология непримиримой классовой борьбы, диктатуры пролетариата, нетерпимости к инакомыслию («кто не с нами – тот против нас», «если враг не сдается, его уничтожают»), к индивидуализму, безусловный приоритет ценности государства, противопоставления себя другому обществу, с другой – декларирование сотрудничества: «Человек человеку – друг, товарищ и брат», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Крепнет единство народов и рас...», «Если бы парни всей земли за руки взялись однажды смогли...».

Конечно, исторический шлейф воспоминаний теперь, в начале XXI в., – достояние старшего и отчасти среднего поколения. Но в той или иной форме он остался еще в литературе, учебниках, в межпоколенной передаче информации (иначе не было бы молодежи в рядах демонстрантов-коммунистов и 30-процентной поддержки КПРФ среди старшего поколения)². Опрос 2000 г. по программе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ или RLMS)³ показывал, что 46% респондентов предпочитали демократию доперестроечного периода.

² Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 6. С. 53.

³ Мониторинг проводится Институтом социологии РАН, Исследовательским центром «Демоскоп», Институтом питания РАМН, Центром народонаселения

Конечно, это было результатом не только неоднозначного советского прошлого, но и только что пережитого десятилетия. Для распространения установок толерантного сознания оно было отнюдь не благоприятным по ряду обстоятельств. Трансформация нашего общества происходила сразу во всех сферах – духовной жизни, политической, экономической. Известный польский социолог П. Штомпка называет такую трансформацию «травматической». Изменения должны были произойти во всех сферах, а идут они в них несинхронно, не совпадая по масштабам и глубине. Как социологи, мы знаем, что в таком состоянии для общества бывает характерна высокая энтропия, дезорганизация, дезинтеграция. Что и было в нашем обществе, оставляя мало места для толерантности и согласия.

Кризис в экономике, нестабильность, рост безработицы вели к социальной напряженности, страхам, росту преступности. Большие группы людей теряли привычный статус, образ жизни, должны были находить новую самоидентификацию, которая воспринималась и неопределенно, и нестабильно. В таких условиях происходит взаимоусиление интолерантности в разных сферах и проявлениях.

Приведу только один пример. По данным уже упомянутого мониторинга RLMS, материалы которого любезно предоставили исследователи, в 1998 г. (после дефолта) оценка возможности межпоколенной толерантности снизилась по сравнению с 1996 г. и по группам с разным уровнем образования, и по возрастным на 4–7 пунктов, одновременно также снизилась оценка возможности толерантности между богатыми и бедными.

Наши исследования в сфере межэтнических отношений, которые мы проводили в 1997 г. по проекту «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» и в 1999 г. (после дефолта) по проекту «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России», тоже одновременно фиксировали снижение уровня толерантности (в Саха-Якутии, Татарстане, Оренбургской области) по этническим группам на 5–7 пунктов.

Естественно, усиливающаяся социальная дифференциация в обществе, дезорганизация в центре и элементы анархии на местах, хотя нередко они могли быть результатом борьбы за выживание, усиливали интолерантные установки. Среди бедных на протяжении 1994–

Университета Северной Каролины (США). Мониторинг осуществляется с 1994 г., он имел 5 волн, опросы охватывают 13 тыс. чел. в 38 регионах страны. О выборке см.: *Сваффорд М., Косолапов М.С., Козырева П.М.* // Мир России. 1999. № 3. С. 153–172.

2000 г. доля тех, кто оценивает возможность толерантных отношений между ними и богатыми, была в 5 раз меньше⁴.

Таким образом, мы имели не только очень непростое наследие, но и сложное настоящее для утверждения толерантности в обществе.

Есть и важные позитивные условия. Прежде всего, хотя демократизация в том виде, в каком она реализовывалась в 1990-е гг., и вызывает у значительных слоев общества чувство неудовлетворенности, все же реально демократический транзит произошел. Общество стало идеологически и политически плюральным. Данные опросов ВЦИОМ показывают достаточно высокое разнообразие групп по политическим симпатиям. Отвечая на вопрос: «Какие из существующих ныне партий и объединений в наибольшей мере выражают интересы таких людей, как Вы?», в середине 2003 г. 27,6% ответили, что ни одна партия не выражает их интересы, 20% затруднились ответить, 8% назвали КПРФ (Зюганов), 8% – «Единство» (Шойгу), 8% – «Яблоко» (Явлинский), 8% – ЛДПР (Жириновский), 3,2% – «Союз правых сил» (Немцов, Хакамада)⁵.

Экономический плюрализм тоже очевиден, и отношение к курсу реформ с осени 1999 г. стало улучшаться⁶.

Устойчивое отторжение людей от государства (непопулярность государственных институтов, лидеров) было поколеблено. С 2000 г. уровень доверия к представительным органам власти по-прежнему очень невелик – 10–11%; правительству – 22%, суду, милиции – 12–14%, но армии – уже 33%. Новым стало доверие Президенту России – 75% в 2001 г., 78% в ноябре 2003 г.⁷. Как известно, интеграция толерантного сознания в либеральном обществе, важно, чтобы оно формировалось таким на институциональном уровне и в глазах гражданского общества. Если считать 2001 г. неким рубежом, когда государство принятием специальной Программы признает толерантность общественной ценностью, то надо постараться оценить, в каком направлении двигаться дальше.

Важнейшим условием формирования толерантных установок и поведения в обществе является государственное и общественное устройство, обеспечивающее согласие между группами с разными интересами и повседневным поведением.

⁴ Данные мониторинга RLMS во всех пяти волнах опросов.

⁵ Мониторинг общественного мнения. 2003. № 4. С. 114.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Общественное мнение. 2002. Ежегодник. – М., 2002. С. 51; Общественное мнение. 2003. Ежегодник. – М., 2003. С. 14.

Российская Конституция 1993 г. соответствует международным правовым нормам, демократическим принципам и дает основания для политической, межэтнической, конфессиональной толерантности. Так, в ней говорится о недопустимости межрелигиозной, межнациональной розни, сохранении языка и культуры народов, самоопределении. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит статьи, предусматривающие наказание за разжигание межнациональной и межрелигиозной розни, а также за оскорбление национальной чести и достоинства. Правда, в судебной практике эти формулировки, как правило, требовали уточнений. Ведь и судьи, и прокуроры, и судебные заседатели учились в наших учебных заведениях и в этнонациональной сфере часто мыслят категориями повседневных стереотипов.

Именно для этой когорты служащих, специализирующихся на борьбе с нарушениями прав человека, касающихся национального достоинства, и с экстремизмом, следует организовать специальную дополнительную профессиональную подготовку, а в юридических вузах и учебных заведениях МВД давать знания, необходимые для осуществления профессиональных функций в многокультурной среде.

Государство же обязано применять необходимые методы для защиты человека от нарушителей общественного порядка. К сожалению, скинхеды (бритоголовые) не находят противодействия в своих индивидуальных или групповых действиях, пока не устроят погромы на рынках, так же, как московская девушка, может не найти защиты у стражей правопорядка, когда к ней неуважительно относится кавказец. Между тем только силовые структуры государства имеют право применять силу к разжигающим межэтническую, межрасовую рознь. Известную роль, видимо, сыграет принятый федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности».

Роль государства в поддержании толерантности, конечно, не исчерпывается обеспечением порядка.

Изучение насилия, непримиримости на постсоветском пространстве подтверждает вывод исследователей (А. Feldman – 1991 г., S. Harrison – 1993, 1996 гг.) о том, что данное явление может быть понято только как многофакторное. Для развития этноконфликтных ситуаций, особенно в насильственной форме, кроме чаще всего обсуждаемых – борьбы за ресурсы, за власть со стороны элитных групп – имеет и имело значение то обстоятельство, что они происходят в системе, доставшейся нам от прошлого, не знающей правовых, конвенциональных механизмов регулирования столкновения интересов. Для этого нет ни достаточного законодательного основания, ни соответствующих судебных органов, ни опыта гражданского общества.

Государство, неспособное гарантировать защиту прав меньшинств и социальный порядок в целом, не воспринимается как справедливая, надэтническая сила, пользующаяся доверием граждан. Тоска по этой силе обеспечивала рейтинг В.В. Путину, но не распространялась на государственную систему.

Поэтому на постсоветском пространстве особую роль играет наличие в республиках, областях у этнических групп образованной, в том числе имеющей международный опыт, и потому ответственной элиты, готовой к переговорному процессу и компромиссам (это имело место в Татарстане в отличие, например, от Чечни).

Приходится обратить внимание на то, что формы поддержания социального порядка, к которым сейчас стремится администрация Президента, тоже не лишена печати советского прошлого. Это проявляется в стремлении к универсальности властно-силовых отношений со всеми социальными, хозяйственными и этническими структурами. В таких условиях автономные структуры, присущие демократическим системам, либо исчезают, либо существуют как приспособляющиеся к централизованному, практически унифицированному политпространству.

Анализ выстраивания «жесткой вертикали» и подхода к этапу «большой реформы» показывает, что политические шансы «большого бизнеса» балансируют, а территориальных властителей (президентов, губернаторов) – снижаются⁸.

Реформа федеративных отношений перешла к этапу разграничения полномочий и предметов ведения между Центром и регионами, основная цель которого – выработка эффективного механизма ответственности за выполнение функций, возложенных на бюрократию различных уровней. Это увязывается с реформой межбюджетных отношений и допущением временного ограничения налогово-бюджетных полномочий регионов и возможности «внешнего управления», а значит, и отстранения от власти региональных руководителей.

Региональными элитами эти шаги расцениваются как решение уйти от договорно-конституционной формы федерализма и способ нивелирования региональных социально-экономических различий и этнонациональных особенностей развития. Слабые и зависимые регионы сами готовы отказаться от договоров. Противостоят Центру в этом отношении прежде всего сильные регионы-доноры, такие как Татарстан, Башкортостан. Их аргумент – становится невыгодным

⁸ Бабаева С. Они больше не будут // Известия. 2001. 11 октября.

расширять производство. При прежней системе к 2000 г. в стране было в два раза больше территорий-доноров. Даже активный сторонник президентских реформ Прусак говорит о малой реальности со стороны губернаторов удерживать при новой системе регулярные выплаты заработной платы на местах. Удастся ли сохранить консенсус в этой ситуации? Как противоречия отразятся на отношении в республиках к Центру, к русским, на которых распространяется ответственность за действия Москвы?

Можно ожидать, что в результате реализации федеративной реформы «асимметричная» федерация дополнится «многоуровневой». Верхний уровень займут субъекты-доноры, а нижний – претенденты на «внешнее управление».

Кроме того, разноразноуровневость дополняется сейчас системой пересекающихся юрисдикций (несовпадающие судебные, арбитражные и военные округа надстраиваются над регионами), ограничивающей власть региональных политических элит. Усиливают контроль над региональными, территориальными структурами федеральные ведомства – Минфин, Прокуратура, Минюст, МВД, ФСНП, Центризбирком, властвование которого проявилось в Саха (Якутии), Башкортостане. Система патерналистских отношений не ушла. Она практически может усиливаться, ибо никакого противовеса ей (контроля за действиями федеральных структур) нет. Но она явно не может быть прочной и потребует корректировки, ибо вступит в противоречие с общемировым процессом демократизации и глобализации, частью которой является, наряду с усиливающейся экономической интеграцией, передача функций на места.

Таким образом, если политического единообразия проще добиться, пока не сформировались новые классовые солидарности, то унифицировать управление регионами при сохранении демократических тенденций будет намного труднее, ибо этот процесс противоречит и общему развитию в условиях глобализации. Дисбаланс согласия на мезоуровне неблагоприятно скажется на межгрупповой толерантности в более широком плане и на межэтнической в частности.

Но в сегодняшней нашей аудитории, ориентированной на развитие гражданского общества, важно обсудить вопрос о роли публичной сферы для межэтнической толерантности и самой публичной сферы в области межэтнических взаимодействий. Здесь вырисовываются как бы два поля. Это – взаимодействие власти и публичной сферы и самих непосредственных действий в межгрупповых отношениях, т. е. как складывается отношение к этническим группам.

Безусловно, важна публичная сфера, в которой обсуждаются действия Центра и региональных властей. В связи с тем, что идут согласования законодательного поля, приведение республиканских конституций и законов в соответствии с законами и Конституцией РФ, интересно было наблюдать, каким способом эти отклонения сейчас устраняются. Закон не всегда является очевидным регулятором отношений. Например, в Конституции РФ есть позиция о том, что отношения между федеральным центром и республиками могут регулироваться и договорами. Это 5-я позиция 11-й статьи. Она была принята, конечно, в условиях согласования интересов федерального центра с республиками тогда, когда ни Татарстан, ни Чечня не подписывали федеративный договор, и позиция о договорах была результатом компромисса. Но факт, что эта позиция есть в Конституции РФ и сейчас.

Так вот останется ли договор в Конституции Татарстана – всецело было результатом переговоров лидеров республик и администрации Президента, или даже прямых переговоров М.Ш. Шаймиева с Президентом РФ. Если договорятся М.Ш. Шаймиев с В.В. Путиным, то останется позиция о том, что Республика Татарстан объединена с Российской Федерацией на основе Конституции и договора, если нет – этой позиции не будет. Опять не закон регулировал правовое поле, а патрон-клиентные отношения – переговорный процесс.

Таким образом, роль элитных команд у нас чрезвычайно велика. И именно на них мы можем возлагать какие-то надежды и в регулировании толерантности в публичной сфере. Что они говорят, как они говорят, в какой мере они выражают интересы групп и в какой свои личные интересы – это остается предметом внимания в публичной политике.

В ходе реализации проекта мы отслеживали эту публичную сферу в Центре и республиках через прессу. С точки зрения толерантности-интолерантности немало зависит от употребления тех или иных терминов. Они часто касаются очень тонких моментов. Например, в центральной прессе чаще пишут Татария, Башкирия, особенно те, кто настроен больше централизаторски или заботятся о чистоте русского языка. Между тем, в Конституции РФ 1993 г. записаны эти республики как Башкортостан и Татарстан, т. е. живущие в республиках имеют право по Конституции РФ себя так называть. И они в своей прессе используют эти термины, а употребляемые в центральной прессе нередко воспринимают как ущемляющие.

Как это интерпретировать? Существование обоих терминов следует, на наш взгляд, рассматривать как проявление толерантности

в публичной сфере. Но надо сказать, что эта толерантная площадка практически все время сужается. И мы являемся свидетелями этого процесса.

В результате в публичной сфере в республиках существует образ «другого», образ если не врага, то во всяком случае противостоящего. Он фокусируется вокруг, во-первых, власти в федеральном Центре и, во-вторых, в отношении доминирующего народа. И с другой стороны, в центре России пресса формирует образ «других» вокруг республик, причем не только властей республик или областей, но и в целом республик, регионов.

Для регулирования этого публичного пространства интересны и применимы концепции, о которых писал Джон Ролс в отношении справедливости, потому что в этой теории есть положения о плюрализме. И сохранение, а скорее принятие, плюрального пространства в публичной сфере этнического поля необходимо для толерантности в таком регионально и этнически разнообразном государстве, как наше.

К тому же мы живем сейчас в такой ситуации, когда в стране различные виды оппозиций минимизируются. Партии становятся более едиными. В парламенте мы тоже видим, что происходит увеличение единообразия. Партии, которые выражают интересы социальных групп, не сформированы. Отсюда, какой-то оппозиционной силой, которая необходима для развития, могут оставаться территории, территориальные объединения людей, где они реально могут защищать свои интересы—интересы выживания, интересы развития.

Поэтому и в публичной сфере акцент важно было бы откорректировать. Не рационально представлять регионы только «феодалными владениями», именовать их руководителей «баронами». Не будем забывать, что трансформация в стране зависит не только от реформаторов в Центре, а также от людей в регионах, в том числе от их лидеров.

На уровне регионов интолерантность стимулируется социальными противоречиями. Что касается сферы межэтнических отношений, то, конечно, на них будут влиять реальные и представляемые неравенства. Они проявляются сейчас в двух вариантах: 1) неравное участие во власти, которое больше осознают русские в республиках (назначение на руководящую должность по национальному признаку по опросам на ноябрь 2000 г. отмечали 77% русских и 40% татар в Республике Татарстан); 2) ущемление национального достоинства, чаще ощущаемое титульными национальностями (так, неуважение к традициям, языку народа отмечали 30% татар и 10% русских в РТ).

В то же время наблюдаются разнонаправленные этнические неравенства в социальных группах. Так, в Саха (Якутии) среди адми-

нистративной, художественной и гуманитарной интеллигенции больше представлены якуты, а в среде производственной интеллигенции, частично бизнес-элите, среде квалифицированных рабочих больше представительство русских. У каждой этнической группы в такой ситуации создается свое представление о достоинствах и ущемленности группы. Поддерживать толерантные отношения в этой республике сложнее, хотя там все время идеологически постулируется, что в условиях Севера сама природа диктует толерантность как норму общения.

Межличностная этническая интолерантность существенно различается в пространственном измерении. В наибольшей мере она фиксируется в больших городах, на территориях высокого притока инонационального населения (Краснодарский край, Ставрополье, Ростовская область, Оренбуржье), в зонах насильственных конфликтов и постконфликтных ситуаций (Северный Кавказ, Тува).

На территориях более-менее благоприятных межэтнических отношений тревожным является ощущение интолерантности в группах учащейся молодежи. Так, в Татарстане с отрицательным отношением к людям по национальности респондента сталкивалась половина учащейся молодежи (среди предпринимателей – 29%, рабочих и ИТР – 17%). Именно эта группа чаще всего сталкивалась с неприязненными высказываниями о людях их национальности (среди учащихся 39%, среди рабочих – 20%, предпринимателей – 29%)⁹.

Учитывая такие реалии, нам представляется важным рассматривать интолерантность не только в категориях фрустрации–агрессии и личностных особенностей, но дополнить эти подходы концептом растущих социальных ожиданий и конкурентных отношений на фоне политической изменчивости и экономической нестабильности.

Эти социальные закономерности мы изменить не способны, но можем как раз использовать публичную сферу, чтобы объяснить их населению, дать реальные оценки и ориентиры. В этом отношении ответственность ученых, публицистов перед обществом особенно велика. Пока мы знаем о существовании фонда «Панорама» в Москве и некоторых журналов, ориентированных на мобилизацию ответственности против экстремизма, интолерантности. Но важно расширить просветительскую работу через радио, телевидение, массовую прессу, учебные заведения.

⁹ Данные опросов на ноябрь 2000 г. Исследовательского Центра под руководством Г.А. Исаева в РТ.

Ценности и символы в контексте формирования толерантного поля межэтнических взаимодействий

В этом разделе мы остановимся на изменениях в ценностях и символах этнического самосознания и рассмотрим, как этот процесс влияет на толерантность в сфере межэтнических взаимодействий.

Этнический фактор претерпел существенные изменения в Российской Федерации в сравнении с той ролью, которую он играл в Советском Союзе, где русские были самым большим по численности и доминирующим в общественно-политической жизни народом, но другие этносы являлись не просто значительными по демографическому и социальноэкономическому потенциалу, но и составляли вместе половину населения страны. Ни одно серьезное преобразование нельзя было осуществить, не учитывая громадного этнического многообразия страны.

Не сразу, но довольно быстро, чуть более чем за год (1992 – начало 1993 гг.) политики в России осознали, что живем мы теперь в другой стране с доминированием одной этнической общности. И поскольку в недавнем прошлом, а в какой-то мере и теперь, с этническим фактором были связаны конфликты и унижения, многим хочется, как можно скорее «забыть» о нем совсем или, по меньшей мере, просчитав «на один-два хода», сбросив со счета (иноэтническое население составляет всего 17%), идти дальше. Но стремиться однозначно использовать ситуацию – отнюдь не признак политической дальновидности. Ведь именно сейчас создаются прецеденты и стандарты общения, которые на многие годы войдут в историческую память народов.

По меньшей мере, три обстоятельства важно было бы учесть, исходя из интересов не только сегодняшнего дня, но и будущего:

1. Этнический фактор в России – это не только положение нерусского населения, проблемы включенности его в модернизационные процессы, его роль в социальной и политической жизни страны, взаимоотношения с ним доминирующего этноса, но и самосознание и менталитет самого большого по численности народа – русских. От их ценностных ориентаций, стандартов поведения и установок, в том числе межэтнических, серьезнейшим образом зависит характер неизбежной трансформации общества.

В менталитете русского народа сохраняется представление о России как о многонациональной державе. Нерациональным было бы их менять. Ведь 17% иноэтнического населения – не такая малая величина: 27 млн чел. Это более чем 5 млн татарского населения, более чем миллионное чувашское, башкирское, мордовское население.

Народы эти в представлении большинства русских «нашенские». **Они должны оставаться с нами не потому, что им «некуда деться», а поскольку им с нами лучше.** Для этого сейчас нельзя делать шагов, которые позволили бы им в будущем с недоверием относиться к высказываниям о гуманности русского народа.

На территории проживания многих народов сосредоточены важнейшие для России природные ресурсы. Поэтому в экономических преобразованиях придется учитывать этнический фактор.

Наконец, тенденция развития не исключает того, что в ряде регионов развалившийся Союз может быть реанимирован в новых формах. В связи с этим поле этнического разнообразия будет снова расширяться, а значит не только в политической, но и в экономической, духовной сферах взаимоотношение народов снова станет актуальной проблемой.

Следовательно, не только с научной, гуманитарной, но и политической точки зрения важно углубить наши представления об этничности, тем более что база ее изучения (факты, события, формы проявления и т. д.) чрезвычайно расширилась за последние годы и нуждается в обобщении, а сама она динамична и диффузна.

Этничность мы понимали широко. Это не только этническая идентичность, этническое самосознание людей, но и реальное следование специфическим формам поведения, особенностям в видении и восприятии мира, в жизненных ориентациях.

Одним из элементов этничности являются ценности и символы, которые разделяются людьми. В конструктивистской концепции этнические ориентации, представления, ценности – результат интеллектуальных усилий «профессионалов представлений – писателей, ученых, политиков»¹⁰.

Однако в силу самого предмета изучения все, кто занимался ценностями и символами в этносоциологическом, этнопсихологическом аспекте, интуитивно понимали значимость конструктивистской концепции задолго до того, как ее стали обсуждать в этнологии. В первой же монографии «Социальное и национальное» был выделен специальный раздел (пусть сейчас, с высоты нашего теперешнего видения, и фрагментарный) о влиянии на умонастроения средств пропаганды¹¹.

¹⁰ Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации: Доклад на заседании Президиума Российской академии наук, 23 февраля 1993 г. – М., 1993. С. 5, 7.

¹¹ Социальное и национальное. – М., 1972. С. 302–310.

Не случайно первые же встречи и обсуждения проблем этничности, национализма с Э. Геллнером в конце 1970-х – начале 80-х гг. на конференциях в Бургвартенштайне (Австрия), Таллинне и Москве выявили очень многие общие подходы к пониманию этнического феномена, роли интеллигенции, средств массовой информации, системы образования в формировании этничности и национализма (не «в оценочном» понимании), этнического взаимопонимания и согласия.

Однако до того, как конкретизировать свой подход к пониманию ценностей и символов в этническом феномене, мы прежде всего солидаризируемся с теми, кто считает, что «обстоятельный анализ требует интеграции всех подходов»¹², в том числе интерпретационного, деятельностного.

Теоретическим представлениям этнических ценностей и символов, разработанным в западной литературе, посвящено немало работ. В отечественной науке специальных исследований ценностей и символов этносоциологического, этнопсихологического характера нет. Однако при изучении культуры народов, этнографии общения, символических элементов одежды, знаков ритуального поведения этнографами сделаны существенные наблюдения¹³. В этносоциологических исследованиях система ценностей рассматривалась как одна из важнейших характеристик нормативной культуры народов¹⁴.

Важно обсудить ценности и символы в ракурсе этнического самосознания, т. е. не только с этносоциологической, но и этнопсихологической точки зрения. Они понимаются в самом широком смысле как значимость явлений и предметов реальной действительности, главным образом, в функции социально-нормативных регуляторов поведения людей, как коллективные представления, имеющие личностный смысл, очень важный для формирования культуры толерантности.

С точки зрения концептуального подхода к этническому феномену в целом мы считаем важным подчеркнуть, что ценности и символы, пожалуй, более чем какой-либо другой элемент этничности являются «конструктами» разного уровня – глубинной, личностной и актуализированной, идеологизированной значимости.

¹² *Crowford Y.* Comparative Reflections on Ethnic Conflict. UNRISD Workshop on Ethnic Conflict and Development. Dubrovnik, 1991, 3–6 June. P. 8; *Тишков В.А.* Межнациональные отношения в Российской Федерации. – М., 1993. С. 5.

¹³ *Бгажноков Д.Х.* Очерки этнографии общения. – Нальчик, 1983.; *Басилов В.Д.* Избранные духа. – М., 1989.

¹⁴ Социально-культурный облик советских наций. – М., 1992.

Личностные, глубинные, ценностные структуры, в соответствии с которыми люди конкретной этнической общности в той или иной мере строят свое повседневное поведение, как бы входят в ментальность народа. Это, отнюдь, не только какие-то чисто специфические ценности, присущие этносу – они, как правило, носят общечеловеческий характер, например, семья, работа, здоровье, личные достижения, успех, безопасность, гуманность, спокойствие или активность. Но при этом значимость этих ценностей, очередность их звучания в самосознании народа носит этническую специфику и окраску. Они усваиваются в процессе социализации личности начиная с семьи, родственников, друзей, т. е. прежде всего в среде непосредственного окружения, и понимание этих особенностей очень важно для формирования толерантных установок межэтнического общения.

Другой характер имеют ценности общественные: Родина, свобода, язык народа, факты исторической памяти и т. д., которые тоже интериоризируются личностью, но степень включенности в них зависит от того, насколько идеологизировано общество.

И те и другие – конструкты, формируемые общением, но первые более стабильны, вторые – идеологизированные, как правило, более ситуативны и в разной мере актуализированы в зависимости от обстоятельств. Они в неизмеримо большей степени находятся под влиянием социальной инженерии, являются результатом деятельности интеллектуальных элит, политических деятелей.

В американской социальной антропологии есть целое направление, изучающее ценности в системе и соотношении с ключевыми символами, выделяющее «базовые структуры», «идеологические принципы», которые эти ключевые символы отражают¹⁵. В работах Е. Альберта, С. Дю Боса, А. Коэна, С. Тернера мы находим не только теоретические подходы, но конкретно-исторические примеры рассмотрения культур через призму символов и ценностей. В ходе дискуссий на симпозиумах российских и американских исследователей по проблемам этничности, организованных в 1984–1989 гг. при поддержке Айрекса, была сделана попытка сопоставить ход и направление этнических процессов, используя результаты кросскультурных исследований в СССР, США, Африке, Европе. Анализ скользящей системы базовых ценностей и их идеологизированных конструктов учеными, работавшими на разном материале, позволял делать общие прогнозы. С. Тернер и А. Коэн фиксировали уже в 1984–1985 гг., что даже в США при их уровне унифицирующей технизации, при отсут-

¹⁵ Geertz C. The Interpretation of Cultures. – N.Y., 1973; Du Bois C. The Dominant Value Profile of American Culture. 1955. Vol. 57. № 6.

ствии соединения этничности с государственностью «плавильный котел» не стал реальностью, и мультиэтническое общество скорее можно определить как «салат», самостоятельный вкус составляющих которого сохраняется именно за счет вариаций систем ценностей.

Ученые из СССР, участвовавшие в дискуссиях и работавшие на материале советских наций (Ю. Арутюнян, Ю. Бромлей, М. Губогло, Л. Дробижева, В. Евтух, В. Козлов), констатировали относительно устойчивое сохранение пласта этнически окрашенных личностных ценностей и элементов этничности и, одновременно, существенно интегрированных идеологизированных общественных ценностей и символов (типа «борьба за мир», «укрепление обороноспособности», «моральное здоровье молодежи»). Еще тогда мы обращали внимание на роль мощного аппарата пропаганды, в том числе работавшего через средства массовой информации, «задающего» ценности и контролировавшего поведение людей через систему директирующих нормативных символов («дружба народов», «взаимопомощь», «интернационализм» и т. д.). Тогда толерантность в значительной мере была декретированной нормой.

Теперь, после опыта последних лет, совершенно отчетливо видно, что тогда мы фиксировали процесс в мало динамичной ситуации. Перестроечный и постперестроечный периоды продемонстрировали многообразие этнической мобилизации, в ходе которой чрезвычайно активно реанимировались или создавались новые ценности и символы, этнической элитой конструировались целые блоки идеологизированных ориентиров, метафор, актуализированных ценностей.

С научной и практической точки зрения интересно проанализировать, почему именно те или иные ценности и символы включались в систему, с чем было связано их массовое распространение, как конструирование систем зависело от состава элитных групп, задающих ее, насколько это конструирование нацелено было на распределение и удержание власти и подчинено инструментальным целям, почему та или иная система ценностей возбуждала чувства и стимулировала деятельность, какие факторы и события приводили к появлению в массовом сознании актуализированных ценностей. Прежде чем перейти к некоторым наблюдениям относительно функционирования ценностей и символов в этническом самосознании народов в условиях трансформации общества, сделаем еще некоторые предварительные замечания.

В американской социальной антропологии в системе ценностей выделяются те, что связаны с общими представлениями о мире, месте человека в нем, о предназначении человека – смысле жизни (так

называемые «ценностные допущения»), доминантные ценности или, так называемые, ядра, именуемые еще «ключевыми символами», в которые обычно включаются общечеловеческие ценности – здоровье, работа, семья, знания и т. п., но в таком сочетании их по значимости, которые отличают народы в современном мире. Выделяются также ценности, связанные с определенными нравственными нормами, моралью (ценности–запреты, предписания), включающие определенные одобряемые черты личного поведения (преданность, коллективизм) и вообще какие-то характеристики личности.

Во всех ценностях психологи видят когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы.

Выделение систем ценностей для изучения культур имеет свое методологическое значение, для наших же задач изучения этого феномена в условиях общественно-политической трансформации целесообразно:

- Выделить: а) ценности, задаваемые официальной идеологией, б) альтернативные идеологизированные ценности, выдвигаемые оппозиционными группами интеллигенции (диссидентами, лидерами национальных движений, ассоциаций) и в) ценности, регулирующие реальное повседневное поведение людей.

Типичный пример начала «перестройки»: официальная идеология в Центре и республиках декларировала ценность двуязычия – «два крыла в полете». Одновременно оппозиционная интеллигенция, ратовавшая за национальный язык как важнейшую ценность народа повсеместно от Эстонии, Латвии, Молдовы до Якутии, Тувы, ориентировала население на изучение и употребление своего языка – «без языка нет народа». Но в то же время, нормативная ценность повседневного поведения диктовала: относиться к языку по потребности. Поэтому в разгар пропаганды за восстановление белорусского языка в конце 80-х – начале 90-х гг. в школы с белорусским языком обучения даже в Минске, где декларирование этой ценности было наиболее интенсивно, записалось немногим больше 4 сотен детей, а пришло учиться еще меньше.

- Учитывать, что ценности, реально регулирующие поведение, могут существенно расходиться с декларируемыми.

Эти различия легко понять на таком примере. В советскую эпоху ценность образования была очень велика по всей стране. В культуре народов, отстававших в прошлом, в 70-е – 80-е гг. она была особенно значимой. Именно в эти годы многие народы сделали самый существенный рывок в этом отношении. Особенно заметным он был у казахов, киргизов, бурят, калмыков. Казахи по доле лиц с высшим

образованием вошли в число 9 титульных этносов союзных республик, которые почти выровнялись с наиболее урбанизированными народами. У бурят, калмыков за эти годы доля специалистов с высшим образованием в республиках стала, как мы уже писали выше, в 2 раза больше, чем у русских. В связи с этим официальный престиж учителя, ученого был высок, а образованность воспринималась как эталон цивилизованной нации.

Однако конкурсы в вузы были самыми большими не в педагогических вузах, а в торговых училищах и вузах, готовящих работников сферы торговли, экономистов.

Можно вспомнить и о модификации такой всеми признаваемой этнонациональной ценности как историческое прошлое.

Отношение к историческому прошлому было и остается важным индикатором этнической идентичности. По результатам опросов этносоциологов Института этнологии и антропологии РАН среди русских РСФСР, грузин, узбеков в 80-е гг. этот фактор был на 3–4 месте. По данным опросов ВЦИОМ, среди русских около 30%, а грузин, армян, азербайджанцев 42–53% связывали мысли о своем народе именно с историческим прошлым¹⁶.

Понятно, что оценка важных для людей той или иной национальности событий «другими» может серьезно влиять на толерантность в общении.

В СССР официальная идеология формировала установки на революционное прошлое, ценность событий революционной значимости. На это была ориентирована вся система образования, пропаганды, и как идеологизированная ценность она принималась. Достаточно вспомнить массовые демонстрации в дни революционных праздников и национальные вариации в оформлении и традициях их проведения.

Но когда молодежь, людей среднего возраста и пожилых спрашивали о предпочитаемых праздниках – свыше 80% молодежи в возрасте до 20 лет, более 70% 30–39-летних и 79% лиц в возрасте 60 лет и старше называли Новый год¹⁷.

А что касается исторического прошлого, то оно тоже больше связывалось не с революционными событиями. Об этом можно судить по ответам респондентов на вопрос о наиболее выдающихся людях всех времен и народов.

На первом месте опрошенные в разных районах СССР называли В.И. Ленина как государственного деятеля. Но деятели революции –

¹⁶ Советский простой человек. – М., 1993. С. 133.

¹⁷ Там же. С. 247.

Киров, Фрунзе, Котовский, Свердлов шли, соответственно, на 50-м, 71-м, 104-м и 112-м местах, в то время как Петр I, А. Невский – на 3-м и 45-м.

• Интереснейший вопрос: какие же ценности удерживает сознание, регулируя поведение людей более устойчиво, менее ситуативно? Играет ли роль в этом этнический фактор? Период трансформации в общественных отношениях – благодатное время для изучения этого процесса.

В начале трансформации или перестройки, как тогда говорили, доминировала идеология разрушения. Вся предшествовавшая идеология рассматривалась как предмет критики. Это касалось всех сфер жизни общества, в том числе и этнонациональной. Но тогда мало кто размышлял о том, что сама эта официальная идеология была многослойной и содержала в себе разные ценности, включая те, которые характерны для современного цивилизованного общества, и декларировала такие из них, как свобода, ценность человеческой жизни и, в том числе, дружба народов, «человек человеку друг, товарищ и брат», немало интеллектуальных, гуманистических ценностей – творческий труд, служение народу, Отечеству – т. е. таких, которые опирались на вековую культуру народов. Кроме того, немало морально-нравственных ценностей, которые исторически были присущи народам, поддерживались официальным общественным мнением. Например, русской «деревенской прозой» культивировались ценности сохранения традиций, чистоты человеческих отношений, семьи и т. д., у народов Кавказа и Средней Азии – уважение к старшим, поддержка родственников и т. п. Время от времени их пытались объявить архаическими, но они пропагандировались определенными кругами общественности, авторитетами (Д. Лихачев, В. Овечкин, Р. Гамзатов, Ч. Айтматов) и, когда нужно, к ним обращались даже государственные и общественные деятели для установления взаимопонимания.

Вот эти-то ценности разрушительной идеологической атаке не поддались и в измененном виде «перекочевали» в постперестроечное пространство. Ценность семьи по-прежнему по всем опросам Отдела этносоциологии ИЭА РАН и ВЦИОМ удерживала первое место, и это характерно как для русских, так и для других народов; к идее справедливости как ценности русского, российских народов возвращаются все время, трансформируя ее к «каждому по заслугам»; служение Отечеству трансформируется в государственническую идеологию. Повысилась значимость ценности «достойного места своего народа», территории. Иначе, как можно оценить ре-

зультаты опроса ВЦИОМ относительно Севастополя в Российской Федерации, когда 75–80% респондентов ответили, что это город российский.

Итак, многие ценности, которые сейчас выдержали проверку на прочность, это – ценности, сохранившиеся от прошлого дореволюционного, или те, что просто привычные. Ситуация напоминает ту, когда в начале XX в. люди предпочитали садиться в машины, напоминавшие им кареты.

Другое наблюдение, которое подтверждается результатами опросов: сохраняются и распространяются, особенно среди молодежи, те ценности, которые не артикулировались, но существовали. Делать деньги считалось капиталистической ценностью, и в наших анкетах, чтобы они были «проходимы», включалась ценность «жить в достатке». Подчинять свою жизнь достижению личного успеха тоже было непоощряемой ценностью, но реально люди знали, что «надо говорить» и что делать. При этом в соответствии с традициями эстонцы, например, не считали зазорным поставить ценность «жить в достатке» среди жизненных ориентиров и «оплату труда» среди факторов удовлетворенности работой в число первостепенных, а у русских, молдаван они отступали тогда при опросах на вторые роли¹⁸.

Но при этом многое прочитывалось между строк. Если, например, мы получали данные по узбекам, что «интеллигентские», условно говоря, ценности: «творчество», «интересная работа» шли на третьем месте, а «материальный достаток» – на втором, то ясно было, что это реальная, недекларируемая система ценностей.

Теперь эти ценности открыто называются регулирующими поведение («личный успех», «делать деньги», «не упускать своего»). В системе жизненных ценностей «достаток», судя по нашим опросам в Москве, уже в 1992 г. у русских вышел на 2-е место после семьи, опередив и «интересную работу», и «спокойную жизнь», и «условия для творчества». И по опросам 2000-го и 2002 гг. Центра этносоциологии Института Социологии РАН тоже удерживает второе место (последний опрос проведен в рамках РМЭЗ–RMS). А общая ценностная ориентация, естественно, способствует взаимопониманию и толерантности в межэтнических контактах.

• Следующий важный для нас вопрос – почему те или другие ценности становятся фетишем, декларируются и тиражируются элитными группами в условиях трансформации общества. При спокойном эволюционном развитии было ясно: приправительственные элитные

¹⁸ Социально-культурный облик советских наций. – М., 1986. С. 240.

группы помогали создавать те ценности, которые служили укреплению государства и государственной идеологии. Так бывает во всех странах, было и у нас. «Союз нерушимый... сплотила навеки великая Русь», «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» – ценность единой, сплоченной страны, не только декларировалась, но и воспринималась большинством населения и как общегосударственная, и как важная для каждого народа. Идеологи искали и находили ценности, поддерживающие государство, способные стать массовыми: «советский народ», «в дружбе наша сила». Искусство состояло в том, чтобы найти такие ценности, которые были бы не отторгаемы людьми. И если теперь присмотреться, большинство из них имели в подоснове своей ценности, способные лично восприниматься на основе тех ядер ценностей и символов, которые есть в каждой культуре. Это и способствовало взаимопониманию в обществе. Не случайно теперь исследователи и политики ищут ценности, которые воспринимались бы без отторжения как основа российскости.

Гуманитарная интеллигенция всегда неоднородна, и часть ее была готова тиражировать все, что одобряется «верхом», другая жила идеями гуманизации общества или просто личного достоинства и по мере возможности продвигала ценности равенства, толерантности: «когда я говорю Россия, то не позволит мне душа задеть хоть кем-нибудь грузина, еврея или латыша» (Е. Евтушенко).

В начале политических и социальных изменений конца 1980-х гг. появились иллюзии «рациональной социальной реконструкции», «просвещенной правящей элиты», «востребованности науки». Они сыграли свою роль в возбуждении умов, хотя иллюзорность построенных мифов становилась со временем все очевидней. Однако на первом этапе все хотели скорее воспользоваться «гласностью». Мы пережили, несомненно, поучительный период, который позволяет приоткрыть завесу механизма того, как и почему избираются ценности для овладения умами и настроениями масс.

Одной из первых практически каждой национальной элитой была выдвинута ценность выживания – экологической безопасности. О спасении Байкала, нерациональности переброски сибирских рек, истреблении природы говорили с самого начала В. Распутин, В. Белов и другие лидеры русского национального движения. В Армении общественные движения начали с мобилизации общественного мнения против атомной электростанции под Ереваном, в Латвии тоже начали возбуждение национальных чувств с требования закрытия атомной электростанции. В Казахстане движение «Невада» объ-

единыло людей против использования территории для военного полигона, наносящего вред здоровью людей. В Молдавии один из самых пагубных ущербов, который осознавался и обсуждался лидерами национального движения, виделся в бездумном отношении к земле, в химизации и уничтожении виноградников. В Якутии речь идет об ущербе от подземных ядерных взрывов, губительном отношении к природе.

Ответ на вопрос – почему именно ценность экологической безопасности выдвинута первой или одной из первых – может быть найден в том, что ценность эта была менее политизирована, открыта и даже признаваема властью предрежащими и, вместе с тем, она бесспорнее всего воспринималась людьми и, одновременно, легко применяема как общенациональная и как этническая ценность. Ценность выживания народа способна стимулировать массовую мобилизацию, толерантно восприниматься людьми любой национальности.

Другая ценность, вокруг которой осуществлялась этническая мобилизация, – язык народа. От Белоруссии, где действительно национальный язык уходил с исторической сцены, до Татарстана, в столице которого больше половины татар дома говорили на двух языках, и большинства других автономий России, где не было даже средних школ на национальных языках, до Эстонии, где были самые высокие показатели издания литературы на национальном языке, – везде значимость сохранения языка провозглашалась важнейшей национальной задачей. Но эта ценность, воспринимаемая всеми, объединяла одних, но разъединяла с «другими».

Понятно, почему именно на этом концентрировалось внимание общественности. Язык – практически основной этнический индикатор. Тот, кто первым заговорил об этом, – этнополитологи Эстонии, хорошо знали, что по результатам этносоциологических опросов язык занимает первое место среди факторов, которые респонденты называют, когда относят себя к тому или другому народу. Значит, тезис о сохранении и приоритета своего языка будет поддерживаться массами, «работать на консолидацию» национальности. Однако не все русские могли воспринимать эти ценности «других» толерантно, ибо они свой язык тоже считают ценностью.

Другая ценность – территория – была «стимулирована» в сознании людей и заработала там, где вопросы эти были болезненными издавна, имели «исторический шлейф»: Карабах у армян; земли, принадлежащие до репатриации ингушам, калмыкам; оторванные территории у бурят и т. д. Представления о «Родной земле» были заимствованы из исторических преданий, эпических произведений, оживлены в народной памяти и стали оселком толерантности-интолерантности.

Культура прошлого также очень быстро становилась реанимируемой ценностью в этническом самосознании. Ведь разрушению прежде всего подвергалась официальная идеология, а она пронизывала массовую культуру. Отстраненными оказались недавно наиболее популяризируемые литературные произведения от «Поднятой целины» М. Шолохова до «Молодой гвардии» А. Фадеева, целый пласт песенной культуры от «Дан приказ ему на запад» и «Марша энтузиастов» до «Москва моя, страна моя – ты самая любимая»; непопулярной, критикуемой стала значительная часть нормативной культуры, задаваемой официальной идеологией. Маргинализацию переходного времени нельзя было не компенсировать. Поэтому за нравственной культурой обратились к религии. В духовной культуре источник пополнения ценностей видели в дореволюционных произведениях, творениях зарубежных соотечественников, в традиционной культуре.

Актуализация исторического наследия стала не просто одним из способов уйти от унификации периода модернизации и заметной ориентацией в России и республиках. Наследие теперь стало ценностью, отторжение от которой воспринималось как национальный ущерб. Горевали по потерянному все, и это способствовало этнической мобилизации, солидарности.

О том, что эти ценности были основой протестной солидарности, говорит динамика отношения к религии. Число заявляющих, что они – *верующие*, увеличилось к началу XXI в. до 60% по данным ВЦИОМ в то время как до середины 1980-х максимальные данные по России не поднимались выше 8–12%.

Ратуя за потерянную культуру и демонстрируя готовность бороться за нее, действительно обращалось к ней куда как меньше людей. Характерно, что и в начале 90-х гг. среди великих людей – деятелей культуры русские по-прежнему называли главным образом А. Пушкина и Л. Толстого, которые были символами национальной гордости. Ни забытые отечественные писатели, ни зарубежные в число первых 115 имен не попадали¹⁹.

Итак, даже не всегда следуя декларируемым ценностям, люди готовы их защищать, если они воспринимаются как лично значимые, сохранившиеся в исторической памяти. Чаще всего, именно в этих случаях элита, политические деятели могли опираться на них, выстраивая систему символов, вокруг которых солидаризировались массы.

¹⁹ Советский простой человек. – М., 1993. С 169, 217.

Ценность государственности, суверенитета была осмыслена не только в республиках бывшего Союза. Российские публицисты писали о том же²⁰. Можно вспомнить и выступления В. Распутина, В. Белова на Съезде Народных депутатов СССР, на заседании Верховного Совета СССР с идеями выхода из СССР. Но, анализируя время и место декларирования идеи государственности, можно заметить, что появлялась и стимулировалась она, прежде всего, там, где у народов исторически существовала государственность в том или ином виде.

Кроме того, серьезнейшим образом на закрепление и использование символов, в частности, своей государственности, суверенитета, влияла политическая ситуация.

В условиях сецессии государственность сепаратизирующихся становится конфликтной в обществе, но в спокойной исторической обстановке она содействует толерантности.

Далее, можно заметить, что выдвигаемые национальные ценности, как правило, выстраивались идеологами в новую ценностную систему, связанную с символами-фетишами – «рынок», «цивилизованность», на начальном этапе – «демократия».

По мере того, как гуманитарно-политизированная верхушка интеллигенции теряет монополию на выработку ценностных систем, свои ценности выдвигают предприниматели, банкиры, и они отбирают из национальных символов-ценностей те, что соответствуют их миропониманию и интересам. Так, в России, например, стимулируется идея евразийства, выражающая интересы народов России и имеющая исторические корни: равноправия, но не патроната в отношениях с народами, национально-экономического интереса, защиты и поддержки национального капитала, приоритета на использование природных ресурсов. Можно вспомнить, как лидеры Российского Союза промышленников и предпринимателей (РСПП) заявляли о неполитических ориентациях своей организации. Но когда объединение лидеров этого Союза стало ориентированным на завоевание места на политическом Олимпе, то партия «Обновление», в которую входили А. Владиславлев, А. Вольский – лидеры РСПП – солидаризировалась с Гражданским Союзом, в котором национальные идеи, ценности входили в число программных требований (целостность России как сильной мировой державы, концепция евразийства).

Как только проходит пик этнической мобилизации, в периоде трансформации общества наступает полоса, когда этнообъединяю-

²⁰ Гулыга А. Русский вопрос // Наш современник. 1990. № 1. С. 168, 176; Проханов А. Заметки консерватора // Наш современник. 1990. № 5. С. 90, 91.

щие ценности уходят на периферию, и реальное поведение людей начинают регулировать главным образом групповые ценности и символы. И тогда дифференциация групп по этническим ориентациям становится менее очевидной. В молодежных субкультурах мы редко встречаем ориентацию на ценности, имеющие этносимволизирующее значение (конечно, за исключением молодежных групп, объединенных во имя каких-то национальных идей, типа «молодые рыцари», «Россия молодая»).

В профессиональных группах тоже не часто наблюдается объединение во имя этнических ценностей. Исключение составляют профессионалы-идеологи, специально занимающиеся этнической политикой или обеспечивающие группам поддержку с использованием этнической символики.

Однако в России в целом до такой поры мы еще не дожили. Выдвинутые либерально-демократические идеологемы не соответствуют реальным экономическим и социальным отношениям²¹.

Ко всему этому добавляется ситуация, когда в стране идут противоречивые, неуправляемые старые и спонтанные новые процессы, иногда не соответствующие, условно говоря, нормальному обществу. Осознание идущих процессов отстает или, просто, не поддается осмыслению, что дает основание для характеристики ситуации как ситуации «когнитивной неопределенности». Но именно в этой обстановке возможным вариантом становится структурирование политического спектра вокруг этнонациональных проблем. Это касается как русских, так и других народов.

В последнее десятилетие мы убедились, как легко утверждаются национальные или этнонациональные идеи, когда ценности одной эпохи разрушены, а другие не утвердились. Мы наблюдали, что именно с их помощью легко завоевывается политическая власть, влияние, ибо они обращены к элементарным интересам и эмоциям людей.

Политически мобилизирующими оказывались те ценности, выдвигаемые элитой, которые:

- имели достаточное базовое основание, воспринимались людьми лично как приоритетные, безусловно, важные для них (язык, возрождение культуры, экологическая безопасность для выживания человека и народа);

²¹ Дилигенский Г. Динамика и структурирование политических представлений в современной России // Куда идет Россия: Альтернатива общественного развития. – М., 1993.

- имели «исторический шлейф», хранились в исторической памяти, возбуждали пережитое или переживаемое (государственность и пересмотр границ и т. п.);

- наконец, являлись компенсирующими, как бы восполняли тот ущерб, который сохранялся в историческом сознании (национальная потеря) или образовывался в результате вакуума в социальном, политическом сознании.

Толерантное взаимодействие людей разной этнической принадлежности в такой ситуации проверялось на прочность. Оно остается не простым.

Если произойдет смена экономических и социальных представлений в Российской Федерации о частной собственности, свободном предпринимательстве, критериях престижа, если будут четкие политические ориентиры государственного руководства и его способность обеспечить безопасность внутри страны и на ее границах, то возобладает рационалистическая тенденция, возможность политического манипулирования этнонациональными идеями, ценностями сократится, условия для формирования толерантных межэтнических взаимодействий станут более благоприятными.

Общее и особенное в формировании межэтнической толерантности в условиях регионального разнообразия России

Исследователи глобализационных процессов, также как в свое время и модернизационных, прогнозировали исчезновение или стирание этничности, однако конец XX и начало XXI вв. продемонстрировали тенденции глокализации – адаптации глобальных хозяйственных практик к местным культурным условиям²², включенности регионов в глобальные потоки информации и вместе с тем трансформация их в соответствии с культурными традициями и устоями, а в иных случаях возникновение ответных локальных национализмов²³. Силиконовая долина в США и Бангалор в Индии это только островки межэтниче-

²² Robertson R. Globalization: time-space and homogeneity-heterogeneity // Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds.) Global modernities. – London, 1995. P. 28–30.

²³ Девятко И.Ф. Модернизация и институциональный изоморфизм; Покровский Н.Е. Транзит российских ценностей // Глобализация и постсоветское общество («Аспекты –2001»). Научное издание. – М.: Изд. ООО «Стови», 2001. С. 32, 54.

ского согласия, а в мире обсуждается иная актуальность – этнические притязания в давних демократиях – Бельгии, Великобритании, «новая этничность» и адаптация иммигрантов во Франции и Германии.

В России, ориентируясь на инновационно-модернизационное развитие, нельзя не учитывать сложный этнокультурный человеческий ресурс. Группы и индивиды отличаются как включенностью в общие трансформационные процессы, так и следованием своим культурным традициям. Сравнение, непривычность к иному – частое явление в нашей жизни. Между тем, взаимопонимание людей, доверие их друг к другу – условие реализации и экономических, и социальных программ. К тому же это актуальная проблема повседневного общения.

Понятия межкультурной интеграции и межкультурной идеологии разработаны в рамках западных концепций, описывающих механизмы и факторы адаптации этнических меньшинств, образующихся в результате пополнения страны мигрантами из иных государств к культуре принимающего большинства. В России понятие «этнические меньшинства» практически не используется в этнополитическом дискурсе, так как меньшинства часто ассоциируются с низкостатусными, ущемленными в правах группами. Поэтому в российском этнополитическом дискурсе чаще используется понятие «граждане России разной национальности», и это понятие точнее отражает историю формирования российского многонационального народа.

Весной 2011 г. в Центре исследований межнациональных отношений Института социологии РАН подводили итоги проводившихся в 2000-х гг. социологических исследований, в том числе проблем межэтнических взаимодействий. Обсуждалась связь процессов демократизации и межэтнических установок контактирующих национальностей. И уже не в первый раз, как и в мировом опыте, подтверждалось, – связь есть. Но в одних регионах речь идет о роли СМИ, общественных институтов, а в других – на юге страны – не столько о толерантности, сколько просто о безопасности людей.

Следовательно, первый вывод, которым нам бы хотелось поделиться: Россию «аршином общим» не измерить. **Социальные основы толерантности**, характер межэтнических отношений в разных регионах имеют общие тенденции, но **значимо регионально различаются**. Из социальных факторов на межэтнические отношения влияет статусное положение взаимодействующих групп²⁴, их занятость

²⁴ Статус определяется образованием, квалификационным потенциалом, имущественным положением, престижем, собственностью, доступом к власти.

в тех или иных областях деятельности, исторический опыт контактов, ресурсность регионов. В России есть регионы, где в республиках уровень образования титульных национальностей такой же как у русских или даже выше (Саха (Якутия), Бурятия, Калмыкия, теперь Татарстан), а есть регионы, где развитие титульных национальностей идет, условно говоря, догоняющее. Но дело даже не всегда в реальном положении людей той или иной этнической принадлежности, а в **представлениях людей о равенстве или неравенстве возможностей конкретных групп**. Как пример приведем результаты изучения представлений о возможностях людей к началу 2000-х гг. в трех республиках²⁵ (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка городским населением Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) своего положения на «лестнице» власти, богатства и престижа, *медианные значения оценок*

Этнические группы	Положение на шкале власти	Положение на шкале богатства	Положение на шкале престижа
Татары Татарстана	1,73	3,05	2,94
Русские Татарстана	1,84	2,78	2,82
Башкиры Башкортостана	2,29	2,92	3,02
Русские Башкортостана	1,41	2,68	2,69
Татары Башкортостана	2,09	2,93	2,99
Якуты Саха (Якутии)	2,53	3,1	3,35
Русские Саха (Якутии)	2,1	2,93	3,22

В условиях рыночной экономики, с одной стороны, всё индивидуализируется и считается, что солидарности теряют значение, в том числе этнические. Но, с другой стороны, конкуренция людей возрастает, и в такой обстановке этничность становится дополнительным социальным ресурсом, что очевидно просматривалось в тенденциях 90-х – 2000-х гг.

Изменить этническое представительство в социальных группах волевым методом невозможно. Принимались шаги в таком направлении, например, в США путем социальной поддержки афроамериканцев, или сейчас во Франции путем социальной поддержки

²⁵ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М., 2002. С. 138.

бедных кварталов, где живут выходцы из стран Магриба. Но принципиально социальную структуру этнических групп, национальностей, в терминологии, привычной для граждан России, эти программы не меняют. Все равно остается кто-то богаче, их положение престижнее, а кто-то относительно беднее даже в преуспевающих странах.

Для поддержания межэтнического согласия важно акцентировать внимание *на объяснениях причин реального неравенства и находить пространства взаимной заинтересованности в развитии*. Например, в Саха (Якутии) есть и в ближайшей перспективе будут оставаться различия в отраслевой занятости у русских и якутов, которые влияют на оплату и условия труда. Первые больше заняты в добывающих отраслях, вторые в управлении, гуманитарных науках, сельском хозяйстве. Но у людей есть общий интерес в развитии экономики республики. И на этом общем интересе можно снимать конкурентные представления, строить взаимопонимание, находить области общего интереса, например – защита экологии. В Татарстане иное. Здесь, особенно за последние десятилетия, выстраивалось статусное равновесие в основных отраслях производства и культуре и на этом тоже можно основывать отношения взаимопонимания. Хотя, конечно, это непросто, ведь исторически недавно русские еще были позиционированы как «старший брат» и сейчас с двух сторон требуется взаимодействие на новых основах.

Немало регионов, где исторически обусловлено или ситуативно происходило заметное изменение видов деятельности у представителей национальностей. Армяне, азербайджанцы, грузины раньше оставались работать в Москве после вузовского образования или приезжали по приглашению на конкретный вид деятельности. В 90-е гг. многие люди этих национальностей, также как прибывшие из республик Северного Кавказа, приезжали в силу экономических трудностей в их регионах и потребностей рынка в российских мегаполисах. Рынок всегда ассоциировался с осуждением высоких цен для покупателей, коррупцией вокруг торговых точек, «легких денег». В сочетании с непривычными формами поведения южан вокруг них закрепился образ нежелательных «лиц кавказских национальностей». Доля людей с негативными установками по отношению к ним доходила, по данным Левада-Центра, до 50–60%. В таком случае задача общества и ученых *дестигматизировать образ*. Основания для этого есть. Так, исследования Института социологии и Института этнологии и антропологии РАН показывали, что среди легально проживающих в Москве грузин, армян преобладают отнюдь не торгующие на рынках. Доля работников умственного труда, специали-

стов высшей квалификации среди них не меньше, чем среди русских москвичей. В сферах образования, науки, здравоохранения, культуры, искусства, СМИ среди русских москвичей в середине первого десятилетия 2000-х годов было занято 25%, а среди армян, грузин в полтора раза больше.

В современном обществе социальные неравенства не уменьшаются, и есть опасность расширения границ видения этнического, а также тенденции этнического окрашивания социальных проблем. В последнее время особенно очевидно это было видно в намеренном завышении данных о преступлениях иммигрантов. Один чиновник во всеуслышание говорил, что у нас больше половины преступлений совершаются иноэтничными приезжими – иммигрантами, а директор ФМС России К.О. Ромодановский говорил официально, что только 3,5%. Преступления совершаются как конкурентная «разборка», а их интерпретируют как преступления на этнической почве.

На других основаниях, но также для взаимопонимания важно дестигматизация образа чеченцев, других представителей северокавказских национальностей. Взаимопринятие, взаимопонимание – движение двухстороннее. Поэтому не только принимающему населению важно преподнести информацию, объясняющую поведение иноэтничных приезжих, но и прибывающим демонстрировать позитивные образцы поведения. Если в Москву приезжает глава одной из северокавказских республик с открыто демонстрируемой вооруженной охраной, то само по себе москвичам это не очень приятно, но также абсурдно то, что в эфире говорят об оккупации Москвы северокавказцами.

Стигматизация, приписывание ведут к печальным социальным последствиям. Нельзя забывать, что мы живем еще в условиях преодоления чеченского синдрома. Солдаты, воевавшие в Чеченской республике, помнят своих погибших товарищей, свои психологические состояния, связанные с переживаем опасностями, обиды от нерезультативных операций, чувство ужаса от разрушений живших спокойной жизнью поселений. Далеко не все российские граждане понимают, почему теперь на восстановление Чеченской республики из российского бюджета выделяются громадные средства, многие не понимают, что без этих финансовых инъекций нельзя добиться не формального, а фактического замирения, включить чеченцев в мирную жизнь, снять ущемление их этнического достоинства. Ведь и чеченцы помнят, как входили федеральные войска в города и села республики, как приходилось терять близких, уезжать из домашнего очага, созданного поколениями, терпеть унижения, видеть как дети,

которые должны были бы ходить в школы и вузы, берут в руки оружие и могут погибнуть. События, связанные с судом Буданова, посягнувшего на чеченскую девушку и затем убитого после выхода из мест заключения, очевидно показывали раскол в обществе не только по этническому принципу, но и по моральным основаниям, драматизм постконфликтных ситуаций, в которых терялись скрепы, держащие платформу межэтнической толерантности долгие годы.

К чести россиян надо отнести то, что они приняли тысячи чеченских семей, вынужденных бежать из республики. Ведь не так легко было понять русским и людям других национальностей, что далеко не все чеченцы разделяли убеждения Дудаева, а многие поняли последствия радикального национализма позже, когда уже пришлось покинуть родные края. Да и сами приехавшие чеченцы были разными. Одни испытывали чувство ответственности за действия радикальных лидеров, другие искали компенсации поруганного достоинства. И даже теперь, особенно у чеченской молодежи, желание выделиться какими-то преимуществами – дорогими машинами на улицах Москвы, праздниками в Грозном, даже победами в футболе, других спортивных соревнованиях, мастерством в искусстве танца – это тоже нередко выражение компенсаторных чувств. Потребуется еще длительное время, разъяснительная работа СМИ, образовательных учреждений, чтобы чеченцы и русские, так же как другие российские национальности смогли понять и принять друг друга. А пока, по данным Левада-Центра, мониторингово отслеживающего отношение к национальностям с 1998 г. и в 2000-ые годы более половины россиян относились к чеченцам «с раздражением, неприязнью», «недоверием и страхом»²⁶.

Сейчас в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге в вузах учатся студенты из Чеченской республики, Дагестана, других соседних северокавказских республик, где имело место силовое этнически окрашенное противостояние. В традициях национальностей из этих республик помогать всей семьей, «родом» той молодежи, которая учится, готовится стать специалистами. Хотя сами эти учащиеся не всегда отличаются большими, чем другие студенты способностями и трудолюбием, да и в повседневной практике поведения не всегда следуют местным традициям (например, в ухаживании за девушками, в способах общения между молодыми людьми, аккуратностью, принятой в городской среде), тем не менее, часть из них, как показывали наши исследования, хотели бы остаться в Москве, в других

²⁶ Общественное мнение – 2005. – М., 2005. С. 139.

больших городах; и родственники им в этом помогают. Об этом знают их товарищи по учебе и рассказывают своим родителям, родственникам, друзьям. Так создается представление о неоправданной этнической поддержке в конкуренции за льготные рабочие места. На этом фоне порой даже обычные бытовые столкновения приобретают социальный смысл, возникает не только этническая интолерантность, но и конфликтность. В такой ситуации очень важным становится реакция общества, неформальных объединений, которые могут становиться стимуляторами примирения.

В настоящее время в стране действуют 16 федеральных национально-культурных автономий (НКА)²⁷, более 175 региональных и 371 местных некоммерческих общественных организаций (НКО)²⁸, неправительственные объединения (НПО). Деятельность этнокультурных объединений направлена на интеграцию людей тех национальностей, интересы которых они намерены выражать в общероссийском социально-культурном пространстве и именно они могут помочь в дестигматизации этнических стереотипов. Именно использование этого потенциала национально-культурных объединений является одним из возможных путей решения острых этнополитических и этносоциальных проблем.

Деятельность национально-культурных объединений представляет собой попытку установления толерантных взаимодействий разного уровня – с органами власти и местным сообществом, представителями разных национальностей между собой. В ходе формирования гражданского общества национально-культурные объединения становятся одним из его структурообразующих элементов, способных содействовать формированию образа этнической группы в окружающем информационном пространстве. Поэтому если это организация существует не для галочки, а являет собой живой, работоспособный орган, она способна выполнить принятую на себя роль, ***сформировать позитивный образ этнической общности.***

Примеры успешного межэтнического взаимодействия были продемонстрированы в г. Сочи. Даже обострение отношений между Грузией и Южной Осетией, Абхазией не послужили поводом здесь для межнациональных столкновений, ни между старожилыми, ни

²⁷ Федеральный закон «О национально-культурной автономии» № 74-ФЗ от 17 июня 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996, № 25. Ст. 2965.

²⁸ Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996, № 3. Ст. 145; 1998, № 48, Ст. 5849.

между абхазами, осетинами и грузинами в городе. Главы этих общин заключили между собой устные джентльменские соглашения, которые оказались гораздо дороже любой письменной грамоты и работают на укрепление гражданского мира и межнационального согласия в полиэтничном г. Сочи. Конечно, не каждое НКО становится жизнеспособной, эффективной структурой в поддержании толерантных отношений. Продуктивность НКО связана, прежде всего, с тем, насколько оно может отследить формирование зон напряженности, вовремя выявить и погасить конфликты.

Особенностью действия социальных факторов в сфере межэтнических отношений является **наложение напряжений в одной области на другую**. Так в социологии известно, что депривация может привести к конфликтам. Речь, конечно, идет не просто о бедности. В Канаде и Северной Ирландии, заявляющие о своих претензиях франко-канадцы или ирландцы не бедняки. Но они сравнивают себя с другими, живущими рядом, и оценивают свое положение как ущемленное. В ряде исследований в нашей стране мы наблюдали, что само по себе различие в материальном положении не меняет существенно межэтнические установки людей. Этнический негативизм у одних исходит из поиска «козла отпущения» – кто-то виноват в наших бедах и чаще всего это иные, те, «кто понаехали» или «враги из-за бугра», а у других негативизм возникает от ощущения конкуренции в сфере деятельности, сравнения, кто больше преуспел.

Доля людей, которые одобрили бы принудительное выселение каких-то национальностей в группах, которые оценили свое материальное положение как хорошее, удовлетворительное и плохое отличается на 5–8%, (при возможной ошибке выборки в 5% это немного). Но если сравнивать такие настроения по типам поселения, то в мегаполисах их разделяют 63%, в областных центрах – 38%, а в селах – 32%. В селах живут, конечно, не лучше, чем в мегаполисах, но в мегаполисе сильнее социальные контрасты, больше демонстрации богатства и, естественно, социальных сравнений и этнических.

Особенно тревожны негативные установки молодежи: 46% молодежи в возрасте 18–25 лет одобрили бы выселение каких-то национальностей, до 70% признают, что испытывают раздражение по отношению к представителям каких-то национальностей. Сказать, что жители Москвы, Санкт-Петербурга, молодежь – убежденные ксенофобы нельзя, часто их установки амбивалентны. 85% молодежи в этом возрасте считают недопустимым насилие в межнациональных спорах, а совмещенные негативные установки имеют около 15%. Раздражение и неприязнь по отношению к представителям каких-то

национальностей иногда испытывают 56% респондентов, а уверенно ответили «да» – 12%. При этом с конкуренцией за престижную работу сильно связывают такое отношение 21% ответивших, а вот с различиями в образе жизни 40%, и свыше 60% с тем, что представители этих национальностей «хотят заявить себя хозяевами на этой земле». Те же тенденции фиксировали с конца первого десятилетия 2000-х исследователи Левада-Центра²⁹.

Таким образом, *относительная депривация, ощущение потерь и психологической ущемленности, отсутствие уверенности в перспективе стимулируют комплекс уязвимости, опасности, провоцирующий нетолерантность.*

В качестве положительной тенденции в процессах поддержания и формирования межэтнической толерантности следует отметить, что в российских регионах с преобладанием русского населения, а также в республиках, начиная с 2000-х гг. наметился позитивный тренд в формировании гражданских консолидационных установок, что выразилось в процессах укрепления российской идентичности.

Население, живущее в современном обществе, часто не высказывает негативного отношения к людям иной культуры, цвета кожи, поскольку в обществе осуждается избирательное и тем более враждебное отношение к ним, и граждане знают, что их вежливое поведение должно соответствовать идеалам равенства и справедливости. Но есть «тонкие» виды предубеждений. Это выражается в том, что этнические предубеждения осуждаются респондентами, но ими поддерживается протест против предоставления этническим, расовым меньшинствам привилегий с целью преодоления неравенства. Люди на рациональном уровне могут верить в расовое равенство и одновременно испытывать неосознаваемую неприязнь к расовым меньшинствам (аверсивный расизм). Существуют так называемые амбивалентные предрассудки. Люди имеют одновременно и позитивные, и негативные межэтнические установки. Хотя со времен исследований Т. Адорно мы знаем, что если люди испытывают предубеждения к людям одного этнического происхождения, в иных ситуациях они будут испытывать их к другим. Аверсивный или амбивалентный расизм оправдывает дискриминацию каким-то иным способом, например, профессиональной непригодностью, защитой культурных ценностей, преувеличением культурных различий.

Предубеждения, негативные установки именуют у нас чаще всего теперь ксенофобией. Однако, это скорее страхи, психологическое

²⁹ Общественное мнение. 2008. – М., 2008. С. 124.

состояние. Но то, что негативное отношение к иным определяется только страхами, — это миф. Причем миф, который способен прикрывать истинные причины неблагополучия в обществе, идеологию и социальное беззаконие, которые проецируются в сферу межэтнических взаимодействий. И события на Манежной площади в Москве в связи с гибелью Свиридова 11 декабря 2010 г. только ещё раз подтвердили это.

При изучении предубеждений обращение к психологическим фактам, к так называемым «тонким формам», не избавляет нас от необходимости выявить и дать оценку положения групп, находящихся в условиях жёсткой эксплуатации (например, трудовых мигрантов); выявить, осмысливается ли оно в категориях этничности; связаны ли с этническим представительством социально-профессиональных групп в конкретной городской (сельской) среде; имеет ли место социальное исключение по признаку этнического происхождения; наконец, кто попадет в ситуацию «козла отпущения»; приписываются ли людям социальные характеристики в связи с их этничностью.

Довольно сложные вопросы встают в связи с пониманием и интерпретацией дискриминации на этнической или расовой основе. Дискриминацией считается проведение различий между людьми, находящимися в одинаковом положении или имеющими одинаковые социальные характеристики. При этом надо доказать, что проведение различий носило необоснованный характер. Нередко с такой ситуацией мы сталкиваемся при назначении, скажем, на престижные места в вузах (профессора, заведующие кафедрой). В индивидуальных, персональных случаях очень трудно дать обоснование дискриминационных практик, например, в Карачаево-Черкесии или Кабардино-Балкарии. Но если сопоставить реальные назначения с социально-профессиональными характеристиками претендентов на протяжении нескольких лет, то можно дать объективную оценку.

Естественно наибольший интерес с точки зрения характера взаимодействия национальностей вызывает сравнение российской идентичности с этнической, региональной, локальной идентичностью. Идентификация по национальности до самого последнего времени была не просто конкурирующей, но превалирующей у людей в сравнении с государственной. 90% населения по-прежнему сохраняют идентичность по национальности и по месту жительства, однако сильную связь по национальному и локальному признаку чувствуют 50–60%, а с российскими гражданами — 72%. Респондентам задавался уточняющий вопрос «Кем вы себя чувствуете в большей мере?»

25% ощущают себя в равной мере и теми и другими, но большая часть ответивших (47%) считала себя «скорее россиянами». При этом среди русских называли себя «скорее россиянами» чуть больше, чем среди людей других национальностей (48% против 39%). Таким образом, ответы на этот уточняющий вопрос подтвердили установленную тенденцию³⁰. При таких высоких показателях распространности и российской и этнической идентичности теряет остроту вопрос их конкурентности и подтверждается их совместимость.

Казалось бы, эти данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности *темы* о сепаратизме и этнокультурной разобщенности населения страны. И в чем-то это действительно так. Но важны основания интегрированности. Ведь мы знаем о высокой социальной дифференцированности и политической разобщенности. Но очевидно, что есть ценности и потребности людей, которые становятся цементирующими в обществе. Сама страна, где ты родился и жил, Родина – ценность для большинства людей. Представление о ней обычно эмоционально окрашено и составляет тот компонент идентичности, который именуется патриотизмом. На сегодняшний день патриотическое чувство является реальной психологической базой для межэтнической и социальной интеграции: абсолютное большинство опрошенных россиян различной национальности (свыше 90%) объединено общими представлениями о патриотизме, складывающимися на основе таких эмоций, как любовь к России, гордость за ее достижения, стремление к улучшению жизни в стране.

К сожалению, этническая солидаризация в немалой мере основана на обидах. Свыше 60% респондентов присоединилось к мнению: «люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Среди русских это мнение разделяют больше, чем среди других национальностей – 64% против 44% соответственно. Сплачивает обида за выход из Союза народов бывших Союзных республик, за национальные движения, в ходе которых русских обвиняли в имперской политике, наконец, обида за критику пережитого прошлого, которое совсем недавно представлялось светлым будущим. Отсюда такая чувствительность к тому месту, которое должно занимать большинство в полиэтническом пространстве страны. С одной стороны, у старшего поколения еще живут прежние представления о нормах в стране, где каждый человек «надежный товарищ и друг»,

³⁰ Здесь и далее мы приводим данные упомянутого проведенного Институтом социологии РАН исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян».

у части среднего и младшего – о гуманных ценностях толерантности, которые декларирует демократия, а с другой стороны живы обиды за потерю статуса старшего брата, сына великого народа. За двадцать лет эти обиды не ушли из сознания людей. Они получили дополнительную подпитку за счет тех чувств, которые переживают и другие народы в Европе, в тех странах, в которых имел место значительный и быстрый приток инокультурного населения. К тому же мы переживаем последствия чеченского кризиса (на восстановление республики затрачиваются миллиарды рублей, а в ответ проходят митинги «Хватит кормить Кавказ»). К объективно имеющемуся положению дел в стране политиками-популистами добавлялась политизация этнического фактора.

Поэтому не потеряло болезненности обсуждение темы о том, насколько Россия – общий дом для живущих в ней национальностей. Из результатов опроса видно, что представление, что государство – общий дом для российских народов, что все они должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ, остается наиболее распространенным, но оно с каждым годом становится все менее поддерживаемым. В 1990-е гг. это мнение разделяло большинство, а в 2000-е годы оно становилось все менее и менее поддерживаемым, потеряв в поддержке с 61% до 47% в 2011 г. Зато доля людей, которые полагали, что «Россия многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав» выросла вдвое (с 14 до 31%), а вместе с теми, кто считает, что «Россия должна быть государством русских людей» они составляли 45% (25% в 1995 г.). Исследование показало, что открытую поддержку идее русской исключительности чаще других высказывает молодежь, мало образованные россияне.

Самосознание русских актуализировано: 79% разделяют мнение, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности. Предыдущие исследования 90-х гг. даже в республиках, где русские более тесно контактируют с людьми других национальностей, не фиксировали таких высоких показателей. Правда, мнение это скорее солидаризирующее, чем отражающее реальную практику, поскольку одновременно 47% отвечают, что редко задумываются о своей национальной принадлежности.

Межэтническую интолерантность, проявляющуюся в обществе на уровне повседневных взаимодействий, сдерживает законодательная практика. Конституция РФ 1993 г. и Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 2002 г. дают основания для действий власти и общественных объединений в этом направлении.

В последнее десятилетие государством очевидно проводится политика деполитизации этничности, начиная с принятия Конституции 1993 г., когда республики стали называть просто республиками, а не национальными. В 2000-х были постановления Конституционного суда, которые отменили суверенитет республик. Отмена так называемого национального компонента в школе, отказы от президентских постов в республиках РФ относятся к той же тенденции. Мы постепенно уходим от понятия «этнический федерализм». Все конституции республик приняты от имени граждан республик, а не от имени титульной этнической группы. В результате у нас произошла заметная деполитизация этничности.

Властью стимулируется идеология межэтнического согласия. С декабря 2010 г. Президентом РФ проведено два заседания Государственного Совета (декабрь 2010 г., февраль 2011 г.) и заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека, где обсуждались вопросы «поддержания межнационального согласия, предупреждения экстремизма», «гармонизации межнациональных отношений». На первом же заседании Д.А. Медведев заявил, что без «межнационального, межконфессионального согласия в нашей стране... не может быть никакого будущего,.. не может развиваться нация,.. невозможно само развитие нашего государства». Определено, что действия в этом направлении должны быть комплексными. На заседании Президиума Госсовета в Уфе 11 февраля Д.А. Медведев обозначил несколько направлений действий – сфера образования, просвещения (СМИ, интернет), сбалансированная кадровая политика в регионах, учитывающая недопустимость дискриминации по признаку этнической принадлежности, создание Координационного Совета (сейчас решения в этой сфере осуществляются через 14 министерств). Президент отметил, что Россия не может пойти по пути полного отказа от мультикультурализма, о чем заявили ряд его европейских коллег – А. Меркель, Н. Саркози. Правда, они вели речь об этой политике в отношении иноэтничных мигрантов, а сама политика в этих государствах законодательно и не закреплялась. Они говорили, что жить в одной стране и не чувствовать себя гражданами и враждебно относиться друг к другу – это провал мультикультурализма и выступали против так называемого общинного представления мультикультурализма, замыкания людей в своей общине, следование повседневным правилам ее жизни.

В нашей стране мы не можем не разделять два вида межэтнических, межнациональных взаимодействий – исторически давно контактирующих национальностей, условно говоря, автохтонных куль-

тур и тех взаимодействий, которые связаны с новым иммиграционным притоком. Каждый из них требует и общего подхода, исходя из прав человека и особого, который призван учитывать исторически сложившиеся отношения.

На заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека 5 июля 2011 г. Д.А. Медведев добавил к направлениям деятельности — законодательство, обеспечивающее межнациональное согласие, дестереотипизацию и коррекцию трактовок в отношении отдельных народов. Обсуждение ориентировали на консолидацию вокруг общих для людей любой национальности дел — борьбу с коррупцией, распространение идеологии мирного процесса, а не насилия, реализацию политики межкультурного взаимодействия. Презентируя успехи в этом направлении руководству регионов, СМИ предлагалось фиксировать внимание не на том, сколько задержано боевиков, правонарушителей, а на том, сколько людей вернулось к мирной жизни. Административному руководству предлагалось не брать на себя разбор позиций дискутирующих, например, по вопросам вероучений, а предложить им сесть за общий стол переговоров и таким образом поддержать диалоговый дискурс.

Мы приведем некоторые примеры, убеждающие в *значении заинтересованности людей в поддержании межэтнического согласия, если у них есть общие цели*. В 1990-е годы была сложная этнополитическая ситуация в Татарстане. Шли споры о масштабах самостоятельности республики, придании статуса государственного языка татарскому, об объемах использования ресурсов республики. В решении этих проблем интересы русских и татар далеко не во всем совпадали и зарубежные конфликтологи (в частности, Д. Горюхи) прогнозировали межгрупповой конфликт, переходящий на личностный уровень. Но ситуацию руководству республики удалось удержать, избежав насильственного конфликта. Немалую роль в этом сыграла взаимная заинтересованность татар и русских, численное соотношение которых в республике практически было равным, в избегании насилия для сохранения относительного экономического благополучия³¹ и мира, в котором были заинтересованы все, — и власть, и народ.

Многочисленные этносоциологические исследования, проводившиеся в Отделе этнической социологии ИС РАН в Татарстане и Якутии в 1990–2000-х гг. показывают, что в республиках устойчиво

³¹ В 90-е годы с обеспеченностью питанием, выплатами зарплат и ценами на продукты дела обстояли в Татарстане лучше, чем в других регионах.

поддерживается высокая межэтническая толерантность и взаимная социально-культурная адаптация русских и национальностей, дающих название республикам. В первую очередь это выражается в согласованности основных жизненных ценностей и формировании общего ядра гражданских ценностей, таких как защита гражданских прав и свобод, контроль за ресурсами республик. Анализ показал, что наиболее стабильный ресурс толерантности – это традиции добрососедства и партнерства, добрая воля граждан, их готовность принять человека другой национальности в качестве гражданина, соседа и коллеги, готовность к сотрудничеству на базе общеразделяемых целей.

Другой пример «сегодняшнего дня» – Большое Сочи. Население здесь этнически сложное, много новых мигрантов, в том числе приехавших из республик Северного Кавказа, немало конкурентных ситуаций в сфере труда, рядом граница с Абхазией, у которой сложности в отношении с Грузией (а в Сочи живут мигранты грузины и абхазы). И все же здесь сами люди, простые жители, не только руководители заинтересованы в поддержании согласия. Наши исследования в Сочи показывали, что ориентация на избежание насилия здесь значима, а уровень российской идентичности и готовность к межэтническим отношениям – один из самых высоких в стране не только у русских, но и других национальностей. И понятно, почему. Сочинцы заинтересованы, чтобы к ним приезжали отдыхающие, чтобы состоялась Олимпиада.

Деятельность национально-культурных обществ в Сочи нередко служила предупреждению конфликтов или регулированию сложных межэтнических отношений. Так, по инициативе НКО было проведено Заседание Общественного Совета национальных объединений г. Сочи, на котором было вынесено общественное осуждение тем лицам, которые в личных целях пытались интерпретировать столкновение интересов людей вокруг осетинской общины как конфликт межэтнический. Также была осуждена попытка представить столкновение личных интересов людей как «стремление выдавить из города» осетинское землячество перед Олимпиадой. Общественный Совет национальных объединений заявил, что не будет поддерживать попытки играть на национальных чувствах для решения личных интересов. В момент осложнения грузино-южноосетинских отношений главы общин – грузинской, абхазской и осетинской заключили, как мы уже упоминали, «джентльменское соглашение» и бдительно следили, чтобы не произошло каких-то столкновений на основе разной оценки происходивших событий, и им это удалось.

Об одном из лидеров армянской общины в Адлере (Адлер – часть Большого Сочи) в интервью нам рассказывали, как он взял на себя решение проблем общения и продолжения учебы в школе тех детей из русских семей, которые попадали в конфликты с учителями, а иным помогал с поступлением на работу или в вузы. Сам он в интервью нам убежденного говорил, что в армянских семьях «родители должны рассказывать детям, как много сделали русские, приняв на Сочинскую землю и вообще в Россию армян, которые вынуждены были покинуть свои дома в Азербайджане во время погромов и приехавших из Армении после землетрясения в Спитаке». Так на человеческой заинтересованности в мирном общении строятся толерантные отношения.

Сложные ситуации приходится регулировать в регионах, где в 1990-е годы были национальные движения. На волне демократизации в большинстве российских республик статус государственного языка наравне с русским языком получили языки тех национальностей, которые давали название республикам (условно их называют титульные национальности). Право на обучение на родном языке закреплено в Конституции РФ. Были созданы школы, работающие на языках титульных национальностей, также в школах, ведущих преподавание на русском языке, тоже было введено обязательное обучение на языке титульной национальности. Однако вузы в республиках и в других городах России ведут преподавание на русском, да и в деловой жизни и в бытовом общении доминирует русский язык. Поэтому со временем немалая часть русского населения республик потеряли интерес к обучению языкам титульных национальностей. Например, по итогам наших исследований в Татарстане в начале 1990-х годов (1994 г.) 70% русских ответили, что они хотели бы, чтобы их дети знали татарский язык. А уже в конце первого десятилетия 2000-х годов такое намерение высказывало около 30–40% городского русского населения республики. В Интернете появились письма русских, протестующих против выделения в школьных программах учебных часов на татарский язык и с намерениями передать их на преподавание русского языка.

Естественно, татары оценивали такие настроения русских как недопонимание значимости знания татарского языка, как некое неуважение к татарской культуре. Отношение к языку той или иной национальности является основополагающим маркером характера межэтнических отношений, поэтому для обеспечения толерантных взаимоотношений важно, чтобы языки контактирующих этнических групп развивались свободно, и в обществе формировалось к ним

уважительное отношение. Понадобились длительные дискуссии, которые велись в местных СМИ, на научных площадках, в повседневных разговорах, чтобы мирно, в диалоговом режиме урегулировать интерес с той и другой стороны.

Толерантно приходится решать спорные вопросы и на институциональном уровне.

Так, в республиках, как и в других субъектах Российской Федерации, интеллектуальной элитой стали создаваться свои учебники истории, писались учебники литературы на родном языке. В результате появились разные версии истории, разные версии побед и поражений, которые «укладывались» в так называемый «национальный компонент» учебной программы. Федеральное министерство образования полагало, что такая тенденция дезинтегрирует общество и приняло решение об отмене «национального компонента» образовательного процесса. Это вызвало протесты в республиках. Особенно активно выступала общественность в Башкортостане и Татарстане. На совещании в Министерстве Образования и науки, которое проходило 18 ноября 2008 г. в Казани заявления о дезинтеграционных тенденциях в образовательном пространстве опровергались с помощью фактов работниками образования Татарстана и политиками³².

Вопрос подготовки учебников в этих республиках приобрел характер общественного обсуждения и дебатировался не только в Министерстве Образования, но и впоследствии 7 октября 2010 г. на Парламентских слушаниях в Государственной Думе, на которых было представлено мнение экспертов из республик и Федерального министерства. В результате было принято компромиссное решение, по которому так называемые стандартные для всех регионов учебные программы создаются с участием представителей из регионов. Согласительные решения были направлены на то, чтобы в подготовке общероссийских и республиканских учебников по общественным дисциплинам принимали участие совместно специалисты из Центральных и республиканских учреждений.

Важно, что сам феномен сохранения национальных (этнических) школ рассматривается в политическом публичном пространстве как элемент демократии, реализации прав человека, обеспечения права родителей и этнических групп на обучение на родном языке с учетом этнокультурных особенностей. Эти примеры показывает, как на личностном и институциональном уровне возможно находить диалоговые решения.

³² «Звезда Поволжья». 2008 № 46 (448). 4–10 декабря.

В Президентских посланиях Федеральному Собранию и В.В. Путин и Д.А. Медведев не раз обращались к формированию в стране российской нации как общности, которая объединяет людей разной социальной, этнической принадлежности. И это, как мы покажем далее, вполне отвечало общественным настроениям.

Многомерный подход к изучению социальной дифференциации этнических групп

Проблематика социальных различий и социального неравенства – ключевая в социологии³³. Она становится особенно важной в российском обществе в условиях роста социальной дифференциации – статусной, региональной, когда социоанализ необходим для понимания состояния системы и предупреждения напряжений.

Предметом исследования были не только *изменения в социальной конфигурации* контактирующих этнических групп, но и *факторы, конструирующие границы* между этническими общностями и социальными слоями.

Механизмом, с помощью которого конструируются границы (как их понимал Р. Барт), являются представления. Известно, что далеко не всегда социальные противоречия возникают на основе реальных различий в статусе групп. Как правило, противоречия питаются интерпретациями социальных иерархий в обыденном сознании, кристаллизованным в соответствующих мифологемах.

Мифологемы как разделяемые большинством *представления* об отдельных компонентах социальной реальности являются, естественно, не только суммой индивидуальных, обусловленных личным опытом интерпретаций текущих социальных реалий. Завершенность и социальную значимость им придают *репутации*³⁴, задаваемые лидерами, нередко неформальными лидерами. Проще говоря, мифологема – это групповая интерпретация текущей реальности, озвученная лидером и освященная его авторитетом.

Выяснение *представлений* о неравенстве (в том числе закрепленных в мифологемах) входило в *предмет нашего изучения* не случайно.

³³ В этом мы солидаризируемся с В.И. Ильиным (*Ильин В.И.* Социальное неравенство. – М., 2000. С. 10).

³⁴ В эффективности метода определения репутаций после работ У. Ллойда Уорнера и Пола Ланта мало кто сомневается (*Warner W.L., Lunt P.* The Status System of a Modern Community. – New Haven, 1947).

Если социальное неравенство в массовом сознании связывается с этничностью, если люди верят, что их национальная принадлежность влияет на социальное положение, они будут действовать в согласии с этими убеждениями и соответственно относиться к людям той или иной национальности как к социально конкурентным группам. Мы солидаризируемся с известной «теоремой Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям»³⁵. Мы можем лишь добавить, что если члены контактирующих групп по-разному определяют одну и ту же межгрупповую реальность, то создается основа для социальной напряженности и конфликта.

Изучение места этнокультурных факторов в социальной иерархии тесно взаимосвязано с проблемой приспособления этнических групп к современному рынку труда. Как пишут О.И. Шкаратан и В.В. Карачаровский, опираясь на исследования М. Кастельса, «различное время доступа к технологической силе (имеются в виду технологии, связанные с информационно-технологической революцией) для людей, стран и регионов является критическим источником неравенства в современном мире»³⁶.

в целом для проекта был избран принцип многомерного иерархического исследования стратификационных моделей с комбинацией объективных и субъективных индикаторов, количественных и качественных измерителей объективных и субъективных показателей.

Исследователями признается, что для любого общества неравенство доступа к ресурсам и вознаграждениям является «фундаментальным фактом». Благодаря закреплению в нормах и обычаях оно становится «социальным неравенством». Выполняя те или иные профессиональные или социальные роли, люди отождествляют себя с конкретными слоями. Эти слои имеют свою иерархию, и тогда речь идет о социальной стратификации³⁷.

Для изучения межэтнической интеграции нас интересовали статусные позиции, приписываемые общественным сознанием этническим общностям, социальная стратификация внутри этих общно-

³⁵ Thomas W.L., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. – N.Y.: Knopf, 1918. Vol. 1. P. 79.

³⁶ Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. № 2. 2002. С. 4.

³⁷ Радаев В.В. Социальная стратификация, или как подходить к проблемам социального расслоения // Российский экономический журнал. 1994. № 11. С. 85.

стей, так как сам масштаб представленности иерархически стоящих выше слоев влияет на приписываемый этнической группе статус и место людей той или иной национальности на стратификационной лестнице.

Только рассмотрение в целом этих позиций дает возможность реальной перспективы интеграционных процессов в полиэтническом обществе.

Исходным является анализ социально-профессиональной стратификации этнической группы как базовой. Она фиксировалась через выделение слоев по содержанию и условиям труда с учетом квалификационных требований. Эта стратификационная система была важна для нас не только потому, что позволяла провести динамические сравнения, поскольку прежние исследования социальной структуры народов проводились в основном по этим показателям. Она важна также и потому, что после какого-то периода в нашей недавней истории, когда формальная аттестация с помощью дипломов и аттестатов теряла значение, теперь, с начавшейся стабилизацией в обществе, образование и квалификация, подтвержденные соответствующими сертификатами (как объективный показатель), снова открывают путь к престижным рабочим местам.

В последнее время, в связи с утверждением рыночной системы отношений, мы все чаще стали говорить о формировании классов.

Конечно, теперь при выделении социальных страт мы более жестко следуем принципам их дифференциации по размерам доходов, материальному благосостоянию, накоплениям, наличию собственности, в том числе производственного капитала, по образованию, квалификации, должностному положению, властным полномочиям. Практически все эти показатели в той или другой степени поддаются объективным, количественным измерениям.

Мы не случайно делаем оговорку, что измерители относительны. Разумеется, как и другие исследователи, мы понимаем, что во время опросов состоятельные граждане не раскрывают чаще всего своих доходов. Но в какой-то мере тот же имущественный стандарт можно фиксировать через наличие комфортабельного современного дома или благоустроенной квартиры, а также набора вещей, свидетельствующих об уровне и качестве жизни.

Но есть один дифференцирующий показатель, который практически не поддается объективной операционализации, особенно с учетом этнокультурного разнообразия, это – престиж. Данный показатель не только относительный, но и субъективный. По опыту работы предыдущих проектов в российских республиках мы, напри-

мер, можем сказать, что в период хаотической трансформации в среде русских престиж образования падал (сметливые малообразованные люди могли стать богачами, попасть в средний слой, а специалисты становились уборщиками в частных магазинах), а у якутов, осетин, тувинцев образование по-прежнему было в почете.

Таким образом, уже только пространственное и этническое разнообразие нашего общества диктует нам необходимость использования субъективных оценок стратификационных позиций.

Чтобы учесть это разнообразие, в опросный лист был введен вопрос «Что значит, по Вашему мнению, быть нищим... быть бедным... жить в достатке... быть богатым?». Все разнообразие ответов проанализировано в разд. II, гл. 4.

Для нашего исследования метод самооценок был чрезвычайно полезным, позволяющим представить систему координат нового социального пространства, которую конструируют для себя люди разных национальностей.

Именно из этих самооценок и приписываний, которыми они наделяют других, индивиды и группы исходят в своих представлениях, ориентациях и поступках. Репутационный метод относится к субъективным, но представления людей зависят прежде всего от объективного состояния общества. Социальные различия между этническими группами могут интерпретироваться как различия этнокультурного характера, на основе которых конструируются представления о разном месте этнических общностей в общественном разделении труда («культурное разделение труда» по М. Хехтеру) и объясняется неравенство. И при этом не важно, насколько сложившиеся конструкты имеют реальное основание, важно другое, а именно то, что люди строят отношения с другими, соглашаясь со своими представлениями. Поэтому нами была запрограммирована и комбинация показателей, традиционно использовавшихся для изучения социальной стратификации (доход, имущественные характеристики, уровень образования, квалификации, должность, позиция во властной структуре), и, кроме того, субъективный показатель – престиж. В качестве дополнительных критериев использовались самооценки материального и социального положения, социального самочувствия, удовлетворенности жизнью.

Как и другие исследователи (Т.И. Заславская, Ю.А. Левада, Л.А. Хахулина, З.Т. Голенкова, М.К. Горшков, Н.А. Тихонова и др.), мы изучали субъективное восприятие человеком своего положения в иерархии общественной структуры, т. е. самоотнесение к высшему, среднему или низшему классу.

Действительно, надо согласиться с Л.А. Беляевой в том, что ограничиться одним критерием самоидентификации в условиях перехода к рынку и демократии было бы недостаточным³⁸, но в комбинации с другими подходами³⁹ субъективные самооценки дают более реальное представление о состоянии общества. В общей композиции социальной стратификации российского общества Т.И. Заславской, кроме политической и экономической элиты (которые в массовые опросы не попадают), были выделены верхний средний, средний, базовый и нижний слои⁴⁰. Л.А. Хахулина, наряду с высшим, средним и низшим слоем, выделяет рабочий класс⁴¹.

Наложение социально-профессионального и стратификационного деления с учетом субъективного восприятия и характеристик групп с точки зрения их психологических ориентаций, стилей жизни, норм обыденной жизни, политических пристрастий и культурных интересов дает, на наш взгляд, наиболее адекватное отражение современной социальной реальности.

В нашем исследовании, помимо социально-профессионального деления, учтено «условно классовое» на основе самоотнесения. Нам достаточно было такого выделения, так как главным для нас было изучение не самой социальной структуры, а восприятия социального неравенства этническими группами. Скажем даже более: само объективное социальное деление для нас было важно с точки зрения его соответствия представлениям о неравенстве.

С этой же точки зрения для нас было важно изучение социальной мобильности среди русских и титульных национальностей в республиках.

Для оценки перспектив интеграции в обществе с методологической точки зрения специального внимания заслуживало формирование среднего слоя или возможного среднего класса⁴², так как именно

³⁸ Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. – М., 2001. С. 150.

³⁹ Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 1; Хахулина Л.А. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2.

⁴⁰ Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества. С. 7–15.

⁴¹ Хахулина Л.А. Субъективный средний класс... С. 24–33.

⁴² В изучении его мы могли опереться на упоминавшиеся работы Л.А. Беляевой, М.К. Горшкова, Т.И. Заславской, В.В. Радаева, Р.В. Рывкиной, Л.А. Хахулиной.

с ним связывают «уравновешенность» социума, возможность согласия, формирования гражданского общества. И это понятно, ибо поляризация всего общества, в том числе этнических групп, на богатых и бедных создает неустойчивость и возможность конфликтов.

Вычленение средних слоев, так же как и «условного среднего класса» в них, предполагает учет не только делений по доходу, имуществу, стандартам уровня и качества жизни, но и, с одной стороны, вычленения предпринимателей, а с другой – так называемого «нового среднего класса»: людей с высшим профессиональным образованием, тех, кто обслуживает новые технологии, менеджеров, новых администраторов⁴³. По возможности мы сделали попытку выделить данные слои в этнических группах и рассматривали их долю в этих группах как фактор, способный выступать катализатором интеграционных процессов. Изучая неравенство в восприятии людей, нам важно было выяснить, насколько они сами ассоциируют свой статус в обществе и возможности продвижения с этнической принадлежностью. Затем эти представления мы соотносили с реальной мобильностью респондентов, исходя из их собственных ответов об изменении карьеры, и сопоставляли этничность с другими факторами, способными влиять на социальное продвижение.

И наконец, еще одним важным принципом в теоретических подходах было рассмотрение изменений соотношений социальных слоев в этнических группах на фоне меняющегося политического фона.

Проблемы неравенства в этносоциальном пространстве России

Несмотря на то что в 2000-е гг. не было опасности массовых национальных движений, проблемы в этносоциальной сфере в России остаются. Правда, за короткое историческое время они существенно изменили свое содержание. С точки зрения социального развития страны на первый план выходят, несомненно, две. Первая проблема связана с ролью культурных факторов в процессе модернизации страны, в том числе готовности работников разной национальности к современным видам деятельности, определением наиболее эффективных путей их взаимодействия при передаче управленческой

⁴³ Social Class and the Division of Labor / Ed. by A. Giddens, G. McKenzie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

и производственной культуры, нахождением способов преодоления негативного традиционализма, тормозящего прогресс.

К культурным факторам относят «ценности, установки, верования, ориентации и убеждения, преобладающие среди членов общества»⁴⁴. Наиболее известные в мире исследования в этом направлении выполнены А. Инкелесом, Дж. Хофстедом, Л. Харрисоном при участии С. Хантингтона⁴⁵. В России исследования такого рода только начинаются⁴⁶.

Вторая проблема – место этничности в стратификационной иерархии современного российского общества. На протяжении 1990–2000-х гг. мы имели возможность наблюдать, как фокус интересов национальностей смещался из символической, культурной и психологической сферы (принятие деклараций о суверенитете в республиках, провозглашение в них национальных языков государственными вместе с русским, сохранение ценностей культуры, групповой идентичности) в сферу государственно-политическую, а затем преимущественно социально-экономическую, связанную с собственностью, доходами, престижем, властным и интеллектуальным ресурсом этнических групп.

Предметом нашего анализа является реальное или воспринимаемое людьми социальное неравенство этнических групп. Это несколько иной ракурс исследования по сравнению с изучением социальной стратификации народов, этнических групп, которое велось в отечественной этносоциологии прежде. Особенностью этносоциологии после ее утверждения в нашей стране в 1960–1970-е гг. было *внимание к изучению социальной структуры этнических общностей* (прежде всего наций союзных республик), но акцент делался на

⁴⁴ Культура имеет значение. – М., 2002. С. 11

⁴⁵ *Inkeles A., Smith D.M.* Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. 3rd ed. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982; *Inkeles A.* National Difference in Individual Modernity // Comparative Studies in Sociology. Vol. 1. – JAL Press. Inc., 1978; *Hofstede G.* Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. – L.: Sage, Beverly Hills, 1980.

⁴⁶ *Шкаратан О.И., Карачаровский В.В.* Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1; *Наумов А.* Хофстедово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3; *Шершнев Е.Л., Фельдхофф Ю.* Культура труда в процессе социально-экономических преобразований. – СПб., 1999; *Данилова Е., Тарарухина М.* Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2003. № 3.

Кроме того, какие-то аспекты этих проблем ранее затрагивались в работах Ю.В. Арутюняна, В.В. Коротеевой, Л. Перепелкина.

сравнительном анализе народов с точки зрения их развития. Объективная причина этого — сам характер полиэтничности, многокультурности в СССР и сейчас в России.

В США, Канаде, Англии социальные проблемы этничности изучались главным образом в связи с взаимодействием групп мигрантов или с группами мигрантов. Для США основной социальной проблемой были взаимоотношения не между аборигенным населением и колонистами из Европы, а между отдельными группами колонистов. Поляки, греки, итальянцы — белое неанглосаксонское население — боролись здесь за свои права с теми, кто называл себя WASP. Во Франции и Германии проблемы регулирования межгрупповых этнических отношений с 1960–1970-х гг. тоже преимущественно были связаны с мигрантами.

В России, так же как раньше в Советском Союзе, этническое «небольшинство» — это прежде всего народы, живущие преимущественно на своей территории (даже если речь идет о разных этнических группах, проживающих на одной и той же территории), — так сложилось наше государство как полиэтничское.

В Советском Союзе нерусские составляли практически половину населения страны. И это, естественно, стало неким объективным основанием для того, чтобы изучение фокусировалось на адекватности социальных структур самих народов социальной структуре общества в целом, а не на месте меньшинств в структуре общества, и прежде всего, конечно, внимание уделялось наиболее крупным народам и имеющим свою государственность, пусть скорее символическую, чем реальную. Хотя, разумеется, само сравнительное сопоставление давало повод для дискуссий о равенстве.

В современной России мы живем в других условиях. Появились новые сферы деятельности, социальные слои, формирующиеся классы. Усилилась социальная поляризация. Существенно обострилась социальная конкуренция, особенно в больших городах. Люди знают, что если они смогут хорошо зарабатывать, то будут иметь комфортное жилье, машины и любые другие потребительские блага.

И в то же время в социальной политике нового государства этнический принцип не присутствует. В ней едва просматривается задача защиты обездоленных, главным образом неадаптировавшихся мигрантов. Так же как и в других государствах, подобный подход в социальной политике не снимает конкуренции между другими этническими группами, особенно компактно проживающими и претендующими на участие в распределении материальных, сырьевых и властных ресурсов (пример басков и каталонцев в Испании, шотландцев и североирландцев в Англии).

Вхождение России в пространство государств с рыночной экономикой, новые акценты в этнонациональной политике нашего государства предопределяют изменения фокуса исследования социальных изменений в этнических группах. Актуальным становится не просто социальная конфигурация, а изучение неравенства этнических групп как социальная проблема. Исследователями признается, что для любого общества неравенство доступа к ресурсам и вознаграждениям является «фундаментальным фактом»⁴⁷.

Нас интересовали статусные позиции, приписываемые общественным сознанием этническим общностям, а также социальная стратификация внутри этих общностей, так как сам масштаб представленности иерархически стоящих выше слоев влияет на приписываемый этнической группе статус и место людей той или иной национальности на стратификационной лестнице.

Исходным являлся анализ социально-профессиональной стратификации этнической группы как базовой. Она фиксировалась через выделение слоев по содержанию и условиям труда с учетом квалификационных требований. Эта стратификационная система была важна для нас не только потому, что позволяла провести динамические сравнения, поскольку в прежних исследованиях социальной структуры народов использовались в основном эти показатели. Она важна и потому, что после какого-то периода в нашей недавней истории, когда формальная аттестация с помощью дипломов и аттестатов потеряла значение, теперь образование и квалификация, подтвержденные соответствующими сертификатами (как объективный показатель), снова открывают путь к престижным рабочим местам.

Конечно, теперь при выделении социальных страт мы более жестко следуем принципам их дифференциации по размерам доходов, материальному благосостоянию, накоплениям, наличию собственности, в том числе производственного капитала, образованию, квалификации, должностному положению, властным полномочиям. Практически все эти показатели в той или иной степени поддаются объективным, количественным измерениям.

Но есть один дифференцирующий показатель, который практически не поддается объективной операционализации, особенно с учетом этнокультурного разнообразия, – это престиж. Данный показатель не только относительный, но и субъективный. По опыту работы в предыдущих проектах в российских республиках мы, напри-

⁴⁷ Радаев В.В. Социальная стратификация, или как подходить к проблемам социального расслоения // Российский экономический журнал. 1994. № 11. С. 85.

мер, можем сказать, что в период хаотической трансформации в среде русских престиж образования падал (сметливые малообразованные люди могли стать богачами, попасть в средний слой, а специалисты становились уборщиками в частных магазинах), а у якутов, осетин, тувинцев образование по-прежнему было в почете.

Именно из этих самооценок и приписываний, которыми они деляют других, индивиды и группы исходят в своих представлениях, ориентациях и поступках. Репутационный метод относится к субъективным, но представления людей зависят от объективного состояния общества. Социальные различия между этническими группами могут интерпретироваться как различия этнокультурного характера, на основе которых конструируются представления о разном месте этнических общностей в общественном разделении труда (культурное разделение труда, по М. Хехтеру) и объясняется неравенство. И при этом не важно, насколько сложившиеся конструкты имеют реальное основание. Важно иное: люди строят отношения с другими, соглашаясь со своими представлениями. Поэтому нами была запрограммирована *комбинация показателей*, традиционно использовавшихся для изучения социальной стратификации (доход, имущественные характеристики, уровень образования, квалификации, должность, позиция во властной структуре), и субъективный показатель – престиж. В качестве дополнительных критериев использовались оценки респондентами своего материального и социального положения, социального самочувствия, удовлетворенности жизнью.

Таким образом, как и другие исследователи (Т.И. Заславская, З.Т. Голенкова, М.К. Горшков, Л.А. Беляева, Т.М. Марева, В.В. Радаев, Н.А. Тихонова, Л.А. Хахулина и др.), мы изучали субъективное восприятие человеком своего положения в иерархии общественной структуры, т. е. самоотнесение к высшему, среднему или низшему классу.

При этом само объективное социальное деление для нас было важно с точки зрения его соответствия представлениям о неравенстве. С этой же точки зрения изучалась социальная мобильность среди русских и титульных (дающих название республикам) национальностей в республиках.

Исследуя неравенство в восприятии людей, мы ставили перед собой задачу выяснить, насколько они сами ассоциируют свой статус в обществе и возможности продвижения с этнической принадлежностью. Затем эти представления мы соотносили с реальной мобильностью респондентов, исходя из их ответов об изменении карьеры, и сопоставляли этничность с другими факторами, способными, по

мнению самого респондента, влиять на социальное продвижение. Материалом для анализа послужили результаты проекта «Российская идентичность» в Москве и регионах в 2008–2009 гг. и данные переписей. В 2002 г. нами был завершен проект, начатый еще в 1999 г., – «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации»⁴⁸.

Предмет и методология исследования

Предметом исследования были не только изменения в социальной конфигурации контактирующих этнических групп, но и факторы, конструирующие границы между этническими общностями и социальными слоями.

Механизмом, с помощью которого конструируются границы (как их понимал Ф. Барт), являются представления. Известно, что далеко не всегда социальные противоречия возникают на основе реальных различий в статусе групп. Как правило, в основе противоречий лежат интерпретации социальных иерархий в обыденном сознании, кристаллизованные в соответствующих мифологемах.

Мифологемы как разделяемые большинством представления об отдельных компонентах социальной реальности являются, естественно, не только суммой индивидуальных, обусловленных личным опытом интерпретаций текущих социальных реалий. Завершенность и социальную значимость им придают *репутации*⁴⁹, задаваемые лидерами, нередко неформальными. Таким образом, мифологема – это групповая интерпретация текущей реальности, озвученная лидером и овященная его авторитетом.

Выяснение представлений о неравенстве (в том числе закрепленных в мифологемах) входило в предмет нашего изучения не случайно. Если социальное неравенство в массовом сознании связывается

⁴⁸ Проект осуществлен московскими исследователями Л.М. Дробижевой (руководитель), В.В. Коротеевой, И.М. Кузнецовым (ученый секретарь), Л.В. Остапенко, С.В. Рыжовой, Г.У. Солдатовой и исследователями из республик и областей В.В. Амелиным, Д.В. Брагиной, Р.М. Валиахметовым, Э.М. Виноградовой, Р.А. Кузьминой, Р.Н. Мусиной, Л.В. Сагитовой, Т.А. Титовой, Э.Я. Яковлевой. Кроме упомянутых исследователей в проекте принимали также участие А.Д. Бравин, А.Д. Коростелев, Г.А. Исаев, В.Е. Козлов, И.А. Снежкова, И.Г. Спиридонова и другие наши коллеги из республик и областей РФ. Всем им мы признательны за содействие в реализации исследования.

⁴⁹ В эффективности метода определения репутаций после работ У. Ллойда Уорнера и Пола Ланта мало кто сомневается [Warner W.L., Lunt P. The Status System of a Modern Community. – New Haven, 1947].

с этничностью, если люди верят, что их национальная принадлежность влияет на социальное положение, они будут действовать в согласии с этими убеждениями и соответственно относиться к людям той или иной национальности как к социально конкурентным группам. Мы солидаризируемся с известной «теоремой Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям»⁵⁰. Мы можем лишь добавить, что если члены контактирующих групп по-разному определяют одну и ту же межгрупповую реальность, то создается основа для социальной напряженности и конфликта.

Место этнокультурных факторов, особенностей норм, ценностей, идеалов в социальной иерархии тесно связано с проблемой приспособления этнических групп к современному рынку труда, информационным ресурсам, технологиям.

Кроме материалов массовых опросов привлекаются материалы переписей и некоторые данные глубинных интервью, которые были взяты автором (90 интервью).

Для исследования были отобраны культуры, сложившиеся исторически под влиянием разных религий: русские с православным вероисповеданием, но практически потерянной для большинства традиционной культурой, испытавшей влияние христианства; татары и башкиры с сохранившимся влиянием ислама в повседневной жизни и саха-якуты, частично обращенные в православие, но со значительной, в какой-то мере протестной, приверженностью к шаманизму.

Это позволяло нам не только посмотреть, как входят в трансформационные процессы этнические группы с разными традициями, но и как влияют (и влияют ли) особенности культуры на социальные иерархии.

При этом само объективное социальное деление для нас было важно с точки зрения его соответствия представлениям о неравенстве. С этой же точки зрения изучалась социальная мобильность среди русских и титульных национальностей в республиках.

Наши исследования не были посвящены специально качественным характеристикам рабочей силы, но ряд измерений (образование, ориентация на тот или иной тип оплаты труда, предприимчивость, достижительность, ценность труда, самостоятельность, ответственность, коллективизм) мы фиксировали для изучения влияния этнокультурных параметров на неравенство.

⁵⁰ *Thomas W.L., Znaniecki F. The Polish Heasant in Europe and America. – NY: Knopf, 1918. Vol. 1. P. 79*

В исследовании ставились задачи:

- на основе анализа статистики и результатов репрезентативных опросов выявить факторы социальной стратификации и мобильности в этнических группах, различающихся по уровню модернизации и культурному наследию;
- понять, как соотносится реальное неравенство этнических групп с представлениями об этом неравенстве у русских и титульных национальностей в республиках, насколько национальность ассоциируется с другими социальными делениями;
- определить, какие этнокультурные и этнополитические факторы присутствуют среди объяснительных моделей движения к социальному успеху, какие из них действительно содействуют продвижению;
- установить, как влияют этнические факторы на достигательные ориентации, предприимчивость групп и обостряет ли это конкурентные отношения между ними;
- выяснить, как распространены в группах с разной этнокультурной составляющей инновационные, разделяемые всеми ценности и установки и как влияет сходство или различие в этом отношении на интеграционные процессы в обществе.

Объектом изучения были этнические группы. Это понятие используется нами в значении этнической категории, сформированной по принципу самоотнесения с ней на основе тех или иных признаков. Естественно, в таком значении этническая группа не представляет общности с жесткими социальными связями. Они могут различаться не только по силе и сферам деятельности людей, но и просто номинально. Какая-то часть людей, вошедших в категорию «этническая группа», могла вообще быть не включенной в этнические связи⁵¹ и не испытывать в этом потребности или не осознавать ее.

Конкретными объектами исследования были татары и русские в Татарстане, саха и русские в Саха (Якутии) – республиках, в которых мы работали в предыдущих проектах, русские и татары в Оренбургской области, где по ряду сопоставимых признаков проводилось исследование и в 1996–1998 гг., а также русские и татары в Башкортостане.

Выборка опроса была спланирована таким образом, чтобы иметь возможность сравнить положение и мнения русских, живущих в рес-

⁵¹ Подробнее о «номинальной» и «действительной» идентичности см.: [Jenkins R. Rethinking Ethnicity. Arguments and Explorations. – L., 1997; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л.М. Дробжевой. – М.: Academia, 2002].

публиках – в иноэтничной среде и в области – преимущественно в своей среде. Так же и в отношении татар, мы имеем возможность сравнить их статус, положение и самочувствие в своей республике, в области с доминирующим русским населением и в республике, где они не являются национальностью, дающей название территории. Выборка нашего опроса позволяет делать сравнительные оценки положения той или иной национальности. Например, чтобы представить положение и самочувствие русских в республиках, очень важно посмотреть на оценки их социального, экономического положения в соседней, сходной по ресурсам Оренбургской области. Чтобы понять, насколько влияет уровень самостоятельности республики на положение татарского населения в Татарстане, важно посмотреть на данные о положении татар и их самооценках в соседнем Башкортостане и Оренбуржье.

Именно такие сравнения позволяют сделать более адекватные выводы о роли статуса республики для жизни населения и конкретных национальностей, понять, за счет чего проигрывают в уровне жизни и социальном положении этнические общности – за счет статуса областей в сравнении с республиками или недостаточно эффективной деятельности областной власти. Сравнительный анализ по республикам и области позволяет выявить широкий набор факторов, влияющих на социальное неравенство этнических групп и избежать нередко мифических приписываний.

Параметры репрезентативной выборки для основных национальностей республик и области были разработаны М.С. Косолаповым (по Татарстану, Саха (Якутии), Оренбургской области) и Е.В. Козеренко (по Башкортостану). В исследованиях 2000–2002 гг. в Саха (Якутии) были опрошены 1050 человек, Татарстане – 1000, Башкортостане – 1317, Оренбургской области – 1160. В исследовании 2007–2008 гг. было опрошено 1328 человек. Выборка разработана М.Ф. Чернышом.

Новый взгляд на неравенства от прошлого

В советское время народы делили на тех, которых «догоняют» и «отстававших в прошлом». Успехи в сближении уровня экономического и культурного развития народов считали достижением в политике государства. В новой России ни государство, ни партии не декларируют подобной «национальной политики», а социальная политика не включает этнического компонента. Приверженность демократии обязывает государство обеспечить *правовое равенство* всех граждан независимо от национальности перед законом.

Радикальные системные преобразования в нашей стране, совпавшие со втягиванием ее в глобальные процессы в мире, меняют наш взгляд на этносоциальное пространство. К тому же социальная практика дает нам уроки «узнаваемо-неузнаваемой актуальности». Эстонцы, сходные с русскими по социальному потенциалу (уровню образования, доли квалифицированного труда), быстрее почувствовали преимущества от вхождения в рыночную экономику и демократическое пространство и преуспели в трансформационных процессах. Народы, квалифицировавшиеся ранее как «отстававшие», живут самостоятельной жизнью. Социальное время ускоряется, а социальное пространство фрагментируется, заставляя уходить от однозначных оценок.

Один из главных выводов после проведенного исследования состоял в том, что мы чаще всего фиксируем малосравнимые социальные практики на фоне единых процессов. Вот только один пример. По важному критерию модернизации – уровню образования (доле специалистов с высшим образованием) якуты в Саха (Якутии) в городских условиях уже более десятилетия обгоняли русских. Но у якутов большая часть народа живет не в городе, а в сельской местности, где включенность жителей, тем более в условиях высокой дисперсии по территории, в современные виды деятельности очень невысокая.

В Татарстане иное. Здесь русские и татары по уровню образования были очень сходны, и, что особенно важно, уже с конца 1980-х гг. они мало отличались по отраслевой занятости работников, в том числе по доле производственной, художественно-творческой интеллигенции, в то время как в Саха (Якутии) или Башкортостане доли производственной интеллигенции у русских и титульных национальностей различались более чем в 4 раза. Процесс шел общий – модернизации, но вариации его в количественных выражениях, а тем более в качественных характеристиках чрезвычайно разнообразны.

Поэтому для российских условий очень важны выводы ученых, изучавших процессы глобализации, прежде всего о «глокализации», понимаемой как процесс адаптации глобальных хозяйственных практик к местным условиям и как понятие для описания реструктуризации социального пространства⁵². Время, настоящее и прошлое,

⁵² *Robertson R. Glocalizations: Time-Space and Homogeneity – Heterogeneity // Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. Global Modernities. – L.: Sage, 1995. P. 28–29; Luke T. New World-Order and Neo-World Orders: Power, Politics and Ideology in Informationalizing Glocalities // Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. Global Modernities. – L.: Sage, 1995. P. 91–107.*

давнее и недавнее, по-разному воспринимается социальными акторами и целыми группами в процессе самоидентификации. Из глубинных интервью с людьми одной и той же национальности и даже близкого статуса видно, что одни в традициях культуры, подчас даже архаических, видят способ защитить общество от стандартизированной масскультуры, нравственного опустошения и поддержать деятельностную позицию работников. Другие считают, что как можно быстрее надо уйти от прошлого, оно сковывает, сдерживает. Приведу выдержки из интервью директора Департамента по реализации в правительстве Саха (Якутии) Егора Павловича Журкова: *«Как жить? Есть две крайности... Свести все к самодостаточности, сохранить нетронутой самобытность народа. Или выбрать путь открытого миросуществования, вписывания в новые отношения. Этот путь, как мне кажется, больше отвечает новому времени»*. А Николай Алексеевич Лугинов, директор Литературного музея (г. Якутск), рассуждает о том, что время сейчас иное, как раньше, жить нельзя, но что-то в прошлом было рациональным: *«В жизни каждого народа есть та сфера производства, которая составляет исконное занятие народа. И подрыв этой сферы деятельности подрезает все национальные корни. И после этого происходят необратимые процессы... Чтобы менять внутренний склад жизни, нужно время. Нельзя сказать, что народ сломался, он, наверное, при новых условиях жизни становится другим... У нас есть глубоко порочный подход ко всему – единообразный. Пытаются сравнивать многомиллионные города и Якутию, а она вся – это миллион с небольшим жителей... Народы осваивают такую громадную территорию, на них держатся редчайшие сферы деятельности... Эти люди даже фактом своего существования, обитая на громадных территориях, несут дополнительную положительную силу»*.

Понятие исторического времени для сравнения и понимания своего места в настоящем меняется, и осмысление этого людьми имеет существенное значение для представлений о равенстве-неравенстве народов, этнических групп.

В нашей интерпретации итогов исследования мы не используем понятия «выравнивание уровней развития», «догоняют», «опережают». Речь идет о своеобразии этнических групп, их позиций, статусов, о явлениях, формирующих представления о равенстве-неравенстве.

Для восприятия статуса группы, унаследованного из прошлого, важна доля высококвалифицированного умственного и, затем, физического труда. Л.В. Остапенко, которая работала по статистическим материалам Всесоюзных переписей 1959, 1979 и 1989 гг., установила,

что народы, дававшие название республикам в России, более всего различались именно по этим показателям (коэффициент вариации в 1989 г. по доли работников высококвалифицированного умственного труда среди занятого городского населения республик составлял 33%, по рабочим высшей квалификации – 21%, а мало- и неквалифицированным рабочим – 18%)⁵³.

Дифференциация национальностей по доле квалифицированного умственного труда была значимой как среди городских, так и среди сельских жителей. У якутов, бурят доля работников этих категорий составляла 40% в городе и 30% на селе, а у карел, марийцев, удмуртов, чеченцев соответственно – 20% и 12–13%⁵⁴. Но люди этих национальностей не так часто контактировали, и наиболее значимыми были сравнения с русскими, живущими в республиках. К началу трансформационных процессов наиболее сходным был социально-профессиональный состав у русских и титульных национальностей в Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской и Коми АССР⁵⁵.

Уже с 1960-х гг. были республики, где титульные национальности в городах имели долю специалистов высшего звена большую, чем русские, – Якутская и Бурятская (по этому показателю превосходили вдвое местных русских). А в тенденции быстро сближающимися были показатели по доле высококвалифицированного (умственного и физического) у татар и русских в Татарской АССР. В большинстве других республик дистанция по этому показателю между русскими и титульными национальностями была в 1,4–1,7 раза.

Но для ощущения равенства или неравенства национальностей имеет значение не только доля престижного труда в составе самой этнической общности, но и их представительство в самой престижной группе. Например, якуты в своем составе имели большую долю специалистов высшего звена (в городах), чем русские, но в составе руководителей высшего звена в республике якутов было 19%, а русских – 61%, среди специалистов высшей квалификации было 9,0% якутов, а русских – 68%; правда, сами якуты в республике составляли 31%, а в городах их было еще меньше.

В Татарстане же, где татары и русские проживали практически в равных пропорциях, среди руководителей высшего звена в городах было 44% татар и 49% русских, а среди специалистов этой категории – соответственно 38% и 54%. И в отраслях промышленного производ-

⁵³ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л.М. Дробизевой. – М.: Academia, 2002.

⁵⁴ Там же

⁵⁵ Расчеты по Всесоюзной переписи 1989 г. были проведены Л.В. Остапенко.

ства татары и русские были в Татарстане представлены более равномерно. Статусный диссонанс в Якутии, естественно, ощущался острее. Будучи шире представленными в науке (больше гуманитарной), просвещении, культуре (среди русских, как и в других республиках, здесь больше специалистов, занятых в промышленном производстве), якуты глубже и разносторонне, чем многие другие национальности, осмысливали свои запросы, что нашло отражение в требованиях контроля над ресурсами в начале 1990-х гг.

В Саха (Якутии) в прошлом и теперь наиболее заметны различия в отраслевой занятости национальностей. Даже работая в индустриальном производстве, русские чаще заняты в добывающей промышленности и, так же как и в других республиках, в машиностроении и металлообработке, а титульные национальности шире представлены в строительстве, на транспорте, в легкой и пищевой промышленности.

Работники предприятий первой группы, которые в большинстве своем являются крупными организациями, имели более высокие заработки, были лучше обеспечены жильем, имели лучшие условия труда и отдыха. И эти неравенства в материальном обеспечении, условиях жизни проецировались на национальности.

Наиболее сильно на социальное неравенство народов влияла доля сельского населения. Например, сельские якуты, буряты, горноалтайцы были сравнительно более образованными в сопоставлении с сельскими жителями других народов, но они же существенно отставали от своих городских соплеменников, прежде всего из-за языковой компетенции при социальном перемещении, ведь вузы в городе работали на русском языке.

Разная доля горожан и специалистов создавала неравные стартовые возможности для вхождения в рыночную экономику, участия в приватизации и формировании новых социальных групп.

Для включения в трансформационные процессы имела значение отраслевая занятость национальностей⁵⁶. Наиболее крупные индустриальные кадры имели татары, удмурты, башкиры, карелы, хакасы, чуваш. В городах республик их доля достигала 55–60% занятого населения этих национальностей. Меньшая занятость в индустриальном производстве характерна для алтайцев, калмыков, якутов, национальностей Дагестана, что отражалось на вхождении в рыночные отношения.

Этносоциальной проблемой, доставшейся в наследство еще от советских времен, была проблема социального взаимодействия рус-

⁵⁶ Расчеты Л.В. Остапенко по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

ского и нерусского населения республик. В целом с российскими народами у русских в республиках прослеживаются два типа взаимодействия. Один – его условно можно назвать *сегрегационным* (не в буквальном смысле, конечно) – когда в отраслевых занятиях национальностей довольно четко прослеживаются несовпадения⁵⁷.

Другая модель межэтнического взаимодействия – *конкурирующая*, когда у титульных народов республик и русских более-менее сходная структура занятых. Например, в Татарстане, за исключением преобладания специалистов в сельскохозяйственном производстве у татар, в других сферах деятельности наблюдается сходство с русскими. В 1989 г. среди специалистов и руководителей производства в составе интеллигенции у татар было 45%, а местных русских – 50%. В машиностроении, нефтепереработке были заняты и русские, и татары. В составе работников партийно-государственного управления было 47,6% татар и 47% русских, среди учителей и врачей – 43% татар и 49% русских, художественно-творческой интеллигенции – 44% татар и 47% русских. Тогда русские преобладали (53% против 38% у татар) в среде работников хозяйственного управления. По нашим опросам 1999 г.⁵⁸ и материалам переписи 2002 г., и в этой среде татары представлены практически вровень с русскими.

С одной стороны, при сегрегационной модели этнические группы занимают «свои ниши», взаимно дополняют друг друга и заинтересованы во взаимодействии. С другой стороны, различия в отраслевой занятости связаны с неравенством в оплате труда, условиях трудовой деятельности, получении пособий, материальных благ и в престиже, доступе к власти, и в этом отношении социальная дистанция

⁵⁷ Например, в Саха (Якутии) якуты в наибольшей мере были представлены в сфере управления, здравоохранения, просвещения, науки, культуры и искусства. Русские же заняты преимущественно в сфере индустрии, добывающей промышленности, имеют значительно большую долю рабочих и меньшую среди управленцев. В какой-то мере это связано с территориальным размещением. Русские прибывали в Саха (Якутию) для работы на приисках. Якуты городские сосредоточены преимущественно в столице, где осуществляется управление, работают вузы, расположен современный медицинский центр. Кроме того, сельское население рассредоточено на больших расстояниях, и там везде нужны были управленцы, знающие язык местного населения.

Со своим своеобразием, но все же несовпадением отраслевой занятости народов, прослеживается взаимодействие этнических групп в Туве, Дагестане, Карачаево-Черкессии.

⁵⁸ Данные за 1989 г. приводятся по расчетам Л.В. Остапенко; за 1999 г. – по результатам опросов по названному выше проекту «Социально-экономическое неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России».

между этническими группами увеличивается. Поэтому не исключено, что конкурирующая модель оказывается нередко более перспективной и позитивной.

Отраслевая занятость и образовательный потенциал народов существенно влияли на социальную и экономическую ситуацию в условиях трансформации⁵⁹. Особенно тяжелая ситуация была на предприятии ВПК, где традиционно работали преимущественно русские. И это создавало трудности межэтнического характера⁶⁰.

Выигрывали республики с экспортной направленностью в экономике, имеющие добывающие предприятия, – Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Хакасия. Уровень зарплаты здесь был намного выше, чем в других отраслях (например, в 3–5 раз выше, чем в машиностроении и металлопереработке)⁶¹. В результате новых «выигрышей» и «проигрышей» различия между народами и республиками в доходах оставались значительными. Например, доля малоимущих в Туве в конце 1990-х гг. составляла 75%, в Саха (Якутии) – 32%, в Башкортостане – 28%, в Татарстане – 20%⁶².

Русские в республиках оценивали свое материальное положение хуже, чем титульные национальности. Они чаще давали оценку своему положению «Денег хватает только на еду». Русские везде острее чувствовали ухудшение своего положения.

Однако результаты проведенных нами исследований в Саха (Якутии), Татарстане, Башкортостане и Оренбургской области (сопоставимой с двумя последними республиками) показали, что за 10 лет русские не понизили своего реального социально-профессионального статуса в республиках больше, чем в областях. Доля перешедших из руководителей и специалистов высшего звена в низшие страты в республиках в 1999 г. была 20–23% (среди горожан), в областях –

⁵⁹ Как известно, в 1990-е гг. более всего пострадала промышленность. В Удмуртии, Туве, Карелии, Марий-Эл, Калмыкии, Дагестане, Кабардино-Балкарии численность работников промышленности упала вдвое, в Северной Осетии – Алании – еще больше.

⁶⁰ Например, в Татарстане принимали специальные меры по поддержанию оплаты труда работников в этой сфере, имея в виду возможность «перемещения» недовольства в межнациональные отношения.

⁶¹ Популярной деятельностью в условиях транзита стала сфера торговли и обслуживания. Народы, которые издавна имели традиции в этих видах деятельности, например Северного Кавказа, выиграли больше от развития этих отраслей [Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л.М. Дробижевой. – М.: Academia, 2002. С. 331–332].

⁶² Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л.М. Дробижевой. – М.: Academia, 2002. С. 331–332.

25%. В Татарстане, например, у татар эта доля была не меньше 28% (у русских в республике – 20%). В соседней республике, у башкир, понизивших статус, было меньше (8%), что могло быть связано с тем, что башкиры только завоевывали место в высокостатусных образованных слоях и больше боялись поменять вид деятельности, который еще недавно казался столь престижным, а теперь стал еще менее оплачиваемым.

Одновременно у башкир, татар, якутов (так же как у большинства других нерусских народов) доля повысивших статус по сравнению со своими отцами (межпоколенная мобильность) была выше. Практически половина нынешних специалистов высшей квалификации – татар и башкир и чуть меньше Саха в городах, где в основном они контактируют с русскими, – вышли из семей менее квалифицированных работников⁶³.

Таким образом, даже на примере якутов видно, насколько неадекватны могут быть наши оценки, если мы сравниваем равенство-неравенство национальностей по какому-то одному, пусть и очень значимому, статистическому критерию, и даже в достаточно стабильной обстановке.

К тому же и тогда, и теперь у людей разных национальностей сохраняются различия в профессиональных ориентациях, ценностях тех или иных видов труда, социальных устоях, и поэтому их собственные оценки своего статуса, положения далеко не всегда совпадают со стигматизацией другими. Конечно, можно говорить о положении народов по модернизационной шкале, но важнее понять и «неповторимые рисунки» социальной фрагментации этносоциального пространства. Социальные изменения трансформационного перехода еще больше убеждают в необходимости такого подхода.

Исследования, проведенные нами вместе с коллегами из Саха (Якутии)⁶⁴ в 2007–2008 гг. показали, что в социальном положении якутов и русских произошли заметные изменения в сравнении с 1990 гг.

⁶³ 30 лет назад среди башкир и в Саха 40% трудящихся были работниками мало- и неквалифицированного труда, среди татар эта цифра составляла более 30%, в то время как у русских эта категория работников в городах республик уже тогда не превышала 20%. А сейчас по доле работников физического труда низшей и средней квалификации этнических различий почти нет. Естественно, что у титульных национальностей республик это вызывает чувство удовлетворения, гордости, а русские далеко не везде и не всегда готовы воспринимать их равными партнерами.

⁶⁴ Инициаторами и координаторами исследования в республике были А.Д. Бравин и Э.Я. Яковлева. Исследовательская группа Института социологии РАН – Л.М. Дробижина, С.В. Рыжова, М.Ф. Черныш.

В составе городского населения выросли и сблизилась доли специалистов и ИТР этих групп (соответственно 13% и 15,6% в сравнении с 5,7–10,5% в 1999 г.), доля предпринимателей (в 1999 г. у якутов она составляла 1,9%, у русских – 4,4%, а в 2008 г. – соответственно 4,2–5,4%), руководителей предприятий (теперь среди якутов – 1,5%, среди русских – 1,2%, а было соответственно – 2,8–1,2%). Доля людей с высшим образованием у якутов и русских стала практически одинаковой. Но, как и прежде, у якутов выше доля занятых в государственном аппарате (3,6% против 2,3% у русских). Среди русских выше доля рабочих.

Статусно в производственных сферах деятельности русские удерживают свои позиции. Они практически так же, как и якуты, оценивают себя и по шкале богатства, даже выше (к средней группе причисляют себя 76%, а у якутов – 63%). Но среди них больше тех, кто помещает себя на низшие ступени шкалы власти (30% русских и 17% якутов), и меньше тех, кто видит себя на средней ступени (69% против 82% якутов).

Свыше 30% якутов и 40% русских полагают, что национальность влияет на возможность трудоустройства, и половина русских убеждены, что национальность влияет на возможность занять высокий пост в органах власти.

В целом русские сейчас оценивают ситуацию межэтнического общения лучше, чем в конце 1990-х, а титульные национальности не намного, но хуже. Но это уже специальная тема, требующая изучения.

Интерпретации неравенства в условиях новой стратификации

На исходе последнего десятилетия XX в. мы наблюдали, как начатые экономические реформы и доступ к демократическим свободам до неузнаваемости изменили привычные картины жизни в республиках и областях России. Возрастающее разнообразие и фрагментация социального пространства – доминирующая тенденция при достаточно выраженной новой социальной дифференциации.

Былые преимущества нередко обращались в ущерб. Вставляли крупные государственные предприятия, в том числе машиностроительные и предприятия ВПК. На большинстве из них в республиках работали русские. Затем началась приватизация, закрывались прииски. Русские не только теряли работу, но и часто принимали решение об отъезде. Представление о вытеснении по национальному признаку неадекватно отражало реальность. Доля русских, выехавших из

Магаданской области, была даже выше, чем из Саха (Якутии). Дистанцирующая роль отраслевой специализации выросла. Работники, занятые в легкой и мелкой промышленности, быстрее переходили к рыночной экономике, а там доля представителей титульных национальностей была выше.

Судя по материалам исследования 1999–2002 гг., татары, башкиры, якуты – люди разных культур не реже, чем русские, а иногда даже активнее принимали деятельностные установки (табл. 2).

Таблица 2

Жизненные стратегии по улучшению своего положения городского населения Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области (в % от ответивших)

	Татарстан		Башкортостан		Саха (Якутия)			Оренбургская обл.	
	татары	русские	башкиры	русские	татары	якуты	русские	русские	татары
Чтобы улучшить свое положение готовы...									
Повысить квалификацию	40	39	56	41	43	64	50	46	57
Сменить профессию	25	20	32	25	22	31	28	19	18
Сменить работу	46	35	46	39	37	49	44	47	45
Открыть свое дело	14	11	29	19	24	25	20	17	19
Наладить связи с нужными людьми	38	34	38	34	39	54	45	46	49

Из данных, приведенных в табл. 2, видно, что готовность к разным видам активной жизненной стратегии у национальностей несколько отличается. Якуты более, чем другие национальности, были ориентированы на повышение квалификации и использование резерва «связей с нужными людьми» (из глубинных интервью мы знаем, что прежде всего речь идет о земляческих и родственных связях).

На повышение квалификации были ориентированы и более половины башкир и татар Оренбуржья, у которых образовательный потенциал был ниже, чем у их соплеменников в Татарстане и Башкортостане. А готовность сменить работу по сравнению с русскими была выше у титульных национальностей, которые, видимо, чувствовали себя более уверенно в эффективности таких поисков. У рус-

ских в Оренбуржье готовность к такой активности была выше, чем в республиках, и практически такой же, как у татар, башкир, якутов.

Несколько выше у титульных национальностей республик по сравнению с русскими была готовность пойти на риск и открыть свое дело. (Причем это отмечалось не только в республиках. В Оренбургской области активных в этом отношении русских было не меньше, чем в Башкортостане или Саха (Якутии)).

Установки на деятельностьную позицию, в том числе на готовность к предпринимательству, в современных условиях существенно социально-психологически дифференцируют людей. Но, естественно, установки не всегда реализуются. Среди башкир и якутов четверть опрошенных заявляли о готовности открыть свое дело, но реально осуществили свое намерение немногие: предпринимателей было в 8–10 раз меньше, 60% башкир и около 80% якутов, судя по результатам опросов, остались работать на государственных предприятиях. Среди же татар и русских (в Татарстане), которые были более осторожны в своей готовности «открыть свое дело», реально на госпредприятиях осталось работать меньше – 49–55%. И надо сказать, что в Татарстане и у русских, и у татар намерения в данной сфере деловой активности практически соотносились с их оценкой возможности успеха. Готовность «открыть свое дело» и у татар, и у русских была практически одинаковой – 11–14% (при возможной ошибке выборки в 5% это равный показатель), а оценка возможности людьми каждой национальности сделать этот шаг соответственно проявлялась у 13% татар и у 7% русских, т. е. была практически реальной. Однако оценка такой возможности для татар русскими была выше – 25%.

Якуты же выше оценивали возможности русских открыть свое дело, чем сами русские (среди якутов 30% считали, что у русских больше возможностей в этой сфере активности, а среди русских так ответили 12% респондентов).

В.В. Коротева, анализирувшая экономические и политические возможности этнических групп в оценке жителей исследуемых регионов, сделала вывод, что «люди склонны преувеличивать ущемленность собственной группы и преуменьшать ее привилегии»⁶⁵.

В опросном листе для изучения представлений о равенстве-неравенстве задавался вопрос о возможностях людей разных национальностей добиться успеха в деловой и политической сфере. Ана-

⁶⁵ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л.М. Дробизевой. – М.: Academia, 2002.

лиз данных по всем массивам опрошенных показал, что именно в отношении бизнеса, деловой сферы представители всех этнических групп считают, что национальность влияет в этой сфере меньше, чем в политике. У большинства респондентов не вызывает сомнения, что представители национальностей, дающих название республикам, имеют в них больше возможностей «занять высокий пост в органах власти», так же как русские имеют больше возможностей в областях.

Возможности татар, башкир, якутов получить хорошо оплачиваемую работу русские тоже оценивают выше, и это в той или иной мере согласуется с мнением самих татар и башкир. Якуты видят большие возможности у русских и в отношении лучше оплачиваемой работы, и в отношении частного предпринимательства. Скорее всего, эти представления складываются у них за счет демографического превалирования русских и занятости их в выше оплачиваемых отраслях производства.

В Татарстане в демографическом соотношении и с точки зрения социального состава, а также профессиональной квалификации татары и русские очень близки, и поэтому возможности их должны бы быть одинаковыми, тем не менее согласованные оценки говорят о преимуществах татар.

Отметим еще одну важную закономерность: среди татар и русских значимая доля респондентов считали, что возможности в деловой сфере не зависят от национальности или затруднялись ответить на этот вопрос (свыше 50%) и чаще всего (более 60% и у татар, и у русских) имели такое мнение в отношении «открытия собственного дела». Та же тенденция наблюдалась в Саха (Якутии), Башкортостане и Оренбургской области⁶⁶.

Предпринимательская сфера в условиях рыночной экономики менее связана с этничностью (что не исключает культурной специфики в организации самого дела) по сравнению с успехами в политической сфере. В представлении о неравенстве шансов «занять высокий пост в органах власти» солидарны титульные национальности и русские.

Эти выводы коррелируют с данными исследования о том, что во всех этнических группах люди, ориентированные на достижительность (предпочли выбрать работу, где «можно много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее», иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск»), реже актуализируют этничность. Ответы «я редко задумываюсь о том, кто я по национально-

⁶⁶ Там же.

сти» превалируют в этой группе по сравнению с выбором ответа «никогда не забываю, что я татарин... башкир... якут». И.М. Кузнецов, изучавший эти взаимосвязи, утверждает: «Условия взаимодействия в рыночных сферах экономики либо полностью нейтрализуют, либо значительно снижают потребность (или привычку) в этнической категоризации социальных ситуаций»⁶⁷.

Таким образом, в условиях рыночной экономики мы имеем два противоречивых процесса. С одной стороны, в глоболизирующемся обществе все индивидуализируется, теряют значение солидарности⁶⁸, в том числе этнические. С другой стороны, возрастает конкуренция, и в ней этничность нередко становится дополнительным социальным ресурсом.

Данные исследований показали, что в рассматриваемых регионах русские нигде сколько-нибудь значимо не потеряли в статусе (у татар в городах группа имобильных даже чуть больше), но группы, повысившие свой статус, у титульных национальностей были больше⁶⁹.

В отношении русских и национальностей изучавшихся российских республик не фиксировалось «расколотого рынка», когда люди разных национальностей за одну и ту же работу получают разную оплату. Но в отношении мигрантов из Северокавказских республик РФ, так же как из Средней Азии или Закавказья, такая практика, как показывают исследования по Москве, имеет место.

В жизни этнических групп совмещаются старые и новые неравенства. Новые неравенства меньше связаны с политикой государства, но больше диктуются рыночной конкуренцией, при которой социальная дифференциация определяется для каждой национальности, будь то русские или башкиры, татары, якуты или другие народы, прежде всего культурой. Речь идет о ценностях, установках, ориентациях, убеждениях, воздействующих на социальное развитие.

В одинаковых условиях города или деревни в одном субъекте Федерации русские и национальности, дающие название республикам, так же как и в областях, например русские и татары в Оренбуржье, *отличаются по своим формальным социальным параметрам несущественно. Но в представлениях о богатстве, доступе к власти,*

⁶⁷ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л.М. Дробижевой. – М.: Academia, 2002.

⁶⁸ Покровский Н.Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, аномия, глобализация // Глобализация. Постсоветское общество. – М., 2000. С. 51

⁶⁹ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л.М. Дробижевой. – М.: Academia, 2002.

престиже титульные этнические общности выделяются преимуществами в глазах респондентов.

Эти преимущества осознаются практически всеми этническими группами как результат изменения их политического положения в результате демократизации и статуса республик.

Титульными национальностями доминирование в республиканских органах власти интерпретируется как возмещение их недопредставленности в федеральных органах власти, где в результате мажоритарной избирательной системы они никогда не смогут в силу своей численности иметь представительство, достаточное для влияния на законодательную практику или правительственные решения.

В республиках русские при декларированных демократических процедурах выборов не получают достаточного представительства. Политическая сфера – поле, где и русские в республиках, и титульные национальности в Федерации ощущают свое неравенство. Для русских это новое неравенство, для титульных национальностей – старое в новом варианте, это связано с тем, что в Федерации ситуация не меняется, а в республиках изменилась.

При правовом этническом равенстве в постсоветской России *русские* в 1990-е гг. ощущали себя в ситуации *относительного психологического неравенства*. Как и другие российские национальности, русские пережили распад Союза, но при этом они потеряли статус «старшего брата», державу с первенствующим геополитическим положением, убежденность, что страна, в которой они живут, имеет преимущество в социальном строе. О том, что это психологическое неравенство *ситуативно*, и о том, что оно преодолевается, свидетельствовали тенденции улучшения социального самочувствия русских в 2000-е гг.

Интеграционные установки принимающего большинства как условие адаптации мигрантов

В данном тексте мы делаем попытку рассмотреть характер идентичности принимающего большинства, в российском случае доминирующих русских, их межэтнические установки как готовность к адаптации инокультурных мигрантов.

Естественно готовность населения не может быть рассмотрена только в целом для страны, ибо условия в разных локальностях сильно отличаются и по этническому составу населения, и по потребностям в новой рабочей силе и по давности межэтнических контактов, их привычности.

Уточним значение некоторых используемых понятий. Мы рассматриваем интеграционные установки принимающего большинства от позиций которого во многом зависит конструктивность процесса адаптации.

Интеграция предполагает стремление иммигрантов стать частью принимающего общества и стратегию самого этого общества сотрудничать и принять новых по культуре людей. В ходе интеграции происходит взаимная адаптация и иммигрантов, сохраняющих культурную отличительность, к принимающему большинству, и самого большинства к новому сегменту общества.

Я полагаю в случае определения интеграционного процесса резонно использовать именно термин адаптация, а не приспособление. Приспособление означает лишь внешнюю перестройку поведения людей в соответствии с нормами среды, которая воспринимается как экономический ресурс. Это могут быть, например, нормы правовой культуры, поведение, контролируемое окружающим большинством, в то время как внутренне приоритетной остается культура среды исхода.

Адаптация же по модели интеграции предполагает принятие иммигрантами норм и ценностей включающего общества как приоритетных, а самим сообществом принятия идентичности тех иммигрантов, которые хотят сохранить ее в тех ее проявлениях, которые не затрагивают права других. В адаптации важнейшую роль имеет потребностно-мотивационная сфера регулирования деятельности, осмысленное поведение, такие действия, которые «наилучшим образом отвечают ... интересам участников»⁷⁰.

Дж. Берри, внесший значительный вклад в типологию адаптации мигрантов интерпретирует интеграцию как поиск людьми, включающимися в новое общество, наиболее полезных элементов в «принимающей и домашней» культуре. Принимая основные ценности и образцы поведения новой культуры, личность устанавливает прочные связи с ее представителями⁷¹.

⁷⁰ Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология 19 – начала 20-го веков. – М., 1996. С. 461, 462, 482.

⁷¹ Berry J., Poortiga Y., Segall M., Dasen P. Указ соч. С. 306.

Мы еще рассмотрим значение связей и их характера между иммигрантами и членами принимающего общества. Пока же, для того чтобы завершить представление о самих типах адаптации вернемся к концептуальным подходам Дж. Берри, дабы более адекватно охарактеризовать отечественный опыт стратегии в отношении иммигрантов. Кроме интеграции Дж. Берри выделяет такие способы включения иммигрантов в общество как ассимиляция; сегрегация, сепарация; маргинализация.

Ассимиляция предполагает отказ иммигрантов от своей культуры, нравов, устоев, практик повседневного публичного поведения и принятие норм и ценностей большинства. При этом мало кто из исследователей обращает внимание на то, что и сама ассимиляционная стратегия вариативна. Один вариант, когда принимающая среда этнически однородна (принимаемые составляют до 5–8%), например, в Армении. Такие варианты в мировой практике редки. Другой вариант, когда само принимающее общество неоднородно в этнокультурном отношении. В этом случае формируется значимый слой интегрируемой культуры, как правило, на основе преобладающей группы. И речь идет о включении иммигрантов именно в эту культуру.

С определенными допущениями модель «плавильного котла», декларировавшаяся в США до изменения стратегии в пользу интеграции на основе мультикультурализма после этнических и расовых вызовов в 60-ые и 70-ые годы прошлого столетия, являлась разновидностью второго варианта ассимиляционной стратегии. Повседневные практики этнических групп смешиваются, образуя новые модели культуры. Традиции иммигрантов могут при этом не устраняться полностью, например, в семейном быту. В обществе создается многообразие, и этнические группы, в том числе аккультурируемые мигранты адаптируются к более широкому социальному окружению, в котором они действуют⁷².

В случае ассимиляционной стратегии государства от новых жителей принимающее население ожидает принятия их повседневных стандартов поведения и не допускается стремление к паритету и, тем более, обособлению.

Пример ассимиляционной стратегии демонстрирует Франция. Стратегия эта обосновывается исторической традицией формирования гражданского общества в этой стране. Однако и во Франции

⁷² Гидденс Э. Социология. Изд. 2. – М.: Едиториалл УРСС, 2005.

в разные исторические периоды практика адаптации иммигрантов, тем более, мигрантов разной культуры (например, евреев, немцев, выходцев из стран Магриба) была вариативной, хотя, начиная со времен революции, декларировалась политика признания только гражданской идентичности.

В сфере культуры адаптационный процесс идет наиболее многоаспектно, но решающая роль, конечно, принадлежит освоению языка большинства. Не случайно процесс натурализации во всех странах начинается с программ освоения языка. При ассимиляционной стратегии этнические меньшинства осваивают язык не только в интересах трудовой деятельности, но стремятся приобщиться к телеинформации, радиоинформации, кругу общения на языке большинства. Не всегда установки общества и даже предпочтения самих иммигрантов реализуются в жизненных языковых практиках. Иммигранты первого поколения, естественно, испытывают языковой барьер, мешающий аккультурации, даже если сами иммигранты стремятся к этому. Мотивы изучения языка у иммигрантов естественно могут быть инструментальными и интегративными. Инструментальными они являются, прежде всего, при получении работы, а если язык изучается еще и для лучшего понимания принимающего большинства, то мотивация становится интегративной.

Культурная адаптация естественно не ограничивается языковой сферой. Это и усвоение норм, устоев, ценностей принимающего общества, а они проявляются и в деловой жизни, и в непроизводственной сфере, и в политической культуре (например, участие в голосовании, проведение общественных акций, в волонтерстве).

При стратегии ассимиляции аккультурация для индивида может завершиться потерей прежней этнической идентичности. Иммигранты идентифицируют себя либо с доминирующей группой, либо с государственной, гражданской общностью. При стратегии интеграции аккультурация менее жесткая, она может совмещаться с позитивной этнической идентичностью (т. е. без враждебного отношения к другим), которая сочетается, с гражданской, государственной идентичностью, а в каких-то случаях и с идентичностью большинства (множественная идентичность).

Множественная идентичность – естественное явление. Ни у кого не вызывает проблем то, что каждый из нас выступает в разных ролях: детей-отцов, идентифицирующих себя с семьей и одновременно с теми, кто близок по профессиональной деятельности. Проблемы появляются тогда, когда какой-то идентичности придается социаль-

ное значение. Если тебя не берут на работу, потому что ты женщина или имеешь не ту этническую принадлежность, если ты иммигрант – тебе не сдают жилье и т. д. Именно в таких случаях начинаются так называемые «неудобства с идентичностью».

Более сложный вариант – в случае если аккультурация иммигрантов происходит не по модели адаптации, а лишь приспособления к среде, восприятия ее как экономического ресурса. Тогда у людей сохраняется приоритетность культуры страны исхода и возможны варианты взаимодействия, наблюдаемые во многих странах мира – сепарация и сегрегация. Их важно различать, и, в то же время, понимать, что сами они бывают разными.

Представим, какова же готовность принимающего населения в России к адаптационным процессам. В социологии установлено, что он происходит успешнее, если у принимающей части граждан доминирует позитивная идентичность – гражданская, государственная и этническая. Позитивная гражданская идентичность предполагает отождествление с гражданами страны, представление об этом сообществе, лояльность государству, представление о его территории, символах, об истории, общих ценностях не изоляционистской и не ущербной направленности. Она содержит когнитивные элементы – представления, эмоциональные (гордость, переживание за успехи и неудачи) и регулятивные – готовность действовать во имя этих представлений и переживаний.

В первые годы новой России немало людей вообще ещё чувствовали себя «гражданами СССР». В 1992 г. 71% опрошенных идентифицировали себя как граждан России⁷³. Теперь, двадцать лет спустя, определяя свою идентичность, 95% опрошенных в стране идентифицировали себя как «граждане России», при этом 72% ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени». Судя по результатам опросов это наиболее сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей (см. рис. 1).

Российская идентичность исторически быстро формирующаяся. Ещё по опросам 2004 г. она по масштабам интенсивности очевидно уступала и этнической идентичности, и общности людей по взглядам на жизнь, и профессиональной и локальной идентичности. Тогда россиянами называли себя 78% опрошенных, а сильную связь (часто чувствовали себя россиянами) – 31% (см. рис. 2).

⁷³ Исследования под руководством В.А. Ядова, использованные для сравнения в кн. Российская идентичность в условиях трансформаций / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М., 2005. С. 82.

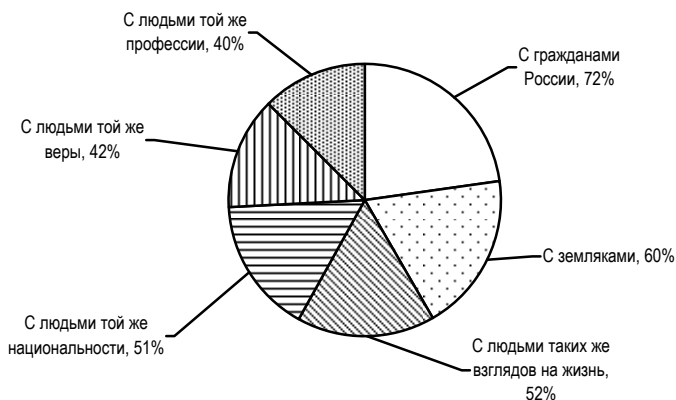

Рисунок 1. С кем люди ощущают связь в значительной степени

Рисунок 2. Изменения значимости Российской идентичности. С кем и в какой степени респонденты испытывали чувство общности в 2004 г. и в 2011 г. (в %)

К 2011 г. Российская идентичность стала не только самой распространенной среди наиболее значимых идентичностей, но и ощущение связи с ней стала наиболее высокой.

В сравнения не включены семейные связи, которые по всем исследованиям бывают самыми сильными.

Если в 2004 г. идентификация со страной, хоть и не столь значительно, но все же очевидно уступала идентификации людей по профессии, общности по взглядам на жизнь и по национальности, то в 2011 г. по результатам проведенного исследования **российская идентичность первенствовала**. И это зафиксировано не только долей респондентов, подтвердивших свою идентификацию со страной, но и тем, что ощущение «сильной связи» с ней выросло вдвое. Восстановилась связь времен. В советское время немного людей могли сказать, что они ассоциируют себя с РСФСР, и это, кстати, отличало их от жителей других союзных республик. В новой Российской идентичности присутствует и досоветский пласт представлений.

Если сравнивать с государствами Западной Европы, то по силе связи со страной россияне близки теперь к жителям Великобритании, ФРГ⁷⁴.

Естественно наибольший интерес вызывает сравнение российской идентичности с этнической, региональной, локальной идентичностью, поскольку она отражает процессы интеграции в стране. Идентификация по национальности до самого последнего времени была не просто конкурирующей, но превалирующей у людей в сравнении с государственной.

И вот к концу двадцатилетия российская идентичность в целом по стране (во всяком случае, в районах с доминирующим русским населением) стала немного превалировать, 90% населения по-прежнему сохраняли идентичность по национальности и по месту жительства. Однако сильную связь как видно из рис. 2 по национальному и локальному признаку чувствуют 50–60%, а с российскими гражданами – 72%.

Респондентам задавался уточняющий вопрос «Кем вы себя чувствуете в большей мере?» 25% ощущают себя в равной мере и теми и другими, но большая часть ответивших (47%) считала себя «скорее россиянами». При этом среди русских называло себя и «скорее рос-

⁷⁴ За сравнение взяты данные ISSP 2003 г., где связь фиксируется через ответ на вопрос, ощущает ли респондент связь со своей страной «очень сильно», «довольно сильно», «не очень сильно», «совершенно не чувствую связи». Нами объединены два первых ответа. Наши сравнения не корректны с точностью до процента, но схватывают тенденцию.

сиянами» чуть больше, чем среди людей других национальностей (48% против 39%).

Таким образом, и ответы на этот уточняющий вопрос подтвердили установленную тенденцию.

Каких-то заметных возрастных различий в идентификации себя как россияни и по этническому признаку нет. Немного больше идентифицирующих себя с людьми своей национальности среди самого старшего поколения – 93% против 87% среди молодежи 18–25 лет, что, скорее всего, связано с пережитыми ими национальными движениями в республиках СССР, расколом Союза и, возможно, реакцией на приток инокультурных мигрантов. Это подтверждается тем, что при альтернативном выборе среди них людей «скорее чувствующих себя россиянами» тоже оказалось чуть больше (53% против 44% среди 18–25 летних).

При таких высоких показателях распространенности и российской и этнической идентичности теряет остроту вопрос их конкурентности и подтверждается их совместимость. Заметим, что более половины опрошенных и со своим народом (в этнокультурном значении), и с российским сообществом ощущает сильную связь. Кстати тоже касается и локальной идентичности, которая, судя по опросам, оказалась практически столь же распространенной и сильной.

Казалось бы, эти данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности *темы* о сепаратизме и разобщенности населения страны. И в чем-то это действительно так. Но важны основания интегрированности. Ведь мы знаем о высокой социальной дифференцированности и политической разобщенности. Но очевидно все же есть ценности и потребности людей, которые становятся цементирующими в обществе. Сама страна, где ты родился и жил, Родина – ценность для большинства людей. Представление о ней обычно эмоционально окрашено и составляет тот компонент идентичности, который именуется патриотизмом. «Что для Вас значит быть патриотом России?» – спрашивали в ходе опросов респондентов. Во всех поколениях мы получили согласованные ответы: «Любить свою страну» – 95–99%, стремиться улучшить жизнь в стране 92–97%, «гордиться своей страной 91–97%. Патриотизм этот, конечно, не всегда критичный. С тем, что патриот должен «говорить о стране правду, какой бы она ни была», однако пятая часть опрошенных не согласилась, и треть была согласна с тем, что надо «не говорить, что у твоей страны есть недостатки».

Есть и другой, подтвержденный опросом неблагоприятный симптом – солидаризация в немалой мере основана на обидах. Свыше 60 –

(62%) респондентов присоединилось к мнению: «люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Среди русских это мнение разделяют больше, чем среди других национальностей – 64% против 44% соответственно. Сплачивает обида за выход из Союза народов бывших Союзных республик, за национальные движения, в ходе которых русских обвиняли в имперской политике, наконец, обида за критику пережитого прошлого, которое совсем недавно представлялось светлым будущим.

Отсюда такая чувствительность к тому месту, которое должно занимать большинство в полиэтническом пространстве страны. С одной стороны, у старшего поколения еще живут прежние представления о нормах в стране, где каждый человек «надежный товарищ и друг», у части среднего и младшего о гуманных ценностях толерантности, которые декларирует демократия, а с другой стороны обиды за потерю статуса старшего брата, сына великого народа.

За двадцать лет эти обиды не ушли из сознания людей. Они получили дополнительную подпитку за счет тех чувств, которые переживают и другие народы в Европе, в тех странах, в которых имел место значительный и быстрый приток инокультурного населения. Россия в эти годы стала третьей страной в мире после США, ФРГ по притоку иммигрантов. И происходило это на фоне существенно изменившегося этнического состава. В СССР русские составляли 51%, теперь – 80%. К тому же мы переживаем последствия чеченского кризиса (на восстановление республики затрачиваются миллиарды рублей, а в ответ проходят митинги «Хватит кормить Кавказ»).

В условиях, когда к объективно имеющемуся положению в стране политиками-популистами добавлялась политизация этнического фактора, представления людей о многонациональности как исторической данности нашей страны менялось. «То, что в России живут люди разных национальностей, это скорее преимущество для развития страны или скорее проблема?» – спрашивали респондентов. Однозначно считали преимуществом – 16%. Позиция «и то, и другое» была самая распространенная и набрала – 41%, а 28% полагают, что «скорее проблема». И русские, и несколько чаще представители других национальностей придерживаются такого мнения (29% и 21% соответственно).

Отсюда за двадцать истекших лет не потеряло болезненности обсуждение вопроса насколько Россия – общий дом для живущих в ней национальностей. Из табл. 3 видно, как распределялись мнения по этому вопросу с 1995 г.

Таблица 3

Мнения респондентов о том, насколько государство общий дом для народов России.

С каким из приведенных ниже высказываний Вы согласны
(выберите один ответ), в %

Варианты ответа	1995	1998	2001	2004	2006	2007	2011
1. Россия должна быть государством русских людей	11	11	12	17	19	16	14
2. Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу народа в целом.	14	20	20	24	31	31	31
3. Россия – общий дом для многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ.	65	64	61	54	50	48	47
4. Затруднились ответить	10	5	8	6	0	6	8

То, что государство общий дом для российских народов, и все они должны обладать равными правами, никто не должен иметь никаких преимуществ остается наиболее распространенным, но оно с каждым годом становилось все менее поддерживаемым. В 90-е гг. это мнение было мнением очевидного большинства (64–65%), а в 2000-е годы оно становилось все менее и менее поддерживаемым: с 61% до 47% в 2011 г.

Зато доля людей, которые полагали, что «Россия многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав» выросла вдвое (с 14 до 31%), а вместе с теми, кто считает, что «Россия должна быть государством русских людей» они составляли 45% (25% в 1995 г.).

Среди русских этот раскол во мнениях был еще очевиднее: первое мнение разделяли 44%, а второе и третье 49%. Причем молодежью мнение об общем доме с равными правами разделялось заметно реже: в возрасте 18–25 лет – 37%, а о доме с большими правами русских и государстве русских – 55%.

Все это говорит о том, что самосознание русских актуализировано. 79% разделяет мнение, что «в наше время человеку нужно ощу-

щать частью своей национальности», а 82% отнесли себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности».

Предыдущие исследования 90-х гг. даже в республиках, где русские более тесно контактируют с людьми других национальностей, не фиксировали таких высоких показателей потребности в аффилиации. Правда, мнение это скорее солидаризирующее, чем отражающее реальную практику, поскольку одновременно 47% отвечают, что «редко задумываются о том, кто я по национальности».

Ставшая массовой, уверенной и достаточно сильной Российская идентичность, цементирующая российскую политическую нацию, безусловно важный итог двадцатилетия, но идентичность эта хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний.

После декабрьских событий (2010 г.) тревогу за сохранение межнационального согласия выражали и общественность, и власть. На заседании Госсовета Президент заявил, что без гражданского мира, межнационального, межконфессионального согласия в нашей стране «невозможно само развитие государства», «не может быть никакого будущего ни у нас, ни у наших детей»⁷⁵.

Данные проведенного исследования тоже рисуют тревожную картину. Половина респондентов фиксировала, что в их местности бывают столкновения на почве национальной неприязни, и 68% откровенно признались, что «испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей». Известно, что у нас «в образе врага» чаще всего последнее время были «кавказцы», однако, в исследованиях было доказано, что если у человека есть предубеждения к лицам какой-то одной национальности, то в другой ситуации они будут проявляться и к другим. Наиболее сильно такая неприязнь на этнической почве связана с тем, что люди иной культуры ведут себя «как хозяева на этой земле» – 63%. Другой аргумент неприязни – различия «в поведении людей, их образе жизни» – 39%, и только у 1/5 респондентов есть ощущения конкуренции в стремлении за престижные рабочие места. Это вполне понятно, т. к. большинство инокультурных мигрантов берутся за работу, на которую местное население не претендует.

За двадцать лет не изменилась к лучшему готовность к общению с людьми иной национальности (см. табл. 4).

⁷⁵ Выступление Д. Медведева на совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики 28.12.2010 г.

Таблица 4

Отношение к межнациональному общению (в % к опрошенным)

Влияет ли национальность человека на Ваше отношение к нему?	1994	2001	2011
Влияет при выборе круга друзей	22	24	29
Влияет при выборе места жительства	43	36	40
Влияет при вступлении в брак	39	35	47

Как видим по данным, драматизировать межэтнические отношения не стоит (и в этом Д. Медведев был прав в оценке на Президиуме Госсовета). Это вроде бы подтверждается и другими исследовательскими центрами – доля предубежденных в отношении основных по массовости видов межэтнического общения в целом колеблется уже несколько лет в районе 30% (данные Левада-Центра). Вполне согласованные ответы мы получили в ходе исследования. 89% русских и столько же среди других национальностей считает, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо», но 44% одновременно считают, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа», и 41% согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Причем среди русских такие настроения не меньше, чем среди других национальностей (43% и 34% соответственно).

Это новая ситуация 2000-х гг. В 90-е гг. подобные настроения намного чаще встречались именно у нерусских. Эти ответы русских вполне согласуются с актуализацией у них этнонационального самосознания, о чем говорилось выше.

Такие настроения русских в значительной мере связаны с быстрым притоком инокультурных мигрантов. В этом русские не отличаются от граждан других Европейских стран, оказавшихся в такой же ситуации. Зная о действиях правительства Саркози в отношении цыган, мы спросили наших граждан об их отношении к принудительному выселению людей тех национальностей вокруг сформировавшегося «образа врага» (см. рис. 3).

Тех, кто не одобрил бы принудительное выселение больше, чем одобряющих – 46% против 39%. Но как видим сторонников силовых действий достаточно много и, что особенно тревожно, – их больше среди молодежи. Среди тех, кому 18–25 лет – 47%, среди тех, кому 50–60 лет и старше – 36–37%.

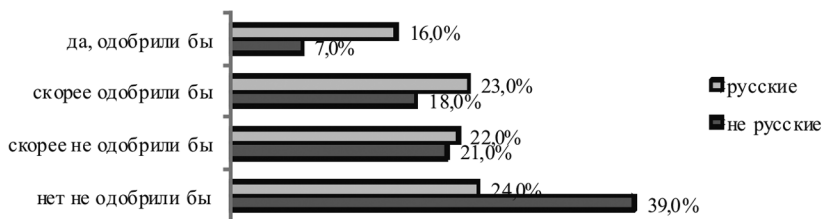

Рисунок 3. Одобрите ли бы Вы или не одобрите принудительное выселение представителей каких-то национальностей из Вашего города (села)?

С чем связаны такие настроения? Сказать, что это достаточно большая группа молодежи убежденные ксенофобы – нельзя. Ведь 85% молодежи в этом возрасте считают недопустимым насилие в межнациональных спорах. Совмещенные негативные межэтнические установки имеют около 15%. А вот ощущение потерь за последние 15–20 лет, то есть практически за свою ещё недолгую сознательную жизнь, среди них даже больше, чем у людей среднего возраста. Скорее, конечно, за ощущением потерь кроется их недовольство той практикой нынешней жизни, с которой они сталкиваются, более остро реагируя и на коррумпированность, и на социальную несправедливость. Комплекс социальных обид и неудовлетворенностей принимает форму этнонациональных обид, ущемления этнических чувств и проецируется на меньшинства, мигрантов. И события на Манежной площади 11 декабря 2010 г. это очевидно показали⁷⁶.

Мифы и реальность современного полиэтнического общества

События на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 года заставили власть и общество глубже взглянуть на проблемы межэтнических взаимодействий в нашем обществе. Премьер В.В. Путин поехал вместе с футбольными болельщиками к могиле Свиридова. Президент Д.А. Медведев заговорил об этом на первом же заседании

⁷⁶ Начавшееся по заказу Общественной палаты специальное исследование среди молодежи 15–30 лет подтвердило – 78% считают выступления на Манежной площади не националистическими, а акцией протеста против коррупции. Так считали и русские и представители других национальностей, а «кавказцы лучше приспосабливаются к коррумпированности власти (66%)».

Государственного Совета после этих событий и 11 февраля 2011 года провел специальное заседание Президиума Госсовета о мерах укрепления межнационального согласия. Он считал необходимым рассматривать «вопрос сохранения межнационального единства как важнейший вопрос, потому что без межнационального единства у нас не может быть государства»⁷⁷. И в то же время он призвал не драматизировать ситуацию.

Действительно массовое сознание довольно противоречиво. Последние этносоциологические исследования (март 2011 г.) отражают достаточно высокое неприятие людьми радикализма в этнической сфере – 89% русских и столько же людей других национальностей считают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо». Но в то же время 41% были согласны с мнением «Все средства хороши для защиты интересов моего народа»⁷⁸. Реальность заставляет и научную общественность по новому взглянуть на свои выводы.

Российские ученые не раз замечали, что воспринимаемые у нас западные оценки социальных явлений нередко рассматриваются как реальные, тогда как там уже пересматривались или интерпретировались ущербно. Так произошло и с рядом теоретических выводов, которые осмысливались в терминах этничности.

Одним из них был вывод о том, что этничность теряет значение в условиях глобализации. Между тем в ряде последних публикаций сами западные ученые утверждали, что этнический национализм «далек от смерти», и показывали, как политики успешно используют этнические чувства для политической мобилизации, особенно в связи с антииммигрантскими настроениями⁷⁹.

Надо сказать, что исследования отечественных этносоциологов тоже не давали оснований забыть об этничности. И не только потому что у немалой части нашего населения сохраняются этнические предубеждения и ими пользуются политики радикального направления, а в районах с постконфликтной ситуацией на Северном Кавказе сохраняется тревожащий уровень этнической мобилизации. Этническая идентичность как у русских, так и у людей тех национальностей, которые дают название республикам, остается не только столь же распространенной как и десять лет назад (у 80–90% населения и

⁷⁷ URL: <http://state.Kremlin.ru/state.council/10312>

⁷⁸ Исследование Института Социологии РАН «20 лет спустя». Рук. М.К. Горшков. Автор – участник исследования. Исследование проведено по всероссийской выборке при поддержке фондов Ф. Эберта и М. Горбачева.

⁷⁹ *Мюллер Дж.* Мы и они // Россия в глобальной политике. 2008. W3.

более), но и у очень значительной части наших граждан сохраняется ощущение «сильной связи» с людьми их национальности. По данным Европейского Социального Исследования такие ощущения сохраняются более чем у 60% русских. Последние исследования Института Социологии РАН⁸⁰ по всероссийской выборке в 2011 г. показали, что 82 % опрошенных относят себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности и 79 % полагают, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности» Всё это дает основание полагать, что исчезновение этничности в условиях глобализации скорее «миф», чем реальность. Не только социальная реальность корректирует его. Очевидно, что сама глобализация может стимулировать этничность. Ведь именно с ней связано свободное перемещение капитала, а за ним и рабочей силы, которая в значительной мере культурно разнообразна и рождает сопоставление «мы и другие».

Глобализация означает переток информации, и получаемые новые знания о других тоже рождают сопоставления, подпитывают чувства относительной депривации, если люди ощущают, что живут хуже других, в других случаях фобий перед чем-то иным, незнакомым или наоборот желаемым, но недостижимым и тогда тоже ищут виноватых в «своих бедах» из других стран и культур. В этих условиях этническая идентификация постоянно подпитывается. Но как? В понимании этого процесса у нас уже более десяти лет поддерживается миф, родившийся из-за искаженной интерпретации идей наших зарубежных теоретиков о конструировании этничности.

Известно, что у нас с трудом утверждалось понимание этничности, как конструкта. И скорее всего именно потому, что преподносилось в «том смысле, который нынче так распространен» как выразился об этом Томас Лукман в интервью главному редактору журнала «Социология и социальная антропология». У нас это воспринималось как социальное конструирование этничности «этническими антрепренерами». А. Лукман говорил, что их концепция «основывалась на идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии М. Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида.» Теоретическим обоснованием их синтеза является феноменология жизненного мира (Гуссерель, Шютц). По Шютцу же «мысленные объекты, сконструированные обществоведом для того, что бы понять социальную реальность, должны базироваться на мысленных объектах, сконструи-

⁸⁰ Исследования 2011 г. Под руководством М.К. Горшкова «20 лет спустя».

рованных здоровой мыслью людей, живущих своей обыденной жизнью, в своем социальном мире»⁸¹.

Для П. Бергера и Т. Лукмана социальный мир – сконструированная объективность, общество – субъективная реальность⁸². П. Бурдьё, рассуждая об объективистском и субъективистском подходе делает вывод: «...оба подхода... находятся в диалектической связи». Используя его интерпретируем этнополе с одной стороны как конфигурацию социокультурных процессов, практик (структура)», а с другой – как результат социального конструирования самими людьми, приобретающий характер структуры по отношению к входящим в этнополе индивидам⁸³.

Таким образом, миф о возможности понимания этничности через конструктивистский подход, который сам по себе был очень важный, корректировался, а практики изучения этнически маркированной социальной реальности стали изучаться там, где это было необходимо через «конструктивистский структурализм».

Этот подход, на мой взгляд, может быть эффективным и для изучения Российской идентичности. Социологическое изучение этой идентичности прежде всего сделало необходимым разделить понимание Российской идентичности как государственной и гражданской идентичности (Л. Дробижева 2006 г., 2007 г.). Первая понимается как отождествление людей с государством, людьми живущими на этом государственном пространстве, представления, переживания связанные с этой общностью и готовностью действовать во имя неё. Гражданская идентичность это отождествление себя именно с гражданами страны, гражданской общностью, представления о ней и переживания, связанные с этим, ответственность за судьбу людей в стране, готовность действовать в связи с этим.

В одних случаях идентификация себя с Россией это только государственная идентичность, в других – это идентификация себя с политической нацией, согражданами. Именно поэтому во время опросов мы стараемся развести эти понятия через систему идентификаторов. Но в целом пока можем говорить в общей форме как о национально-гражданской или государственно-гражданской идентификации.

Ни для кого не секрет, что гражданское общество у нас ещё только формируется. И акты гражданской активности (И.А. Халий 2007 г.,

⁸¹ Schutz A. *Seus commun et interpretatious scientifique de e'action hur naine // Le chercheu et le quotidien* – Paris: Meridiens – Keincksieck, 1987

⁸² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания – М. 1995. С. 213.

⁸³ Бурдьё П. *Начала Choses Dites* – М.: Sosiologos, 1994. С. 159; Ильин В. Социальное неравенство – М.: Ин-т Социологии РАН, 2000.

2009 г., О.Н. Яницкий 2010 г., Н.В. Кинзбургский 2005 г., С. Климова 2008 г. и др.) хотя и совершенно очевидны, но пока не массовые. Отсюда критики использования понятия гражданская идентичность, политическая нация применительно к российским гражданам говорят о нашей гражданской идентичности скептически, можно сказать, как о создаваемом мифе.

Естественно, гражданская идентичность, так же как политическая Российская нация конструкт. Но каркас этой конструкции очевидно достаточно успешный для его инициаторов (В.А. Тишков 1989 г., 1990 г.). В ходе реализации нашего проекта «Российская идентичность в Центре и регионах» Е.М. Арутюнова, анализируя выступления В.В. Путина, показала, как наполнялся этот каркас изменяющимся идеологическим содержанием. Сравнивая мнения и установки населения по материалам наших исследований, данным Левада-Центра можно сказать, что основание для соответствия декларируемых политической элитой идей и осознаваемыми людьми потребностями реальной жизни было (сильное государство, обеспечение благосостояния, безопасности, гордость культурой, историей).

Данные Европейского Социального Исследования за 2008 г., Российского Мониторинга, экономического положения и Здоровья Населения 2006 (РЛИМЗ) показывали, что не менее 65–68% населения ощущали себя Российскими гражданами. По данным исследований под руководством М.К. Горшкова в 2009 г. с россиянами себя идентифицировало 85% опрошенных. Правда, не только данные Института Социологии но и Института Этнологии и Антропологии РАН, проекта Будущее России (на 2006 г.) показывали достаточно большое разнообразие доли людей с такой идентичностью. В каких-то районах с доминирующим русским населением Россиянами себя идентифицировали до 80–90% (Томск, Екатеринбург, Якутия) в других до 70% и более (Калининград, Владивосток), а в Чеченской республике – 35%.

Важно ещё и то, что «для того, чтобы считаться настоящим россиянином» респонденты считали важным иметь «чувство ответственности за страну» – 88%, быть патриотом, любить Россию – 88%. Причем 67% считали эти характеристики «очень важными». Свыше 80% гордились природными богатствами и более 70% – историей России. Но тем, что создается живущим поколением (образование, успехи в науке) гордились заметно меньше⁸⁴. Таким образом, есть

⁸⁴ Данные проекта «Будущее России» 2006 г. при поддержке Иноцентра. Ресурсная группа Института Социологии – Л.М. Дробижева, М.Ф. Черныш, А.Е. Чирикова.

известный потенциал формирования гражданской идентичности, в том числе критической направленности. Избавиться от мифа об отсутствии не только государственной, но и гражданской идентичности основания есть. Однако, и с новыми идеями есть немалые трудности.

Тематический репертуар методологических подходов к пониманию нации за последние четверть века сменился, по меньшей мере, дважды. Не успело российское научное сообщество прийти к некому общему представлению о политической нации как общности граждан, как выдвинута идея возможности понимания политической нации как нации наций (В.А. Тишков 2009 г.), по модели Испанской нации как нации каталонцев, кастильцев, басков). Теперь ещё предстоит изучить интерпретацию и восприятие такого толкования среди ученых и политиков в регионах и центре.

Другой методологический вопрос, требующий изучения – какой социально-культурный субстрат консолидации, на который опирается Российская идентичность в конкретных этнокультурных сегментах общества – среде русского большинства, других российских народов и адаптирующихся мигрантских группах. Для формирования гражданской идентичности важно насколько изживаются противопоставления групп на основе «имперского синдрома» в идеологии и психологии большинства. В то же время применительно к людям тех национальностей, которые дают название республикам, индикатором гражданской идентичности будет преодоление «постколониального синдрома» и отношение к этническим меньшинствам в республиках. Для новых же иммигрантов, желающих остаться в России, актуальным будет их готовность к политической, культурной и структурной адаптации.

Сегментом, требующим специального рассмотрения, являются группы населения очевидно или латентно заинтересованные в укреплении гражданской идентичности и интеграции российской общности. Это могут быть представители транснационального бизнеса, которым этноцентричная территориальная бюрократия не способствует в развитии деловых контактов, специалисты-интеллектуалы, заинтересованные в культуре без границ, это могут быть люди русской и не только русской национальности, у которых совмещается сильная этническая идентичность с сильной гражданской идентичностью. Наконец, это могут быть те адаптировавшиеся в России бывшие и новые иммигранты, для которых «не быть иными», быть просто москвичами, саратовцами, питерцами и, естественно, россиянами комфортнее.

Эти в чем-то новые подходы родились на основе анализа социальной практики, но они требуют специальной разработки.

Осуществляться она может только на конкретных группах в регионах с различной социально-политической, экономической и культурной ситуацией. Представление некоторых отечественных и западных ученых о том, что российской научной традицией является описание этносоциальных проблем (или расизма как говорят в некоторых частях западного мира) через отношение между большими группами – «нациями» или «этнотами» является «мифом». Такой оптический ракурс давно ушёл из исследовательского поля.

Объектом изучения в этнической социологии является этническая группа в конкретном пространстве, в конкретное время. И изучение идет через личность.

Возможно, оппоненты обращали внимание на то, что социологи выясняют установки на готовность к общению в разных сферах взаимодействия, отношение к представителям конкретных этнических групп. Такая традиция есть в мировой социологии начиная со времени исследований Томаса Знанецкого. Но как правило, изучая установки, мы всегда ставили вопросы и на реальные ущемления, дискриминацию по принципу этнического происхождения (при приеме на работу, на учебу, продвижение по службе, а теперь и в доступе при найме квартир и т. д.). Фиксация таких явлений как раз и дает возможность оценивать распространение избирательного отношения к людям по их этническому происхождению, равенства-неравенства.

А вот в чем правы наши критики, концентрирующие внимание на проблемах «исключения», «избирательного» отношения к людям по расовому или этническому происхождению, так это в том, что в исследованиях российских ученых редко ставятся, а чаще вообще не ставятся вопросы насколько «ущемления», «исключения» становятся нормой, принятой формой поведения в нашем обществе и как они характеризуют это общество.

Ещё совсем недавно встретить объявление о сдаче или найме помещения с упоминанием желаемой национальности было редкостью, а теперь это наиболее частые случаи. Но, к сожалению, открыто обсуждаем мы эти явления редко.

Обсуждаются случаи насилия на этнической почве. То, что привлекают внимание к экстремистским проявлениям естественно и необходимо для поддержания безопасности в наших городах и селах. В 2009 г. по данным «Совы» было 90 убийств на почве национальной неприязни. Это даже чуть меньше, чем в предыдущие годы, потому что чаще стали завершаться судебные решения обвинительными актами, но, в то же время, создавать представление о состоянии

межэтнических отношений на основе этих экстремальных проявлений означает тоже создавать определенный миф.

Общий климат межэтнических отношений не может характеризоваться только экстремальными фактами. Исследовательские центры, которые работают в соответствии с международными правилами проведения социологических исследований, проводят опросы. Эти материалы и исследования Института Социологии, социологов из регионов с анализом событий происходящих в стране дают возможность более всесторонне оценить ситуацию в этой сложной сфере межличностных отношений.

По данным систематических опросов Левада-Центра негативные межэтнические установки удерживались в последние годы примерно у трети населения. Данные Центра исследований межнациональных отношений Института Социологии РАН, проводившего исследования в Москве и ряде регионов страны тоже фиксировали примерно такие же показатели. Хуже такие установки в отношении иммигрантов, мигрантов иной этнической принадлежности для принимающего населения. Но даже если сравнить долю людей наиболее радикально настроенных против приема инациональных мигрантов, то в России, по данным Европейского Социального Исследования, она составляла 28–24% в 2006–2008 гг., так же как в Чехии, Эстонии. Эти данные были хуже чем в Великобритании, Франции, Германии, но лучше, чем в Венгрии, Израиле, Португалии, Испании.

Но конечно надо не забывать очень большое разнообразие ситуаций, в которых отношения осмысливаются в терминах этничности (национальной принадлежности).

В 2008–2009 гг. реализовывался проект «Иммигранты в России» (рук. Мукомель В.И.) через Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭ). Репрезентативный опрос показал, что 45% опрошенных поддержали точку зрения, что Россия не нуждается ни в иммигрантах, ни в трудовых мигрантах. Это некая общая позиция к иному, возможному конкуренту на работе или соседу по дому. Соседями как раз чаще всего не хотят видеть приезжих из Закавказья, Северного Кавказа или Средней Азии (46–48%).

Любопытно, что настроены против инациональных мигрантов чаще всего те, кто опыт контактов с ними не имел. А вот тот, кто имел дело с наймом таких работников говорят: «И выгодно, и деваться им некуда, и не воруют». Выполнение ими работы в срок, честность, порядочность, исполнительность отмечали 73–82% респондентов, нанимавших мигрантов⁸⁵.

⁸⁵ Российская Газета. 13 ноября 2009 г.

В последние годы за рубежом и у нас в стране обсуждается вопрос об индикаторах, фиксирующих характер межэтнических предубеждений. Существует мнение, что население, живущее в современном обществе, часто не высказывает негативного отношения к людям иной культуры, цвета кожи, поскольку в обществе осуждается избирательное и тем более враждебное отношение к ним, и граждане знают, что их вежливое поведение должно соответствовать идеалам равенства и справедливости. Именно поэтому в опросные листы помимо известной шкалы Богардуса, а иногда и вместо неё вводятся вопросы, фиксирующие так называемые тонкие, «Вежливые, «тонкие»» виды предубеждений (Т. Петтигрю, Р. Мертон). Это выражается в том, что этнические предубеждения осуждаются респондентами, но ими поддерживается протест против предоставления этническим, расовым меньшинствам привилегий с целью преодоления неравенства (меньшинства, «территории с иноэтничным населением, получают от государства слишком много»), оказания специальной помощи. С. Гартнер, Д. Довидно полагают, что люди на рациональном уровне могут верить в расовое равенство и одновременно испытывать неосознаваемую неприязнь к расовым меньшинствам (аверсивный расизм)⁸⁶.

Кроме того, существуют так называемые амбивалентные предубеждения. Люди имеют одновременно и позитивные и негативные установки к этническим меньшинствам. Хотя со времен Адорно мы знаем, что если люди испытывают предубеждения к людям одного этнического происхождения в иных ситуациях они будут испытывать их к другим.

Аверсивный или амбивалентный расизм оправдывает дискриминацию каким-то иным способом, например, профессиональной непригодностью, защитой культурных ценностей, преувеличением культурных различий (Т. Петтигрю, Р. Меертенс).

Остановлюсь ещё на одном мифе в нашей области исследований. Предубеждения, негативные установки именуют у нас чаще всего теперь ксенофобией. Я так же как некоторые другие исследователи (А. Осипов) считаю, что это понятие «служит дурную службу». Фобии – это страхи, психологическое состояние. Но то, что негативное отношение к иным определяется только страхами это тоже миф. Причем миф, который способен прикрывать истинные причины неблагополучия в обществе, которые проецируются в сферу межэтни-

⁸⁶ Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. – СПб, 2003. С. 170–175, 3, 47–83.

ческих взаимодействий. И события на манежной площади в Москве в связи с гибелью Свиридова 11 декабря 2010 г. только ещё раз подтвердили это.

При изучении предубеждений обращение к психологическим фактам, к так называемым «тонким формам», не избавляет нас от необходимости выявить и дать оценку положения групп, находящихся в условиях жесткой эксплуатации, выявить осмысливается ли оно в категориях этничности; оценивается ли и связано ли с этническим представительством социальное неравенство, позиции социально-профессиональных групп в конкретной городской (сельской) среде, имеет ли место социальное исключение по признаку этнического происхождения, наконец, кто попадет в ситуацию «козла отпущения», приписываются ли людям социальные характеристики в связи с их этничностью.

Довольно сложные вопросы встают в связи с пониманием и интерпретацией дискриминации на этнической или расовой основе. Дискриминацией считается проведение различий между людьми, находящимися в одинаковом положении или имеющими одинаковые социальные характеристики. При этом же надо доказать, что проведение различий носило необоснованный характер. Нередко с такой ситуацией мы сталкиваемся при назначении, скажем, на престижные места в ВУЗах (профессора, заведующие кафедрой). В индивидуальных, персональных случаях очень трудно дать обоснование дискриминационных практик, например, в Карачаево-Черкесии или Кабардино-Балкарии. Но если сопоставить реальные назначения с социально-профессиональными характеристиками претендентов на протяжении нескольких лет, то можно дать объективную оценку.

Анализируя идеи, дискурсы, политические решения, социальные практики, в том числе аттитюды, стереотипы, дискриминационные действия, в том числе агрессивные проявления – все в целом мы имеем основания дать оценку состоянию системы, общества. Скажем откровенно: нередко мы уходим от этих общих оценок.

Социальные неравенства не уменьшаются, в них есть этническая составляющая. Но в то же время, есть опасность и расширение границ видения этнического, этническое окрашивание проблем. В последнее время особенно очевидно это было видно в намеренном завышении данных о преступлениях иммигрантов. Нельзя допускать, чтобы один чиновник во всеуслышание говорил, что у нас больше половины преступлений совершаются иноэтничными приезжими иммигрантами, а Ромодановский – Директор миграционной службы говорит официально, что только 3,5%. Преступления совершаются

как конкурентная «разборка», а его интерпретируют как преступление на этнической почве.

В Татарстане половина населения татары и не все из них придерживаются исламского вероисповедания, а всю республику называют исламской. В Москву приезжает глава одной из Северокавказских республик с открытой вооруженной охраной, что само по себе не очень приятно, но в эфире говорят об оккупации Москвы северокавказцами. Стигматизация, приписывание ведут к печальным социальным последствиям. У нас вообще сместился весь фокус исследований на проблемы, связанные с быстрым и в 90-е годы значительным притоком иноэтничных мигрантов. Это явление характерно и для стран Запада. Но у нас кроме мигрантов живет в разных концах России многокультурное население. На разных конференциях, круглых столах постоянно раздаются призывы к правительству декларировать политику в отношении людей разной этнической принадлежности. Такая политика, если внимательно присмотреться, все же прослеживается. Это политика деполитизации этничности.

Это проявлялось во многих вещах, начиная с принятия Конституции 1993 года, когда республики стали называть просто республиками, а не национальными. В 2000-х были постановления Конституционного суда, которые отменили суверенитет республик. Отмена так называемого национального компонента в школе, отказы от президентских постов в республиках РФ относятся к той же тенденции. Мы постепенно уходим от понятия «этнический федерализм». Все конституции республик приняты от имени граждан республик, а не от имени титульной этнической группы. Опыт показывает, что отмена суверенитетов и укрепление вертикали власти никаких массовых протестов не вызвали.

Изменилась и сама федеральная власть. Укрепление федеральной власти всегда способствует тому, что претензии территорий сокращаются. Какие-то из этих претензий на «этническую государственность», которые были закреплены в региональном законодательстве, не нашли подтверждения и реализации для повседневной жизни людей. Люди были разочарованы и не стали их защищать, когда центр выступил за их отмену.

В результате всех этих событий у нас произошла заметная деполитизация этничности. Но это было связано и с изменением федеративных отношений. И здесь не все было сделано рационально. Слишком высокая централизация, которая была осуществлена за счет укрепления вертикали власти, привела к тому, что наш федерализм стал просто имитационным. Если в советские времена он был

декларативным, то сейчас он имитационный. Его даже не декларируют. Но постепенно и центральная власть стала осознавать минусы завышенной централизации. В последнее время ряд функций снова передан на места. Правда, средств регионам не дали, поэтому бюджетный федерализм все время трещит по швам, и все его критикуют.

Надо открыто сказать какова будет политика в социальной, культурной сфере и прежде всего для людей разной этнической принадлежности, как намерено правительство реализовывать правовые нормы, имеющиеся в Конституции 1993 г. и Международных документах, ратифицированных нашим государством. Без этого правовые нормы не будут восприниматься реальностью.

Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном русском обществе

Культурная сложность становилась вызовом для полиэтнических обществ даже в давно устоявшихся демократиях. Об этом говорят дискуссии о мультикультурализме, убийства на этнической почве в США и Европе, сожженные машины и этнополитические темы на выборах во Франции, Австрии, Германии. В России, казалось бы, этнокультурная сложность не увеличилась. В СССР русские составляли 51% населения, теперь по Всероссийской переписи 2010 г. русских в России – 80,9% (в 2002 г. – 80,64%); и список народов, насчитывающих более миллиона человек, не увеличился. Но дело в том, что этносоциальные и политические проблемы появляются не только из-за «бунта» этнических меньшинств, но и из-за самочувствия большинства.

Мы постараемся показать ресурс тех установок в общественном сознании, идеологием и законодательных норм, которые могут обеспечивать межнациональное согласие в русском обществе и баланс нетерпимости – негативных установок, идей и этнополитики, которые способны провоцировать межнациональную враждебность. В тексте показано, как этот баланс меняется в связи с общим социально-политическим климатом в стране.

Основным источником для анализа являются результаты общероссийского социологического исследования «20 лет реформ глазами россиян», проведенного Институтом социологии РАН в апреле

2011 г.⁸⁷, данные социологических исследований в республиках Российской Федерации (Башкортостане, Татарстане и Саха (Якутии)), проведенные по сопоставимой программе в 2011–2012 гг.⁸⁸ и материалы Европейского социологического исследования 2008 и 2010 годов⁸⁹.

После митинга на Манежной площади в 2010 г. с участием националистов президент Д.А. Медведев провел специальное обсуждение на Государственном совете, где заявил, что «без гражданского мира, межнационального, межконфессионального согласия в нашей стране «невозможно само развитие государства»⁹⁰. А когда на предвыборном поле 2012 г. этничность стала очевидным способом борьбы за власть и влияние и прошли акции несогласных, В.В. Путин вторую программную статью посвятил «национальному вопросу»⁹¹.

Использование эмоциональных чувств людей, связанных с их национальностью, в политическом поле выборов в Государственную Думу, а затем выборов Президента России обострило идеологические дискуссии вокруг смыслов, вкладываемых в понимание нашего государства как многонационального или национального, также как и в его наименования – Россия, Российского или Русского. В настоящее время дискутируется понимание «государства» как моноэтнического, мононационального или многонационального, как сказано в Конституции 1993 года. Связано это отнюдь не только с разным толкованием «нации» – как гражданской, политической общности

⁸⁷ Исследование проведено Институтом социологии РАН под руководством М.К. Горшкова при поддержке Фонда им. Ф. Эберта. Размер выборки во всех территориально экономических районах страны, в Москве и Санкт-Петербурге 1750 чел. в возрасте 18 лет и старше. Автор отвечала за раздел исследования «Российская и этническая идентичность и межэтнические отношения».

⁸⁸ Исследования проведены Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, руководитель Л.М. Дробижева, совместно с исследователями из республик. Выборка – репрезентативная для населения республик старше 18 лет с учетом национальности и типа населенного пункта. Объем выборочной совокупности – 1000–1214 чел. в каждой республике.

⁸⁹ Европейское социологическое исследование проводилось в 2008 и 2010 гг. в 30 европейских странах. В России проводится Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), ответственный за реализацию в РФ А.В. Андреев. Автор является одним из участников исследования. Размер выборки по России из 134 тыс. населенных пунктов составил 2437 человек.

⁹⁰ *Медведев Д.А.* Выступление на совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики. 28.12.2010 г.

⁹¹ *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23 января 2012 г.

или в понимании ее в этнокультурном значении. В конце концов, такое разное понимание есть и в других странах: Испания – нация наций, а во Франции «нация» – политическая гражданская общность. Автор текста разделяет понимание «народа», «нации» (гражданской и этнокультурной), «этноса» как воображаемой общности. Но поскольку представления о них у людей окрашены слишком эмоционально, то естественно, что в разной мере это вызывает чувство привязанности и безразличия к их восприятию в обществе, среди других людей. Понятно, что законодательное, правовое и общественное признание или непризнание и статусное позиционирование людей разных национальностей для них весьма значимо. Поэтому оставить в законодательном пространстве (Конституции) признание «мы – многонациональный народ» России или ввести определение «государствообразующий народ», безразлично для многих людей: именно оно будет восприниматься как ориентация в политике, власти, государства.

В силу дискуссионности значимости этничности в современном модернизирующемся обществе и политической актуальности ряда понятий, используемых в тексте, предварим анализ темы некоторыми пояснениями. Часть ученых в России и на Западе говорят о целесообразности «неназывания» терминов, связанных с этничностью⁹², призывают не определять этническую принадлежность, и, вообще, меньше говорить и писать об этом. Другие считают лучшим наоборот не умалчивать этничность людей, что может оцениваться как проявление дискриминации, вскрывать проблемные ситуации. Так Т. Петтигрю и Р. Меертенс, учитывая, что респонденты в обществах, осуждающих этнические предубеждения, предпочитают не отвечать искренне на прямые вопросы, отражающие их межэтнические установки, предлагают вводить индикаторы, способные выявить так называемые «вежливые формы» предрассудков (нежелание выделять средства для специальной помощи меньшинствам, принимать граждан из среды иммигрантов и т. п.)⁹³. Авторская позиция состоит в том, чтобы в повседневном дискурсе поддержать ученых первого направления, но в науке также важно вскрывать проблемные ситуации, и в этом мы поддерживаем второе направление: в этом случае от употребления этнических наименований не уйти.

⁹² Расизм в языке социальных наук (2002). Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. – СПб. С. 57 и др.

⁹³ Pettigrew T.F., Meertens R.W. (2001) In defense of the subtle prejudice concept: a retort // European journal of Social Psychology. Vol. 31. P. 299.

Порой для того, чтобы быть понятыми в широкой общественной среде, нам приходится говорить на языке, устоявшемся в междисциплинарной аудитории. Так, если говорить на языке, принятом в международном научном сообществе, то в данном тексте надо использовать термин «межэтническое согласие», ибо речь идет о характере взаимодействия людей, отличающихся этнической культурой. Но понятие «этничности» малознакомо, кроме как для социологов и этнологов, и редко используется в повседневной практике и даже в среде гуманитариев. К тому же оно многозначно – в Великобритании, например, как пишет Э. Гидденс «на практике... понятие этническая принадлежность чаще всего ассоциируется с группами, составляющими меньшинство населения»⁹⁴. Поэтому в тексте мы используем термин «межнациональное согласие», имея в виду согласие в отношениях между людьми в поликультурном пространстве.

Предвыборная статья В.В. Путина названа «Россия: национальный вопрос», хотя автор не раз говорил о нации как о российской, т. е. государственной общности⁹⁵, и начинается она с констатации реальности роста «межэтнической... напряженности». Мы используем определение «межнациональное согласие» в силу того, что в отечественной практике в массовом сознании за термином «национальность» закрепилось именно этническое содержание. К тому же это определение, статусно не разделяющее людей (ведь исторически недавно у нас еще сохранялось деление на нации и народности).

Что касается используемого нами термина «согласие», то речь идет о толерантности в полиэтническом обществе. Но термин «толерантность» в русском языке переводится как «терпимость», оно имеет негативную коннотацию, поэтому мы используем принимаемый всеми термин «согласие». Хотя как исследователь, автор считает важным сохранить понятие «толерантность» в научном и публичном пространстве. Вместе с тем, «согласие» означает не только толерантность, то есть готовность принять «других» такими, как они есть (ограничителем станет только признание инаковости вне рамок закона) и взаимодействие с ними: в понятие «согласие» входит и некий объем общих, сходных представлений, основных целей в поле действий.

В мировой социологии, еще со времен исследований Адорно⁹⁶, считается доказанным, что благоприятный или неблагоприятный тип

⁹⁴ Гидденс Э. Социология. – М., 2001 г. С. 222.

⁹⁵ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23 января 2012 г.; В Послании Президента РФ Федеральному собранию в 2007 г. понятие «нации» в значении государственной общности упоминалось 18 раз.

⁹⁶ Adorno T.W. Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Saford R.N. The Authoritarian personality. – N.Y.: Harper and Row, 1950.

отношений между людьми различающейся культуры, характеризует в целом состояние общества. Эти отношения зависят от многих факторов – истории взаимодействия, социальной структуры контактирующих групп, ее изменения (равенство-неравенство, социальная дискриминация, возможности социального роста), от сходства культур, от политического устройства общества, от государственной политики по отношению к большинству и этническим меньшинствам, наконец, от психологических факторов и конкретных ситуаций; и значимость действия этих факторов меняется в тех или других обстоятельствах.

2011 – начало 2012 г. в России было периодом, когда политическая активность актуализировала этничность. Мы постараемся показать, каким оставался ресурс согласия в этой ситуации, как менялся баланс нетерпимости и какой эффект имели действия правительства по регулированию межэтнических отношений.

Потенциал согласия

Как показывают исследования Института социологии РАН, этническая идентичность оставалась одной из самых широко распространенных: 89–90% респондентов ощущали связь с людьми своей национальности и в 2004 г. и в 2011г.⁹⁷ По данным Европейского социального исследования (ESS) 2010 г. такую связь ощущали также более 80%. Этническая идентичность сопоставима с идентификацией по профессиям и немного уступает поколенческой. Она чуть выше в старших поколениях, в больших городах и несильно отличается по социальным стратам. Но для общества важна значимость этничности. Актуальность этнических чувств была вполне очевидной (см. рис. 1а, 1б).

Как видим, особенно актуализированной этничность оказалась в районах с доминирующим русским населением. Если даже допустить влияние эмоций в ответах на эти вопросы, данные подтверждаются высокой долей людей, ощущающих сильную связь с людьми той же национальности. А таких респондентов по опросам 2004–2011 гг. насчитывалось примерно половина (47% и 51% соответственно).

⁹⁷ Напомним, что исследования Института социологии РАН, материалы которых мы анализируем, проведены в регионах преимущественно с русским населением, и исследования по сопоставимой программе проводились в 1994, 2001 и 2004 гг., поэтому во многих случаях есть возможность сравнений.

**Никогда не забываю о том,
кто я по национальности (согласие с ответом в % от опрошенных)**

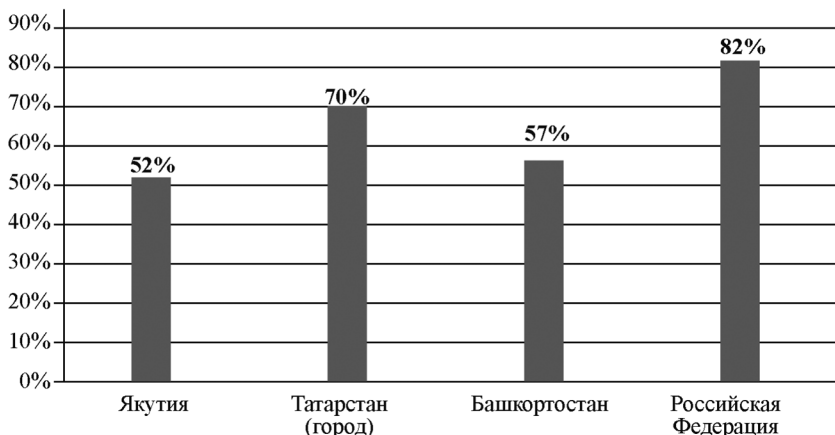

Рисунок 1а. Актуальность этнической идентичности

**Человеку нужно ощущать себя частью своей национальности
(согласие с ответом в % от опрошенных)**

Рисунок 1б. Актуальность этнической идентичности

Причем, в республиках, где, казалось бы, русским приходится чаще ощущать социально-культурные различия, актуализация этничности отнюдь не выше. Это означает, что, видимо, не различия в культуре являлись главным в актуализации этничности русских. В этом процессе много составляющих: еще живо поколение, которое было свидетелем распада Союза (14% в 2011 г. оценили его как «ка-

тастрофу мирового значения» и 36% – как «беду для многих людей»), которое вспоминает национальные движения в республиках, 39% представителей этого поколения считает, что они многое потеряли за последние 15–20 лет, помнят статусное положение «старшего брата» в советском обществе. И хотя для большинства это положение было символьным и многих точила обида за свое реальное положение, все же, как писал в советские времена Е. Евтушенко, беднякам это компенсировало их положение: «Хоть босаяк, ну а все же русак». В условиях конкурентной экономики, когда человеку приходится повседневно заботиться, чтобы не быть «выбитым из седла», символическая политика приобретает особенное значение. Неслучайно ведь в западных обществах придумывали политики плавильного котла, мультикультурализма, «свободной культуры». А Россия в 1990–2000-х гг. проходила как раз период высокого притока мигрантов (она была на втором-третьем месте после США и ФРГ). Этот приток русские, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, других крупных городах переживали острее, чем люди иных национальностей.

Но российским политикам вместе с экспертным сообществом было на что опереться в поддержании межэтнического согласия. Ресурсом оставалась историческая память о едином для народов государственном пространстве: она была закреплена в Конституции: «мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле... сохраняя исторически сложившееся государственное единство... принимаем Конституцию Российской Федерации»⁹⁸. Сейчас, когда в условиях политизации идентичности в предвыборной борьбе обсуждалась идея фиксации идеи русского народа как государствообразующего⁹⁹ и в публичном пространстве реально выстраивается иерархичность населяющих страну людей, разнообразных по своей этнокультуре, нам представляется особенно важным учесть реальные социальные практики, в том числе и представления людей.

В ходе исследования ИС РАН задавался вопрос «какая идея могла бы сегодня вдохновить людей, сплотить их во имя общих целей». Среди идей, набравших более 10% выборов, самой распространенной была «идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы» – 42%. Все другие такие как: «идея правового государства», «решение глобальных проблем», «объединение славянских народов», «возвращение к социалистическим идеалам» на-

⁹⁸ Конституция Российской Федерации. URL: <http://constitution.kremlin.ru/>

⁹⁹ Об этом писал в предвыборной статье В.В. Путин. 23 января 2012 г. В апреле 2011 г. было вынесено решение Русского Собора по этому вопросу.

бирали 13–38 процентов. При выборе акцент был сделан именно на единстве, поскольку идея особой исторической миссии поддержана была всего 9% респондентов.

Конструктом, который выстраивался более десятилетия в 2000 гг. (а заложен был еще раньше, в ельцинские времена), была идея российской идентичности: она должна была стать идентичностью людей, осознающих себя гражданской нацией.

Понятие «государственно-гражданская» или «национально-гражданская идентичность» достаточно новое для нашей публичной сферы, да и российской научной литературы. Новое, потому что исторически сложилось в России понимание «нации» как этнокультурной общности. И только в постсоветское время стали употребляться такие понятия как «государственная идентичность», «россияне», «российская идентичность». Был поставлен вопрос (В.А. Тишков), а затем в политический и научный лексикон вошло понимание «нации как граждан государства», как понимается оно во Франции, Великобритании, США. За этими инициативами был политический смысл.

Если под «нацией» понимается государственная общность, то снимется или во всяком случае подрывается в законодательном пространстве право наций как этнокультурных, этнических образований на самоопределение, вплоть до образования самостоятельного суверенного государства. Право на суверенитет в таком случае закрепляется за государственной (российской) общностью, отсюда акцент в дискурсе власти на политическую нацию.

Выступая с посланием Президента Федеральному собранию в 2000 г. в таком значении понятие «нации» употреблялось 10 раз, а в 2007 г. – 18. Идеолог президентского окружения того времени В. Сурков открыто говорил: идет «информационная борьба», «борьба за умы». «Вопросы самообразования, вопросы терминов, вопросы производства образов – это признак действующей нации». Нужно самим производить «образы и смыслы» и «...у нас должна быть своя версия политического языка»¹⁰⁰. Но, как хорошо известно и социологам, и политологам, для того, чтобы довести идеи, смыслы до массового восприятия, надо распространять их, учитывая «здравый смысл», то есть через такие образы, высказывания, которые могут быть поддержаны теми, на кого они рассчитаны, создавая впечатления, будто

¹⁰⁰ Сурков В. Концепция суверенной демократии апеллирует к достоинству российской нации. Выступление на круглом столе «Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность» // URL: <http://www.edinros.ru/news.html?id=115114>

они и сами так думают¹⁰¹. И надо сказать, что и Президент РФ, и его ближайшее окружение не только учитывали это в высказываниях, но и предпринимали очевидные усилия для формирования образа России, идентичности россиян через эффективные каналы.

Естественно, проводя исследование по итогам 20 лет реформ, нам интересно было посмотреть, как среагировало массовое общественное сознание на конструируемые идеи. Ведь не только этническая идентичность, но и идентичность политической нации может быть как нормальной, позитивной, так и гиперболизированной, болезненной. Об этом в связи с рассуждением о национализме писал Майкл Линд; о наложении этнической и гражданской модели национализма и даже возможности со временем изменения их значения на примере Франции и Германии писал в 1990-е гг. и Р. Брубейкер¹⁰². В связи с этим встает вопрос о смысловой нагрузке каждой из анализируемых идентичностей¹⁰³, и целесообразно его обсудить на новом материале в меняющемся социально-политическом контексте.

Мы неслучайно обращаемся именно к этому понятию – «государственно-гражданская, национально-гражданская идентичность», которое включает не только лояльность государству, но и отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды разочарования, пессимизм или энтузиазм). Так же как и в республиканской, локальной, этнической идентичности здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний).

Политические, социально-культурные, экономические изменения в обществе находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменениям в идентичности судят о направлениях в развитии общества, но и сама идентичность, ее характер, масштабность, интенсивность способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном раз-

¹⁰¹ Павловский Г. Обсуждение выступления В. Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров «Единой России» // Эксперт. 2006 г. № 9. С. 74.

¹⁰² Lind M. In Defense of Liberal Nationalism // Foreign Affairs. № 3, 1994; Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. – Cambridge, Mass. 1992.

¹⁰³ Об этом нам уже приходилось высказываться – см.: Дробижева Л.М. (2006) Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. Отв. ред. В.С. Магун.

витии. Именно с этих точек зрения мы стараемся рассмотреть идентичность россиян как ресурс государства и общества и в то же время как некий барометр их изменений.

Государственно-гражданская идентичность редко рассматривается в соотношении с такими групповыми идентичностями как социальные, и даже поколенческие, и намного чаще сравнивается с региональными и этническими, так как имплицитно предполагается, что именно они способны «противостоять», подпитывать сепаратизм территорий. Поэтому именно на соотношение государственно-гражданской идентичности с последними обращается особое внимание.

Понимая, что современная идентичность россиян – сложный конгломерат новой российской идентичности, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей, фокус внимания мы сосредоточиваем на рассмотрении позитивной совместимости национально-гражданской и этнической идентичности.

Исследованием ИС РАН зафиксировано широкое распространение российской идентичности: свыше 90% идентифицируют себя с гражданами России. Примерно такие же высокие показатели были зафиксированы в 2008 г. в совместном исследовании ИС РАН (ресурсная группа: Л.М. Дробижева, М.Ф. Черныш, А.Е. Чирикова) и Межрегиональных исследовательских центров (МИОНов) в Свердловской, Томской, Воронежской областях – 90–95%, в Новгородской, Саратовской области – свыше 80%. В Европейском социальном исследовании, выборка которого более широко охватывает южные и дальневосточные районы, идентифицировали себя как граждане России 64% в 2006–2010 годах. Судя по последним опросам это довольно значимое чувство. Во всяком случае, в исследовании 2011 г. ИС РАН 72% респондентов ответили, что «испытывают ощущение сильной связи с гражданами России». Но при этом, респондентов, у которых сильна связь и с гражданством и с этничностью – больше половины – 60%. А когда респондентов просили ответить, кем они себя больше чувствуют – россиянином или человеком своей национальности, последних оказалось меньше – больше россиян, но четверть русских ощущают себя в равной степени и тем и другим, а среди татар, башкир в республиках таких людей еще больше (рис. 2). Таким образом, идентичность наших граждан совершенно очевидно множественная, она динамичная, и у большинства – балансирующая в зависимости от этноконтактной среды и социально-политической ситуации.

Рисунок 2. Мягкая балансирующая идентичность

Теперь посмотрим на результаты исследований с точки зрения возможности ответить на вопросы, которые поднимались М. Линдом, Р. Брубейкером (см. выше), а в России – Л. Гудковым¹⁰⁴ – «какая она, наша идентичность». Пока практически у половины населения, а в районах широкого повседневного общения и намного больше, сохраняются солидарные установки в представлении о России как общем доме для многих народов (рис. 3).

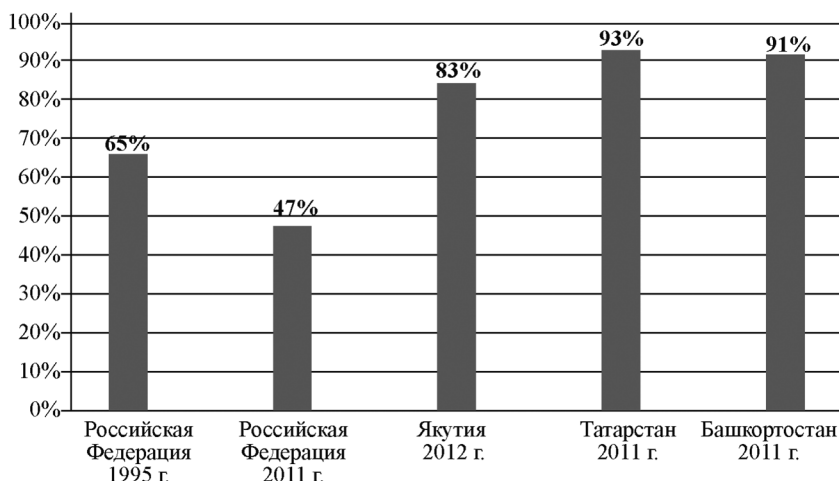

Рисунок 3. Россия – общий дом для многих народов, все народы России должны обладать равными правами (в % от опрошенных)

¹⁰⁴ Гудков Л. Негативная идентичность. – М., 2004 г.

Достаточно высок уровень признания интересов народов, дающих названия республикам, общий взгляд на сложившееся федеративное устройство страны и желание жить вместе на основе добровольности. 64% русских считают, что народы, которые не хотят мирно жить вместе, могут иметь право выхода из Федерации.

Дело в том, что среди самых исследователей нет единства в интерпретации нашей Федерации. Некоторые именуют ее этнической, потому что исторически она создавалась как Союз республик, получивших название по национальности, составляющей, как правило, большинство, хотя они не были мононациональными. После распада Союза все республики в самой Российской Федерации являются полиэтническими и их Конституции, принятые уже после Российской Конституции 1993 г., провозглашены от имени граждан, живущих на их территории, а не «титულიной» национальности. К тому же субъектами нашей Федерации являются отнюдь не только республики, но и края, области, автономная область и автономные округа – все они провозглашены как равноправные субъекты еще по Федеративному договору 1992 г., так что **де-юре** называть Федерацию этнической нельзя, да и **де-факто** наименование не корректно. Но по традиции, республики и сейчас называют национальными, особенно в самих республиках. Исследователи же, которые видят одной из причин развала Союза – федеративное устройство с учетом этнического фактора, упорно именуют саму Федерацию этнической. При этом, естественно, политизируется этнический фактор, ставится вопрос о целесообразности федеративного устройства вообще (ЛДПР), о создании российской республики, самоопределении русских. В результате политизации этого фактора в предвыборной кампании 2011–2012 гг. В.В. Путин в статье «Россия: национальный вопрос» особо остановился на этой проблеме, напомнив, что Россия «исторически не этническое государство», и, назвав русских «стремим скрепляющим ткань» социума, он констатировал, что «русский народ давно самоопределился» и определил «насквозь фальшивыми разговоры о праве русских на самоопределение», которые могут привести к уничтожению собственной Родины¹⁰⁵. Президентский ответ, таким образом, обращен по большей части к политикам и националистам, а массовое общественное мнение оказывается спокойнее, а порой просто мудрее и рациональнее.

Именно такой подход определяет повседневную практику отношений в поликультурном пространстве. Готовность к общению

¹⁰⁵ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23 января 2012 г.

с людьми иной национальности, по данным исследований ИС РАН, мало менялась, но она была различной в конкретных сферах жизни (рис. 4). В наиболее близкой в семейной сфере доброжелательные установки встречались реже – 40%, а к дружескому общению готовность больше. Если брать совокупность тех, для кого национальность имеет значение в разных сферах общения, это примерно 30% респондентов.

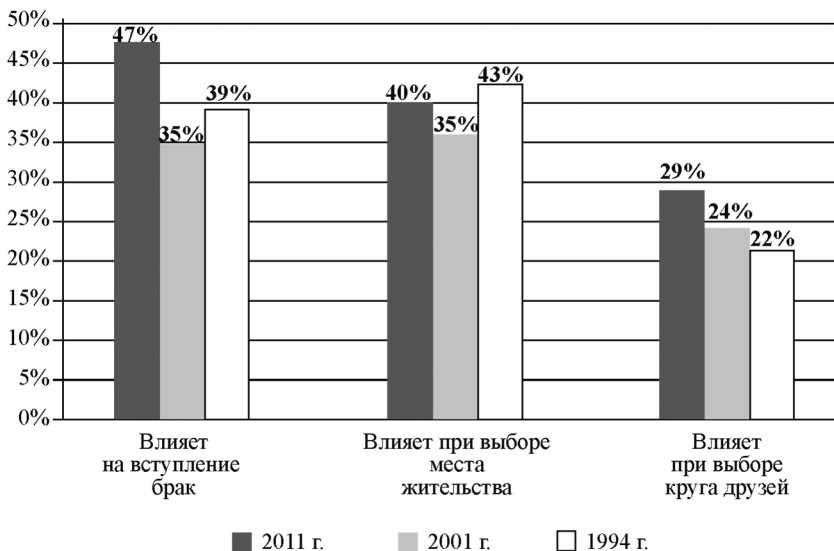

Рисунок 4. Влияние национальности человека на отношение к нему (1994–2011 гг.)

Ощущали межнациональную напряженность в своем городе, районе по данным Левада-Центра в 2006–2010 гг. 26–30%¹⁰⁶.

Таким образом, значимый резерв межнационального согласия еще есть. К этому можно добавить, что 89% респондентов заявляет, что «насилие в межнациональных отношениях недопустимо». Среди забот, которые осознают люди, наличие межнациональных противоречий отметили 9% и эти заботы были на 14 месте из 20 перечисленных. Рост нерусского населения в традиционно русских областях, как заботящую проблему, назвали 14%, и этот фактор был на 13 месте (рис. 5).

¹⁰⁶ Общественное мнение 2010. С. 190.

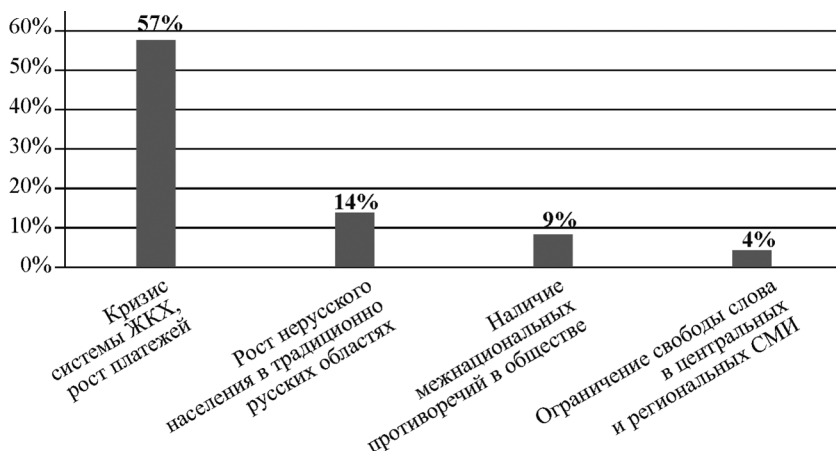

Рисунок 5. Межнациональные отношения как осознаваемые заботы людей (из 20-ти позиций вызывающих тревогу) (% от опрошенных)

Но все же среди ухудшений в различных сферах жизни в 2000-е гг. 47% респондентов упомянули межнациональные отношения (рис. 6). Таким образом, ресурс межнационального согласия сохраняется, он поддерживается, главным образом, за счет рациональности людей в повседневной жизни, социальной практики и, если вернуться к полученным статистическим показателям оценок, то чаще всего он колеблется в пределах 47–50%, а в некоторых случаях и более. Подвижнее этот ресурс в сфере политических оценок и ориентаций.

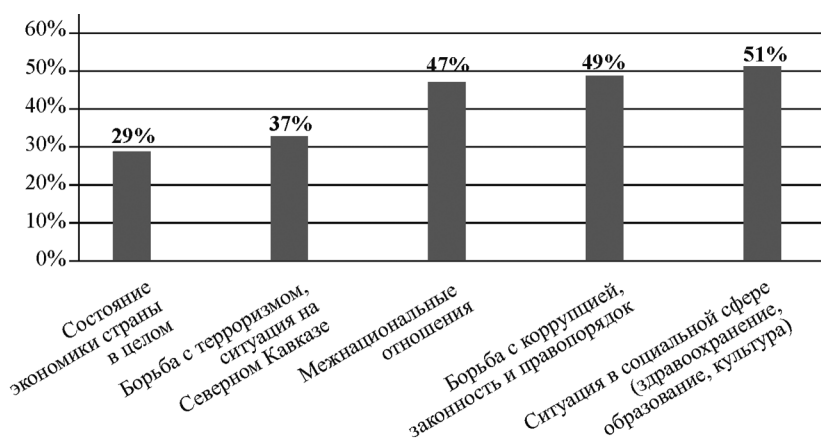

Рисунок 6. Оценка ухудшения дел в различных сферах жизни российского общества (2011 г.)

Но оценить в целом состояние и в какой-то мере перспективу в межэтнических отношениях можно только в том случае, если представить положение с этнической нетерпимостью.

Этноцентризм и этноизоляционизм

Этноцентризм понимается и как узость во взглядах на мир – «восприятие идей и практик других культур в терминах собственной культуры»¹⁰⁷, и как мнение, суждение, несправедливо оценивающее другие культуры, в стремлении к замкнутости, нежелании общения с другими. Иногда этноцентризм и этноизоляционизм объясняют или называют «ксенофобией». Но ксенофобия – страх по отношению к другим, т. е. психологический феномен. Однако этноцентризм (во втором значении), а тем более этноизоляционизм, не просто реакция на иного или иное, а сформированные какой-то частью общества, системой коммуникации, элитами, властью, отношение, установки, готовность действовать, ориентации. И ксенофобия, даже как обозначение этнических предубеждений, тоже не спонтанно возникающее чувство, а, как правило, результат конструируемых восприятий.

В исследовании 2011 г. ИС РАН доля испытывающих раздражение к представителям других национальностей оказалась довольно высокой – 68%. Левада-Центр, регулярно проводящий исследования межнациональных отношений, фиксировал, что враждебность со стороны людей других национальностей чувствовали часто и довольно часто в 2006–2010 гг. 10–16%, а 26% – редко. А сами респонденты испытывали такие чувства часто и довольно часто 10–19%, а редко – 30–25%¹⁰⁸.

Таким образом, 10–19% – группа риска, а четверть респондентов, установки которых можно отнести к балансирующим, неустойчивы в отношениях, и их установки могут меняться. По результатам исследования в республиках людей, испытывающих раздражения к людям других национальностей меньше (рис. 7), и это как раз может быть следствием как длительного повседневного общения, которое стало восприниматься как привычная необходимость, а порой и заинтересованность во взаимодействии, так и результатом образца поведения, которое задается властью. В республиках могут учитывать и опыт последствий межэтнических напряжений и реальных конфликтов и, наконец, там меньше инонациональных мигрантов, при-

¹⁰⁷ Гидденс Э. Социология. – М., 2001. С. 622.

¹⁰⁸ Общественное мнение 2010. С. 90.

бывших за короткое время, как это наблюдалось в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и других крупных городах, где население было вынуждено быстро приспосабливаться к новому этническому окружению.

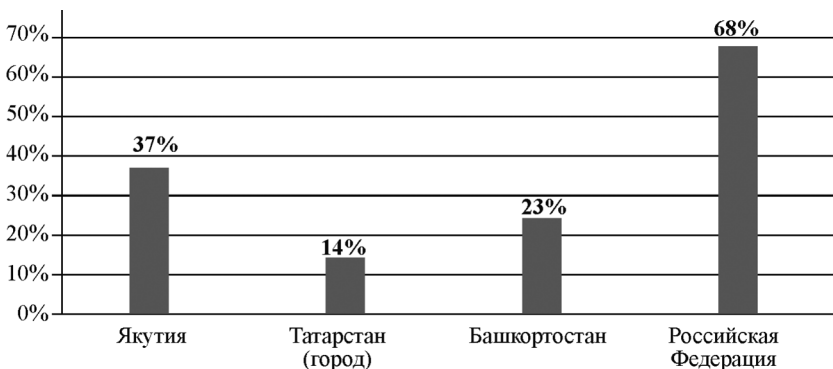

Рисунок 7. Испытывают раздражение к представителям других национальностей

В целом по стране 28% открыто присоединились к мнению: «многонациональность скорее проблема, чем преимущество для страны» (в республиках меньше: например, в Башкирии – 10%).

Мы уже обращали внимание читателей на то, что самосознание русских актуализировано и этноизоляционистские установки стали открыто проявляться чаще в последние годы. По данным опроса 2011 г. стало очевидно, как выросла доля людей с такими установками в сравнении с 1990-ми годами. В 1995 г. с мнением «Россия должна быть государством русских людей и русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу народа в целом» согласились 25% опрошенных, в 2001 г. – 32%, а в 2011 г. – 45%. С мнением «Государству следует поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения страны – русских» согласилось 64% русских (среди русских, живущих в республиках, и среди других национальностей таких людей меньше).

Наиболее радикально настроенные полагают, что государственное устройство должно быть изменено. С мнением Жириновского упразднить деление России на республики выразило согласие 42 процента. Левада-Центр неоднократно получал данные также о поддержке идеи «Россия для русских»: ее поддерживали до 50–56% населения.

Этот лозунг, исторически восстановленный КРО (Конгресс русских общин под руководством Д. Рогозина), по-разному понимается респондентами. В ходе глубинных интервью с респондентами в республиках мы фиксировали, что часть населения ассоциирует этот лозунг просто с констатацией того факта, что «в России живут русские, конечно, и страна, природа, богатства ее для русских людей». В одном из регионов России с высокой контактностью разных культур – в Большом Сочи – Отдел этносоциологии ИС РАН проводил исследование, в вопросном листе которого вопрос был сформулирован иначе, более жестко «Согласны ли Вы с лозунгом «Россия только для русских?»; согласившихся было 15 процента.

С этим лозунгом выходят демонстранты на «Русский марш». В 2011 г. по официальным данным участие в нем приняли 10 тыс. человек. По опросам того же Левада-Центра, **в целом по стране**, поддерживали проведение «Русского марша» в декабре 2010 г. определенно одобрительно – 8%, и скорее одобрительно – 20%, т. е. не более 28 процентов. Правда, в 2007 г. поддерживающих было 17%¹⁰⁹.

Настроения этноцентризма есть и в других странах, особенно с увеличивающимся притоком мигрантов. Эти настроения учитывают и политики: неслучайно, в предвыборную программу Президент Франции Н. Саркози включил наведение порядка с принятием иммигрантов. Мадам Ле Пен, декларирующая «Франция для французов», набрала 18% голосов в первом туре. Все вроде бы очень похоже, только надо учитывать, что во Франции французы не этническая, а гражданская общность и национализм французских правых – это как раз пример того, как гражданский национализм тоже может иметь изоляционистский смысл (о чем и предупреждал Майкл Линд).

Сравнение с французскими правыми заставляют нас вспомнить и об уроках нашей собственной истории. Идеологема «Россия для русских» появилась в 1870–1880-е гг. в условиях торможения реформ Александра II. В идеологии она основывалась на концепции особой судьбы России Н. Данилевского (он тогда опубликовал книгу «Россия и Европа») и учитывалась при конструировании теории официальной народности графа Уварова. Все либеральные реформы тогда назывались чуждыми. В начале XX в. формулировку «Россия для русских» использовали русские националисты, и реализация ее совпадала с ужесточением общего политического режима в стране, особенно в беспокойных областях империи – Польше, Финляндии, Украине. Чем все это кончилось, мир увидел, когда к власти пришли

¹⁰⁹ Общественное мнение 2010. С. 193.

большевики. Польша и Финляндия отделились, а в Украине создали свое правительство¹¹⁰. К сожалению, мы не всегда учимся на уроках истории.

Возвращаясь к анализу результатов исследований, подведем некоторые итоги. Отдельные этноизоляционистские установки у наших респондентов доходили до 50%–60%. Но при более жестко поставленных вопросах или с учетом контрольных вопросов, они балансировали в пределах 15%–30%. Остается выяснить потенциал радикализма.

Пороги межэтнического согласия

Как известно, установки не всегда реализуются в действиях людей. Тот или другой вид действий зависит от обстановки, складывающейся для человека и его единомышленников. Мы провели выше данные о том, что абсолютное большинство наших респондентов высказывались против использования насилия (напомним, 89% по общей выборке в РФ, 81–88% в городах Татарстана и в Башкортостане, 76% в Саха (Якутии)). А теперь сравним их с мнением тех же респондентов, но в конкретных неблагоприятных условиях (рис. 8).

Рисунок 8. Предел нетерпимости

Половина опрошенных изменили свое мнение, особенно, когда дело касалось «нарушения интересов моего народа»; с нарушением справедливости также не хотят мириться, готовы защищать ее лю-

¹¹⁰ Подробнее см.: Соколов Н. (2012) Россия для русских 17.02.2012 г. URL: <http://www.polit.ru/article/2012/02/17/sokolov>

быми способами. Причем в республиках немного осторожнее относятся к выбору средств, а в районах с доминированием русского населения – решительнее.

Русские (также как и люди других национальностей) считают несправедливым дискриминацию, различные обиды, ущемления: людей с такими ощущениями по данным Левада-Центра было 33–30% (на 2006–2007 гг.). Конкретные проявления таких ущемлений перечислены в табл. 5, куда включены проблемы, набравшие более 20 процентов.

Таблица 5

В чем, по Вашему, состоят дискриминация, ущемления, обиды?
(ответы ранжированы по первому замеру)

	2006 ноябрь	2007 апрель
Больше торгуют на рынках и не пускают торговать местных жителей	63	45
Не чувствуют благодарности за то, что живут на русской земле	45	36
Оскорбительно ведут себя по отношению к русским	44	42
Не проявляют к русским достаточного уважения	40	56
Нарушают наши обычаи	28	38
Имеют возможность покупать лучшее жилье	26	26
Имеют больше своих людей в милиции, правоохранительных органах	24	32
Имеют больший доступ в структуры высшей власти	20	26

Как видно, у людей превалирует психологические причины: их набирается слишком много, именно поэтому добавление еще каких-то обстоятельств, например, несправедливости на выборах, решение важных вопросов без участия заинтересованных людей, может быть достаточным, чтобы стимулировать радикальные действия. По данным исследования ИС РАН, «желание перестрелять всех взяточников и спекулянтов, из-за которых жизнь в стране стала такой, какова она сейчас», выразили 68 процентов; среди них, тех, кто считает, что «люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет» было 74%; согласны с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа» и одобрили бы принудительное выселе-

ние мигрантов – 50–53 процента; и радикально настроенных, то есть полностью согласных с такими действиями тоже немало.

Радикализм и готовность к агрессии чаще проявляется в отношении к иммигрантам русскими (рис. 9).

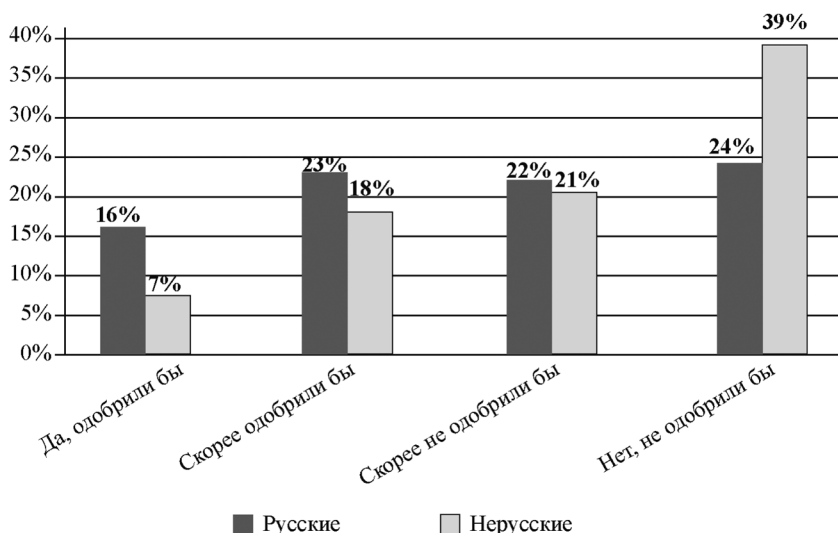

Рисунок 9. Одобрение/неодобрение принудительного выселения представителей каких-то национальностей из города (села) проживания

Надо сказать, что в распространении радикальных антимигрантских настроений Россия не одинока. По данным ESS (2010 г.) уверенно одобряющих выселение в РФ – 21% (табл. 6). В Израиле, Венгрии, Португалии их, как видим, не меньше. Казалось бы, чаще всего такие установки мы фиксировали в странах с высоким приток мигрантов, но Германия – страна с высоким притоком мигрантов – в число стран с радикально неблагоприятными установками не вошла, а вошли государства, где благополучия в силу сложности внутренней ситуации было меньше.

Исследование 2011 г. ИС РАН показывает, что отношение к иммигрантам совсем мало варьирует по возрастным группам, но немного заметнее в малообеспеченных слоях и особенно сильно различается в поселениях разного типа; в неблагоприятную сторону значительно склоняются показатели по мегаполисам (рис. 10).

Не переоценивая положительную ситуацию с межнациональными установками в республиках (естественно, речь может идти о тех,

в которых нами проводились исследования), все же очевидно, что радикализм в этнонациональной сфере чаще предположительно ожидать в мегаполисах. Главные просчеты можно допустить, если забыть, что есть пороги, переступив которые поддержать баланс согласия-несогласия, придав ему позитивное направление, уже нельзя.

Таблица 6

Изоляционизм в отношении иммигрантов
«Никому из мигрантов не разрешать въезд в страну» (ESS 2010 г.)

РФ	21,7%
Израиль	33,2%
Венгрия	32,1%
Чехия	24,4%
Португалия	22,6%
Эстония	16,6%

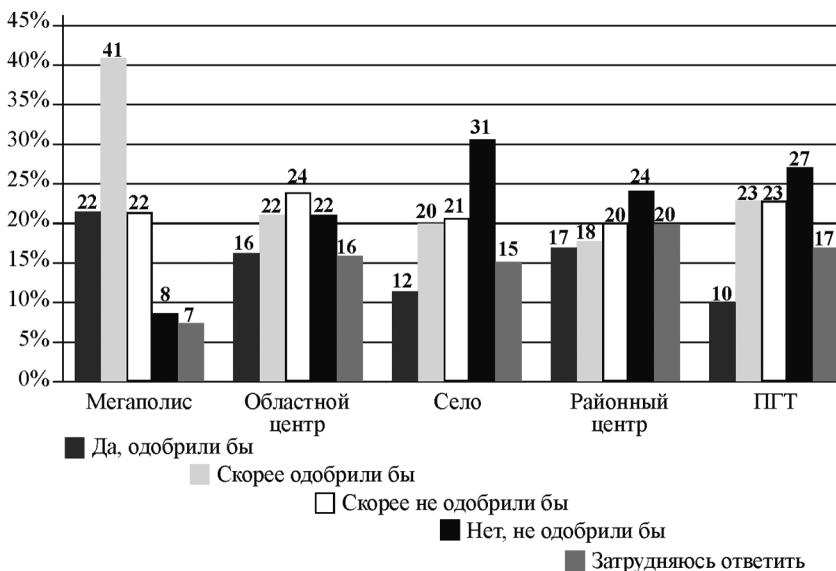

Рисунок 10. Одобрение/неодобрение респондентами различных социально-демографических групп принудительного выселения представителей каких-то национальностей из города (села) проживания, в %

Как мы видим, ресурс согласия – это уверенные установки людей на позитивное взаимодействие, сохранение представления о России как общем доме, о том, что «все народы России должны обладать равными правами»: «идея единения народов России» поддерживается 42–47%, еще выше доля людей, для которых национальность человека не имеет значение при выборе друзей и для которых «многонациональность страны, скорее, преимущество, чем проблема» – 67 процентов. Трудность состоит в том, что примерно в тех же пределах колеблется и доля тех респондентов, кто полагает, что «Россия должна быть государством русских людей», «надо упразднить деление России на республики», «все средства хороши для защиты интересов моего народа», «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа» – 41–45 процентов.

Совмещенные установки рисков у респондентов колеблются при разных сочетаниях в пределах 15–30 процентов.

Анализируя баланс и пороги нетерпимости, мы лишь определили и попытались оценить отчуждение в повседневном поведении людей, но это только одно поле действий. Есть и другие поля, где формируются готовность к действию, установки, ориентации. К таким полям относятся институты, идеологии, политики, государство:

- важнейшие институты – это, прежде всего, семья, сфера образования (школы, ВУЗы), издательства, СМИ;
- идеологии – это системы идей, задаваемых лидерами, идеологами, элитами, производство символов формируемых конструкторами через различные институты. Здесь идут войны исторической памяти, рождаются герои и идолы, определяются цели и образы государства и общества;
- государство и политика – это те поля, где оформляется доктринальное пространство и закрепляются идеи, формулировки, имеющие правовое и символическое значение, определяются механизмы реализации прав и обязанностей.

Каждая из этих сфер требует специального анализа, и в рамках данного текста можно кратко остановиться лишь на наиболее оперативных шагах, которые подсказывает ситуация с имеющимся балансом согласия и нетерпимости.

Совершенно очевидно, что нельзя потерять накопленные в идеологии и повседневных представлениях людей багаж, позволяющий укрепить гражданскую идентичность («мы граждане России» – политическая, гражданская нация). И то, что в программной президентской статье не актуализирована эта тема, приходится только сожалеть. Правда, говоря о празднике 4 ноября, В.В. Путин упомянул:

«мы по праву можем считать этот праздник днем рождения нашей гражданской нации», но праздник-то символический, мало признаваемый, а если признаваемый, то чаще националистически ориентированными объединениями. В связи с этим абсурдно выглядит сказанное на многомиллионную ТВ-аудиторию «Первого канала» (1 апреля 2012 г.) **гражданином Гордоном** определение слова «россияне» – как преступное. Вызывающими воспринимались слова С. Говорухина, совершенно неуместно назвавшего это слово «погатым словом». «Гражданская нация» и «российская идентичность» при надлежащем разъяснении вполне способны объединять людей. «Русскими» все люди других национальностей назвать себя не смогут, хотя и не стоит отказывать в этом праве кому-то так себя определять.

Нельзя потакать идеям интерпретирующим Россию как мононациональное государство. Президент ответил ее сторонникам: «Историческая Россия – не этническое государство... государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания... сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими». Только такой подход способен снимать изоляционизм как большинства, так и у людей других национальностей. Проявляя лояльность к конституционной формулировке «мы – многонациональный народ», которая, кстати, как показывают опросы, принимается значительной частью населения, противоестественно выстраивать иерархию людей, различающихся этнокультурой спецификой или, как бы сказали в недавней терминологии – иерархию народов, за что критиковали советскую власть. И если признаем такую иерархию негуманной или нежелательной, доставшейся нам от советского прошлого, то как же выделять один государствообразующий народ, о чем ратуют русские радикально настроенные идеологи? Государство образуют граждане, а гражданами страны являются люди разных национальностей, живущие на ее территории.

Противоречивыми были мнения наших респондентов о государственном устройстве России¹¹¹. Но совершенно очевидно, что абсурдно идти на поводу у Жириновского и превращать вопрос о федерализме в политический торг. Управление такой большой и сложной страной как наша без достаточного учета местных особенностей будет не эффективным, как считают специалисты. Мы же можем добавить, что в силу исторических обстоятельств федеративное устройство

¹¹¹ 42% русских высказались за упразднение республик (27% среди других национальностей), но 73% за сохранение автономии республик (среди других национальностей – 79%).

стало неким символом выражения и местных интересов, и многонациональности состава нашей страны: федерализм у нас в значительной мере имитационный¹¹², но и он имеет значение для поддержания межрегионального и межэтнического согласия в государстве.

В ответ на декларирование государством поддержки «культур народов» многие русские тоже стали разделять идеи о том, что они «должны иметь больше прав» (45%), «государству следует поддерживать культуру и религию большинства» (64%). Нам уже приходилось высказываться о том, что на самом деле за этими настроениями могут скрываться не только стремления к культурному приоритету, а и более сложные, порой радикальные идеи о несовместимости культур, цивилизаций, необходимости некоего этнического баланса¹¹³. В Западном научном сообществе их бы квалифицировали как культурный расизм, нам же важно донести до массового общественного мнения и власти, что за этими высказываниями, идеями кроется недовольство статусом, ощущение недостаточного участия во власти, в решении конкретных дел в центре и на местах. Поэтому сводить меры поддержания межэтнического согласия к финансированию культурных акций, фестивалей, выставок не будет достаточным ни для русских, ни для людей других национальностей.

Даже такой маркер как язык не является чисто культурным. Знание или незнание русского языка для людей разных национальностей в России – дорога или преграда в образовании, доступе к престижным местам, что, как правило, интерпретируется как исключение. Незнание «титulyного» языка в республиках для русских – преграда к участию в верхних эшелонах власти, а в каких-то случаях и к собственности, что тоже может связываться с дискриминацией. Из-за нежелания будировать общественные настроения мы не называем этих слов, но в глубине-то души люди об этом думают. Как установил опрос на Болотной площади, не более 6% поддерживало идеи националистов, но, судя по «Русскому маршу», латентных сторонников у них больше. Тем более сами государственные структуры или близкие к ним эксперты не должны выстраивать дополнительные этнические границы (по Ф. Барту). Так, не будет способствовать согласию поддер-

¹¹² Дробижева Л.М. Изменение социального ресурса российского федерализма в середине десятилетия 21 века // Россия реформирующаяся. Ежегодник 2005.

¹¹³ Дробижева Л.М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 10. – М., 2011. Такие идеи слышались на обсуждении в Московском Доме национальностей осенью 2011 г.

жание одного мифологизированного единства, например, славянских народов и при этом превращение в угрозу для безопасности страны других, например, финно-угорских, деление людей на местных-неместных, азиатов и т. п.

Актуальными останутся усилия, направленные на адаптацию населения к поликультурности окружающего пространства. Въезжающих на «джипе» в Александровский сад полиция обязана привлечь к ответственности, а общественность должна осудить. Но, например, этнодансинг принят был и у нас в прошлом и по всему миру. Танцы многих народов можно было видеть на демонстрациях как в Москве, так и в других городах страны и теперь запреты будут восприниматься как исключение тех, кто захочет станцевать чечетку или лезгинку.

Символические заявления власти о «единстве, равенстве народов» не должны расходиться с тем, что видят люди в практике повседневной жизни, иначе это будет вызывать недовольство существующей системой и тогда не избежать солидаризации против проявления беззакония, несправедливости, неравенства.

Интервью Л.М. Дробижевой

Интервью Г.С. Батыгину

«Я всегда находилась в процессе самообучения...»¹

Г.С. Батыгин: *Леокадия Михайловна, пожалуйста, расскажите, в какой семье вы воспитывались, в какой школе учились? Были ли вы отличницей?*

Л.М. Дробижева: Главным человеком для меня была моя мама. Мама была детский врач-туберкулезник – фтизиатр-педиатр. Ее жизнь наложила основной отпечаток на мой стиль поведения. Поскольку она была доктором, она была всегда всем нужна. К ней обращались все: от ее пациентов до всех жителей нашего дома, она была не только профессионалом, но и очень добрым человеком.

Мне всегда было ее жалко, но в то же время я понимала, как хорошо, что она может кому-то помочь. Отца я своего помню мало, он проводил нас в эвакуацию во время войны (мы выезжали в Саранск) и больше я его не видела. Он был инженер-метростроєвец с довольно непростой судьбой. Отец был человеком, как говорят, из народа, но смог стать офицером (не знаю, какого уровня) еще в царское время, будучи совсем молодым. Потом, когда началась революция, он ушел на гражданскую войну, воевал на стороне красных, а когда увидел, что происходит, у него началась душевная трагедия... Он решил, что не будет ни с теми, ни с другими и стал заниматься чисто инженерным трудом. А потом ушел на Великую Отечественную войну добровольцем. Больше я его не видела.

Училась я в 131 московской школе...

Г.С. Батыгин: *Это была «элитная» школа?*

Л.М. Дробижева: Нет... Обычная школа. Но в этой школе была очень хорошая учительница истории, Чацкая Мария Владимировна. Она умела увлечь своим предметом. Но самое главное – она была замечательный интеллигентный человек и учила нас видеть мир.

¹ Интервью проф. Г.С. Батыгину в сентябре 2001 г. «Наука. Интернет. Россия». URL: // <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj4-01drob.html>

Вообще у меня было два любимых учителя: историк Мария Владимировна и учительница-химик, которая, наоборот, учила нас ничему не верить на слово и думать самостоятельно. Мама, к сожалению, могла мною заниматься только в одном отношении: она берегла мое здоровье и учила меня своим жизненным опытом поучая меня. Эти люди наложили отпечаток на всю мою жизнь.

Г.С. Батыгин: *Вы отличницей были?*

Л.М. Дробижева: Нет, у меня была четверка по французскому языку. Поэтому при выпуске получила серебряную медаль, а не золотую.

После школы поступила на истфак МГУ. У меня был выбор между химическим факультетом и истфаком. Но Мария Владимировна сказала, что если я пойду на химический, это будет преступлением. «Поступай, – говорит, – на истфак». Так я стала историком.

На истфаке была интересная жизнь. Судьба свела с очень интересными людьми. Над нашим курсом шефствовал старший курс, четвертый. Там учились Э.В. Клопов, Л.А. Гордон... Они, шефы, пришли к нам сразу же. Формировали колхозные отряды, и меня выбрали в колхозный отряд. Мне было очень интересно с ними. Эти ребята воспринимали жизнь общественно значимо. Потом, в 60-е годы, они проявили себя принципиальными людьми. Эдик Клопов открыто выступил против ввода войск в Чехословакию. И до того были всякие политические события, в которых он принимал активное участие. Получил по партийной линии «строгача». Во всяком случае, эти люди оказывали на меня сильное влияние. Мой муж, Володя Дробижев, дружил с ними. Их влияние было очень важным. Мы-то пришли в институт из школы с «молочными зубами» и не вполне понимали, что к чему.

В студенческой среде все время происходили какие-то обсуждения. Уже впоследствии я поняла, что это живое общение формировало у нас образ нравственной жизни. Все время хотелось равняться на них. Когда мы недавно хоронили Леонида Гордона, я говорила Эдику, кем они были для нас, младших товарищей. В общем, они для нас были эталоном, на примере показывая, что такое поступать честно, что такое поступать нравственно, как надо думать. Не просто воспринимать события в том виде, в каком они «плывут». Надо сравнивать, сопоставлять.

Г.С. Батыгин: *А кто преподавал на факультете?*

Л.М. Дробижева: По советской истории лекции читал Е.Н. Городецкий. После смерти Сталина он, по сути, прочитал свой курс по-новому. Дореволюционную историю России преподавал П.А. Зайончковский, я была в его семинаре.

Г.С. Батыгин: *Помнится, тогда Рейснер преподавал?*

Л.М. Дробижева: Конечно, Рейснер был один из наиболее заметных профессоров. «Рейснер вас слушает!..» – его обычная приписка. Вообще, преподаватели истфака представляли собой плеяду замечательных людей и известных специалистов.

Г.С. Батыгин: *А Сарабьянов преподавал на филологическом факультете или на истфаке?*

Л.М. Дробижева: Сарабьянов преподавал на искусствоведении, я ходила, уже окончив истфак, на его лекции по истории искусства. Руководителем моей курсовой работы был Е.Н. Городецкий. Потом диплом писала у Валерии Михайловны Селунской. Она тогда была человеком прогрессивных взглядов и научила нас правильно воспринимать коллективизацию. В 80–90-е годы она критически отнеслась к тому, как проводились либеральные преобразования, а вот тогда, когда о перестройке и речи не было, Валерия Михайловна как раз учила нас критически осмысливать происходящее в стране.

Г.С. Батыгин: *Какая у вас была специализация?*

Л.М. Дробижева: На старших курсах я занималась продовольственными отрядами. Эта проблематика непосредственно связана с историей российской послереволюционной деревни. И дипломная работа была выполнена по этой теме. По результатам дипломного исследования напечатана моя первая статья. Видимо, она была, скажем, неплохая...

Г.С. Батыгин: *Вы в аспирантуру поступили сразу после окончания истфака?*

Л.М. Дробижева: Нет, не сразу. Тогда в аспирантуре была непростая ситуация: рекомендовали в аспирантуру при выпуске, при защитах дипломных работ, а поступать в аспирантуру мы могли только через два или три года, после того, как отработаем на практике. Мой муж уже учился в аспирантуре, поэтому меня распределили на работу в Москве. Я работала в техническом училище, преподавала историю партии. Ребята были способные. Тогда технические училища только создавались и туда поступали десятиклассники, те, кто не прошел по конкурсу в вузы. Им можно было преподавать почти вузовский курс истории, что я и пыталась делать. Это был хороший выпуск. Два года я с ними работала.

В аспирантуру я поступала за один год три раза... Сложилась ситуация, что на истфаке МГУ осталось аспирантское место, кто-то провалился на экзаменах. И я практически без подготовки сдавала вступительные экзамены. Все экзамены сдала на пятерки, а немецкий завалила – на тройку. Меня не приняли. Потом я поступала весной

в аспирантуру педагогического института, разумеется, по истории. Там я сдала все экзамены на пятерки, но мальчик, который поступал со мной параллельно, был из Туркмении. Хотя он сдал экзамены на тройки, его взяли.

Г.С. Батыгин: *Решили национальный вопрос?*

Л.М. Дробижева: Да, это было своеобразным решением национального вопроса. Но я восприняла это как справедливое решение. В июне поступила в заочную аспирантуру, но уже в октябре обнаружилось аспирантское место в Институте истории Академии наук. И Максим Павлович Ким, он тогда руководил отделом, сказал Володе: «У нас место осталось, я слышал, что твоя жена поступила на заочное, так пусть она идет к нам». И я снова сдала экзамены, в третий раз. Тут уж все обошлось благополучно.

Я оказалась в Институте истории...

Г.С. Батыгин: *Напомните, пожалуйста, кто тогда был директором?*

Л.М. Дробижева: Директором тогда был В.М. Хвостов. Он был известный историк и очень сильный человек. Он довольно предубежденно относился к женщинам, но тем не менее мое собеседование с ним кончилось удачно. Он сказал: «Из вас может что-то получиться». Эту формулировку я хорошо запомнила.

Моим научным руководителем назначили Эсфирь Борисовну Генкину. Она занималась ленинским периодом – ленинианой. Эсфирь Борисовна учила меня бережному отношению к источнику, компаративистике. Я бывала у нее дома. У них был теплый, интеллектуальный дом. Она рассказывала мне, под каким давлением историки писали о гражданской войне, о событиях 1949 года. Генкина предложила мне разрабатывать тему, связанную с Лениным. Конкретно я занималась «экономическими совещаниями», одной из форм регионализма в формировании институтов управления народным хозяйством. У Генкиной была идея показать, что если мы будем использовать местный опыт, это будет продуктивно для управления на уровне страны. Предполагалось, что «экономические совещания» как новая форма демократического централизма, участия трудящихся в управлении показали свою эффективность. Так оно и было, но потом их ликвидировали... «Экономическими совещаниями» я и занималась при работе над кандидатской диссертацией.

Г.С. Батыгин: *Работа основывалась на архивных источниках?*

Л.М. Дробижева: Да. Я даже открыла один неопубликованный ленинский документ – в архиве ИМЭЛа. Он относился к деятельности СТО – Совета труда и обороны. Этот ленинский документ был

опубликован с моим комментарием в журнале «Вопросы истории». Однако меня тогда интересовала сама проблематика «экономических совещаний», которая показывала огромное разнообразие социального творчества в послереволюционной России (и СССР). Мне вначале казалось, что формы социальной организации и жизнь людей складывались достаточно однообразно: революция, гражданская война, социалистическое строительство... А на самом деле все происходило по-разному. Во многом это определялось обстановкой на местах, личной инициативой людей, которые были вовлечены в социальные преобразования, новыми формами и методами работы, которые складывались не по указанию сверху, а по велению жизни. Здесь открывалась не столько история политических учреждений, сколько история людей – очень разных людей по возрасту, опыту, профессии, даже идеологиям. Это разнообразие находило выражение в территориальной или региональной специфике. Изучение разнообразия социальных преобразований стало для меня превосходной школой освоения исторического материала, во всяком случае, я уже поняла условность общих социальных и исторических схем. Мне было интересно работать с этой темой. Диссертация уже виделась не столько как аспирантская обязанность, не потому, что руководитель требует, а потому, что было ощущение новой и интересной проблемы.

Г.С. Батыгин: *Вероятно, к тому времени у вас сформировался устойчивый круг чтения, не обязательно в рамках основной профессии? Повлияла ли на вас московская свободомыслящая культурная среда?*

Л.М. Дробижева: Я бы не сказала, что кто-то сильно влиял на мой круг чтения. В школьные годы друзья моей мамы сформировали некоторые читательские интересы. Во всяком случае, Льва Толстого я перечитала раньше, чем мои сверстники. Алексей Толстой тогда входил в стандарт культурного чтения. Но Голсуорси, которого я много читала, читали далеко не все (Диккенса, помнится, почти никто не читал; все мои сверстники и старшие друзья говорили, что это читать невозможно, неинтересно). Но мне ужасно хотелось читать именно Голсуорси. Один раз, это было еще в школе, кто-то дал мне почитать Бердяева. Книга была переплетена, разумеется, в нефабричную обложку. Бердяев был для меня совершенной неожиданностью.

Г.С. Батыгин: *Тогда читать Бердяева было нехорошо.*

Л.М. Дробижева: Это была такая замусоленная, перепечатанная книга, в ней говорилось о национальном самосознании русских... Откуда это? Мне было непонятно. Одно дело – чтение Толстого, другое дело – Бердяев. Как все это воспроизводится в российской действительности?

Г.С. Батыгин: *Принято считать, что советский идеологический режим подавлял свободную мысль? Сталкивались ли вы с каким-либо идеологическим давлением?*

Л.М. Дробижева: Да, конечно. Но до института я совершенно его не чувствовала. Я воспитывалась так, как будто все идет так как надо, и не осмысливала происходящее с этой точки зрения. А вот когда стала учиться в университете, стало видно, что к чему. Например, идеологический «заказ» находил непосредственное выражение в выборе тематики исторических исследований. Разумеется, утвержденный список тем никто не диктовал. Муж советовал мне выбирать тему, максимально неполитизированную. Поэтому профессиональные историки старались избегать идеологически «нагруженных» тем. Но были и те, которые тяготели к идеологизированной истории.

Некоторый социальный опыт я получила, когда мы стали дружить с моим будущим мужем. Он впервые пригласил меня к своим родным. Это было большим эмоциональным стрессом – страшно с будущей свекровью встречаться. И может, чтобы снять волнение, Володя по дороге рассказывал мне, что происходило в их доме, во дворе, на улице Горького, там, где гостиница «Арагви». Именно здесь арестовывали «врачей-отравителей». «А вот здесь, – сказал Володя, когда мы входили в подъезд, – стояли два человека и все время смотрели, кто входит и выходит из дома напротив, где жили врачи, которых арестовали». На четвертом и пятом курсах я уже кое-что понимала.

Когда умер Сталин, казалось, что мир рухнул. Я, конечно, пыталась пойти в Колонный зал Дома Советов попрощаться с ним, но неудачно. Нас, студентов, собрали в Коммунистической аудитории университета. Выступал Савинченко – завкафедрой истории партии, который представлял смерть Сталина как трагедию для страны. А ребята, с которыми мы поддерживали дружеские отношения, вносили в происходящее какое-то другое ощущение: что будет еще, мы должны посмотреть. Я запомнила, что никаких слез не было.

Помню, в кругу моих старших друзей вспоминали: у одного нашего товарища была беда в семье – кого-то арестовали... Я сейчас не могу передать это состояние. Вроде бы я совершенно не понимала общей социальной и политической ситуации в стране.

С другой стороны, смерть Сталина открывала перед нами предощущение перемен и не позволяла оставаться в бездумном отчаянии. Я пришла домой и сказала маме: «Мама, ты знаешь, у нас не все одинаково отнеслись к этому; преподаватель сказал так-то, а ребята... по-разному». А потом все события в исторических курсах по совет-

ской истории во всяком случае стали переиначиваться на новый лад. И даже после 1953 года, когда утверждались наши дипломные работы, я помню, как Савинченко с осуждением говорил, что не надо было в дипломах использовать архивные документы (на что нас ориентировала Селунская), если по этим сюжетам есть опубликованные партийные документы.

Г.С. Батыгин: *После аспирантуры вас оставили в Институте истории младшим научным сотрудником?*

Л.М. Дробижева: Да, мэнээс, все как у людей. Как раз институт выпускал многотомную историю СССР, а последний том никак не выпускался. Его было очень трудно написать.

Г.С. Батыгин: *Труднее всего пишется о новейшем периоде истории?*

Л.М. Дробижева: Конечно. Современность – самый трудный предмет для исторического исследования. Так вот. Институт работал над двенадцатитомной историей СССР. Автор, которая должна была писать о национальном строительстве, выбыла из строя, она, помнится, была высокая чиновница и не могла написать требуемый раздел. Тогда Максим Павлович Ким, который, как я говорила, сыграл немаловажную роль в моей судьбе, сказал: «Мы тебя оставили в институте, но ты должна написать этот раздел». Так я впервые столкнулась с этнонациональной проблематикой. И поняла, что все, что у нас пишут об этом предмете, не поддается никакой проверке. Это было ужасно. Я писала, опираясь на какие-то опубликованные официальные документы, а потом приходила в архив и видела, что на самом деле происходило совсем другое. Например, еще в сталинский период разрабатывались проекты расширения полномочий республик. Разрабатывалась концепция совнархозов – этот процесс в 1952-м – 1953-м годах. Видимо, Сталин уже понимал необходимость реформирования режима.

Г.С. Батыгин: *Неужели идея совнархозов появилась еще при жизни Сталина? Это же нововведение хрущевских реформ.*

Л.М. Дробижева: Я не утверждаю, что Сталиным планировалось введение совнархозов как звена государственного управления, но идеи экономической и отчасти политической самостоятельности уже формулировались. В партийно-государственных кругах обсуждались вопросы расширения самостоятельности республик, в которых к началу 50-х годов был создан значительный производственный и интеллектуальный потенциал. Реальное расширение прав республик произошло только в конце 1950-х годов, но этот процесс был объективным требованием социального и экономического развития стра-

ны. Может быть, при Сталине такого рода реформы не прошли бы. Но эти вопросы обсуждались.

Короче говоря, архивные документы наталкивали меня на мысль об огромном разрыве между тем, что говорится в постановлениях, и реальностью. Так или иначе, я стала заниматься национальной проблематикой. Поэтому, когда в середине 60-х годов получили распространение социологические исследования, я совершенно самостийно, почти ничего не зная, пыталась провести опросы в трех городах. Володя ездил со студентами в Новополюцк, Альметьевск и Донецк. Там были друзья и знакомые, которые помогли мне. И я провела исследования на свой страх и риск. Конечно, сейчас я вижу, что они были во многом неграмотны. Но тогда дело было не в результате, а в самой возможности опросить живых людей. Я проводила интервью, у меня сохранились их записи. Пробудился интерес к социологии...

Г.С. Батыгин: *Были ли вы знакомы с социологами?*

Л.М. Дробижева: Конечно. Я слушала лекции Ю.А. Левады в университете, лекции В.А. Ядова я слушала в Академии общественных наук. Новые возможности открылись для меня с переходом Юрика Вартановича Арутюняна из Института истории в Институт этнографии – там он возглавил сектор социологии. Это было в 1966-м году. Директором этого института стал Ю.В. Бромлей – он был хорошо информирован о том, что происходит в зарубежном мире, и видел перспективы этнографической науки. И перед ним была дилемма: либо этнография должна отказаться от изучения современности, либо должна принять социологическую науку в свое лоно. Бромлей ориентировался на социологию изначально. Он пригласил в институт уже сложившихся специалистов-социологов Арутюняна и Шкаратана, который работал в Ленинграде. Надо сказать, что Арутюняна приглашал в Институт конкретных социальных исследований Г.В. Осипов, но, видимо, недостаточно настойчиво, и он пошел к Бромлею.

Мы были «кимовские», а Ким был человек особый – историк, который старался держаться правды. Он был академик, но тем не менее его выгнали с должности заведомом в Академии общественных наук, потому что однажды он открыто сказал, что у нас развитой социализм только до Московской кольцевой дороги. Он и нам позволял говорить все. А у Арутюняна уже были опубликованные историко-социологические работы, в частности по советскому крестьянству.

Я понимала, что Арутюнян будет заниматься целым сектором, этническими проблемами, а мне придется остаться в Институте истории. Однако судьба сложилась благоприятно. В историческом отде-

лении Академии наук существовал Научный совет по национальным проблемам. Я была ученым секретарем этого Совета. Академик Жуков передал руководство Советом Юлиану Владимировичу Бромлею, и когда он возглавил Научный совет по национальным проблемам, то пригласил меня перейти в Институт этнографии. Я встала перед дилеммой: тут или там? Институт истории считался ведущим институтом академии, там работали ведущие специалисты историки – своим широким интеллектом притягивал Юрий Александрович Поляков, авторитетом был Виктор Петрович Данилов, человек демократической ориентации.

Так вот, дилемма: меня приглашают в Институт этнографии, где, как мне казалось, нет ничего, кроме «материальной культуры». И я в этой «материальной культуре» ничего не понимаю. Бромлей говорил: «Мы сделаем другой институт – будет социология национальных отношений как новая самостоятельная область».

Г.С. Батыгин: *Бромлей был влиятельным человеком в академии?*

Л.М. Дробижева: Он был заместителем главного ученого секретаря Академии наук – это не самая высокая, но влиятельная позиция. Но дело не только в административном статусе. У Бромлея было ясное понимание новой перспективы в науке. Бромлей и Арутюнян, приглашая меня в Институт этнографии, сказали, что предполагают выделить большие средства на экспедиционный фонд, который необходим для организации массовых обследований в регионах. Это открывало реальные перспективы для продвижения этнонациональной проблематики.

Так я перешла в отдел к Арутюняну, оставаясь ученым секретарем Совета по национальным проблемам, который был передан из Института истории в Институт этнографии. Поскольку Бромлей был человек прогрессивных взглядов, работать было очень легко и интересно, а Арутюнян проявлял полное понимание и давал свободу. Мы вели межреспубликанское исследование по оптимизации условий развития наций. Я проводила много времени в экспедициях, была собрана масса материала о национальных проблемах в СССР. В 1981 году я защитила докторскую диссертацию о межэтнических отношениях в СССР. Работа была сделана на материалах исследований в Грузии, Эстонии, Молдавии, Узбекистане и РСФСР.

Г.С. Батыгин: *Примерно в это время вы стали заместителем Бромлея?*

Л.М. Дробижева: Я стала заместителем директора Института этнографии в 1982 году.

Надо заметить, что у нас, в отделе Юрика Варгановича, было ощущение аутсайдеров... В Институте этнографии была довольно

замкнутая профессиональная жизнь. Мы знали, что в Институте социологических исследований идут споры, вне нас кипит какая-то жизнь, а мы варимся в собственном соку, обсуждаем проблемы методологии, ходим на заседания, читаем литературу, идет процесс самообучения, но наша продукция не выходит на широкую социологическую аудиторию. Наши работы были посвящены социальным проблемам «народов». В республиках проводились сравнительные повторные исследования в 1970-е, 1980-е годы, в 1991 году. Выходили в свет книги, думаю, неплохие. Мою «диссертационную» книжку перевели в Эстонии. Тогда я подумала: «Значит, мы все-таки что-то стоящее делаем». Первую нашу книгу по результатам исследования социальных и национальных проблем Татарстана перевели на английский. Вообще, работы Юрика Вартановича широко переводились за рубежом. Но все-таки по отношению к социологической науке мы были, скажем, жителями соседнего дома, а не квартиры в одном доме. Так было, впрочем, до 1990-х годов. Когда начались национальные движения, наши данные использовали для объяснения социальной конфронтации.

Аналогичным образом складывалось и преподавание. Один год мы с Юриком Вартановичем читали курс этносоциологии на социологическом факультете МГУ, а потом уже на кафедре этнологии. Получилось, что мы внесли социологию в этнологию. А этносоциологию в социологию в полной мере тогда внести не удалось.

Г.С. Батыгин: *Я бы связал это историко-научное обстоятельство с групповыми отношениями. Если позволите, вернемся немного назад. Как складывались отношения этносоциологов с ИКСИ? Помните, близких научных контактов не было?*

Л.М. Дробижева: Практически, сотрудничества не было... С М. Руткевичем мы почти не контактировали. Со следующими директорами Института социологических исследований отношения были скорее общеорганизационного плана: участвовали в социологических конгрессах, выступали на конференциях. Но все-таки мы чувствовали себя немножко аутсайдерами. Конечно, мы виноваты сами. Публиковались преимущественно в исторических журналах, а в «Социологических исследованиях» довольно редко. В общем, держались в стороне.

Г.С. Батыгин: *Может быть, оно и к лучшему?*

Между прочим, когда замыкались в рамках этнологии, то понимали ее преимущества: во-первых, экспедиции, а во-вторых, этнология не так внимательно контролировалась как социология. Социологи были под лупой. В этнологии была относительно свободная атмо-

сфера. Все-таки Бромлей мог сохранить хороший климат в институте и разбирался в людях. Когда в Институт этнографии пришел Игорь Семенович Кон, это было вполне естественно. Посмотрите, какая команда социологов была в Институте этнографии: Арутюнян, Кон, Шкаратан, потом Галя Старовойтова. Это была политика Бромлея.

Г.С. Батыгин: *Я думаю, благодаря Бромлею у вас не было и половины тех бед, которые были у других. В значительной степени научная и психологическая атмосфера в институтах зависела от личности руководителя.*

Л.М. Дробижева: Безусловно.

Г.С. Батыгин: *Аналогичная ситуация была в институте Тимофеева, который умел оградить свое учреждение от атак и не давал в обиду своих. А в Институте философии и в ИСИ не прекращались войны. Кто же тогда аутсайдеры?*

Л.М. Дробижева: Это мы знали. Поэтому мы – такие аутсайдеры – туда не очень стремились.

Г.С. Батыгин: *Еще одна проблема, как мне кажется, связана с тем, что национальная проблематика принадлежала не только этнологии, но и единственной науке мужского рода – «научному коммунизму».*

Л.М. Дробижева: Да, это было ужасно. Мы с ними были в постоянном латентном конфликте. Они не признавали нас – мы редко признавали их. Тадевасян, Куличенко задавали тон в научно-коммунистической теории наций. Однако не все обстояло так просто. К реальности неприменимы черно-белые изображения. Однажды Эдуард Александрович Баграмов нас, что называется, спас. В ЦК КПСС поступила информация из Института истории о том, что мы публикуем данные, которые использует буржуазная пресса. Тогда в отделе пропаганды ЦК, кажется, замзавотделом, работал Г.Л. Смирнов. Было необходимо дать компетентное заключение об этой записке, то есть отреагировать на нее надлежащим образом. И Баграмов дал очень политичное, можно сказать, виртуозное, заключение, где приблизительно была сказано, что наши данные отражают реальную действительность, советскую власть не порочат, а буржуазные идеологи сами что-то извращают...

Было и прямое идеологическое давление. Например, мы не могли опубликовать прямые данные о межэтнических установках населения Эстонии. Мы их публиковали в закодированном виде, в индексах, чтобы нельзя было установить абсолютные числа по социальным и этническим группам. По Грузии были «плохие» данные – их тоже «камуфлировали», но специалисты могли понять суть, данные

об азербайджанских стереотипах в Армении были столь разительны, что о них вообще нельзя было упомянуть.

Вообще, иногда помогало специфическое умение интерпретировать данные. Например, количество желающих обучаться на родном языке и обучающихся на родном языке не совпадают. Это можно интерпретировать как признак скрытого конфликта, но можно показать и как свидетельство успеха культурного строительства. О социальных и национальных конфликтах можно было думать, но писать было нельзя. Зато мы никогда не говорили о расцвете и сближении всех наций и народностей – это было прерогативой научного коммунизма. «Расцвет» мы считали ботаническим понятием. В наших работах не было словосочетания «развитой социализм». Моя коллега из Молдавии спрашивала: «Мы просмотрели все ваши работы, почему вы не употребляете этот термин?». Аргумент у нас был простой: социализм не может быть «недоразвитый», поэтому мы и не употребляем.

Давление идеологии было, но преувеличивать его не следует. Все-таки мы родились уже в другую эпоху – можно было заниматься своей профессией без страха. Конечно, когда выходили научные книги, их брали «на просмотр». По национальной тематике – почти всегда. Здесь надо было соблюдать правила. Например, для одной своей книги мы нашли рецензента из обкома КПСС, который отметил большое значение работы. Когда в издательстве «Наука» эту книгу остановили, я принесла рецензию и книжка пошла. Почти всегда находили выход из положения. Так и все делали: сначала выбираешь цитату Ленина, а потом пишешь то, что тебе нужно. Кто-то может интерпретировать это цитатничество как приспособленчество, но в мы в действительности выбирали цитаты, которые помогали рассматривать проблемы.

Г.С. Батыгин: *Когда в конце 1980-х годов началась политика гласности, ускорение, затем перестройка, как это отразилось на этносоциологии?*

Л.М. Дробижева: Это было романтично. Особенно первый съезд советских социологов, когда его вела Татьяна Ивановна Заславская. Мы в первый раз смогли сказать о национальных конфликтах, почему из Советского Союза будет уходить Прибалтика, в чем суть карабахского конфликта и т. п.

Г.С. Батыгин: *Вы принимали участие в «народных фронтах»?*

Л.М. Дробижева: Я была непосредственно включена в процесс выработки идеологием национальных движений. Для меня до сих пор остается загадкой, было ли все заранее спланировано в Прибалтике –

она ведь задавала тогда тон, или это была ситуация, когда сами события толкали к определенным действиям. В 1988-м году состоялся съезд творческих союзов, вырабатывалось решение о народном фронте. В это время я оказалась в Эстонии по стечению обстоятельств, и Клара Халлик рассказывала мне о происходящем. Тогда казалось, что все развивается в духе перестройки и главные опасения были связаны с возможным противостоянием с русской общиной. У нас были данные о русских в Эстонии, их статусе, установках, оценках положения и т. п. Я ездила в Нарву и в Кохтла-Ярве для того, чтобы там немножко уяснить ситуацию и рассказать о реальном положении русских не только в этой республике, но и в других.

Я была на заседании Совета трудовых коллективов в Таллинне. Обсуждались отношения между русскими и эстонцами. Я читала лекции о межэтнических отношениях, о причинах конфликтов, методах их предупреждения на предприятиях. Это была не просто социологическая работа, но и своеобразное участие в движении. Потом мне говорили: «Разве ты не понимала, что они все равно уйдут?» То, что они все равно уйдут, для меня стало понятно намного позже, именно тогда, когда стала понятной политика центра, стало ясно, что М.С. Горбачев не может с ними вести диалог. Я пыталась объяснять ситуацию здесь, в Москве, и в институте, и в ЦК до тех пор, пока Бромлей не принял меры, чтобы не выпускать меня в ЦК. Наши с ним отношения стали, можно сказать, трудными. Я очень остро переживала этот период.

Г.С. Батыгин: *Наверное, Бромлей тоже можно понять?*

Л.М. Дробижева: Бромлей говорил мне прямо: «Я эту землю отвоевывал. Вы не понимаете, я прошел эту землю солдатскими сапогами. Как можно отдать эту территорию?» Тогда я не думала, что Прибалтику можно «отдать», я думала, что прибалтийские республики должны быть связаны с Советским Союзом какой-то ассоциацией, соглашением. Было совершенно очевидно, что пакт Молотова–Риббентропа так или иначе всплывет. У них будут весомые аргументы для выхода из СССР. В то же время мне казалось, что у них не было достаточных сил для мобилизации населения для выхода из СССР. Сами эстонцы уже привыкли жить по-другому. Поэтому если бы не действия центра, если бы была более трезвая политика, ассоциативные соглашения их бы устроили.

Г.С. Батыгин: *Но и эстонские интеллектуалы немало сделали для того, чтобы обострить ситуацию.*

Л.М. Дробижева: Смотря кто. Там были «независимцы» – они обостряли ситуацию, но на первом этапе у руля все-таки были не «независимцы»: Марью Лауристин, Микк Титма, Сависаар.

Ситуация складывалась по-разному. Скажем, в Литве были интеллектуальные силы, которые могли тщательно сформулировать программу действий. В Эстонии первые поправки к Конституции написали за 7 часов. Был у них такой Голиков, он знал международное право. Он помогал сформулировать поправки, в которых декларировалось право на приоритет пользования ресурсами и приоритет республиканских законов. Конечно, они зачеркивали все союзную Конституцию. Было ясно, что в Центре это не пройдет, но толчок дали. Было ясно, что Верховный совет не поддержит Горбачева, а поддержит скорее всего Прибалтику. Все хотели больше прав. Горбачев провел решение об отмене поправок к Конституции СССР через Президиум Верховного совета СССР. А отменить решения Верховных советов республик мог только Верховный совет СССР. Поэтому и возник конституционный кризис. Ясно было, что Эстония не будет делать никаких шагов к насильственному конфликту. Будут использованы только правовые нормы. Поэтому главной задачей было тогда поставить в пример Эстонию другим национальным регионам, например, Карабаху, Молдове, которые шли к насильственному конфликту. Ромазан Абдулатипов приглашал меня на телевидение, всегда давал слово последней, но давал, спасибо. Я говорила, что ситуация везде разнообразна, и модель федерации не может быть одинаково применима ко всем республикам. Может быть, признание разнообразия отношений внутри федерации и помогло бы сохранить Союз.

Г.С. Батыгин: *Судя по всему, тогда вы не ограничивались чисто академическими занятиями и активно участвовали в общественных движениях?*

Л.М. Дробижева: Не знаю, можно ли назвать это участием в общественных движениях. Но очевидно, что социология тогда была крайне активизирована. В Советской социологической ассоциации задавали тон Заславская, Шкаратан, Ядов. Заславская и Старовойтова обращались в ЦК КПСС по карабахскому вопросу. Однако у нас была и несогласованность точек зрения.

Г.С. Батыгин: *Старовойтова занимала радикальные позиции?*

Л.М. Дробижева: У Галины была радикальная точка зрения на национальные проблемы СССР. А мы с Юриком Вартановичем считали, что все-таки на других территориях страны, кроме Прибалтики, нет причин для таких радикальных изменений, поскольку нет массовой общественной готовности к таким изменениям. И нет элитных групп, которые и могли бы провести требования националов ненасильственным путем. А в Азербайджане и Армении речь шла о при-

менении насилия. Галя и Игорь Крупник создали свой комитет внутри социологической ассоциации: я руководила Комитетом этнической социологии, а Галя и Игорь – Комитетом этнополитической социологии. Мы не ссорились. Они ходили к нам, мы ходили к ним. Проводили какие-то общие собрания. Но все-таки у них была более радикальная позиция, а у нас была более сдержанная, академическая. Юрий Вартанович говорил, что если бы они видели ситуацию в других регионах, они, может быть, по-другому мыслили. Кроме того, дело было не в том, что она знала, а в том, как она воспринимала национальные конфликты, особенно карабахский. Она была депутатом от Армении. Надо сказать, что потом она, одна из немногих членов Верховного совета СССР, голосовала против ратификации распада Союза. Мы с ней об этом говорили.

Г.С. Батыгин: *Какова была ваша роль как консультанта по национальным проблемам до 1993 года?*

Л.М. Дробижева: Я не могу сказать, что партийные власти с нами консультировались. Они нас иногда приглашали. При Горбачеве в ЦК КПСС руководил отделом национальных отношений Вячеслав Александрович Михайлов, доктор наук, который занимался национальными проблемами и знал наши работы. Он даже считал, что мы сделали что-то неординарное в этой сфере, во всяком случае, он хотел нас слышать. Михайлов советовался с учеными по проблемам, связанным, например, с Карабахом и другими национальными конфликтами. Однако он сам говорил, что не может провести решений через цековские структуры. В 1991 году меня приглашал Абдулатипов. Я ему рассказывала, как ведут себя национально-культурные общины в США. Тогда, в 1989-м году, Тишков предлагал модель США. Я была в США с депутатами Съезда народных депутатов. Мы были в пяти штатах, где детально знакомились с национальной политикой. Этот опыт показывал, что и отсутствие национальных республик, и использование модели национально-культурных общин не избавляет от проблем в полиэтническом обществе.

Г.С. Батыгин: *Можно ли сказать, что в этот период у вас изменились теоретические ориентации, общий взгляд на национальную проблематику?*

Л.М. Дробижева: Изменения произошли, когда я стала более активно заниматься изучением современной западной литературы и общаться с западными специалистами. Началось мое очередное самообразование. Первое самообразование было связано для меня с освоением социологии, второе – это математика (пришлось курс высшей математики пройти, чтобы общаться с нашими специалистами), потом

психологию изучала... Зато я пропустила языковую подготовку. У меня нет свободного английского. Французский и немецкий недостаточны. Когда открылись возможности профессионального общения с западными специалистами, я была вынуждена изучать национальную проблематику по новому для себя кругу источников. Сегодня иным способом невозможно поддерживать профессионализм. Разумеется, теоретический кругозор изменяется не только количественно, но и качественно. Я всегда находилась в процессе самообучения.

Когда открылись литература и возможность общения, начался пересмотр теоретической базы. Но стимулировали к этому, прежде всего, события в нашей стране, мы наблюдали митинги, собрания, действия этнических лидеров, разных групп элит. Я воспринимала концепцию конструктивизма через призму российской национальной проблематики. Книги Геллнера, Хобсбаума, Холла, Суни, Шмиттера, Вердери позволили мне пересмотреть некоторые свои позиции. Геллнера я знала еще в 1980-е годы. В 1990-е годы он был прикомандирован к нашему институту, присутствовал на встречах с представителями национальных движений. Я все думала, почему он нас не предупредил о последствиях такого рода процессов. У него был огромный опыт работы с такого рода материалом в Африке, Испании, Бельгии, Голландии. Наверное, мы для него были просто «экспериментом». Он никогда не высказывался о практических решениях национальных проблем.

В 1993-м году я получила грант Фонда Джона и Кэтрин Маккартур для исследования национальной идентичности, национализма и конфликтов. Впервые мне пришлось самостоятельно вести проект, раньше-то мы всегда под руководством Арутюняна вели исследования. Сформировался коллектив талантливых сотрудников: Галина Солдатова, Вика Коротеева, Светлана Рыжова, Игорь Михайлович Кузнецов, Александр Коростелев. Это компетентные люди. Над первым проектом и последующими – «Этнические и административные границы...», «Социально-экономическое неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России», мы работали вместе с нашими коллегами, в том числе моими учениками из республик. Мы проводили исследования в Татарстане, Туве, Саха (Якутии), Северной Осетии-Алании, а по последнему проекту – и в Башкортостане, а кроме того, в областях: Оренбургской и Магаданской. Сейчас, когда я перешла в Институт социологии, определились основные направления новых этносоциологических исследований.

Г.С. Батыгин: *Можно ли сказать, что у вас сформировалась этносоциологическая школа?*

Л.М. Дробижева: Безусловно. Во главе этой школы стоит Юрий Вартанович, который является ее основателем. В Институте этнологии осталась часть нашей команды и работает Центр изучения национальных отношений М.Н. Губогло. Не только в Москве, Санкт-Петербурге, но и в регионах России, в бывших республиках СССР работают наши коллеги, некоторые из них в отделах или центрах этносоциологии, социальной антропологии, другие – в вузах.

Интервью Г.К. Комаровой «Наука – это жизнь и призвание»²

Вопрос 1. *Что для Вас наука: профессия, призвание или...?*
Это жизнь и призвание.

Вопрос 2. *Каким был Ваш путь в науку?*

В пору студенчества у меня были прекрасные преподаватели: В.М. Селунская, П.А. Зайончковский, Е.Н. Городецкий, в аспирантуре Э.Б. Генкина, Ю.А. Поляков. Они сделали для меня науку привлекательной и необходимой частью жизни. Я была рекомендована в аспирантуру, но трудовую жизнь начала с преподавания в Технической школе, а потом через год поступала в аспирантуру. Проходила ее в Институте истории, там же защитила кандидатскую диссертацию и была оставлена на работу.

Это были 60-е годы, тогда после XX съезда КПСС многое пересматривалось и в истории и в политике. В институте обсуждались острые темы – о реальных последствиях коллективизации, смыслах культурной революции. СССР был государством, в котором русские составляли 51%. Вопросы регионального и этнического разнообразия имели существенное значение для развития страны. Вышло так, что в институте не было ученых, которые занимались бы так называемой «предсовременностью» и нас, молодых, подключили к изучению этого периода, меня, в частности, к исследованию национальных проблем. Я работала под руководством очень интересного ученого и человека ак. М.П. Кима. Это он сказал тогда, что «у нас развитой

² Интервью Г.К. Комаровой в 2012 г. Антропологический форум. 2012. № 17. Online // URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/17online/#home>

Начало отдела этносоциологии ИЭ АН СССР (Подмосковье, 1968 г.)

социализм до Московской кольцевой дороги». М.П. Ким поддерживал все толковые новые начинания, порой, рискуя своим авторитетом. Я работала под его крылом, и он разрешил мне заниматься социологией. Без материалов социологических исследований изучать современность было невозможно.

В социологии в это время начался период ее реанимации и мы, молодые ученые, имели возможность получить новые знания. Я слушала лекции Б. Грушина, Ю. Левады, В. Ядова, начала использовать данные социологии для написания исторических текстов. А потом стала проводить самостоятельные исследования. Но социология такая наука, занятие которой требует больших **коллективных** усилий, особенно для проведения репрезентативных исследований.

В конце 60-х годов в Институте этнографии директором института Ю.В. Бромлеем, который знал о тенденциях развития наук за рубежом, был создан Отдел этносоциологии. Ю.В. Бромлей пригласил руководить им Ю.В. Арутюняна, он был одним из первых историков, начавших проводить социологические исследования. Именно в Институте этнографии начали готовить и проводить крупные репрезентативные для целых регионов социологические исследования для изучения социальных и этнических изменений. В Институте этнографии были для этого условия, поскольку для него Академия наук выделяла специальные экспедиционные средства. Чего, кстати сказать, в то время не имели социологи. Ю.В. Бромлей пригласил ведущих

Участники Всесоюзной конференции этносоциологов (Кабардино-Балкария, 1975 г.). Слева направо: М. Гафуров, А. Кожанов, А. Гинзбург, Л. Христолюбова, Е. Клементьев, Л. Дробижева, Ю. Арутюнян, А. Орлов, М. Губогло, М. Кумахов

социологов и из Ленинграда: О.И. Шкаратана, И.С. Кона, а, впоследствии, Г.В. Старовойтову.

Так сложилось, что Ю.В. Бромлей стал возглавлять и Научный совет по национальным проблемам при Отделении общественных наук Президиума АН СССР. Я была ученым секретарем Совета и Ю.В. Бромлей предложил мне перейти из Института истории в Институт этнографии. Это был для меня не простой шаг. Но то, что здесь работал **коллектив** под руководством Арутюняна, облегчило решение. Этнография была третьей наукой, которую мне пришлось изучать, а потом еще пришлось осваивать знания социальной психологии и в какой-то мере высшей математики (с последней, однако, дружба у меня не получилась). Таким был мой путь в науку.

Вопрос 3. Кто были Ваши учителя и кумиры в науке?

Своими учителями я считаю историков – П.А. Зайончковского, В.М. Силунскую, Э.Б. Генкину, Ю.А. Полякова, М.П. Кима, социологов – В.А. Ядова, Ю.А. Леваду, Н.И. Лапина, И.С. Кона, Б. Грушина, О.И. Шкаратана, в этносоциологии – Ю.В. Арутюняна.

Вопрос 4. *Кем Вы считаете себя: историком, социологом, этносоциологом или...?*

Себя я считаю этносоциологом.

Вопрос 5. *Что привело Вас в социологию? Что побудило Вас заниматься социологией?*

В социологию меня привело два обстоятельства. Я изучала современность. Без социологических исследований понять ее нельзя.

Второе то, что эта наука, если ей заниматься профессионально и честно, позволяет получить наиболее адекватные знания о реальности.

Вопрос 6. *Как сложился Ваш профессиональный путь в этносоциологии?*

В этносоциологии длительный период, практически до конца 80-х, я работала в проектах Ю.В. Арутюняна, вела темы этнического самосознания и межэтнических отношений. В 90-е годы вела самостоятельные международные проекты по проблемам этнической идентичности, национализма, межэтническим отношениям, проблемам социальной дифференциации этнических групп. Читала лекции по этносоциологии при Центре социологического образования в Институте социологии. В этом институте являлась членом Научного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, участвовала в методологических семинарах.

В 2000 г. я перешла работать в Институт социологии РАН (была выбрана директором). Здесь я получила возможность изучать этносоциальные проблемы в еще более широком социальном контексте и ближе работать с профессионалами в методологии и методике социологических исследований. В этом институте был создан Отдел этносоциологии, а впоследствии, в 2005 г., Центр исследования межнациональных отношений, куда входят еще 4 подразделения института, работающие по проблемам этнических миграций, диаспор, культуре потребления. Как руководитель отдела и центра я имею возможность работать и получать информацию по достаточно широкой тематике.

Вопрос 7. *Какой была предыстория возникновения этносоциологии в лоне отечественной этнографии?*

В отечественной этнографии своей предысторией мы считаем деятельность М.М. Ковалевского, работы которого по оценкам считаются лучшими эмпирическими исследованиями в социологии того

времени, так исследователей Русского географического общества, ученых, использовавших в своих работах комплексный материал из этнографии, антропологии, таких как Д.Н. Анучин, В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг, статистические источники – К.И. Арсеньев, С.Н. Велецкий, исследователей, которые занимались изучением этнического самосознания, таких как Кушнир.

Но главное это, конечно, наследие ученика М.М. Ковалевского П. Сорокина, ведь первые его исследования как раз были выполнены по изучению этнических групп – зырян и им была составлена известная Программа поиска эмпирических данных (65 индикаторов), многие из которых не устарели и теперь.

Но основные темы, которые меня привлекают – идентичности, этнические и межэтнические установки, национализм, социальное неравенство, предупреждение межэтнических напряжений и конфликтности изучались в социологии, политической и социальной психологии.

Вопрос 8. *Какие из Ваших научных идей и работ в области этносоциологии наиболее ценны для Вас лично; какие получили признание научной общественности?*

В отечественной этносоциологии практически первой я стала изучать межэтнические отношения на личностном уровне. Когда я докладывала результаты наших первых исследований, используя термин «этнические установки» на Конференции в Ленинграде в 1969 году (если мне не изменяет память) из зала меня спросили: «Какие это установки партии я имею в виду?».

Мы впервые показали, что «дружба народов», декларируемая в советское время на личностном уровне, т. е. людьми, воспринимается по-разному. Научное направление, которое на Западе называлось социологией межэтнических отношений, и было достаточно развитым, в России мы, впервые начали разрабатывать в Институте этнографии в комплексе других социальных проблем. В первой же нашей работе «Социальное и национальное» (1972 г.) я сформулировала вывод о том, что характер межэтнических отношений (дружественный, нейтральный, негативный) зависит решающим образом от **конкурентности** в социальной сфере (возможностей социальной мобильности для конкретных национальностей) и **ситуативных факторов**. Признаваемым фактором в советское время (как и сейчас) считается широта культуры, знания о других. Но мы установили, что негативные установки могут быть и среди вполне образованной интеллигенции, если она попадает в **ситуацию** конкурентных отношений или ущемлений ее интересов понимаемых достаточно широко.

Уже тогда можно было показать, и это было доказано, что межэтнические отношения в полиэтнической среде не лучше, как тогда официально утверждалось, а сложнее, особенно в период усиления контактности. Это подтверждается и в постсоветское время в условиях высокого иммиграционного притока.

Впервые в отечественной социологии и этнологии мы стали изучать этническую идентичность не просто как причисление себя к какой-то общности, а как когнитивные представления, эмоциональные переживания и регулятивные компоненты. Определили индикаторы, позволяющие изучать и определять уровни этнической идентичности.

В Проекте «Национальное самосознание, национализм и предупреждение конфликтов» (1994–1996) мы вместе с С.В. Рыжовой и Г.У. Солдатовой разработали типы этнической идентичности – норма, этноцентризм, этнодоминирующая идентичность, этнический фанатизм, этническая индифферентность, этнонигилизм, амбивалентная идентичность («Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990 годов», М., 1994, с. 14–19). Впоследствии эти типы мы представили в книге «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990 годов» (М. 1996 г.) и в учебнике «Этносоциология» (М. 1998 г.), затем эта типология вошла в книгу Г.У. Солдатовой «Психология межэтнической напряженности» (М., 1998 г.), на которую чаще ссылаются.

Важно, что эта типология была разработана не интуитивно и умозрительно, а на основе отработанных индикаторов и проверки их эмпирическим путем. После этого уже некорректно стало утверждать, что рост этнической идентичности ведет к межэтническим напряжениям. Важно, какой по типу идентичности.

Дорогим же достижением было и установление того факта, что даже высокий уровень этнической идентичности, если она нормальная, то не ведет к негативным, враждебным межэтническим установкам. Это было установлено еще в исследованиях 1994–1996 гг. Впоследствии к такому же выводу пришли и психологи в исследованиях Н.М. Лебедевой по толерантности.

С наших этносоциологических работ 90-х годов в отечественной науке начались изменения представлений о национализме. После Г. Кона, Э. Геллнера, Л. Тринфельд, Э. Хобсбаума, Р. Суни мы стали изучать национализм не в трактовке советских учебников и даже не в неомарксистской трактовке, а как это явление понималось в мировой науке в 80-х годах прошлого столетия. Изучали идеологию, политику, в том числе практику – законодательную и реальную, а также установки людей в республиках. На Западе были известны выводы

о разном национализме – этническом, гражданском, восточном, западном, культурном, экономическом. На нашем постсоветском пространстве я выделила такие 4 типа национализма: те, что можно было отнести к классическим образцам стремящимся к «завоеванию власти», паритетный национализм, при котором есть готовность к разделению и удержанию власти, экономическому национализму и защитному (это может быть и культурный, и территориальный, и другие по содержанию идей и политики). Любой национализм может быть более мягким (участники называют его либеральным, демократическим и т. п.) и радикальным (экстремистским и подобным). Коротче говоря, национализм объясним, чаще всего, критикуем и главное надо понять, что он разный. И это очень важно не только с точки зрения политики, но и понимания чувств людей, их психологических состояний.

Как видим, трактовка национализма остается актуальной и по сей день. Хотя включение в эту тематику всегда несет угрозу непонимания и это многие чувствовали на себе, в том числе и я.

Были и другие идеи, которые остались замеченными, например, разработка социальных и культурных дистанций, изучение которых в трактовке Ф. Барта привело меня к выводу о том, что маркерами границ могут быть не только культурные феномены, но и политические ценности, социальные интересы.

Почти «пробила» я в среду политиков и конфликтологов вывод о том, что именно **относительная** депривация, а не просто депривация, ведет к усилению межэтнической напряженности.

Ну а что-то осталось незамеченным и менее замеченным, может быть пока. Например, вывод о том, что все более утверждающаяся российская идентичность чаще по содержанию у нас государственная, а не гражданская, хотя и последняя имеет некоторый выраженный тренд; идея и вывод о том, что даже гражданская идентичность не спасает от ксенофобии. Само употребление понятия ксенофобия, как синонима враждебных или негативных установок неадекватно, ибо ксенофобия – страх перед иным, а негативные установки идеологически и политически конструируются и воспитываются.

Вопрос 9. *Каково Ваше нынешнее восприятие атмосферы 1960–80-годов в Советском Союзе? Что это был за период для Вас лично? Насколько значим этот период для Вашей профессиональной деятельности в сфере этносоциологии?*

60–80-е годы были периодом реанимации социологии и формирования основных направлений этносоциологии современности (в то

Ю.В. Арутюнян (второй слева), Л.М. Дробижева (в центре), И.С. Кон (второй справа) и другие этносоциологи – участники школы-семинара в Баку, 1981 г.

время была и историческая социология). В контексте развития этнографии это был период постепенного признания ее значимости. Ни одна крупная конференция, обсуждение нашей науки на Президиуме РАН не проходили без хотя бы одного доклада по этносоциальным проблемам, да и саму этнографию в целом воспринимали как актуальную науку с включением в нее этносоциологии.

Заслуга в этом была ак. Ю.В. Бромлея и вице-президента В.Н. Кудрявцева. Ю.В. Бромлей сам выступал в печати с определением понятия этносоциологии и ее задач. В самом Институте этнографии этносоциологию понимала и поддерживала заместитель директора – Л.Н. Терентьева. Она, в частности, занималась смешанными браками.

Для меня лично это было время познания нового в науке, возможности получения богатейшего эмпирического материала, радость от творчества и от встреч с интересными людьми в республиках нашей страны, а в конце 80-х с известными в мире учеными – Э. Геллнер, Э. Эриксон, Д. Тернер, К. Вердери. Об исследованиях этносоциологов в этот период я писала в Главе «Этническая социология в СССР и постсоветской России» в книге «Социология в России», которая вышла под редакцией В.А. Ядова в 1998 г.

Вопрос 10. *Насколько изменилось положение этносоциологии в России с конца 1980-х годов? Что, на Ваш взгляд, происходило в отечественной этносоциологии в последние 15–20 лет.*

В Мичиганском университете (Анн Арбор, 1991 г.). Фото В.А. Тишкова

С конца 80-х годов этносоциология стала очень востребованным **обществом** научным направлением. Результаты наших исследований были затребованы не только властью в лице М.С. Горбачева и его окружения. Это было связано и с событиями в Карабахе, потом в Прибалтийских республиках. Мы готовили материалы к партийной конференции, где рассматривались национальные отношения (они вошли в книжку «Что делать», к подготовке которой был привлечен Научный совет по национальным проблемам, которым руководил Ю.В. Бромлей).

С Первого социологического конгресса в условиях перестройки, где тоже обсуждались национальные проблемы, группа ученых, во главе с Т.И. Заславской была делегирована и принята Горбачевым. Но запрос был не только властью, но и общества. Нас приглашали на ТВ, статьи выпускали в газетах и популярных журналах. Данные исследований использовались на общественно-политических мероприятиях, в дебатах на съезде народных депутатов. С нашим участием

формулировался вопрос на референдум О сохранении Советского Союза. Это было особое время, очень ответственное для нас, мы чувствовали себя участниками исторических событий.

В самой этносоциологии тоже происходили большие изменения. Пересматривались концептуальные подходы к пониманию этничности, теории нации, конфликтов. Сначала толчок дали ученые, которые раньше нас были знакомы с зарубежной литературой – В.А. Тишков, М.В. Крюков, а потом мы сами имели возможность познакомиться с мировой литературой и ведущими учеными, среди них – Д. Горовиц, Ч. Тилли, Дж. Комарофф, Р. Суни, Х. Балзер, Б. Рубл, Р. Готемюллер, М. Фешбах.

В этносоциологии расширилась проблематика за счет изучения проблем национализмов, новых идентичностей, пред и постконфликтных ситуаций, совершенствовался инструментарий исследований. За счет еще проводившихся по грантам исследований мы сохранили для истории репрезентативную картину реакции людей различных национальностей на радикальные общественные перемены.

Но, к сожалению, институциональную поддержку в системе Академии наук массовых исследований в Институте этнологии мы потеряли, это проявилось и в финансовой и в кадровой политике.

В Институте же социологии и при В.А. Ядове и теперь (уже после того, как я перестала выполнять директорские функции), при М.К. Горшкове Отдел этносоциологии и Центр исследования межнациональных отношений остается востребованным. Нам уютно среди социологов и от них мы получаем «подзарядку» в методологии и в методике. Так что, если говорить о важном в самом научном направлении за истекшие 10–15 лет, так это интенсивная социологизация этносоциологии. Отражением данного тренда являются многочисленные по составу секции этносоциологии в рамках Всероссийских социологических конгрессов, специальные научные конференции, которые проводились в рамках Российской социологической ассоциации, наконец практически постоянная рубрика «Этносоциология» в популярном в России и за рубежом в журнале «Социологические исследования» (СОЦИС), широкая представленность нашей тематики в журнале «Социальная и культурная антропология» и чрезвычайно редкая представленность статей по нашей тематике в журнале «Этнографическое обозрение».

В рамках именно социологического образования читаются курсы по этносоциологии в Высшей школе экономики, РГГУ, в РУДН, в Санкт-Петербургском Университете, МГУ и др. образовательных центрах страны.

Участники конференции «Этносоциология в России» (Казань, 2008 г.)

Вопрос 11. *Как Вы считаете, существует ли в России профессиональное этносоциологическое сообщество? Если «да», то, каково оно?*

Да, существует, но большей частью, как это видно из ответа на предыдущий вопрос, оно разбито между социологическим и этнологическим сообществом.

Вопрос 12. *Существуют ли в России самостоятельные научные центры, школы в этносоциологии? Если да, то, что они собой представляют?*

Научные центры существуют в рамках двух академических институтов – социологии и этнологии. В первом он сейчас по численности больше, в нем работает, в том числе, 4 доктора наук и 2 ведущих научных сотрудника. Кроме того, это подразделения или группы, центры в рамках ведущих вузов страны (Татарстан, Башкортостан, Северная Осетия, Тыва и др.).

Школы в этносоциологии существуют, но об этом лучше говорить ученикам.

Вопрос 13. *Как Вы оцениваете уровень современной этносоциологического образования и профессиональной подготовки в России?*

Уровень образовательной подготовки очень разный, но спасает наличие курсов повышения образования, которые проводились в Институте социологии и в РУДН.

Вопрос 14. *Ваше теоретическое кредо?*

Я работаю в основном с полипарадигмальным или так называемым синтезированным подходом, с большим креном в разумный конструктивизм по Лукману и Бергеру. Это понятно, поскольку преимущественно работаю по проблемам этнического самосознания и межэтнических отношений. Как я вижу по публикациям и диссертациям меня относят с чьей-то руки к инструменталистам, это не соответствует реальным концептам, использованным мною в исследованиях.

Вопрос 15. *Что мешает и что помогает Вам в научной работе?*

Помогает мой коллектив, который я очень ценю. Мешает высокая загруженность, кроме проектов я еще и преподаю, до последнего времени была редактором журнала, являюсь членом ученых советов, веду аспирантов, докторантов, занимаюсь общественной деятельностью.

Вопрос 16. *Что является для Вас приоритетной областью деятельности: преподавательская, исследовательская, организационная или общественная деятельность?*

Приоритетна, конечно, исследовательская деятельность.

Вопрос 17. *Кого Вы считаете своими лучшими учениками?*

Об этом говорить приятно, но трудно, скажу о тех, кем я горжусь. С.В. Рыжова и Г.У. Солдатова, Р.Н. Мусина, А. Забирова – они ведут самостоятельные научные направления, И. Сухов – он корреспондент, который освещает события в горячих точках. Учителем меня называет Э.А. Паин, но я его отношу к тем, которые идут дальше учителей, к таким же людям я отношу и А.А. Сусоколова, светлая ему память. В чем-то моей продолжательницей считаю В.В. Коротеву, которая, к сожалению, сменила профессионализацию. Прекрасную работу защитил недавно Д. Пушнин. Сейчас со мной успешно работает Е.М. Арутюнова. В одной упряжке мы с И.М. Кузнецовым, но он работает настолько «своим путем», что к ученикам его отнести мне было бы неуместно. Ну а еще я могу гордиться теми, кто работал со мной в наших проектах и стал очень профессиональными учеными – Л. Сагитовой, Г. Абдурахмановой, Э. Яковлевой.

х листов 1970* г.г. по культуре. в %

НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

НАВАЖИ СИБИРСКИЕ УКРАИНЦЫ ШОРЦЫ
ТАТАРЫ

АБСОЛЮТНОЕ ЧИСЛО ОПРОШЕННЫХ

894 4967 820 549

35 20 18 1

Роль татарского и русского языков в духовной культуре ТОМСКИХ ТАТАР.

ВАРИАНТЫ

Данные опроса

А.А. Сусоколов и Л.М. Дробижева

Приложения

Приложение № 1

Таблицы к тексту «Образы национализма в вариантах демократизации республик Российской Федерации 1990-х годов»

Таблица 1

Родство с представителями своего этноса (%)
(вопрос: «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?»)
(Возможны несколько вариантов ответов: сумма не равна 100%)

Татарстан	Татары		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Язык	76,9	71,1	72,3	56,5
Культура, обычаи, обряды	66,8	50,7	59,7	51,6
Родная Земля, природа	50,8	41,2	50,9	54,8
Черты характера, психология	21,4	9,5	24,9	21,0
Религия	33,5	44,6	28,0	35,5
Исторические судьбы, прошлое	21,7	8,5	30,3	25,8
Общая государственность	18,1	10,9	21,7	17,7
Внешний облик	6,6	3,8	8,6	1,6
Что-то другое	1,6	24,6	1,1	35,5
Ничего не объединяет	1,1	–	1,4	–
Северная Осетия – Алания	Осетины		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Язык	82,1	84,7	73,2	51,1
Культура, обычаи, обряды	88,8	92,1	65,7	64,4
Родная Земля, природа	47,7	42,6	25,4	47,8
Черты характера, психология	46,9	25,8	31,6	33,3
Религия	11,7	17,9	18,9	21,1
Исторические судьбы, прошлое	30,9	40,0	38,4	27,8
Общая государственность	16,0	16,8	20,8	16,7
Внешний облик	12,0	4,2	11,6	–
Что-то другое	–	–	0,3	–
Ничего не объединяет	–	–	0,3	–

Продолжение табл. 1

Саха (Якутия)	Якуты		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Язык	72,2	82,5	67,1	63,5
Культура, обычаи, обряды	62,4	57,9	43,0	51,9
Родная Земля, природа	68,7	76,9	43,6	65,4
Черты характера, психология	41,2	32,9	27,3	30,8
Религия	6,3	16,6	9,8	15,4
Исторические судьбы, прошлое	29,0	21,2	29,7	26,9
Общая государственность	25,4	25,4	23,7	21,2
Внешний облик	32,2	23,5	15,4	11,5
Что-то другое	0,6	0,9	0,6	–
Ничего не объединяет	2,1	–	1,8	–
Тыва	Тувинцы		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Язык	77,8	83,6	68,2	68,3
Культура, обычаи, обряды	61,8	67,3	46,3	46,7
Родная Земля, природа	55,1	52,3	24,7	13,3
Черты характера, психология	35,5	18,7	33,2	16,7
Религия	28,5	30,8	12,2	15,0
Исторические судьбы, прошлое	28,8	33,2	27,3	16,7
Общая государственность	35,5	29,4	23,0	8,3
Внешний облик	21,3	9,3	21,9	18,3
Что-то другое	–	0,5	0,6	1,7
Ничего не объединяет	0,3	–	4,0	–

Таблица 2

Языки, которыми опрашиваемые владеют более свободно (%)

Титульные национальности	Татары	Осетины	Якуты	Тувинцы
ГОРОД				
Татарский, осетинский, якутский, тувинский	29,8	12,8	23,5	51,9
Русский	24,1	18,4	24,4	6,7
Оба языка в равной степени	46,1	68,5	51,8	41,4
Другие языки	–	0,3	0,3	–
СЕЛО				
Татарский, осетинский, якутский, тувинский	85,6	37,9	49,9	46,
Русский	1,9	3,7	5,2	0,9
Оба языка в равной степени	12,5	58,4	44,9	52,1
Другие языки	–	–	–	0,5
Русские	Татарстан	Сев. Осетия – Алания	Саха (Якутия)	Тыва
ГОРОД				
Татарский, осетинский, якутский, тувинский	0,3	–	–	–
Русский	98,3	98,1	92,5	98,6
Оба языка в равной степени	1,1	1,9	7,2	1,4
Другие языки	0,3	–	0,3	–
СЕЛО				
Татарский, осетинский, якутский, тувинский	1,5	–	5,5	–
Русский	95,4	100	85,2	94,8
Оба языка в равной степени	3,1	–	9,3	5,2
Другие языки	–	–	–	–

Таблица 3

Языки, которыми наиболее свободно владеют представители различных возрастных групп титульных национальностей (%)

	Татары			Осетины		
	18–29 лет	30–49 лет	50 и более лет	18–29 лет	30–49 лет	50 и более лет
Татарский, осетинский	23,3	24,3	44,8	4,5	9,1	23,5
Русский	39,6	23,7	7,6	24,3	24,2	7,6
Оба в равной степени	37,1	52,0	47,6	71,2	65,9	68,9
Другие языки	–	–	–	–	0,8	–
	Якуты			Тувинцы		
	18–29 лет	30–49 лет	50 и более лет	18–29 лет	30–49 лет	50 и более лет
Якутский, тувинский	12,6	24,3	38,3	46,3	56,4	61,8
Русский	31,1	29,4	6,2	9,6	4,7	–
Оба в равной степени	55,6	46,3	55,5	44,1	38,9	38,2
Другие языки	0,8	–	–	–	–	–

Таблица 4

Языки общения на работе (%)

Титульные национальности	Татары	Осетины	Якуты	Тувинцы
ГОРОД				
Татарский, осетинский, якутский, тувинский	14,1	15,2	16,3	35,6
Русский	48,4	42,2	49,4	22,7
Оба языка	37,5	42,6	34,3	41,7
СЕЛО				
Татарский, осетинский, якутский, тувинский	92,1	37,9	64,6	36,1
Русский	1,2	18,9	15,9	11,0
Оба языка в равной степени	6,7	43,2	19,5	52,9

Продолжение табл. 4

Русские	Татарстан	Сев. Осетия – Алания	Саха (Якутия)	Тыва
ГОРОД				
Татарский, осетинский, якутский, тувинский	0,3	0,3	1,8	0,3
Русский	98,5	99,1	93,9	98,5
Оба языка в равной степени	1,2	0,6	4,3	1,2
СЕЛО				
Татарский, осетинский, якутский, тувинский	3,9	–	4,0	1,9
Русский	92,2	100	90,0	96,2
Оба языка в равной степени	3,9	–	6,0	1,9

Таблица 5

Языки общения дома (%)

Титульные национальности	Татары	Осетины	Якуты	Тувинцы
ГОРОД				
Татарский, осетинский, якутский, тувинский	48,4	48,0	47,2	77,4
Русский	22,0	17,4	24,0	7,9
Оба языка	29,6	34,6	28,8	14,7
СЕЛО				
Татарский, осетинский, якутский, тувинский	98,6	75,6	75,1	85,0
Русский	1,4	3,2	9,5	1,9
Оба языка в равной степени	–	21,2	15,4	13,1
Русские	Татарстан	Сев. Осетия – Алания	Саха (Якутия)	Тыва
ГОРОД				
Татарский, осетинский, якутский, тувинский	0,3	0,3	1,5	0,3
Русский	99,7	98,4	94,0	98,9
Оба языка в равной степени	–	1,3	4,5	0,8
СЕЛО				
Татарский, осетинский, якутский, тувинский	1,5	–	5,6	1,7
Русский	96,9	100	92,6	98,3
Оба языка в равной степени	1,6	–	1,8	

Таблица 6

Желательная языковая ориентация для детей (%)
*Ответы на вопрос «Владеющими какими языками Вам бы хотелось
 видеть своих детей?» (возможны несколько ответов;
 сумма не равна 100%)*

Татарстан	Татары		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Арабский	13,3	25,1	1,2	–
Татарский	90, В	96,7	70,5	92,0
Русский	81,4	82,0	77,8	100,0
Западноевропейские (англий- ский, французский, немецкий)	74,0	33,3	79,4	30,0
Турецкий	10,4	18,6	0,3	–
Северная Осетия	Осетины		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Осетинский	94,0	100,0	56,8	42,4
Русский	90,0	97,2	82,1	69,7
Западноевропейские (англий- ский, французский, немецкий)	88,3	71,8	90,8	93,9
Турецкий	2,3	1,1	–	–
Саха (Якутия)	Якуты		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Якутский	86,5	91,6	63,3	80,9
Русский	82,9	93,8	73,7	85,1
Западноевропейские (англий- ский, французский, немецкий)	88,2	57,8	84,7	44,7
Восточноазиатские (японский, корейский, китайский)	8,2	15,5	4,7	–
Тыва	Тувинцы		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Тувинский	75,0	68,0	44,6	52,5
Русский	79,3	79,4	64,5	42,5
Западноевропейские (англий- ский, французский, немецкий)	82,7	82,0	81,8	77,5
Турецкий	6,5	10,3	2,0	2,5

Таблица 7

Необходимые условия для возрождения народа (%)

Ответ на вопрос «Постарайтесь оценить в целом, какие условия сейчас более всего необходимы ли возрождения Вашего народа?»

Татарстан	Татары		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Возрождение и развитие национальной культуры	53,2	44,2	39,9	43,1
Поддержка религии Вашего народа	30,7	48,8	20,1	32,3
Поддержка языка	43,3	40,5	18,2	40,0
Развитие рыночной экономики, широкая экономическая самостоятельность	41,4	28,8	38,8	18,5
Оздоровление природной среды	27,0	16,3	30,6	16,9
Возвращение к прежним порядкам	8,3	4,7	13,5	1,5
Укрепление дисциплины	42,8	50,2	43,5	67,7
Укрепление самостоятельности, суверенитета республики, контроль за эксплуатацией природных ресурсов	42,8	34,4	19,3	12,3
Северная Осетия	Осетины		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Возрождение и развитие национальной культуры	68,5	68,9	45,8	32,2
Поддержка религии Вашего народа	11,5	18,4	14,7	12,2
Поддержка языка	44,5	42,6	14,2	5,6
Развитие рыночной экономики, широкая экономическая самостоятельность	40,8	26,8	39,4	22,2
Оздоровление природной среды	34,1	18,4	31,9	16,7
Возвращение к прежним порядкам	12,8	40,5	18,2	21,1
Укрепление дисциплины	52,8	65,8	59,8	65,6
Укрепление самостоятельности, суверенитета республики, контроль за эксплуатацией природных ресурсов	32,3	24,7	14,7	5,6

Продолжение табл. 7

Саха (Якутия)	Якуты		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Возрождение и развитие национальной культуры	60,2	60,0	32,7	31,5
Поддержка религии Вашего народа	8,6	12,6	7,8	3,7
Поддержка языка	37,2	38,7	10,4	11,1
Развитие рыночной экономики, широкая экономическая самостоятельность	60,8	44,6	46,2	33,3
Оздоровление природной среды	50,4	47,7	38,2	37,0
Возвращение к прежним порядкам	6,5	9,8	11,0	14,8
Укрепление дисциплины	34,2	46,9	41,9	46,3
Укрепление самостоятельности, суверенитета республики, контроль за эксплуатацией природных ресурсов	56,9	56,1	29,5	29,6
Тыва	Тувинцы		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Возрождение и развитие национальной культуры	55,9	54,0	32,0	20,0
Поддержка религии Вашего народа	35,6	26,5	11,5	13,3
Поддержка языка	26,0	24,2	9,0	11,7
Развитие рыночной экономики, широкая экономическая самостоятельность	47,7	32,6	41,6	38,3
Оздоровление природной среды	18,4	13,0	25,0	8,3
Возвращение к прежним порядкам	14,2	22,8	19,4	11,7
Укрепление дисциплины	33,7	30,7	51,4	45,0
Укрепление самостоятельности, суверенитета республики, контроль за эксплуатацией природных ресурсов	29,6	38,1	13,5	10,0

Приложение № 2

Динамика социальных предпочтений по результатам исследования в республиках РФ: Татарстан, Башкортостан и Саха (Якутия), в 1994–2012 гг.

Таблица 1

Динамика актуализации этнической идентичности и этнической
солидарности в этнических группах республик
(% от опрошенных)

Год	Актуализация этнической идентичности		Этническая солидарность		Актуализация этнической идентичности		Этническая солидарность		Актуализация этнической идентичности		Этническая солидарность	
	Татарстан				Башкортостан				Саха (Якутия)			
	Татары	Русские	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Башкиры	Русские	Якуты	Русские	Якуты	Русские
1994–1999 гг.*	50,5	27,2	57,1	39,9	56,4	41,2	62,3	60,2	54,5	21,1	73,9	37,4
2011–2012 гг.	79,2	66,5	65,8	55,8	65,9	47,7	51,7	35,6	68,3	29,3	56,6	24,0

*1994 год – данные по Республике Татарстан и Республике Саха (Якутия), 1999 год – данные по Республике Башкортостан.

Индикатором актуализации этнической идентичности и солидарности является согласие с суждениями:

Актуализация этнической идентичности – Я никогда не забываю о том, что я русский/татарин/башкир/якут;

Этническая солидарность – Человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы/своего народа.

Таблица 2

Российская, республиканская и этническая идентификация в этнических группах республик Российской Федерации.
«Мы идентификации» (% от опрошенных)

Республика Татарстан 2011–2012гг.		Татарстан	
		Татары	Русские
Мы – это: люди, строго соблюдающие законы	в значительной степени	61,3%	60,6%
	в некоторой степени	28,1%	31,6%
	не ощущаю	10,6%	7,8%
Мы – это: граждане России	в значительной степени	57,9%	57,3%
	в некоторой степени	35,1%	37,1%
	не ощущаю	7,1%	5,6%
Мы – это: люди того же достатка, что и Вы	в значительной степени	63,2%	62,9%
	в некоторой степени	30,1%	31,8%
	не ощущаю	6,7%	5,3%
Мы – это: люди Вашей национальности	в значительной степени	79,5%	73,0%
	в некоторой степени	19,2%	24,6%
	не ощущаю	1,3%	2,4%
Мы – это: земляки	в значительной степени	74,9%	66,5%
	в некоторой степени	22,1%	30,6%
	не ощущаю	3,1%	2,9%
Мы – это: жители Вашего города, села	в значительной степени	72,3%	69,7%
	в некоторой степени	25,0%	27,9%
	не ощущаю	2,6%	2,4%
Мы – это: жители Татарстана / Саха (Якутии) / Башкортостан	в значительной степени	61,0%	55,6%
	в некоторой степени	36,4%	40,4%
	не ощущаю	2,6%	4,0%
Мы – это: люди Вашей веры, вероисповедания	в значительной степени	68,0%	65,8%
	в некоторой степени	28,3%	29,3%
	не ощущаю	3,6%	4,9%
Мы – это: люди той же профессии, занятия, что и Вы	в значительной степени	64,7%	60,7%
	в некоторой степени	27,6%	30,8%
	не ощущаю	7,7%	8,5%
Мы – это: люди тех же взглядов на жизнь, что и Вы	в значительной степени	71,6%	70,8%
	в некоторой степени	23,2%	25,1%
	не ощущаю	5,3%	4,0%

«Мы идентификации» (% от опрошенных)

Республика Саха (Якутия) 2011–2012 гг.		Саха (Якутия)	
		Саха (Якуты)	Русские
Мы – это: люди, строго соблюдающие законы	в значительной степени	49,5%	37,3%
	в некоторой степени	36,8%	39,7%
	не ощущаю	13,7%	23,0%
Мы – это: граждане России	в значительной степени	48,0%	51,5%
	в некоторой степени	46,2%	38,6%
	не ощущаю	5,7%	9,9%
Мы – это: люди того же достатка, что и Вы	в значительной степени	64,4%	52,4%
	в некоторой степени	29,9%	38,3%
	не ощущаю	5,7%	9,3%
Мы – это: люди Вашей национальности	в значительной степени	72,2%	45,6%
	в некоторой степени	25,6%	45,9%
	не ощущаю	2,2%	8,5%
Мы – это: земляки	в значительной степени	76,7%	54,4%
	в некоторой степени	21,1%	37,5%
	не ощущаю	2,2%	8,2%
Мы – это: жители Вашего города, села	в значительной степени	71,9%	47,0%
	в некоторой степени	24,6%	44,9%
	не ощущаю	3,5%	8,1%
Мы – это: жители Татарстана / Саха (Якутии) / Башкортостан	в значительной степени	63,1%	34,6%
	в некоторой степени	33,3%	48,8%
	не ощущаю	3,5%	16,6%
Мы – это: люди Вашей веры, вероисповедания	в значительной степени	53,5%	37,6%
	в некоторой степени	28,9%	47,0%
	не ощущаю	17,6%	15,5%
Мы – это: люди той же профессии, занятия, что и Вы	в значительной степени	69,5%	57,3%
	в некоторой степени	24,8%	34,8%
	не ощущаю	5,7%	7,9%
Мы – это: люди тех же взглядов на жизнь, что и Вы	в значительной степени	74,5%	70,3%
	в некоторой степени	20,8%	25,8%
	не ощущаю	4,7%	3,9%

«Мы идентификации» (% от опрошенных)

Республика Башкортостан 2011 г.		Башкортостан	
		Башкиры	Русские
Мы – это: люди, строго соблюдающие законы	в значительной степени	48,6	49,4
	в некоторой степени	37,1	38,1
	не ощущаю	14,4	12,5
Мы – это: граждане России	в значительной степени	62,0	55,7
	в некоторой степени	29,7	35,6
	не ощущаю	8,2	8,7
Мы – это: люди того же достатка, что и Вы	в значительной степени	35,8	36,5
	в некоторой степени	46,9	41,8
	не ощущаю	17,3	21,7
Мы – это: люди Вашей национальности	в значительной степени	54,6	48,8
	в некоторой степени	37,7	40,6
	не ощущаю	7,7	10,6
Мы – это: земляки	в значительной степени	70,1	62,8
	в некоторой степени	24,8	28,8
	не ощущаю	5,1	8,4
Мы – это: жители Вашего города, села	в значительной степени	66,2	57,0
	в некоторой степени	26,8	34,0
	не ощущаю	7,1	9,0
Мы – это: люди Вашей веры, вероисповедания	в значительной степени	47,7	41,1
	в некоторой степени	40,9	43,3
	не ощущаю	11,4	15,6
Мы – это: люди той же профессии, занятия, что и Вы	в значительной степени	34,9	38,1
	в некоторой степени	42,6	40,3
	не ощущаю	22,5	21,6
Мы – это: люди тех же взглядов на жизнь, что и Вы	в значительной степени	28,2	36,2
	в некоторой степени	43,6	43,6
	не ощущаю	28,2	20,1

Таблица 3

Динамика российской и республиканской идентичности в республиках.

Распределение ответов на вопрос:

«Кем вы себя чувствуете в большей мере?» (% от опрошенных)

Татарстан				
	1999 г.		2011–2012 гг.	
	Татары	Русские	Татары	Русские
Только российская и преимущественно российская идентичность*	4,0	23,0	9,3	30,9
Только республиканская и преимущественно республиканская идентичности**	63,9	30,8	36,3	12,5
Паритетная республиканско-российская идентичность***	27,6	40,3	53,5	54,3
Башкортостан				
	1999 г.		2011 г.	
	Башкиры	Русские	Башкиры	Русские
Только российская и преимущественно российская идентичность*	5,8	29,7	8,4	40,5
Только республиканская и преимущественно республиканская идентичности**	57,5	19,1	25,6	11,1
Паритетная республиканско-российская идентичность***	21,3	41,4	65,3	46,3
Саха (Якутия)				
	1999 г.		2012 г.	
	Саха (Якуты)	Русские	Саха (Якуты)	Русские
Только российская и преимущественно российская идентичность*	1,3	45,1	5,5	37,5
Только республиканская и преимущественно республиканская идентичности**	81,8	14,0	29,5	8,4
Паритетная республиканско-российская идентичность***	14,2	33,7	60,3	42,7

* Сумма ответов «только россиянином» и «и тем, и другим, но больше россиянином»

** Сумма ответов «только татарстанцем / башкортостанцем / якутянином» и «и тем и другим, но больше татарстанцем / башкортостанцем / якутянином»

*** Ответ «и тем и другим в равной мере»

Таблица 4

Отношение к рассмотрению прав республик в составе Российской Федерации. Согласие с суждением: «Было бы лучше, если бы народы республик имели больше самостоятельности» (2011–2012 гг.)

(% от опрошенных)

Год	Республика Татарстан		Республика Башкортостан		Республика Саха (Якутия)	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Саха (Якуты)	Русские
2011/2012*	77,1	65,1	83,3	61,6	84,8	49,8

В таблице приведены суммарные данные ответов «полностью согласен» и «скорее согласен»

Таблица 5

Отношение титульных национальностей и русских в республиках к распоряжению ресурсами. С каким утверждением вы больше согласны:... (% от опрошенных)

Утверждение	Татары 1997 г.		Татары 2011–2012 гг.	
	Татары	Русские	Татары	Русские
Землей, природными ресурсами должны распоряжаться Татарстан и Российская федерация вместе	20,4	45,0	38,3	45,5
Землей, природными ресурсами должен распоряжаться только Татарстан	69,2	40,0	35,5	24,2
Землей, природными ресурсами должна распоряжаться только Российская Федерация	1,0	6,1	4,3	7,1

Утверждение	Башкиры 1999 г.		Башкиры 2011 г.	
	Башкиры	Русские	Башкиры	Русские
Землей, природными ресурсами должны распоряжаться Башкортостан и Российская федерация вместе	52,8	64,2	32,8	37,4
Землей, природными ресурсами должен распоряжаться только Башкортостан	70,2	59,9	43,9	28,4
Землей, природными ресурсами должна распоряжаться только Российская Федерация	16,6	17,1	3,1	8,1

Продолжение табл. 5

Утверждение	Якуты 1997 г.		Якуты 2011 г.	
	Якуты	Русские	Якуты	Русские
Землей, природными ресурсами должны распоряжаться Саха (Якутия) и Российская федерация вместе	31,9	54,4	33,0	39,1
Землей, природными ресурсами должен распоряжаться только Саха (Якутия)	64,3	32,5	49,5	29,8
Землей, природными ресурсами должна распоряжаться только Российская Федерация	0	3,4	4,2	3,3

Таблица 6

Отношение к праву республик на свободный выход
из Российской Федерации*.

Согласие с суждением:

«Каждая республика должна иметь право
на свободный выход из Российской Федерации»?

(% от опрошенных)

Год	Республика Татарстан		Республика Башкортостан		Республика Саха (Якутия)	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Саха (Якуты)	Русские
1994 – Татарстан и Саха (Якутия))						
1999 – Башкортостан **	32,1	25,6	59,4	37,0	27,1	4,6

*В конституции РФ 1993г. права на свободный выход из Федерации не зафиксировано.

**В таблице приведены суммарные данные ответов «полностью согласен» и «скорее согласен»

Таблица 7

Динамика межэтнических установок распределение ответов на вопрос
о готовности принять человека иной национальности в качестве...
(% от опрошенных)

	Год опроса	Республика Татарстан	
		Татары	Русские
Гражданина России	1994 г.	80,9	79,2
	2011–2012 гг.	94,3	95,3
Жителя Татарстана, Саха (Якутия), Башкортостана	1994 г.	–	–
	2011–2012 гг.	96,4	95,5
Коллеги, партнера по работе	1994 г.	69,8	65,8
	2011–2012 гг.	91,7	90,8
Непосредственного начальника	1994 г.	54,0	50,7
	2011–2012 гг.	87,0	89,1
Соседа по дому	1994 г.	74,8	74,4
	2011–2012 гг.	92,0	95,5
Близкого друга	1994 г.	65,7	61,7
	2011–2012 гг.	87,5	93,1
Супруга Вашей дочери / супруги Вашего сына	1994 г.	43,8	43,1
	2011–2012 гг.	50,9	66,4
Вашего супруга / супруги	1994 г.	40,4	34,4
	2011–2012 гг.	48,2	62,5
	Год опроса	Республика Саха (Якутия)	
		Саха (Якуты)	Русские
Гражданина России	1994 г.	68,7	71,4
	2011–2012 гг.	73,8	74,9
Жителя Татарстана, Саха (Якутия), Башкортостана	1994 г.	–	–
	2011–2012 гг.	75,8	72,8
Коллеги, партнера по работе	1994 г.	57,5	53,8
	2011–2012 гг.	71,4	72,3
Непосредственного начальника	1994 г.	30,4	39,0
	2011–2012 гг.	52,7	57,8
Соседа по дому	1994 г.	61,9	64,7
	2011–2012 гг.	63,2	66,2
Близкого друга	1994 г.	43,1	50,6
	2011–2012 гг.	69,0	73,9
Супруга Вашей дочери / супруги Вашего сына	1994 г.	29,5	45,7
	2011–2012 гг.	52,7	56,7
Вашего супруга / супруги	1994 г.	21,5	30,6
	2011–2012 гг.	47,4	55,7

Продолжение табл. 7

	Год опроса	Республика Башкортостан	
		Башкиры	Русские
Гражданина России	1999 г.	–	–
	2011–2012 гг.	81,8	89,2
Жителя Татарстана, Саха (Якутия), Башкортостана	1999 г.	–	–
	2011–2012 гг.	84,6	89,6
Коллеги, партнера по работе	1999 г.	–	–
	2011–2012 гг.	84,6	87,5
Непосредственного начальника	1999 г.	50,9	42,4
	2011–2012 гг.	72,6	80,2
Соседа по дому	1999 г.	–	–
	2011–2012 гг.	83,2	88,0
Близкого друга	1999 г.	–	–
	2011–2012 гг.	79,7	86,3
Супруга Вашей дочери / супруги Вашего сына	1999 г.	33,0	33,1
	2011–2012 гг.	63,9	73,5
Вашего супруга / супруги	1999 г.	–	–
	2011–2012 гг.	63,9	71,7

Таблица 8

Ущемление прав и возможностей из-за национальной принадлежности этнических групп. Распределение ответов на вопрос:

«Приходилось ли вам лично испытывать ущемление ваших прав и возможностей из-за вашей национальной принадлежности?»

(% от опрошенных)

Год	Татарстан			
	Татары		Русские	
	Да	Нет	Да	Нет
1994 г.	20,8	69,3	18,0	76,8
2011–2012 гг.	5,7	94,0	10,7	88,6

Продолжение табл. 8

Год	Башкортостан			
	Башкиры		Русские	
	Да	Нет	Да	Нет
1999 г.	12,0	81,4	8,3	89,2
2011–2012 гг.	8,1	88,1	14,7	82,1

Год	Саха (Якутия)			
	Саха (Якуты)		Русские	
	Да	Нет	Да	Нет
1994 г.	41,8	47,1	19,9	68,2
2011–2012 гг.	19,0	70,5	17,4	69,1

Таблица 9

Доверие титульных национальностей и русских
в отношении друг друга.

Распределение ответов на вопрос:

«Насколько вы доверяете... русским, татарам, башкирам, якутам»
(2002/2011–2012 – в Татарстане, 1999/2011 в Башкортостане
и 2002/2011 – Саха (Якутия))
(% от опрошенных)

Доверие	Год опроса	Татарстан	Башкортостан	Саха (Якутия)
Представителей титульной национальности в отношении русских	1994–1999 гг.	86,0	–	66,7
	2011–2012 гг.	89,5	84,2	65,2
Русских в отношении представителей титульной национальности	1994–1999 гг.	80,2	–	66,7
	2011–2012 гг.	89,4	81,1	56,2

Примечание: представлены данные, отражающие позиции «полностью доверяю» и «скорее доверяю».

Таблица 10

Динамика этногрупповой мобилизации.
 Согласие с утверждением:
 «Любые средства хороши для защиты интересов моего народа»
 (% от опрошенных)

Год	Татарстан		Башкортостан		Саха (Якутия)	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Саха (Якуты)	Русские
1994–1999 гг.**	17,8	8,6	19,3	18,4	16,9	8,1
2011–2012 гг.	36,4	39,5	42,1	44,9	57,3	35,6

* В 2012 г. в массиве по Татарстану указано суммарное значение ответов «полностью согласен» и «скорее согласен»; В 2011 г. в массиве по Башкортостану указано суммарное значение ответов «полностью согласен» и «скорее согласен»; В 2011 г. в массиве по Саха (Якутия) указано суммарное значение ответов «полностью согласен» и «скорее согласен»

** 1994 год – данные по Республике Татарстан и Республике Саха (Якутия); 1999 год – данные по Республике Башкортостан

И з д а т е л ь с т в о
Н О В Ы Й Х Р О Н О Г Р А Ф
В 2012 году вышли в свет:

В серии СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО:

Ф.А. Попов

ГЕОГРАФИЯ СЕЦЕССИОНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.

Формат 70х100/16, 648 с.: ISBN 978-5-94881-187-1

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ.

Памяти И.М. Маергойза.

Формат 70х100/16, 896 с., ил.: ISBN 978-5-94881-178-9

Антуан Брюне, Ж.-П.Гишар

ГЕОПОЛИТИКА МЕРКАНТИЛИЗМА:

новый взгляд на мировую экономику и международные отношения.

Пер. с франц.

Формат 70х100/16, 232 с.: ISBN 978-5-94881-166-6

Г.М. Лаппо

ГОРОДА РОССИИ. Взгляд географа

Формат 70х100/16, 504 с., ил.: ISBN 978-5-94881-151-2

В серии ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА:

история России в воспоминаниях дневниках, письмах

Н.А. Морозова

МОЕ ПРИСТРАСТИЕ К ДИККЕНСУ

Семейная хроника XX века.

Формат 84х108/32, 352 с., ил.: ISBN 978-5-94881-170-3

Д.С. Комиссаров

ЧЕЛОВЕК, УМИРАВШИЙ ТРИЖДЫ

Воспоминания востоковеда

Формат 70х90/16, 456 с., ил.: ISBN 978-5-94881-169-7

И.С. Розенталь.

ЗА СИНЕЙ ПТИЦЕЙ

Формат 84х108/32, 320 с., ил.: ISBN 978-5-94881-134-5

Н.А. Друян

ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ...

Формат 84х108/32, 144 с., ил.: ISBN 978-5-94881-200-7

Нина Воцинникова

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ НА ФОНЕ ДВУХ ЭПОХ

Формат 84х108/32, 200 с., ил.: ISBN 978-5-94881-186-4

«ПИСЬМА – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОСПОМИНАНИЯ...»

Из переписки семьи Семеновых-Тянь-Шанских и сестер А.П. и В.П. Шнейдер

Формат 70х90/16, 680 [32] с., ил.: ISBN 978-5-94881-189-5

Н.С. Беглова

МОСКОВСКАЯ СЕМЬЯ РЯЗАНСКОГО РАЗЛИВА

Формат 84x108/32, 342 [40] с., ил.: ISBN 978-5-94881-196-3

Р.Х.Кузнецова

УНЕСЕННЫЕ ЗА ГОРИЗОНТ

Формат 84x108/32, 640 [32] с., ил.: ISBN 978-5-94881-133-8

Н.А. Качалов

ЗАПИСКИ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА

Малоизвестный источник по истории таможенного управления

Формат 70x90/16, 688 [48] с., ил.: ISBN 978-5-94881-190-1

В серии РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:

Джозеф Брэдли

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Наука, патриотизм и гражданское общество. Пер. с англ.

Формат 60x90/16, 448 с., ил.: ISBN 978-5-94881-162-8

Д.С. Секиринский

АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И МЕНЯЮЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

(март 1985- июль 1991)

Формат 60x90/16, 296 с.: ISBN 978-5-94881-167-3

ВНЕ СЕРИЙ:

РОССИЯ И КИТАЙ

Изменения в социальной структуре общества.

Формат 60x90/16, 512 с.: ISBN 978-5-94881-179-6

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
И ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Формат 60x90/16, 520 с.: ISBN 978-5-94881-194-9

А.В. Голубев, О.С.Поршнева

**ОБРАЗ СОЮЗНИКА В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ВОЙН**

Формат 60x90/16, 392 с.: ISBN 978-5-94881-175-8

Александр Янов.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОТРЕЧЕНИЯ

почему в России не будет фашизма

Формат 70x100/32, 96 с.: ISBN 978-5-94881-168-0

Герман Андреев (Фейн)

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ЭМИГРАЦИИ.

Авторы и журналы третьей волны эмиграции

Формат 84x108/32, 240 с.: ISBN 978-5-94881-146-8

Лев Штуден.

ЛИТЕРАТУРА СОДОМА

Формат 84x109/32, 264 с.: ISBN 978-5-94881-177-2

**Издания
«Нового Хронографа»
можно приобрести в магазинах:**

в Москве:

- «Библио–Глобус» – ул. Мясницкая, 6, тел. (495) 924–46–80
Галерея книги «Нина» – ул. Бахрушина, 28, тел. (495) 959–20–94
«Гилея» – Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), тел. (495) 925–81–66
«Москва» – ул. Тверская, 8, тел. (495) 629–6483, (495) 797–87–17
«Московский Дом книги» – ул. Новый Арбат, 8, тел. (495) 789–35–91
«Молодая гвардия» – ул. Большая Полянка, тел. (495) 238–50–01
«У Кентавра» – РГГУ, ул. Чаянова, д.15, тел. (495) 250–65–46
Книжный киоск изд-ва «РОССПЭН» (Институт российской истории) – ул. Ульянова, д.19, тел. (499) 126–94–18
«Книжная лавка обществоведа» (ИНИОН) – Нахимовский пр. 51/21, тел. (499) 120–30–81
Книжный киоск «Русская деревня» – Глинищевский пер., д. 6, тел. (495) 650–60–31
Книжный магазин «Циолковский» – Новая площадь, д. ¾, пд. 7Д, тел. (495) 628–64–42
«Книжная лавка историка» (РГАСПИ) – ул. Большая Дмитровка, д. 15, тел. (495) 694–50–07
«Фаланстер» – М.Гнездниковский пер., д. 12/27, тел. (495)629–88–21

в Санкт–Петербурге:

- «Академкнига» – Литейный пр., д. 57, тел. (812) 230–13–28
«Вита Нова» – Менделеевская линия, 5, тел. (812) 328–96–91
Киоск в Библиотеке Академии наук – ВО, Биржевая линия, 1
«Книжная лавка писателей» – Невский пр. 66, тел. (812) 314–47–59
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке – Садовая ул., 20; Московский пр. 165, т. (812) 310–44–87
«Книжный окоп» – Тучков пер., д. 11/5 (вход в арке), т. (812) 323–85–84
«Книжный салон» – Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), тел. (812) 328–95–11

Научное издание

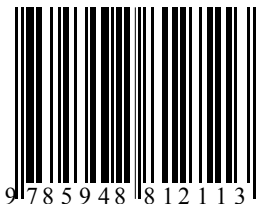
ДРОБИЖЕВА, Леокадия Михайловна

ЭТНИЧНОСТЬ
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
ОПЫТ 20 ЛЕТ

Издатель Леонид Янович

Редактор Александра Раткина
Корректор Вера Широкова
Верстка и макет Сергей Щербина
Технический редактор Евгений Янович
Художник Евгения Васильева

ISBN 594 88 121 1-1

Налоговая льгота
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (095) 671-0095,
по вопросам реализации 8-917-547-8424
E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве и Интернете: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 17.01.2013
Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21,0
Тираж 550 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15